

МИХ.
ЗОЩЕНКО

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рассказы и фельетоны
1932 - 1946

Том 4. Личная жизнь

(Собрание сочинений в семи томах - 4)

Михаил Михайлович Зощенко

Собрание сочинений М. М. Зощенко – самое полное собрание прозы одного из крупнейших писателей-новаторов XX века. В него входят практически все известные произведения писателя от ранних рассказов, пародий и «Сентиментальных повестей» до книги «Перед восходом солнца» и поздних «положительных» фельетонов.

Четвертый том включает рассказы и фельетоны 1931–1946 гг., второго периода писательской деятельности Зощенко.

<https://traumlibrary.ru>

Михаил Михайлович Зощенко

Собрание сочинений в семи томах

Том 4. Личная жизнь

Рассказы и фельетоны 1932-1946

С луны свалился*

1

За последние два года жизнь резко изменилась. Главное, интересно отметить – почти прекратилось воровство. Все стали какие-то положительные, степенные. Воруют мало. И взятки вовсе не берут.

Прямо, перо сатирика скоро, небось, заржавеет.

Конечно, насчет взяток дело обстоит сложнее.

Взятки не берут, но деньги, в другой раз, получают. Тут в смысле перевоспитания публика туго поддается новым моральным течениям. При этом из боязни такого тумана напускают, что сразу и не поймешь, что к чему и почему.

Давеча на юге я столкнулся на этом фронте с одной хитростью. И вот желаю осветить это дело, чтоб другим неповадно было.

Одним словом, в одной гостинице хотели за номер содрать с меня въездные. Ну, другими словами – хотели взятку взять.

Конечно, раньше, несколько лет назад, на эту простенькую тему я бы написал примерно такой рассказец:

2

И вот, стало быть, еду я, братцы, на пароходе.

Ну, кругом, конечно, Черное море. Красота неземная. Скалы. Орлы, конечно, летают. Это все есть. Чего-чего, а это, конечно, есть.

И гляжу я на эту красоту и чувствую какое-то уважение к людям.

«Вот, – думаю, – человек – властитель жизни: хочет – он едет на пароходе, хочет – на орлов глядит, хочет – на берег сейчас сойдет и в гостинице расположится».

И так оно как-то радостно на душе.

Только, конечно, одна мысль не позволяет радоваться. Где бы мне, думаю, по приезде хотя бы паршивенький номеришко достать.

И вот плыву я грустный на пароходе, а капитан мне и говорит:

– Прямо, – говорит, – милый человек, мне на вас жалостно глядеть. Ну, куда вы едете? Ну, на что вы рассчитываете? Что вы, с луны

свалились?

– А что? – говорю.

– Да нет, – говорит. – Но только как же это так? Что вы – ребенок? Ну, где вы остановитесь? Чего вы поехали? Я даже согласен назад теплоход повернуть – только чтоб вам туда не ехать.

– А что, – говорю, – помилуйте?

– Как что? Да разве у вас есть знакомства – номер получить, или, может быть, у вас портье – молочный брат? Я, – говорит, – прямо удивляюсь на вас.

– Ну, – говорю, – как-нибудь. Я, – говорю, – знаю одно такое петушиное слово, супротив которого в гостинице не устоят.

Капитан говорит:

– А ну вас к черту! Мое дело – предупредить. А вы там как хотите. Хоть с корабля вниз сигайте.

И вот, значит, приезжаю.

В руках у меня два места. Одно место – обыкновенная советская корзинка, на какую глядеть мало интереса. Зато другое место – очень такой великолепный фибровый или, вернее, фанерный чемодан.

Корзинку я оставляю у газетчика, выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой и сам в таком виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь в гостиницу.

Швейцар говорит:

– Напрасно будете заходить – номеров нету.

Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком:

– Ейн шамбер-циммер, – говорю, – яволь?

Портье говорит:

– Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

– Яволь, яволь. Она, шамбер-циммер, безусловно яволь. Битте-дритте сию минуту. Сейчас выберу номер какой получше и где поменьше клопов.

Я стою в надменной позе, а у самого поджилки трясутся. Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

– Пардон, – говорит, – господин, извиняюсь. Ву зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?..

«Черт побери, – думаю, – а вдруг он, холера, по-немецки кумекает?»

– Но, – говорю, – их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань. Камарилья.

Ох, тут портье совершенно обезумел.

– Батюшки-светы, – говорит, – никак к нам испанца занесло. Сию минуту, – говорит. – Как же, как же, – говорит, – знаю, слышал – Испания, падеспань, эспаньолка...

И у самого, видать, руки трясутся. И у меня трясутся. И у него трясутся. И так мы оба разговариваем и трясемся. Я говорю ломаным испанским языком:

– Яволь, – говорю, – битте-цурбитте. Несите, – говорю, – поскорей чемодан в мою номерулю. А после, – говорю, – мы поговорим, разберемся, что к чему.

– Яволь, яволь, – отвечает портье, – не беспокойтесь.

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.

– Платить-то как, – говорит, – будете? Инвалют одер все-таки неужели нашими?

И сам делает из своих пальцев знаки, понятные приезжим иностранцам – нолики и единицы. Я говорю:

– Это я как раз не понимает. Неси, – говорю, – холера, чемодан поскорее.

Мне бы, думаю, только номер занять, а там пуццай из меня лепешку делают.

Вот хватает он мой чемодан. И от старательности до того энергично хватает, что чемодан мой при плохом замке раскрывается.

Раскрывается мой чемодан, и, конечно, оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там, бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце «Кил» и прочая отечественная чертовщина.

Портье поглядел на это имущество, побледнел и сразу все понял.

– А ну-те, – говорит, – подлец, покажи документ.

Я говорю:

– Не понимает. А если, – говорю, – номеров нету, я уйду.

Портье говорит швейцару:

– Видали? Эта дрянь пыталась пройти под флагом иностранца.

Я собираю поскорей свое имущество и ходу. А в другой гостинице все же номер получил – под это же самое плюс пятьдесят рублей.

Вот, примерно, в таком легком виде года три-четыре назад сочинил бы я рассказ на эту тему.

Ну, конечно, молодость. Беспечность в мыслях. Пустяковый взгляд на вещи.

А нынче как-то оно не то. Нынче охота быть поближе к правде. Неохота преувеличивать, выдумывать и кувыркатся. Неохота сочинять разные там побасенки и фарсы с переодеванием.

Одним словом, желательно быть поправдивей и желательно говорить без всякого вранья.

И рассказ на эту тему, вернее, – истинное происшествие, без прикрас и без одного слова выдумки, рисуется нам уже в таком академическом виде:

Прямо с парохода я отправился в гостиницу. Портье, криво усмехаясь, говорит скорее в пространство, чем мне:

– Нет, знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит, так все непременно к нам. Как нарочно. Как будто у нас тут для них номера заготовлены. Что вы, с луны упали? Не понимаете ситуации.

Я хочу уйти, а швейцар, тихонько вздыхая, говорит мне:

– Да уже, знаете... Прямо беда с этими номерами. Нигде нет номеров. У нас-то, конечно, нашлось бы, но... Да вы поговорите хорошенько с портье...

– Черт возьми, – говорю, – вы это про что?

Портье со своей конторки говорит швейцару через мою голову:

– Я удивляюсь на вас, Федор Михайлович. Где же у нас свободные номера? С чего вы взяли? Да, есть один номер, но он, вы же знаете, без ключа. Если хочет – пуцай берет.

Я говорю:

– Хотя бы дайте без ключа.

– Ах, вам без ключа, – говорит портье, – берите. Только у нас кражи. Воруют. Упрут портьеры, а вам за них отвечать.

Я говорю:

– В крайнем случае я из номера не буду выходить. Только допустите. А то меня на море закачало – еле стою.

– Берите, – говорит портье, – только предупреждаю: у нас ключ потерян, а номер заперт. А вы, наверное, думали наоборот – номер не заперт, а ключ потерян.

– Помилуйте, – говорю, – на что же мне такой номер, в который не войти...

– Не знаю, – говорит портье, – как хотите.

Швейцар подходит ко мне и говорит:

– Я бы мог дать совет.

Даю ему трешку.

– Мерси, – говорит. – Если хотите, я сбегаю во двор. У нас там работает наш слесарь. Он может отмычкой открыть ваш номер.

Вот приходит слесарь.

– Да, – говорит, – конечно, об чем речь, еще бы. Ясно. Дверь открыть – делов на копейку, но мне, – говорит, – мало расчета подниматься в верхние этажи. Я, – говорит, – каждый час своего времени буквально на валюту считаю.

Даю слесарю пять рублей.

Он открывает отмычкой дверь и дружелюбным тоном говорит:

– Да, конечно. Еще бы. Ясно. Без ключа мало интереса жить. Все-таки вам наверное захотится покушать или куда-нибудь выйти попить водички, – а тут сиди, как болван.

– Да уж, – говорю, – прямо хоть человека нанимай.

– Ну, это, – говорит, – вам влетит в копеечку, а вот рублей бы за восемь я бы вам схлопотал какой-нибудь ключишко из старья.

И вот ключ подобран. Я лежу на кровати, как фон-барон. Я слушаю патефон из соседнего номера – пенье господина Вертинского. Я гуляю и хожу туда и сюда. И со своим ключом чувствую себя на одном уровне с соседями. Вечером иду на прогулку, а портье мне говорит:

– Знаете, мы вам с этим ключом заморочили голову. Мы думали, он потерян, а он висит на другом гвозде.

– Здорово, – говорю, – номер стоит пять рублей, а накладных расходов шестнадцать.

– То есть, – говорит, – как шестнадцать, а не восемь?

– Нет, – говорю, – шестнадцать. Швейцару – три, слесарю – пять, да за ключ – восемь.

– За какой ключ?

– Да, – говорю, – слесарь мне подобрал.

– Позвольте, – говорит, – да он, подлец, не продал ли вам наш ключ? Ну да, – говорит, – так и есть. Вот он тут висел, а сейчас нету. Ну, погодите, я ему...

– Тут у вас, – говорю, – кажется, шайка-лейка...

Портье начал чего-то врать и бормотать про небольшие заработки, после махнул рукой и отвернулся поговорить с вновь приедшим.

И я слышал, как он сказал:

– Да, есть один номерок, но без ключа.

Вскоре я уехал из этой гостиницы.

Между прочим, думал, что и с железнодорожными билетами будет такая же волынка и такие же накладные расходы, но оказалось – ничего подобного. Билет я получил по знакомству и заплатил за него именно столько, сколько он стоил по казенной цене. Так что я вернулся с юга в душевном равновесии.

Испытание героев*

Я, товарищи, два раза был на фронте: в царскую войну и во время революции, в гражданскую. Воевал, можно сказать, чертовски. Однако особых героев я не знал.

А вообще говоря, герои были. Но особенно сильно запал мне в душу один человек.

Этот человек не был такой, что ли, очень крупный революционер или там народный предводитель, вождь или покоритель Сибири.

Это был обыкновенный помощник счетовода, некто Николай Антонович. Его фамилию я даже, к сожалению, позабыл.

А работал этот Николай Антонович совместно с нами в управлении советского хозяйства в городе Арюпино.

Нет, я никогда не был любитель работать в канцелярии! Мне всегда хотелось найти более чего-нибудь грандиозное – какой-нибудь там простор полей, какие-нибудь леса, белки, звери, какой-нибудь там закат солнца. Хотелось ездить на велосипедах, на верблюдах, хотелось говорить разные слова, строить здания, сараи, железнодорожные пути и так далее и тому подобное.

Нет, я не был любитель перья в чернильницу макать.

Но, между прочим, пришлось мне поработать и на этом чернильном фронте.

Меня заставил пуститься на это дело целый ряд несчастных обстоятельств.

Я работал до этого в совхозе. Я имел командную должность – инструктор по кролиководству и куроводству.

Вот, имею я эту должность, и происходит у меня чудовищная пренеприятность.

А именно: стали у меня утки в пруде тонуть. То есть, скажите мне, бывшему инструктору по кролиководству и куроводству, что утка может в воде потонуть, я бы никогда этому не поверил и даже, наверное, грубо рассмеялся бы в ответ. Утка, можно сказать, существо вовсе и даже совершенно приспособленное к воде. Ей, по своей природе, вода доступна. Она плавает и ныряет прямо как утка, как рыба. И тонуть ей, ну, просто свыше не разрешается.

Однако у нас по неизвестной причине стали утки в проруби тонуть. Куры, конечно, тоже параллельно с ними тонули. Но куры – это неудивительно, курам, по своей природе, тонуть допустимо. Но утка – это уже, знаете, слишком.

Тем не менее утки стали у меня тонуть. И за месяц потонуло у меня тридцать шесть уток.

Вот тонут у меня эти утки. А я – инструктор по кролиководству и птицеводству. И от этих делов у меня сердце замирает, руки холодеют и ноги отнимаются.

Стали мы наблюдать за этим делом. Видим – все в порядке. Прорубь на озере. Утки плавают и ныряют.

Вот они плавают, ныряют и забавляются. И видим мы, что обратно на лед они выйти не могут.

Другие утки, более мощные и которые похитрее, – те выходят при помощи своих братьев по перу. Они нахально становятся другим уткам на голову и на что попало и после прыгают на лед.

А последние утки, более растерявшиеся и которым не на что опереться, – те, к сожалению, тонут. Они плавают подряд несколько часов, кричат нечеловеческими голосами и после, от полного утомления и от невозможности выйти на высокий лед, тонут.

Тут крестьяне из соседнего совхоза стали давать советы:

– Что вы, – говорят, – арапы, делаете с своей живностью! Вы, – говорят, – обязаны лед несколько поддолбить и песком его посыпать, а иначе, – говорят, – у вас вся птица на дно пойдет.

Тут, действительно верно, с нашей стороны был преступный недосмотр и, главное, незнание всей сути. И хотя в то время кой-какой экзамен на звание куровода мы и сдавали, однако о всех куриных тонкостях понятия не имели, тем более что экзамены мы сдавали во время голода, так что, собственно, даже и не до того было, не до экзаменов. К тому же мы сдавали в более южном районе, где зима бывает слабая и льду никакого нету. Так что таких вопросов, ну, просто не приходилось затрагивать.

Что касается своих совхозских ребят, то они, вероятно, кое-чего знали и понимали, но молчали. Тем более, это им было на руку – они утонувших утей после составления акта жарили, парили и варили и, несмотря на утонутье, с наслаждением кушали их с кашей и с яблоками.

Вот потонуло у меня тридцать шесть утей, и, значит, дело дошло это до высшего начальства.

Вот начальство вызывает нас в управление, кричит и говорит разные гордые, бичующие слова, дескать, человек вы, без сомнения, в своем деле весьма опытный, ценный и понимающий, даже были ранены в начале гражданской войны, но поскольку, черт возьми, у вас утки стали тонуть, то это экономическая контрреволюция и шпионаж в пользу английского капитала. И если это так, то вы, скорей всего, не соответствуете своему назначению. Вас, говорят, мы, конечно, не увольняем, только сделайте милость, не работайте больше. А идите себе в управление – входящие бумаги, черт возьми, в папку зашивать.

Такие бичующие слова говорит мне высшее начальство и велит становиться в канцелярию.

Вот являюсь в канцелярию, в управление совхозов, и приступаю к своим прямым обязанностям.

А комиссаром в этом управлении был некто такой Шашмурин. Он был черноморский моряк. Очень такой отчаянный человек и дважды раненый герой гражданской войны. Но, между прочим, тем настоящим героем был не он. Настоящим героем оказался счетовод Николай Антонович.

Так вот, этот комиссар Шашмурин дело держал строго. Он опаздывать не разрешал, чуть что – ужасно ругался и всех работников канцелярии подозревал в том, что они мало сочувствуют делу коммунизма. И от этого вопроса он сильно страдал и волновался.

– Ну, конечно, – говорит, – еще бы, все вы, чуть что морды свои отвернете. Ну-те, придет белая гвардия, и вы, – говорит, – обратно начнете свои канцелярские спины выгибать и разные чудные царские и дворянские слова говорить.

Белый же фронт, действительно верно, был от нас не очень далеко. Нет, он до нас не дошел. Но пока что он подвигался, и даже одно время мы ожидали падения города Арюпино, Смоленской губернии.

И чем более, знаете, подвигался белый фронт, тем ужасней был наш военный комиссар Шашмурин.

Он очень всех ругал последними словами, волновался и выпрашивал каждого – какие кто имеет мысли и кому больше сочувствует – коммунистическому ли движению во главе с III Интернационалом или, может быть, дворянским классам.

Но, конечно, все уверяли его в полной своей преданности, божились, клялись и даже оскорблялись, что на них падает такое темное подозрение.

Одним словом, однажды комиссар Шашмурин устроил у нас в канцелярии штуку, за которую он впоследствии слетел со своей должности. Он получил строгий выговор, и, кроме того, его убрали в другой город за право-левацкий загиб и превышение власти.

А захотел он проверить, кто у него из вверенных ему служащих действительно враждебно настроен и кто горячо сочувствует власти трудящихся.

Нет, сейчас вспомнить про это просто удивительно. Это была сделана грубая комедия. Все шито-крыто было белыми нитками, но в тот момент никто комедии стгоряча не заметил, и все было принято за чистую монету.

Вот что устроил военный комиссар Шашмурин.

Белый фронт был тогда близко, и даже каждый день ждали появления неприятелей и смены власти.

И вот комиссар Шашмурин подговаривает одного своего идейного товарища пойти на такую сделку. Он одевает его получше, в желтый китель, он дает ему в руки хлыстик с серебряным шариком, надевает лучшую кепку на голову, высокие шевровые сапоги. И с утра пораньше в таком наряде сажает его в свой кабинет как представителя новой дворянской власти.

А сам он помещается рядом в чулане, взбирается там на стул и своими глазами глядит из окошечка.

Нет, конечно, сейчас совершенно смешно представить эту проделку, до того все было заметно. Но служащие, которые были нервные и панически настроены и каждый день ожидали падения большевизма, ничего особенного не заметили.

Вот утром собрались служащие.

Сторож Федор, который тоже был подговорен комиссаром, замыкает тогда двери на ключ, произносит какой-то дворянский лозунг и говорит, – дескать, вот, робя, падение большевизма совершилось. И пуцай каждый служащий по очереди заходит в кабинет к новому начальству на поклон.

Вот служащие совершенно оробели и начали по очереди являться в кабинет.

Вот видят – стоит новое начальство в гордой дворянской позе. Вот в руке у него стек. Глаза у него сверкают. И слова он орет громкие, не стесняясь присутствием машинистки.

– Я, – говорит, – выбью из вас красную заразу, трам-тарарам. Я, – говорит, – покажу вам революционные начинания. Я, – говорит, – трам-тарарам, не позволю вам посягать на дворянские земли и устраивать из них совхозы, колхозы и разные там силосы...

Вот, конечно, вошедший служащий жметесь и извиняется, разводит руками, – дескать, какая там, знаете, революция, какие там силосы – не смешите. Да разве мы что... Мы очень рады и все такое...

А начальник в своем кителе орет и орет и заглушает своим голосом Шашмурина, который в своем чулане скрипит зубами и чертыхается.

Из десяти служащих опросили только шесть.

Трое говорили неопределенные слова, моргали ресницами и пугались. Один, скотина, начал нашептывать новому начальству о всяких прошлых событиях и настроениях. Другой начал привирать, что хотя он сам будет не из дворянства, но давно сочувствует этому классу и в прежнее время даже часто у них находился в гостях и всегда был доволен этим кругом и пышным угощением в виде тартинок, варенья и маринованных грибов.

Вот Шашмурин смотрит из своего окошечка, лязгает зубами, но молчит.

Вдруг приходит счетовод Николай Антонович.

Он говорит:

– Погодите вы, не кричите и своим хлыстиком не махайте. А спрашивайте меня вопросы. А я вам буду отвечать.

Тот ему говорит:

– Будешь, трам-тарарам, служить нашей старой дворянской власти?

Николай Антонович отвечает:

– Служить, – говорит, – вероятно, придется, поскольку у меня семья, но особого сочувствия я к вам не имею.

– То есть, – говорит, – трам-тарарам, как это не имеешь?

Николай Антонович отвечает твердо:

– Я, – говорит, – хотя и не коммунист, но я в революцию кровь проливал. И я, – говорит, – всегда стоял на платформе советской власти и никогда не ожидал от дворянской власти ничего хорошего. И

я, – говорит, – считаю своим долгом высказать свое мировоззрение, а вы как хотите.

Сказал он эти слова – и вдруг смотрит, – который в желтом кителе – улыбается.

И вдруг слышен треск и шум в чулане. Это комиссар Шашмурин от волнения со стула падает.

Он падает со стула и вбегает в комнату.

– Где, – говорит, – он?! Дайте, я его обниму! Ну, – говорит, – дружок, Николай Антонович, я, – говорит, – теперича тебя не позабуду. Теперича я тебе молочный брат и кузен.

И берет он его в охапку, обнимает, нежно целует в губы и ласково ведет к своему столу. Там он потчует его чаем, угощает лепешками и курятиной и ведет длинные политические разговоры о том, о сем.

Тут все понимают, что произошло. Все чересчур пугаются. Который нашептывал на ухо начальству, тот хотел в окно сигануть, но его удержали.

Особенных последствий не было. И никаких наказаний не случилось. Все даже продолжали служить, как ни в чем не бывало. Только стеснялись друг дружке в глаза глядеть.

А на другой день после происшествия комиссара Шашмурина попросили к ответу за перегиб. И сразу перевели его работать в другой город.

Так и кончилась эта история.

Николай Антонович работал по-прежнему, и чего с ним случилось в дальнейшем – я не знаю.

Конечно, вы можете сказать – какой это герой, раз он даже служить у дворянства согласился.

Но дозволейте сказать: я много видел самых разнообразных людей. Я видел людей при обстоятельствах тяжелой жизни, знаю всю изменчивость ихних характеров и взглядов, и я имею скромное мнение, что Николай Антонович был настоящий мужественный герой.

А если вы с этим не согласны, то я все равно своего мнения не изменю.

Врачевание и психика*

1

Вчера я пошел лечиться в амбулаторию. Народу чертовски много. Почти как в трамвае. И, главное, интересно отметить, – самая большая очередь к нервному врачу, по нервным заболеваниям. Например, к хирургу всего один человек со своей развороченной мордой, с разными порезами и ушибами. К гинекологу две женщины и один мужчина. А по нервным – человек тридцать. Я говорю своим соседям:

– Я удивляюсь, сколько нервных заболеваний. Какая несоразмерная пропорция.

Такой толстоватый гражданин, наверное бывший рыночный торговец или черт его знает кто, говорит:

– Ну еще бы. Ясно. Человечество торговать хочет, а тут извольте – глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают. Ясно...

Другой, такой желтоватый, худощавый, в тужурке, говорит:

– Ну, вы не очень-то распущайте свои мысли. А не то я позволю куда следует. Вам покажут – человечество... Какая сволочь лечиться ходит...

Такой, с седоватыми усишками, глубокий старик, лет пятидесяти, так примиряет обе стороны:

– Что вы на них нападаете? Это просто, ну, ихнее заблуждение. Они про это говорят, забывши природу. Нервные заболевания возникают от более глубоких причин. Человечество идет не по той линии... цивилизация, город, трамвай, бани – вот в чем причина возникновения нервных заболеваний... Наши предки в каменном веке и выпивали, и пятое-десятое, и никаких нервов не понимали. Даже врачей у них, кажется, не было.

Бывший торговец говорит с усмешкой:

– А вы чего – бывали среди них или там знакомство поддерживали? Седоватый, а врать любит...

Старик говорит:

– Вы произносите глупые речи. Я выступаю против цивилизации, а вы несете бабью чушь. Пес вас знает, чем у вас мозги понабиты.

Желтоватый, в тужурке, говорит:

– Ах, вам цивилизация не нравится, строительство... Очень я слышу милые слова в советском учреждении. Вы, – говорит, – мне под науку не подводите буржуазный базис. А не то знаете, чего за это бывает.

Старик робеет, отворачивается и уж до конца приема не раскрывает своих гнилых уст.

Советская мадам в летней шляпке говорит, вздохнувши:

– Главное, заметьте, все больше пролетарии лечатся. Очень расшатанный класс...

Желтоватый, в тужурке, отвечает:

– Знаете, я, ей-богу, сейчас по телефону позвоню. Тут я прямо не знаю, какая больная прослойка собравшись. Какой неглубокий уровень! Класс очень здоровый, а что отдельные единицы нервно хворают, так это еще не дает картины заболевания.

Я говорю:

– Я так понимаю, что отдельные единицы нервно хворают в силу бывшей жизни – война, революция, питание... Так сказать, психика не выдерживает такой загрубелой жизни.

Желтоватый начал говорить:

– Ну, знаете, у меня кончилось терпение...

Но в эту минуту врач вызывает: «Следующий».

Желтоватый, в тужурке, не заканчивает фразы и спешно идет за ширмы.

2

Вскоре он там начинает хихикать и говорить «ой». Это врач его слушает в трубку, а ему щекотно.

Мы слышим, как больной говорит за ширмой:

– Так-то я здоров, но страдаю бессонницей. Я сплю худо, дайте мне каких-нибудь капель или пилюль.

Врач отвечает:

– Пилюль я вам не дам – это только вред приносит. Я держусь новейшего метода лечения. Я нахожу причину и с ней борюсь. Вот я

вижу – у вас нервная система расшаталась. Я вам задаю вопрос – не было ли у вас какого-нибудь потрясения? Припомните.

Больной сначала не понимает, о чем идет речь. Потом несет какую-то чушь, и, наконец, решительно добавляет, что никакого потрясения с ним не было.

– А вы вспомните, – говорит врач, – это очень важно – вспомнить причину. Мы ее найдем, развенчаем, и вы снова, может быть, оздоровитесь.

Больной говорит:

– Нет, потрясений у меня не было.

Врач говорит:

– Ну, может быть, вы в чем-нибудь взволновались... Какое-нибудь очень сильное волнение, потрясение?

Больной говорит:

– Одно волнение было, только давно. Может быть, лет десять назад.

– Ну, ну, рассказывайте, – говорит врач, – это вас облегчит. Это значит, вы десять лет мучились и по теории относительности вы обязаны это мученье рассказать, и тогда вам снова будет легко и будет хотеться спать.

Больной мямлит, вспоминает и, наконец, начинает рассказывать.

3

– Возвращаюсь я тогда с фронта. Ну, естественно, – гражданская война. А я дома полгода не был. Ну, захожу в квартиру... Да. Поднимаюсь по лестнице и чувствую – у меня сердце в груди замирает. У меня тогда сердце маленько пошаливало, – я был два раза отравлен газами в царскую войну, и с тех пор оно у меня пошаливало.

Вот поднимаюсь по лестнице. Одет, конечно, весьма небрежно. Шинелька. Штанцы. Вши, извиняюсь, ползают.

И в таком виде иду к супруге, которую не видел полгода.

Безобразие.

Дохожу до площадки.

Думаю – некрасиво в таком виде показаться. Морда неинтересная. Передних зубов нету. Передние зубы мне зеленая банда выбила. Я тогда перед этим в плен попал. Ну, сначала хотели меня на костре спалить, а после дали по зубам и велели уходить.

Так вот, поднимаюсь по лестнице в таком неважном виде и чувствую – ноги не идут. Корпус с мыслями стремится, а ноги идти не могут. Ну, естественно, – только что тиф перенес, еще хвораю.

Еле-еле вхожу в квартиру. И вижу: стол стоит. На столе выпивка и селедка. И сидит за столом мой племянник Мишка и своей граблей держит мою супругу за шею.

Нет, это меня не взволновало. Нет, я думаю: это молодая женщина – чего бы ее не держать за шею. Это чувство меня не потрясает.

Вот они меня увидели, Мишка берет бутылку водки и быстро ставит ее под стол. А супруга говорит:

– Ах, здравствуйте.

Меня это тоже не волнует, и я тоже хочу сказать «здравствуйте». Но отвечаю им «те-те»... Я в то время маленько заикался и не все слова произносил после контузии. Я был контужен тяжелым снарядом и, естественно, не все слова мог произносить.

Я гляжу на Мишку и вижу – на нем мой френч сидит. Нет, я никогда не имел в себе мещанства! Нет, я не жалею сукно или материю. Но меня коробит такое отношение. У меня вспыхивает горе, и меня разрывает потрясение.

Мишка говорит:

– Ваш френч я надел все равно как для маскарада. Для смеху.

Я говорю:

– Сволочь, сымай френч.

Мишка говорит:

– Как я при даме сыму френч?

Я говорю:

– Хотя бы шесть дам тут сидело, сымай, сволочь, френч.

Мишка берет бутылку и вдруг ударяет меня по башке.

4

Врач перебивает рассказ. Он говорит:

– Так, так, теперь нам все понятно. Причина нам ясна... И, значит, с тех пор вы страдаете бессонницей? Плохо спите?

– Нет, – говорит больной, – с тех пор я ничего себе сплю. Как раз с тех пор я спал очень хорошо.

Врач говорит:

– Ага. Но когда вспоминаете это оскорбление, тогда и не спите? Я же вижу – вас взволновало это воспоминание.

Больной отвечает:

– Ну да, это сейчас. А так-то я про это и думать позабыл. Как с супругой развелся, так и не вспоминал про это ни разу.

– Ах, вы развелись...

– Развелся. Вышел за другую. И затем за третью. После за четвертую. И завсегда спал отлично. А как сестра приехала из деревни и заселилась в моей комнате вместе со своими детьми, так я и спать перестал. В другой раз с дежурства придешь, ляжешь спать – не спится. Ребятишки бегают, веселятся, берут за нос. Чувствую – не могу заснуть.

– Позвольте, – говорит врач, – так вам мешают спать?

– И мешают, конечно, и не спится. Комната небольшая, проходная. Работаешь много. Устаешь. Питание все-таки среднее. А ляжешь – не спится...

– Ну, а если тихо? Если, предположим, в комнате тихо?

– Тоже не спится. Сестра на праздниках уехала в Гатчину с детьми. Только я начал засыпать, соседка несет тушилку с углями. Оступается и сыплет на меня угли. Я хочу спать и чувствую: не могу заснуть – одеяло тлеет. А рядом на мандолине играют. А у меня ноги горят...

– Слушайте, – говорит врач, – так какого же черта вы ко мне пришли?! Одевайтесь. Ну, хорошо, ладно, я вам дам пилюли.

За ширмой вздыхают, зевают, и вскоре больной выходит оттуда со своим желтым лицом.

– Следующий, – говорит врач.

Толстоватый субъект, который беспокоился за торговлю, спешит за ширмы.

Он на ходу машет рукой и говорит:

– Нет, неинтересный врач. Верхогляд. Чувствую – он мне тоже не поможет.

Я гляжу на его глуповатое лицо и понимаю, что он прав, – медицина ему не поможет.

Дела и люди*

Вчера, черт возьми, я чуть на работу не опоздал. Главное, я вышел вовремя. Попил чайку. Спускаюсь с лестницы. Гляжу – кошка на окне сидит.

Хотел я этого котенка погладить, но после думаю: еще, черт возьми, опоздаю, если тут разных котов начну гладить.

И не приласкав киску, быстро выхожу во двор.

Выхожу во двор, подхожу к воротам – нельзя пройти. Под воротами яму вырыли. Трубы, что ли, лопнули – ремонтируют.

Народ собрался с двух сторон. И на улице ждут – пойти домой не могут. И во дворе трудящиеся волнуются – не могут поспешать на службу.

Которые яму роют, говорят:

– Через час зароем – не волнуйтесь. А которым такая торопешка – пуцай в яму сигают, мы их будем наверх подавать.

Вот один прыгнул, но измазался, как подлец. Его там в яме, пока наверх подняли, до того в грязи отвозили, что он, выйдя на улицу, снова сиганул в яму и велел опять поднять его во двор – пошел мыться и переодеваться.

Стоящие во дворе начали волноваться.

– Позовите, говорят, председателя. Чего он, сволочь, до восьми часов утра дрыхнет.

Приходит председатель. Обижается.

– Я, говорит, не на жалованьи работаю. Я не нанятой. Почему я знал, что они поперек всех ворот выроют.

Член коллегии защитников, некто Брыкин, ядовито отвечает:

– Характерный фактик. Обыкновенная история. Это у нас часто. Чего-нибудь делают, а про людей забывают.

Председатель говорит:

– Вы в нашем доме известный нытик-интеллигент.

Другой жилец говорит:

– Вот, для примеру, я не интеллигент, а я тоже могу отметить. Я вчера голый хотел в ванну сесть. У меня колонка топится. Вдруг – здравствуйте, благодарю – воду закрыли. Я голый печку заливал, а то

без воды колонка может лопнуть. Меня предупредить нужно, что воду закроете. Это есть чистое безобразие.

Председатель говорит:

– А ну вас! Завсегда с претензиями. А еще пролетарий.

Один, который на улице ожидает, говорит:

– Тогда пропущайте через квартиры, где выход туда и сюда. Чего я буду на вашу яму любоваться.

Председатель говорит:

– Через квартиры – мысль правильная. Но только у нас все квартиры деленые. У которых выход туда, у которых – сюда. А через кооператив заведующий навряд ли согласится столько народу пропустить – ему могут товар разворовать. Тем более что кооператив еще закрыт и откроется в десять.

Тут я не стал выслушивать дальнейшую дискуссию, а через окно подвала кое-как протискался на улицу и поднажал ходу.

На трамвай, конечно, не попал, но рысью дошел до своего учреждения. Только повесил номерок на гвоздик – ящик закрывают.

Ну, отделался легким испугом и трепыханием сердца и всего организма.

После работы возвращаюсь домой. Вижу: очень мило – яму зарыли. Ходить можно.

Поднимаюсь к себе. Хочу суп сварить – воды нету. Ремонтируют.

Взял ведерко, пошел в соседний дом. Нацедил воды. Только прихожу домой, гляжу – вода идет. Тут я сгоряча выплеснул воду в раковину. Гляжу – обратно воды нету. Закрыли. Побежал вниз узнать, как и чего. Да, говорят, пустили для пробы на пять минут, чтоб жильцы водой запаслись.

Я говорю:

– Но ведь надо, черт возьми, людей предупреждать. Почем люди знают, чего вы думаете.

Председатель говорит:

– Нам, знаете, не до людей – у нас работа идет.

Спорить я не стал, сходил еще раз за водой. Сварил суп. Но кушать не стал – аппетит пропал от усталости и огорченья.

Кража*

Вот мне часто говорят: «Поскольку вы, товарищ, сатирик – написали бы, вместо развлекательных вещиц, чего-нибудь остро сатирическое, ну, там, о ворах, спекулянтах, перерожденцах и мошенниках. Громите их, милый. Не стесняйтесь. Давите их своим дарованием. Чтобы пыль с них, мерзавцев, летела».

Нет, братцы, мы не верим в целебные свойства такой сатиры. Мы не верим, что эти проходимцы и жулики интересуются последними новинками художественной литературы. Мы не верим, что, прочитавши наше такое сатирическое произведение, ряд жуликов одумается и начнет вести правильную жизнь.

Конечно, если там взять фактик да намекнуть, где это было, да перечислить фамилии, да сообщить куда следует или послать журнал в прокуратуру – такая сатирическая вещица еще, пожалуй, подействует.

Подействует, конечно, и такая вещица, которая вскроет чего-нибудь новенькое в области жульничества, предупредит дальнейший ход событий и осветит, так сказать, дело, чтоб другим было неповадно.

Вот такой сатирой мы еще можем, пожалуй, заинтересоваться. Вот попробуем своим пером сатирика коснуться именно такого дела.

А случилась, знаете, кража в нашем кооперативе. Ну, вообще – закрытый распределитель. Много товаров. На витрине утки лежат. Приятный голландский сыр. Дамские чулки. Одеколон. Папиросы.

Все это было выставлено в витрине. И, конечно, привлекло чей-то взор.

Одним словом, ночью, с заднего хода проникла какая-то личность, подпилила дверь, сняла крючок и похозяйничала в магазине. И уволокла эта личность товару на большую сумму.

И главное – дворник у ворот спал, – ничего не заметил.

– Какие-то сны, – говорит, – мне действительно показывали, но ничего такого я не слышал.

Он очень, между прочим, перепугался, когда воровство обнаружили. Бегал по магазину, за всех цеплялся. Умолял его не подводить.

Заведующий говорит:

– Твое дело маленькое. Что ты спал, за это тебя, конечно, по головке не погладят, но навряд ли тебе пришьют какое-нибудь обвинение. Так что ты не пугайся, не путайся под ногами и не нервируй работников прилавка своими восклицаниями, а иди себе и досыпай дома.

Но дворник не уходит. Стоит и расстраивается. Главное, его расстраивает, что так много уперли.

– Вот этого, – говорит, – я прямо не могу понять. Я сплю завсегда чутко и завсегда ноги протягиваю вдоль ворот. Не может быть, чтобы через меня два мешка сахару перенесли.

Заведующий говорит:

– Дюже крепко спал, сукин сын. Это ужаси подобно – сколько уперли.

Дворник говорит:

– Чтoб много уперли – этого не может быть. Я бы проснулся.

Заведующий говорит:

– А вот сейчас составим акт и увидим, какая ты есть ворона – какой убыток государству нанес.

Тут начали составлять акт в присутствии милиции. Начали говорить цифры. Подсчитывать. Прикидывать.

Бедняга дворник только руками всплескивает и чуть не плачет – до того, видимо, страдает человек, сочувствует государству и унижает себя за сонное состояние.

Заведующий говорит:

– Пишите. Девять пудов рафинаду. Папиросы – сто шестьдесят пачек. Дамские чулки – две дюжины. Восемь кругов колбасы...

Он диктует, а дворник прямо подпрыгивает при каждой цифре.

Вдруг кассирша говорит:

– Из кассы, запишите, сперли боны на сто тридцать два рубля. Три чернильных карандаша и ножницы.

При этих словах дворник начал даже хрюкать и приседать – до того, видать, огорчился человек от громадных убытков.

Заведующий говорит милиции:

– Уберите этого дворника. Он только мешает своим хрюканьем.

Милиционер говорит:

– Слушай, дядя, уходи домой. Тебя попросят, когда надо будет.

В это время счетовод кричит из задней комнаты:

– У меня висело шелковое кашне на стене – теперь его нету. Прошу записать – я потребую возместить нанесенные мне убытки.

Дворник вдруг говорит:

– Ах, подлец! Не брал я у тебя кашне. И восемь кругов колбасы – это прямо издевательство. Взято два круга колбасы.

Тут наступила в магазине отчаянная тишина. Дворник говорит:

– Пес с вами. Сознаюсь. Я своровал. Но я честный человек. Меня возмущает такое составление акта. Я не дозволю лишнее приписывать.

Милиционер говорит:

– Как же так? Значит, выходит, что это ты проник в магазин?

Дворник говорит:

– Я. Но я не трогал эти боны и ножницы и это сволочное кашне. Я, – говорит, – взял полмешка сахару, дамские чулки одну дюжину и два круга колбасы. Я, – говорит, – не дозволю иметь такое жульничество под моим флагом. Я стою на страже государственных интересов. Меня возмущает, что тут делается – какая идет приписка под мою руку.

Заведующий говорит:

– Конечно, мы можем ошибиться. Но мы проверим. Я очень рад, если меньше украли. Сейчас прикинем на весы.

Кассирша говорит:

– Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но ножниц нету.

Дворник говорит:

– Ах, я тебе сейчас плюну в твои бесстыжие гляделки. Я не брал твоих ножей – ищи лучше, куриная нога.

Кассирша говорит:

– Ах, ножницы нашла. Они за кассу завалились.

Счетовод говорит:

– Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось.

Заведующий говорит:

– Перепишите акт. Сахару действительно не хватает полмешка.

– Сволочь, считай колбасу. Или я сам за себя не отвечаю. У меня, если на то пошло, есть свидетельница – тетя Нюша.

Вскоре подсчитали товар, оказалось – украли все, как сказал дворник.

Его взяли под микитки и увели в отделение.

Тетю Ньюшу тоже задержали. У ней было спрятано украденное. Все это у ней отобрали, за исключением одного круга колбасы, который она успела загнать на рынке.

Чего автор хотел сказать этой сатирической вещицей? Куда направлено наше сатирическое жало?

Жало нашей сатиры направлено на дальнейшие события. Мы желаем предупредить подобные факты. А то, знаете, уворуют на копейку, а навернут на тысячу.

В крайнем случае это сатирическое произведение можно зачитать как развлекательный материал под лозунгом – показ живого человека.

Западн^{*}я

Один мой знакомый парнишка – он, между прочим, поэт – побывал в этом году за границей.

Он объездил Италию и Германию для ознакомления с буржуазной культурой и для пополнения недостающего гардероба.

Очень много чего любопытного видел.

Ну, конечно, говорит, – громадный кризис, безработица, противоречия на каждом шагу. Продуктов и промтоваров очень много, но купить не на что.

Между прочим, он ужинал с одной герцогиней.

Он сидел со своим знакомым в ресторане. Знакомый ему говорит:

– Хочешь, сейчас я для смеха позову одну герцогиню. Настоящую герцогиню, у которой пять домов, небоскреб, виноградники и так далее.

Ну, конечно, наворачивает.

И, значит, звонит по телефону. И вскоре приходит такая красоточка лет двадцати. Чудно одетая. Манеры. Небрежное выражение. Три носовых платочка. Туфельки на босу ногу.

Заказывает она себе шнельклопс и в разговоре говорит:

– Да, знаете, я уже, пожалуй, неделю мясного не кушала.

Ну, поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает, дескать, помилуйте, у вас а ла мезон столько домов, врите, дескать, наворачиваете, приbedняетесь, тень наводите. Она говорит:

– Знаете, уже полгода, как жильцы с этих домов мне квартплату не вносят. У населения денег нет.

Этот небольшой фактик я рассказал так вообще. Для разгона. Для описания буржуазного кризиса. У них там очень отчаянный кризис со всех сторон. Но, между прочим, на улицах у них чисто.

Мой знакомый поэт очень, между прочим, хвалил ихнюю европейскую чистоту и культурность. Особенно, говорит, в Германии, несмотря на такой вот громадный кризис, наблюдается удивительная, сказочная чистота и опрятность.

Улицы, они, черт возьми, мыльной пеной моют. Лестницы скоблят каждое утро. Кошкам не разрешают находиться на лестницах и лежать

на подоконниках, как у нас.

Кошек своих хозяйки на шнурочках выводят прогуливать. Черт знает что такое.

Все, конечно, ослепительно чисто. Плюнуть некуда.

Даже такие второстепенные места, как, я извиняюсь, уборные, и то сияют небесной чистотой. Приятно, неоскорбительно для человеческого достоинства туда заходить.

Он зашел, между прочим, в одно такое второстепенное учреждение. Просто так, для смеху. Заглянул – верно ли есть отличие, – как у них и у нас.

Оказывается, да. Это, говорит, ахнуть можно от восторга и удивления. Волшебная чистота, голубые стенки, на полочке фиалки стоят. Прямо уходить неохота. Лучше, чем в кафе.

«Что, – думает, – за черт. Наша страна, ведущая в смысле политических течений, а в смысле чистоты мы еще сильно отстаем. Нет, – думает, – вернусь в Москву – буду писать об этом и Европу ставить в пример. Конечно, у нас многие ребята действительно относятся ханжески к этим вопросам. Им, видите ли, неловко писать и читать про такие низменные вещи. Но я, – думает, – пробью эту косность. Вот, вернусь и поэму напишу – мол, грязи много, товарищи, – не годится... Тем более, у нас сейчас кампания за чистоту – исполню социальный заказ».

Вот наш поэт находится за закрытой дверью. Думает, любитесь фиалками, мечтает, какую поэму он отгрохает. Даже приходят к нему рифмы и строчки. Чего-то там такое:

Даже сюда у них зайти очень мило –

Фиалки на полках цветут.

Да разве ж у нас прошел Аттила,

Что такая грязь там и тут.

А после, напевая последний немецкий фокстротик «Ауфвидерзейн, мадам», хочет уйти на улицу.

Он хочет открыть дверь, но видит – дверь не открывается. Он подергал ручку – нет. Приналег плечом – нет, не открывается.

В первую минуту он даже слегка растерялся. Вот, думает, попал в западню.

После хлопнул себя по лбу.

«Я, дурак, – думает, – позабыл, где нахожусь – в капиталистическом мире. Тут у них за каждый шаг, небось, пфенниг плати. Небось, – думает, – надо им опустить монетку – тогда дверь сама откроется. Механика. Черти. Кровопийцы. Семь шкур дерут. Спасибо, – думает, – у меня в кармане мелочь есть. Хорош был бы я гусь без этой мелочи».

Вынимает он из кармана монеты. «Откуплюсь, – думает, – от капиталистических щук. Суну им в горло монету или две».

Но видит – не тут-то было. Видит – никаких ящиков и отверстий нету. Надпись какая-то есть, но цифр на ней никаких не указано. И куда именно пихать и сколько пихать – неизвестно.

Тут наш знакомый прямо даже несколько струхнул. Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь.

Слышит – собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте.

Поэт говорит:

– Отпустите на волю, сделайте милость.

Немцы чего-то шушукаются, но, видать, не понимают всей остроты ситуации. Поэт говорит:

– Геноссе, геноссе, дер тюр, сволочь, никак не открывается. Компренешен. Будьте любезны, отпустите на волю. Два часа сижу.

Немцы говорят:

– Шпрехен зи дейч?

Тут поэт прямо взмолился:

– Дер тюр, – говорит, – дер тюр отворите. А ну вас к лешему!

Вдруг за дверью русский голос раздаётся:

– Вы, – говорит, – чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

– Ну да, – говорит. – Второй час бьюсь.

Русский голос говорит:

– У них, у сволочей, эта дверь механическая. Вы, – говорит, – наверное, позабыли машинку дернуть. Спустите воду, и тогда дверь сама откроется. Они это нарочно устроили для забывчивых людей.

Вот знакомый сделал, что ему сказали, и вдруг, как в сказке, дверь открывается. И наш знакомый, пошатываясь, выходит на улицу под легкие улыбки и немецкий шепот.

Русский говорит:

– Хотя я есть эмигрант, но мне эти немецкие затеи и колбасня тоже поперек горла стоят. По-моему, это издевательство над человечеством...

Мой знакомый не стал, конечно, поддерживать разговор с эмигрантом, а, подняв воротничок пиджака, быстро поднажал к выходу.

У выхода сторож его почистил метелочкой, содрал малую толику денег и отпустил восвояси.

Только на улице мой знакомый отдышался и успокоился.

«Ага, – думает, – стало быть, хваленая немецкая чистота не идет сама по себе. Стало быть, немцы тоже силой ее насаждают и придумывают разные хитрости, чтоб поддержать культуру. Хотя бы у нас тоже чего-нибудь подобное сочинили».

На этом мой знакомый успокоился и, напевая «Ауфвидерзейн, мадам», пошел в гости, как ни в чем не бывало.

Грустные глаза*

Мне не нравятся веселые люди. Нравятся сияющие глаза, звонкий смех, громкий говор. Крики.

Мне нравятся румяные девушки с коньками в руках. Или такие, знаете, в майках, в спортивных туфельках, прыгающие вверх и вниз.

Я не люблю эту самую поэзию, где грусть и печаль и разные вздохи и разные тому подобные меланхолические восклицания вроде: эх, ну, чу, боже мой, ох, фу ты и так далее.

Мне даже, знаете, смешно делается, когда хвалят чего-нибудь грустное или, например, говорят при виде какой-нибудь особы:

– Ах, у нее, знаете, такие прекрасные грустные глаза. И такое печальное поэтическое личико.

Я при этом думаю: «За что ж тут хвалить? Напротив, надо сочувствовать и надо вести названную особу на медицинский пункт, чтоб выяснить, какие болезни подтачивают ее нежный организм и почему у нее сделались печальные глаза».

Нет, у людей бывает очень странный взгляд на вещи. Восхищаться грустными вещами. Восторгаться печальными фактами. Прямо даже не понять, как это бывает.

Вот прежние интеллигенты и вообще, знаете, старая Россия как раз особенно имела такой восторг ко всему печальному. И находила чего-то в этом возвышенное.

Как у Пушкина сказано. Не помню только, как там строчки расположены. Нынешняя поэзия меня в этом смысле окончательно сбита с панталыку. Одним словом, сказано:

От ямщика
До
Первого поэта
Мы
 Все
 Поем
 уныло...

Печалию согрета
Гармония
 И
 Наших

Дев
И муз.

Очень жаль. И гордиться, так сказать, этим не приходится. Нынче мы желаем развенчать эту грусть. Мы желаем, так сказать, скинуть ее с возвышенного пьедестала.

А как-то, знаете, однажды зашел ко мне в гости мой приятель. Ну, мы с ним на ты. Вообще, со школьной скамьи. Делимся новостями. И друг у друга в долг занимаем.

Вот он приходит ко мне и говорит, что он влюбился в одну особу до потери сознания и вскоре на ней женится.

И тут же начинает расхваливать предмет своей любви.

– Такая, – говорит, – она у меня красавица, такие у нее грустные глазки, что я и в жизни никогда таких не видывал. И эти, – говорит, – глазки такой, как бы сказать, колорит дают, что из хорошенькой она делается премированная красавица. Личико у нее нельзя сказать, что интересное, и носик немножко подгулял, и бровки какие-то странные – очень косматые, но зато ее грустные глаза с избытком прикрывают все недостатки и делают ее из дурнушки ничего себе. Я, знаешь, – говорит, – ее и полюбил-то за эти самые глаза.

– Ну и дурак, – говорю я ему. – Вот и выходит, что ты форменный дурак. Прошляпился со своей женьбой. Раз у нее грустные глаза, значит, у нее в организме чего-нибудь не в порядке – либо она истеричка, либо почками страдает, либо вообще чахоточная. Ты, – говорю, – возьми да порасспроси ее хорошенько. Или поведи к врачу, посоветуйся.

Ох, тут он очень возмутился, начал швыряться вещами, кричать и срамить меня за излишнюю склонность к грубому материализму.

– Я, – говорит, – жалею, что к тебе зашел. У меня такое было поэтическое настроение, а ты своими ручищами загрязнил мое чувство.

Стал он прощаться и уходить.

Я пытался ему рассказать, как я однажды встретил в Кисловодске одного носильщика с такими грустными глазами, что можно обалдеть. И при расспросе оказалось, что у него было ущемление грыжи. И теперь он должен бросить свою профессию.

Однако приятель не стал до конца слушать и, обидевшись еще сильнее за нетактичные параллели и сравнения, холодно подал мне руку и при этом бормотал разные оскорбительные слова, – дескать, ты черта лысого понимаешь в поэзии. Сам прошляпил красоту в жизни.

Вот проходит что-то около полгода. Я позабываю эту историю. Но вдруг однажды встречаю своего приятеля на улице.

Он идет с расстроенным лицом и хочет не заметить меня.

Я подхожу к нему и спрашиваю, что случилось.

– Да так, – говорит, – разные неприятности. Ты мне накаркал – у жены, знаешь ли, легочный процесс открылся. Не знаю, теперь на юг мне ее везти или в санаторию положить.

Я говорю:

– Ну, ничего, поправится. Но, конечно, – говорю, – если поправится, то не будет иметь такие грустные глаза.

Он усмехнулся, махнул рукой – дескать, отвяжись – и пошел от меня.

И вот этой весной я встречаю его снова.

Он идет, подняв воротничок своего пальто. Вижу – морда у него расстроенная. Глаза блестят, но смотрят грустно и даже уныло.

– Вот, – говорит, – теперь сам, черт возьми, захворал туберкулезом. После гриппа. Конечно, может быть, и от жены заразился. Но вряд ли. Скорей всего от усталости за хворал.

– А жена? – говорю.

Он говорит:

– Она поправилась. Только я с ней развелся. Мне нравятся поэтические особы, а она после поправки весь свой стиль потеряла. Ходит, поет, изменять начала на каждом шагу...

– А глаза? – говорю.

– А глаза, – говорит, – какие-то у ней буркалы стали, а не глаза. Никакой поэзии не осталось.

Тут я попрощался со своим приятелем и пошел по своим делам. И по дороге сочувственно поглядывал на тех прохожих, у кого грустные глаза.

Какие у меня были профессии^{*}

Я не знаю, сколько есть разных профессий. Один знакомый интеллигент мне сказал, будто всего на земном шаре триста девяносто профессий.

Ну, это он, конечно, перехватил, но, вероятно, все же около ста профессий имеется.

Нет, все сто профессий я не имел, но вот пятьдесят профессий я действительно испытал.

И вот перед вами человек, который испытал на себе пятьдесят профессий.

Интересно, кем я только не был.

Нет, я, конечно, не был там каким-нибудь экономистом, химиком или там пиротехником, скульптором и так далее. Нет, я не был академиком или там профессором анатомии, алгебры или французского языка. Я не скрою от вас – я не занимал разные интеллигентские посты, не смотрел в подзорные трубы, чтоб видеть разные небесные явления, планеты и кометы, не шлялся по шоссе с такой, знаете, маленькой трубочкой на треножнике для измерения высоты поверхности. Не строил мосты или там здания для посольства. И не затемнял свой рассудок математическими вычислениями количества белых шариков в крови.

Да, эти профессии, не скрою от вас, я не испытывал. Мне не хватало для этого всей высоты образования и знания иностранных языков. Тем более, что до революции я был малограмотный господин. Читать мог, но писать уже не всегда осмеливался.

И через это, конечно, к сожалению, не могу вам ничего рассказать про такие возвышенные профессии, которые основаны там на науке или там технике или медицине.

Хотя должен вам сказать, что с медициной я сталкивался и даже одно время был врачом. Меня избрали на этот пост свои же полковые товарищи вскоре после февральской революции.

Я тогда служил в царской армии и был рядовым ефрейтором. Вот после революции ребята мне и говорят:

– У нас полковой врач такая, извините, холера, что никому почти освобождения не дает, несмотря на февральскую революцию. Очень бы хотелось его заменить. Вот бы, – говорят, – хорошо, если бы вы согласились на эту должность. Тем более, – говорят, – все должности сейчас выборные – вот бы мы тебя и выбрали.

Я говорю:

– Отчего же. Конечно, выбирайте. Я, – говорю, – человек, понимающий явления природы. Понимаю, что после революции ребятам хотелось бы смотаться по домам и поглядеть, как и чего. Керенский, – говорю, – этот артист на троне, завертел волынку до победного конца. И полковой врач ему в дудочку подыгрывает и нашего брата не отпускает. Выбирайте меня врачом – я вас почти всех отпущу.

Вот вскоре после того сменяют командира полка, сменяют подряд офицеров и нашего пресловутого медика. И на его место назначают меня приказом.

Работа оказалась, конечно, трудная и, главное, бестолковая.

Едва послушаешь больного в трубку, как он хнычет и отпрашивается домой. А если его не отпускаешь, он очень на врача наседает и чуть не хватает его за горло.

Профессия совершенно глупая и небезопасная для жительствова.

А если больному дашь порошки – он их жрать не хочет, а швыряет порошки врачу в лицо и велит писать увольнительную.

Ну, для формы спросишь – какая у тебя болезнь? Ну, больной сам, конечно, назвать болезнь не может и тем самым ставит врача в тупик, поскольку врач не может все болезни знать наизусть и не может писать в каждой путевке только: брюшной тиф или там вздутие живота.

Другие, конечно, говорят:

– Пиши, чего хочешь, только отпусти, поскольку душа болит – охота поглядеть на домашних.

Ну, напишешь ему – душевная болезнь, и с этой диетой отпускаешь.

Но вот вскоре надоедает мне эта бестолковая профессия. И вот пишу я сам себе путевку с обозначением: душевная болезнь первой категории.

Выезжаю с фронта и, значит, на этом заканчиваю эту свою профессию.

После судьба кидает меня в разные стороны – туда и сюда, как, извините за сравнение, скорлупку в бурном море.

Я делаюсь милиционером. После слесарем, сапожником, кузнецом. Я подковываю лягающих лошадей, дою коров, дрессирую бешеных и кусачих собак. Играю на сценах. Поднимаю занавеси. И так далее, и тому подобное, и прочее.

При этом снова год нахожусь на фронте в Красной армии и защищаю революцию от многочисленных врагов.

Снова освобождаюсь по чистой. Занимаю должность инструктора по кролиководству и куроводству. Становлюсь агентом уголовного розыска. Делаюсь шофером. И по временам пишу критические отзывы и острые дискуссионные статьи относительно театра и литературы.

И вот перед вами человек, который имел в своей жизни пятьдесят, а может, даже и больше профессий.

Некоторые профессии были у меня странные и удивительные.

Была у меня до революции одна очень такая странная профессия.

А был я тогда в Крыму. И служил в одном имении. Там было четыреста коров. Масса коз, много курей и до черта баранов. Все это создавало почву для развития сельскохозяйственного дела.

И вот меня нанимают туда пробольщиком.

Одним словом, в мою обязанность входит пробовать качество масла и сыра.

Это масло и сыр отправлялись на пароходе за границу. И надо было все это пробовать, чтоб мировая буржуазия не захворала от недоброкачественного товара.

Конечно, дай вам попробовать масла или сыру – вы, небось, не откажетесь. Но если, предположим, пробовать эту продукцию с утра и до вечера и ежедневно и целый год, то вы волком завоюете, и свет перед вами померкнет.

Нет, я не был специалистом по этому делу. И совершенно случайно попал на эту профессию.

Мне тогда было двадцать три года. Все было тьфу и трын-трава. И я тогда шлялся по крымским дорогам, надеясь где-нибудь найти работу.

И вот иду по дороге и слышу – молочным хозяйством пахнет. А тут тем более я не ел два дня. И вот взял и пошел на этот приторный запах.

Думаю, подкараулю какую-нибудь корову, подою маленько и тем самым подкреплю свои ослабшие силы.

Вижу – за забором сарай. Наверное, думаю, там коровы. Перемахнул через забор. Захожу в сарай. Вижу – там не коровы, а круги сыра лежат. Только я хотел стибрить кусок сыру – вдруг управляющий идет.

– Ты, – говорит, – что, из наших рабочих?

Нет, я особенно не смутился. Думаю – успею дать тигаля. Тем более – кругом народу нету, и забор близко. И поэтому отвечаю с некоторым даже нахальством:

– Нет, не из рабочих, но имею мечту на нечто подобное.

Он говорит:

– А к примеру, зачем же ты в руку сыр взял?

Я говорю не без нахальства:

– Хотел, знаете, этот сыр попробовать – сдастся мне, что он кисловат на вкус. Не умеете делать, а беретесь.

Вижу – управляющий даже растерялся от моих слов. Даже видать, что не понимает, что к чему. Он говорит:

– Как это? Почему кисловат? Ты что, каналья, специалист, что ли, по молочному хозяйству?

Я думал, он шутит, чтоб себя разозлить, с тем чтобы покрепче меня ударить. И говорю:

– Вы угадали. По молочному хозяйству я есть первый специалист города Москвы. И мимо этих молочных продуктов не могу пройти, чтобы их не попробовать.

Вдруг управляющий улыбается, жмет мне руки и говорит:

– Голубчик!

Он говорит:

– Голубчик, если ты специалист, то я тебе дам преогромное жалование, только сделай милость, становись скорей на работу. Тут на днях заграничный пароход приходит, надо груз отправлять, а рассортировать товар и его попробовать некому. И сдастся мне, что иностранная буржуазия наглодается негодных продуктов, и после неприятностей не оберешься. А у меня, как назло, один специалист холерой заболел и теперь категорически не хочет ничего пробовать.

Я говорю:

– Пожалуйста. А что надо делать?

Он говорит:

– Надо попробовать шестьсот двадцать бочек масла и тысячу кругов сыру.

У меня даже желудок задрожал от голоду и удивления, и я отвечаю:

– Пожалуйста. Об чем речь? Принесите мне буханку хлеба, и я сейчас к этому приступлю с преогромной радостью. Я, – говорю, – давно мечтал именно такую профессию себе найти – пробовать то и се.

И сам в душе думаю: нажрись до отвала, а там пуцай из меня лепешку делают. И, небось, не сделают – убегу на своих сытых ногах.

– Ну, – говорю, – несите поскорей буханку, я очень тороплив в работе. Если мне что загорится – мне сразу вынь и положь. Несите хлеб, а то я прямо соскучился без этой своей профессии.

Вижу – управляющий глядит на меня с недоверием.

Он говорит:

– Тогда я сомневаюсь, что ты есть лучший в мире специалист по молочному хозяйству. Молочные продукты пробуют без хлеба и без ничего, иначе не узнаешь, какой именно сорт и какой вкус.

Тут я вижу, что засыпался, но говорю:

– Это я сам знаю. И вы есть толстобрюхий дурак, если не понимаете. Я хлеб не для еды буду употреблять, а мне надо соприкосать эти два продукта, в силу чего я увижу окисление, и тогда, попробовав, не ошибусь в расчете, какая там есть порча. Это, – говорю, – есть последний заграничный метод. Я, – говорю, – удивляюсь на вашу серость и отсталость от Европы.

Тут меня торжественно ведут туда и сюда. Записывают. Одевают в белый балахон и говорят: «Ну, пойдём к бочкам».

А у меня от страху душа в пятках, и ноги еле двигаются.

Вот пошли мы к бочкам, но тут на мое счастье вызывают управляющего по спешному делу. Тут у меня на сердце отлегло. Я говорю рабочим:

– Выручайте, братцы, то есть ни черта не понимаю в этом деле. Хотя укажите поскорей, чем пробовать масло – пальцем или особой щепочкой.

Вот рабочие смеются надо мной, умирают со смеху, тем не менее рассказывают, чего надо делать и, главное, чего говорить.

Вот управляющий приходит – я ему прямо затемнил глаза. Говорю разные специальные фразы, правильно пробую. Вижу – человек даже

расцвел от моей высокой квалификации.

И вот к вечеру, нажравшись до отвала, я решил не уходить с этого хлебного места. И вот остался.

Профессия оказалась глупая и бестолковая. Надо пробовать масло особой такой тонкой ложечкой. Надо подковырнуть масло из глубины бочки и пробовать его. И чуть маленько горечь или не то достоинство, или там лишняя муха, или соль – надо браковать, чтоб не вызвать недовольства среди мировой буржуазии.

Ну, сразу, конечно, я не понимал разницы – каждое масло мне чересчур нравилось, но после кое-чему научился и стал даже покрикивать на управляющего, который чересчур был доволен, что нашел меня. И даже написал своему владельцу письмо, где наплел про себя разные истории и просил себе надбавку или там какой-нибудь трудовой орден за отличные дела.

Так вот, конечно, первые дни мне профессия нравилась. Бывало, отхватишь сыру да навернешь масла – лучше, думаю, работы и не бывает на земном шаре.

После вижу – что-то не того.

Через две недели я начал страдать, вздыхать и мечтал уже с этим расстаться.

Потому за день напробуюсь жиров, и глаза ни на что не глядят. Хочешь чего-нибудь скушать, а душа не принимает. И внутри как-то тошно, жирно. Никакая пища не интересна, и жизнь кажется скучной и бестолковой.

И при этом еще строго запрещалось пить. Никакого вина или там водки нельзя было в рот брать. Потому алкоголь отбивает вкус, и через это можно натворить безобразных делов и перепутать качество.

Короче говоря, через две недели я ложился после работы вверх брюхом и неподвижно лежал на солнце, рассчитывая, что горячее светило вытопит у меня лишний жир и мне снова захочется ходить, гулять, кушать борщ, котлеты и так далее...

А был там у меня в этих краях один приятель. Один прекрасный грузин. Некто Миша. Очень чудный человек и душевный товарищ. И был он тоже дегустатор, пробольщик. Но только в другом деле. Он пробовал вино.

Там в Крыму были такие винные подвалы – удельного ведомства. Вот там он и пробовал.

И профессия его, чересчур бестолковая, была даже хуже моей.

Ему даже кушать не разрешалось. С утра до вечера он пробовал вино и только вечером имел право чего-нибудь покушать.

Меня мучило от жиров и в рот ничего не хотелось взять. И выпить не разрешалось. И аппетита не было.

А у него наоборот. Его распирало от вина. Он с утра насосется разных крымских вин и еле ходит, и прямо свет ему не мил.

Вот в другой раз встретимся мы с ним вечером – я сытый, он пьяный, и видим – наша дружба ни к чему. Говорить ни о чем неохота. Он хочет кушать, я, наоборот, хочу выпить. Общих интересов мало, и вкус во рту мерзкий. И сидим мы, вроде как обалделые, и в степь глядим. А в степи ничего. А над головой – небо и звезды. А где-то, может быть, идет жизнь, полная веселья и радости... Вот я ему однажды и говорю:

– Надо, – говорю, – уходить. И хотя у меня контракт до осени, но я, безусловно, этого не выдержу. Я отказываюсь кушать масло. Это унижает мое человеческое достоинство. Я смотаю удочки, стибрю круг сыру – и только меня толстобрюхий управляющий и видел.

Он говорит:

– До осени уходить не расчет. Работы сейчас не найти. А надо нам с тобой чего-нибудь такое оригинальное придумать. Дай срок – я подумаю, голь на выдумки хитра.

И вот однажды он мне и говорит:

– Знаешь чего – давай временно поменяемся профессией. Давай, я буду пробовать масло, а ты временно пробуй вино. Неделю или две поработаем так, а после опять поменяемся. А потом опять. Вот оно и получится у нас какое-то равновесие. И, главное, отдохнем, если они, черти, не дают от пуска, а заставляют без отдыха жрать и пить.

Я очень радуюсь этим словам, но выражаю сомнение, что наши управляющие захотят этого. Он говорит:

– Это я берусь уладить.

И вот берет он меня за руку и ведет к своему управляющему по винной части.

– Вот, – говорит, – этот низенький опытный господин смело может меня заменить на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать. А он за меня будет пробовать и соблюдать ваши интересы.

Управляющий говорит:

– Ладно. Покажите ему, какие тут вина и как чего надо делать. И через две недели возвращайтесь. А то мы натворили тут делов. Вместо столового вина взяли «Аликоте» в Москву отправили. Чистое безобразие.

Вот тогда я, в свою очередь, беру Мишу за руку и веду его к своему толстобрюхому управляющему:

– Вот, – говорю, – этот высокий опытный господин смело может заменить меня на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать и покалякать с ней о разных разностях.

Управляющий говорит:

– Ладно. Покажите ему, как и чего, и через две недели приезжайте. А то и так у нас беспорядок. Вместо сливочного масла мы отправили в Персию сметану. Персы могут обидеться и не захотят ее кушать.

Вот стали мы на свою новую работу.

Я пробую вино. А Миша пробует масло.

Но тут с нами происходит чушь и неразбериха.

В первый же день Миша наедается масла и сыру до того, что болеет судорогами. А я с первых же двадцати глотков от непривычки пить до того захмелел, что подрался с Мишиным управляющим. И хотел его в винную бочку поковырнуть за то, что он сказал плохие слова про моего приятеля.

Тут на другой день мне дали по шапке и велели убираться.

И Мише дали расчет и тоже велели убираться.

Вот встречаемся мы с ним и смеемся. Думаем – наплевать. Отдохнули пару дней, и теперь снова можем приняться за свое ремесло.

Но тут случается так, что оба наши управляющие снюхались и узнали наш обман: и какие у нас две недели, и какая у нас тетка в Тифлисе, и какой у нас опыт.

Оба они призывают нас, кричат страшными голосами и велят убираться.

Нет, мы особенно не горевали. Я взял круг сыру, а Миша вина. И всю дорогу мы шли и пели песни. А после устроились на другую работу.

А вскоре разразилась война. Потом революция. И я потерял своего друга из виду.

А недавно узнаю, что он проживает на Кавказе и имеет хорошую, чудную командную должность.

И я мечтаю к нему поехать. Мечтаю встретить его, поговорить и сказать ему: «Молодец!»

Ох, он, наверное, обрадуется, когда увидит меня! Тоже, может быть, скажет мне: «Молодец!» И велит подать лучший шашлык.

Тут мы с ним будем кушать и вспоминать, кем мы были и кем стали.

Кролики*

Вчера в столовой я кушал кролика. И нет, ничего, знаете ли. Сначала я, правда, с непривычки подумал, что мне какую-нибудь дрянь подсунули. А потом ничего, разъелся. Кушать можно.

Это мясо нежное и маленько курицей преподает. Или скорей цветной капустой. Очень приятно на вкус, только почему-то после этого выпить хочется. Но я это объясняю скорей психологическими причинами, чем воздействием этого мяса на организм.

А кролика я кушал в чужой столовой. В нашем учреждении с кроликами казус произошел.

У нас сорок служащих. Вот мы решили завести кроликов.

Ну, конечно, собрание, разные гордые слова, пятое-десятое.

Служащие говорят:

– Может, нам лучше свинок завести? Все-таки у нас столовая, обеды, пятое-десятое.

Но начальство решает кроликов завести.

Ну, сложились по шестнадцати рублей на рыло. Купили кроликов. Клетки. Уборщицу. Пятое-десятое.

Вот имеем двадцать три кролика и ожидаем от них, согласно обещанию, чудовищного приплода.

Только вдруг мы замечаем, что кролики наши очень такие, что ли, привередливые насекомые. Они и то не жрут и это не кушают. Их интересуют, видите ли, свеженькие овощи, листочки, сухарики. Еще чего! Очень в них барство наблюдается и капризы, чего даже не бывает у служащих.

В столовой у нас бывает много обедков – так они морды воротят. Они сырые обеды не едят. Они хотят свеженький хлеб, пятое-десятое. Пирожные, может быть.

Вот видим, начали у нас кролики сохнуть.

Начальники говорят:

– Пуцай каждый служащий берет каждого кролика под свое шефство и пуцай ежедневно своим подшефным чего-нибудь носит. Это и их не разорит, и всячески план будет выполнен.

Ну, стали служащие носить – которые корку принесут, которые печенье «Мария». А им все мало. У них только и делов – пожрать побольше. Это жуткое животное в смысле еды. У них никаких других идейных запросов не бывает. Им бы только пожрать.

Начальники говорят:

– Пес их знает – действительно много жрут. Вскочили нам эти кролики в копеечку.

Служащие говорят:

– Надо было свинок завести. Все-таки у нас обедки бывают.

Вскоре у нас кролики стали хворать. Главное, один кролик захворает, и от него все начинают хворать. Очень нежная тварь.

И чем лечить – неизвестно. Ихний врач говорит:

– Их надо едой лечить – это низшие животные. Они питание себе требуют.

Вскоре осталось у нас девять кроликов. Остальные дуба дали.

Ну, обрадовались служащие. Девять кроликов прокормить еще можно.

Вскоре наступила сырая погода. И хотя эти последние, как говорится, ходят в мехах, но тем не менее простужаются и, главное, боятся сквозняка. Еще чего!

Стали эти девять подлецов кашлять и чихать.

И вскоре осталось у нас всего две персоны.

Хотели мы их употребить в столовую. Но завхоз не позволил.

– Может, – говорят, – они одумаются и начнут нести потомство. Хотя это мало вероятно, поскольку это два самца. Но все-таки подождем. А нет – так тогда в столовую.

Наш бухгалтер устроил калькуляцию и подсчитал стоимость одного обеда из этих будущих кроликов. Он говорит:

– Один обед обойдется рублей в семьдесят.

Так что, кто из служащих получает сто рублей в месяц, тем, конечно, такой обед будет не по карману.

Ну, это, конечно, только у нас. Как в других учреждениях, я не знаю. Может, там кроликов по две копейки продают.

А у нас, извините, такой казус. Такое головотяпство. Ну, я понимаю, там, где нет столовой, там пуцай кроликов разводят, а где есть обедки – там бы наилучше всего свинок.

И служащие у нас теперь прямо вздрагивают при слове «кролик».
А при слове «свинья» улыбаются.
А так все остальное хорошо.

Понимать надо*

Тут у нас в Ленинграде произошел довольно интересный случай. Один квартирант имел небольшую квартиру.

Вот имеет он небольшую квартиру и в этой небольшой квартире сжигает он электричества рублей на тридцать в месяц. Другие сжигают на такой площади рублей на пять, а он – на тридцать.

Он любитель электричества. У него день и ночь сияют лампочки. У него в каждом углу свет.

Даже одну лампочку он в клетку провел. У него в клетке жила небольшая белка. Так вот он и белку электрифицировал.

– Мне, – говорит, – интересно белку наблюдать при полном освещении.

Только однажды на собрании ему председатель жакта говорит:

– Вы, – говорит, – уж очень электричество не бережете. У вас, говорят, день и ночь в окнах свет играет. Надо полегче. Надо экономить.

Квартирант с обидой в голосе отвечает:

– Я, – говорит, – очень удивлен вашим грубым замечанием. У меня, – говорит, – счетчик. Я, – говорит, – дармового электричества не имею. За каждый, – говорит, – сожженный ампервольт я, – говорит, – плачу государству наличные деньги. И я так понимаю, что государство тем более заинтересовано, что я больше жгу. От этого государство крупные деньги имеет.

Тут встает один жилец, некто такой Жуков. Бывший партизан. Рабочий сейчас. Он очень горячо говорит, но немного, к сожалению, заикается:

– В-вы, – говорит, – я из-виняюсь, ф-ф-форменный д-д-ду-рак. Гос-государство, – говорит, – х-хочет освещать не только вашу паршивую квартиру, но и деревни, колхозы и так далее, и в силу этого, – говорит, – расход энергии и топлива очень увеличился. Надо, чтобы все пока что понемногу пользовались... А вы – вы, – говорит, – л-лезете со своими д-деньгами. Это, – говорит, – есть бур-бур-буржуазный подход к делу. В данном, – говорит, – случае в-ваши тридцать рублей гос-государству нужны, как с-собаке пятая нога. Вы, –

говорит, – лучше с этих пор поменьше жгите, а то я могу на вас р-рассердиться.

Тут председатель от себя добавляет:

– Да, – говорит, – Жуков правильные мысли развивает. И, кроме того, в этой электроэнергии нуждаются заводы и фабрики, поскольку машины приводятся этим в действие. Так что, – говорит, – тут даже можно усмотреть в действиях вышеуказанного квартиранта некоторое вредительство на фронте пятилетки.

Тут сначала любитель электричества начал ругаться, но после заробел и говорит:

– Я, – говорит, – извиняюсь, конечно, но я про это не подумал. Я подумал, что это даже тем лучше, что я много жгу. Ладно, – говорит, – я белке перестану энергию подавать.

И начал с тех пор экономить. И рублей пятнадцать в месяц сэкономил. И ему, д-д-дураку, польза и государству: может быть, лишних пять лампочек в деревню проведет. И драгоценное топливо сохранилось на эту сумму.

На этом дело и кончилось. Началась экономия.

А рассказали мы эту историю вот к чему. Нам пишут, что учком 181-й ФЭС не только не экономит электроэнергию, но форменно небрежно относится к этому делу. В школе зачастую бесполезно горит свет. Тушить позабывают. И вообще этим вопросом не интересуются.

И нам теперь желательно, чтобы учком хором прочел наш небольшой рассказ.

Ну, еще мещанский жилец со своей белкой нам понятен, но тут видеть равнодушие у пролетарских ребят мы прямо не можем. У нас, может быть, сердце кипит от огорчения. Потому – понимать же надо, товарищи!

Варташевский*

Значит, служит одна гражданка в производственном отделе. В городе Острогжске.

Ну, начальство над ней, как нам пишут, некто такой, может быть, знаете, Варташевский С. М. Наверное, Семен Михайлович. Или Сергей Михайлович. Не знаем. Не имели счастья лично познакомиться.

Вот, значит, служит она в производственном отделе. Проживает в Острогжске. А муж у ней, между прочим, в другом городе. Где-то там на периферии. В Красной армии.

Ну, конечно, неудобство. Муж в одном городе, жена в другом. Семейная жизнь от этого не так гладко идет. Нет такого, что ли, семейного счастья и уюта.

Только раз однажды приезжает ее муж в Острогжск. И говорит, дескать, кончен бал – а я за тобой приехал. Собирай вещицы и ребят – поедем и будем совместно жить в моем городе. А то, говорит, мне поднадоела такая семейная жизнь на разных планетах.

Ну, естественно, жена обрадовалась, сложила вещицы, побежала на службу и подала заявление, дескать, оревуар, до свиданья, за мной муж приехал. Не скучайте.

Некто Варташевский, ее начальство, вызвал ее к себе и так говорит ей грудным голосом:

– Конечно, ясно, если за вами муж приехал, конечно, мне придется вас отпустить. Только, может быть, вы врете, наворачиваете?

– Нет, – говорит, – ей-богу, честное слово, приехал. И мы всей семьей уезжаем. Варташевский говорит:

– Знаете чего. Приведите вашего супруга сюда. Я хочу на него наглядно посмотреть и удостовериться. И тогда я вас уволю со спокойной совестью. А если он не явится, тогда валяйте, служите дальше.

Ну, конечно, побежала супруга до своего мужа.

– Вот, – говорит, – Володя или, там, Петя, – канцелярия тебе велит явиться. Хотят удостовериться.

Боец говорит:

– Да что вы, обалдели? Что это – командир полка, что я ему являться буду. Вот еще.

Но все-таки пошел. «А ну их, – думает, – к черту – явлюсь. Их не переделаешь».

Взял и явился.

Неизвестно, какой у них там с Варташевским разговор состоялся. Наверное, поздоровались. Варташевский папироску предложил. Или, скорей всего, взял папироску у нашего бойца. Ну, конечно, пятое-десятое. Дескать, вы, что ли, муж? Уезжаете? Подтвердите, что это ваша жена и вы хотите с ней уехать в другой город.

Ну, наверно, еще про погоду разговорились, про искусство, про успехи культурного роста. И разошлись.

Нет, этот Варташевский не бюрократ, не канцелярский волокитчик. Другой бы на его месте – любитель бумажек – разные удостоверения потребовал, пятое-десятое. А этот поглядел, поговорил и без всякой переписки отпустил человека из душной канцелярской комнаты.

Даже к делу не пришили нашего бойца. Очень гуманно поступили. Неоскорбительно.

А так все остальное в городе Острогожске хорошо и благополучно.

Анна на шее*

Из любовных историй я вам могу рассказать одну весьма смешную и трогательную историйку, любопытную по своей психологической тонкости.

Эта историйка рисует, что ли, некоторый наш недосмотр на одном позабытом участке жизни.

Короче говоря: по-моему, следует давать медали или какие-нибудь там знаки отличия за спасение утопающих. Иначе получается как-то не того. Посудите сами.

А стоял один мой знакомый милиционер на посту. Днем. Как раз, знаете, у Республиканского моста. Там Нева, знаете, течет широким течением. Могучие волны стремятся вдаль. Темные воды расстилаются перед взором.

А напротив, знаете, Зимний дворец во всей своей бывшей красоте. Направо – Петропавловский шпиль. Так – Академия наук. И Зоологический музей – довольно обшарпанное здание. Особенного там внутри, по правде сказать, ничего такого интересного нету. Ну, чучела зверей. Разные бабочки. Ну, разве что мамонт еще любопытен. Страшенный, черт, во всей своей бывшей красе.

Так вот, стоит наш милиционер на посту как раз у этого здания. Фамилия милиционера – Сидоренко Михаил.

Вот он стоит на посту во всей своей красоте. Бравый молодец. Красавец и добряк. На очень хорошем счету. И к тому же человек отчаянной храбрости.

В начале-то революции ему было, конечно, лет десять, так что эту храбрость он до сих пор не проявил. Но вскоре, как мы сейчас увидим, проявит ее в полном объеме.

Вот, значит, стоит он на своем посту. Любуется, может, на монументальные здания, поглядывает на темные невские воды с их державным течением, думает, может быть, сколько там, черт возьми, разной лишней рыбы и черт знает чего в глубине. Вспоминаются ему, может быть, картины крайнего детства, когда он мальчишкой болтался по колено в воде и ловил разных там ершиков, жучков и

колюшек. И вдруг видит – проходит вдоль моста какая-то молоденькая бабе-шечка в черной шляпке.

Милиционер думает: «Какая-то, думает, гражданка идет. Пушай себе, думает, идет».

И не придает этому решительно никакого значения.

«Мало ли, думает, сколько ходит гражданок. На каждую глядеть – глаза заболят».

И отворачивается он в сторону и начинает, может, думать про свои душевные дела. И кто ему нравится. И не жениться ли ему в этом году. Поскольку человек он молодой. На войне не был и здоровье имеет очень великолепное.

Вот, значит, он так думает и вдруг неожиданно видит – эта вышеуказанная гражданка в полной нерешительности берется ручками за перила и вроде как напряженно смотрит в темные воды.

Милиционер думает: «Ого, надо будет посмотреть за этой гражданкой».

Тем более он замечает, что гражданка как-то нервно и панически настроена. Ход у нее мелкий и неровный. И вся она, видать, находится в сильном волнении.

Вот он смотрит на эту гражданку. Хочет к ней подойти, чтоб поговорить об ее душевном и нравственном состоянии. И вдруг с криком замечает, что эта молоденькая еще барышня карабкается на перила и – ах, ужас какой! – сигает вниз, в эти темные воды, откуда возврата нету.

Ах, он моментально замечает все это и вдруг швыряет с себя шапку и расстегивает ремень.

Нет, наш храбрец не нуждается, конечно, в разных там похвалах и наградах и в разных почетных отзывах и в часах с надписью: «За храбрость». Или там в каком-нибудь серебряном портсигаре.

Настоящая храбрость и мужество, безусловно, выше всех этих корыстных соображений.

Но нам сдается, что за проявленную храбрость и мужество все же надо чего-нибудь давать.

В довоенное время давали чуть не за каждый шаг разные там знаменитую «Анну на шею» или там «Владимира с бантом». И давали там всякие медали с разными словами: «Мерси, благодарю, вот вы какой». И так далее.

В том, конечно, было много вздору, но вот нам сдается, что за спасение плавающих и утопающих непременно надо что-нибудь давать. Это, если разобраться в этом психологически, очень нужно. Иначе получаются такие вдруг неожиданные осложнения, которые потом долго надо расхлебывать. Так сказать, глубина человеческой психики мало исследована. И то, чего бывает, вызывает удивление. В общем, по-моему, надо давать.

Так вот, наш милиционер, у которого даже и на минуту не мелькнула мысль о награде, увидя сие ужасное происшествие и гибель молодого цветущего существа, моментально, не теряя присутствия духа и не закричав даже: «Помогите» или «Ах, спасите! Тонет!» или еще чего-нибудь такого, которое обыкновенно кричат малодушные люди, моментально сбрасывает с себя шапку и ремень.

Он моментально сбрасывает с себя куртку, шапку и сапоги и в одних, извиняюсь, брюках с громадной высоты сигает вниз вслед за исчезнувшей гражданкой.

Он сигает вниз, резво разбивает нахлынувшие на него холодные волны и вдруг видит, что гражданка на минуту вынырнула вновь. Она продержится еще две секунды и сейчас пойдет безвозвратно на дно морское.

Она вынырнула на минуту в жалком виде. Шляпка у нее сбилась. Платице ее облепило. И ротик у нее набит водой.

Она фыркает носиком и жалобно глядит на небо, желая увидеть там чудо и спасение.

Но спасение близко.

Наш храбрец резво бьет руками воду и кричит:

– Один момент! Продержитесь!..

И вдруг – вот он берет ее за каштановые волосы и тянет ее к берегу. И она, как кораблик, скользит за ним в обморочном состоянии.

Тут наверху и внизу столпился народ. Все преужасно кричат. Какие-то дураки и болваны бегут зачем-то за кругами, в то время как решительно никаких кругов не надо, поскольку наш герой плавает, как рыба.

Кто-то бежит в музей и вызывает карету скорой помощи.

Какая-то дама торжественно держит в своих руках куртку, шапку и сапоги милиционера и всем кричит:

– Вот-то она – я, – держит белье этого героя.

Милиционер вылезает на сушу со своей ношей.

Все их обступают. Кто-то кричит бис и браво. Кто-то трогает за ручку молодую утопленницу и говорит:

– Она вполне живая.

Тут молодая утопленница сама открывает свои серые глазки и смотрит на небо.

А на небе сияет солнце. Чудный мир разворачивается. Птицы щебечут о разных свойствах счастья. Где-то летит аэроплан со своим жужжаньем. И в этом полете видно неслыханное мужество людей и желание их жить отлично.

Становится ясно, какое безобразие и какое малодушие так губить свою молодую жизнь, которая может пригодиться для более замечательных дел. Всем это становится ясно. И тогда наступает удивительная тишина, и все ждут, что сейчас скажет молодая утопленница.

Она открывает свои глазки, выплевывает воду изо рта и говорит: «Ох», потом: «Фу».

Потом смотрит на милиционера и говорит ему: «Мерси».

Она ему говорит «мерси» и слабым движением ищет его руку, чтоб пожать.

Милиционер говорит: «Что вы, что вы». И тоже выплевывает воду из глубины груди. Потом говорит: «Оу» – и сильно кашляет.

Молодая утопленница говорит «мерси» и бормочет, что она сама не знает, как это вышло.

Какая-то тетка, позабывшая от любопытства все на свете, говорит:

– Кто-нибудь тебя разлюбил или бросил?

Молодая утопленница тихо говорит: «Да».

Тут все видят, что эта молодая женщина родилась в свое время от неврастенических родителей. Почти все видят, что она немножко истеричка и немножко оторвавшаяся от жизни.

Ее спрашивают, где она работает, и она отвечает: «В институте поварского искусства».

Тут вдруг с резким свистом приезжает карета скорой помощи.

Молодую даму берут на руки и сажают внутрь. И тогда все обступают карету.

Милиционер, одевшись в сухое, делает прощальный жест и снова хочет идти стоять на своем боевом посту.

Но всем видно, что он желает еще раз поглядеть на дело своих рук. И тогда все говорят: «Расступитесь, дайте ему подойти».

Он подходит, любовно смотрит на спасенную даму и говорит:

– Пойдите кто-нибудь на посту, я сам провожу эту спасенную гражданку до больницы.

И, сказав так, он садится внутрь.

Все понимают психологию храбреца. Кто-то кидает в восторге шапку и кричит «ура».

Что было дальше, нам в подробностях неизвестно. Только известно, что он довез ее до больницы и велел главному врачу получше о ней заботиться.

Она пролежала там три дня. И три дня наш храбрец посещал ее, говоря, что он ее спас и он желает ее приблизить к жизни.

Но вот она выписалась на сушу, то есть я хотел сказать – домой. И живет себе дома.

Он теряет ее из виду, сердечно горюет от этого и разыскивает ее через адресный стол, зная, что ее зовут Анна Васильевна Теплякова.

Он находит ее и звонит энергично по телефону каждый день, а то и по два раза.

Она через неделю приглашает его к себе. Он ежедневно ее посещает и спрашивает о здоровье, так что она приходит даже в некоторый ужас и содрогание от излишних его забот.

Нет, она не хочет от этого снова броситься в воду. Она терпеливо сносит его посещения и не забывает сказать ему «мерси». Но после ухода она хватается за голову и говорит себе: «Это слишком».

Но тут он вдруг объясняется однажды ей в своих чувствах и говорит, что он ее так полюбил, как не может мечтать никакая другая женщина.

И он предлагает ей записаться.

Она очень радуется такому обороту дела и моментально выходит за него замуж, говоря, что ее прежняя любовь канула в вечность.

Они поженились и часто вспоминают удивительный день спасения. Причем он любовно смотрит на нее и всем знакомым говорит:

– Еще две секунды – и сию гражданку съели бы рыбы.

На что знакомые отвечают:

– Вы молодец. Поймали Анну Васильевну.

Но в довершение всего она оказалась истеричным существом. Вскоре после брака она стала закатывать ему чудовищные истерики и сцены. Но он покорно все это сносит и говорит, что он сам теряет в догадках, за что он ее так полюбил, больше жизни.

Так они и сейчас живут. Наш храбрец получил, так сказать, Анну на шею.

Нет, по-моему, если еще и не дают, то надо давать какие-нибудь, хотя бы пустенькие, жетоны за спасение плавающих и утопающих. А то что-то получается не того. Не по заслугам.

Счастливый случай*

Говорят, в Америке на каждую личность в год идет бумаги двадцать пять кило. Вот это здорово.

Что они, лапшу из нее делают, что ли?

Нет, они из бумаги делают какие-то тарелочки, чашечки, блокнотики. У них там у бачка с кипяченой водой стопочка бумажных стаканов стоит. Один попьет и безжалостно выкинет этот стаканчик. В смысле заразы, говорят, очень гигиенично.

Ну, кроме того, они, конечно, книги печатают, переписываются друг с другом чуть не ежедневно.

А у нас бумаги, к сожалению, еще мало. Конечно, больше, чем в довоенное время, но все же чертовски мало.

К тому же у нас при слове «бумага» мысленно рисуются скорее плохие представления, чем хорошие. Нам мысленно рисуются какие-то удостоверения, какие-то счета от Электротока, какие-то комочки, лежащие на тротуарах, какие-то телеграфные бланки, на которых все слова расплываются, или жуткие конверты, которыми можно простоквашу покрывать, а не адреса на них писать.

Нам мысленно слышится скрипучий голос почтового работника: «А, да нет у нас бумаги, чего вы лезете!»

Ах, черт возьми! А мы мечтаем, чтоб у нас было много бумаги, чтоб и книги, и учебники продавались бы на каждом шагу, чтоб письмоце, в силу качества бумаги, приятно было бы послать, а не наоборот.

Одним словом, большие надежды у нас связаны с бумажным делом.

И в силу этого своим суровым взглядом мы должны окинуть наши ресурсы.

Вот в поле нашего сурового взгляда попался Сясьский комбинат.

Брови у нас сдвинуты, глаза мечут молнии, и побелевшие губы шепчут: «Черт возьми!»

А приехал туда на Сясьский бумажный комбинат один ответственный работник. Ну, конечно, увидел там горы мусора, грязи и кустарщину. Его главным образом удивило, что там нет даже

подъездных путей. А там шлак и колчеданные старки вывозят, поругиваясь, от печей на тачках, вручную. Ну и, конечно, сваливают все тут же. Цельные горы образовались. Прямо Альпы.

Ну, конечно, разные комиссии и перекомиссии создали. Решили узкоколейку построить. Выписали вагонетки, пятое, десятое.

Ну, закипела работа. Начали расчищать путь для прокладки рельсов.

И вдруг видят – под горой мусора какие-то, черт возьми, рельсы виднеются, доисторические, что ли.

Очень удивились. Начали копать дальше. Пардон. Видят – чудесные рельсы проложены и на них вагонетки стоят. Пардон. Что такое?

Видят – готовый подъездной путь имеется. И целый состав чудных, хорошеньких вагонеток. Тут поднялись крики «бис» и «ура». Оказалось, не надо тратить народные соки – денежки. Все в порядке, путь готов, поезжайте.

Тогда стали думать, как это случилось. Главное-то – фабрика новая. Всего пущена к десятой годовщине.

А позабыли, чего у них имеется.

Ну, конечно, мы понимаем – текучесть состава и склонность погрязней жить, но все же, братцы, оно как-то не того.

Знаете что? Копайте дальше. Черт его знает, чего еще можете обнаружить. Может, там у вас под горой мусора целая бумажная фабрика заболталась.

Было бы на руку. Прибавилось бы у нас на каждую личность немного бумаги.

Бумага! Как говорится у поэтов: как много в этом чудном слове для сердца нашего слилось.

Артисты приехали*

Конечно, не каждый человек может на улице заснуть. У кого нервы не в порядке, тот обыкновенно не берется под открытым небом спать. Он пугается, что лошадь его ногой зацепит или букашки в рот наберутся. А если человек несколько более интеллигентный, думающий о том о сем, об астрономии, об истории народов и т. д., то он вдобавок еще будет пугаться, как бы у него во время сна брюки не унесли.

Но особенно не любят спать под открытым небом это почему-то артисты – эти, так сказать, люди нервов и творческой фантазии. Вот артисты действительно не любят дрыхнуть на воздухе. Они скорее откажутся от еды, чем они позволят себе заснуть на вольном воздухе. Они как приезжают в какой-нибудь город, так прежде всего о гостинице беспокоятся. Вот какие бывают особенности у этой утонченной профессии.

Вообще с этими артистами форменная беда.

Они разъезжают по городам обыкновенно целой группой или, как они называют для смягчения паники в гостинице, – труппой. А в этой труппе у них обыкновенно куча артистов. Человек пятьдесят, а то и шестьдесят. Ну что это такое?

В других профессиях этого не бывает, чтобы, например, сразу в гостиницу шестьдесят человек вперлось. А у этих бывает. У этих, говорят, некоторые труппы до ста и больше человек доходят.

Один поет, другой играет, третий, может быть, комик. Ужас!

Недавно приехала в Петрозаводск труппа. Группа в шестьдесят два человека. Три тенора, четыре баритона, некоторые танцуют. Какой-то там что-то такое вертит. Один суфлер, другой администратор. Ну что это такое?

А Петрозаводск город все-таки не маленький. Все-таки наверняка там пара гостиниц есть и Дом крестьянина. Ну, такой группе это, может быть, раз плюнуть.

И вот, значит, приезжают. Шестьдесят два человека. В город Петрозаводск. При нашем-то состоянии гостиничного треста! Ну,

естественно – паника. Затруднение нормального хода городской жизни. Фу ты, черт!

Шестьдесят два человека. Из них некоторые балерины. Режиссеры, дирижеры. Одна вообще – в наше время комическая старуха. Ну что это такое? Это уж, знаете ли, слишком. Это уж, знаете ли, лучше, чтоб звуковое кино у нас процветало. Все-таки меньше неприятностей.

Вот приезжает эта группа. Здравствуйте, пожалуйста. С петрозаводским приветом, так сказать. Сейте разумное, доброе, вечное.

Куда вас, черт возьми, разместить? Ах да, тут Дом крестьянина еще имеется! Там, кажется, приезжие колхозники ночуют. На постелях. Еще чего...

Ну, хотя этот-то народ, конечно, податливый, привыкший, так сказать, в силу исторических судеб, к природе и ее стихийным проявлениям. Они свободно могут на воздухе поспать. Им это даже еще интересней, забавней, полезней для ихних застывших организмов, когда над ними свежий воздух струится. Им это более по карману.

И, в общем, последовало срочное распоряжение от администрации – очистить к чертовой матери с 1 июня все комнаты для размещения этой труппы артистов.

После чего, как нам пишут, «колхозники уже ночуют на площади и на балконе Дома крестьянина».

Нет, мы вообще не против артистов. Мы их любим и высоко уважаем ихнее искусство, и вообще всецело приветствуем их новшества. Даже пуцай они без занавеса играют. Больше того – мы всецело понимаем, что артист может потерять свою квалификацию, если он будет спать на открытом воздухе в содружестве с природой, мошками и букашками. Но мы слегка удивляемся, почему все-таки Дом крестьянина носит столь гордое название.

Поскольку этот дом, как нам пишут, обыкновенно почти всегда занят артистами, то не лучше ли для сохранения равновесия назвать этот дом – Дом артистов. А новый дом, который построят, назвать Дом крестьянина. Или наоборот.

В общем, по всему видно, что надо в Петрозаводске строить новую гостиницу.

Как в одной стенной газете местный поэт сказал по поводу недостатка огурцов в своем колхозе:

Огурцов же нет как нет...
Но, чтобы выйти из беде,
Посадим их на гряде...

В общем, «чтобы выйти из беде», надо срочно строить гостиницу. А то говорят, будто в Петрозаводск едет опереточная труппа в сто шесть человек. Вот эти со своими потребностями прямо весь город могут по ветру пустить.

Сто шесть человек... Ай! Ну что это такое? Как растет искусство!

Неприятная история*

Качество продукции заметно улучшается. Уже там и сям раздаются радостные возгласы покупателей, купивших то, чего им приблизительно хотелось, – какую-нибудь там кастрюльку повышенного качества или стакан, не режущий рта.

Уже хочется думать, что это так все время и будет и что подобное качество восторжествует во всех отраслях нашего хозяйства.

Однако не будем лакировать действительность и скажем, что по временам все же случаются большие пренеприятности в этой области.

То, простите, выпускается какой-нибудь рояль, который не так, что ли, гордо звучит, как того хотелось бы профессорам консерватории и вообще музыкантам с ихним утонченным слухом, благодаря которому от простого музыкального инструмента требуют какие-то немислимые качества вплоть до звучания всех клавиш – как будто это есть инструмент будущего.

То, знаете ли, происходит массовая пошивка пальто, в которых можно даже опускаться на дно морское, но гулять в которых нельзя, поскольку рукава, что ли, не сгибаются и тяжесть не позволяет человеку передвигать свои ноги.

То, наконец, отстраивается дом в виде небольшого небоскреба-халупы, в котором людям как-то неважно живется.

Да, все это, увы, до сих пор случается в наши дни. И даже на этой почве происходят иной раз психологические драмы с криками, обидами, оскорблениями личности и подозрениями в низости.

Короче говоря, вот что недавно случилось в Воронеже.

В этом году происходил в Воронеже слет ударников.

И вот все как полагается. Отмечены были факты и поступки. Сделаны были поздравления и приветствия. После чего заслуженным ударникам были розданы ценные премии.

И наряду с другими ударниками был, между прочим, премирован некто т. Г., работающий в Горфо.

Собственно, мы не знаем, чего он там делал в своем Горфо и в чем именно он там сумел проявить свое ударничество. Во всяком случае, он был премирован столом и четырьмя венскими стульями.

Но хотел ли он этой премии, или он этой премии не хотел, мы не беремся утверждать. Конечно, может быть, он и в самом деле захотел получить эту премию. Может быть, он даже сам попросил. Может, он сказал: «Чем премировать меня чем-нибудь другим – коровой там или кроватью, – премируйте меня, товарищи, если на то пошло, столом и четырьмя венскими стульями».

И, значит, его взяли и премировали. А может быть, конечно, он не просил, а его по бедности фантазии премировали просто так – чего было под рукой. И это было бы, конечно, досадно с точки зрения гуманного отношения к людям.

Хотя, впрочем, даже и в этом случае наш ударник мог быть отчасти доволен, поскольку, может быть, эта мебель была нелишней в его домашнем хозяйстве.

Короче говоря, тов. Г. был премирован на слете столом и четырьмя венскими стульями. И вот он радостно и счастливо, напевая про себя «Все выше и выше», пошел домой, слегка, наверное, умерив свою радость вопросами перевозки.

Но вот мебель привезена.

Наверное, торжественно с женой и, может, даже с детишками наш ударник установил стол и стулья посреди комнаты и, чтоб понежить свою душу, стал любоваться этими предметами то вблизи, то издали.

И вдруг, что такое? Пардон... Вдруг он замечает, что стол действительно новый, но стулья, наоборот, абсолютно старые, уже бывшие в употреблении и, так сказать, сильно держанные, и вообще чуть держатся.

Вот наш ударник очень удивился и расстроился, что ему подсунули старую рухлядь из какого-нибудь бывшего мещанского барахла. И, затаив обиду, он пошел в свое учреждение узнать как и что, и почему вообще такие дрянные стулья, и нет ли, черт возьми, тут обмана.

И вот каково же его удивление, когда он узнает, что все предметы для ударников были закуплены новенькие и что Горфо попросту взял новые стулья себе, а ударникам отпустил стулья из старья.

Тут трудно описать волнения самолюбивого сердца ударника.

Наверное, своим товарищам он сказал в неопределенном наклонении:

«Работаешь не покладая рук, а тут загибают себе новенькие стулья. Вы понимаете? Позариться на стулья ударников! Взять себе

новенькие, блестящей работы стулья, а ударнику подкинуть из старой рухляди, на которой, быть может, уже сидели разные бывшие классы и, пес их знает, какие-нибудь бывшие старушки и генеральши. Да, это странно и в высшей степени оскорбительно».

И с этими словами он пишет письменную жалобу в союз.

Дескать, старые стулья – ударнику. А новые – себе. Дескать, грубое надувательство. Обман. Дескать, совестно такие штуки выкомаривать с ударниками. Вот так Горфо. Фу, какая мерзость! Привлеките его к ответственности. Эхма...

Тут происходит целая симфония. В дело вступает союз. Даются инструкции и распоряжения. Бюро жалоб при областном совете профсоюзов срочно расследует эту весьма неприятную историю.

Да. Видят – в аккурат так оно и есть. Были куплены стулья. Новые стулья взяты себе, а ударникам выданы из старья.

Но стали расследовать дальше.

Оказалось, действительно, ударникам новых стульев не дали, но только им не дали по более простой причине, чем мы думали, – по причине слишком плохого качества этих стульев. Им попросту не рискнули дать столь недоброкачественные изделия. И взамен этого им дали старые венские стулья, как все же более сносные.

Тут, понимаете ли, дело обернулось иначе, чем мы с ударником думали. Мы с ним подумали, что тут, черт возьми, произошла та мелкая арапская комбинация, которая нередко случалась на нашей российской почве. Но, оказывается, ничего подобного.

Оказывается, Горфо не только не позарился на новенькие блестящие стулья, а наоборот, вовремя и с умом заменил эти стулья, имея рассуждение, что не все то золото, что блестит.

Тут нравственный облик Горфо засиял, можно сказать, в своей полной красоте.

Нравы, если не людей, то, во всяком случае, учреждений, заметно изменились к лучшему. Итак, все в порядке. Никто никого не оскорбил и никто никого не объегорил. Впрочем, всех оскорбил и всех объегорил Древлтрест, изготавливающий дрянную и трухлявую мебелишку, из-за которой чуть не поссорились хорошие люди и прекрасные учреждения.

Пламенный привет работникам Горфо.

Усердие не по разуму*

Весьма забавная история произошла у нас в Ленинградской области.

Житель деревни «Поселок», некто Яков Федоров, поймал ручного голубя.

Вот как это было. Он открыл дверь на улицу, и вдруг в избу влетает, представьте себе, голубь. Обыкновенный голубь, но ручной, и на лапке у него находится медное колечко.

Федоров, не особенный любитель голубиноного дела, довольно равнодушно отнесся к этой птице. Он, конечно, удивился, что голубь такой ручной. Но, не зная, к чему бы его приспособить, взял и запер его в сарай вместе со своими курами.

Но вдруг об этом деле узнает председатель сельсовета Егоров.

Он моментально бежит к этому жителю и ему говорит, дескать, как это можно. Голубь, быть может, почтовый, или он переписку из-за границы носит. Я, говорит, тебя в таком случае не поздравляю, если это такой голубь. А ты его еще маринуешь две недели со своими курами.

Дядя Яша, конечно, испугался и моментально отдал председателю эту птицу.

Председатель говорит:

– Этого голубя я сейчас отправляю в район к уполномоченному. Мало ли какой это голубь.

И с этими словами он назначает местную престарелую жительницу Иванову везти в район этого голубя. Он ей говорит:

– Вот тебе птица. Вези ее пулей в район. И там передай ее уполномоченному с этой моей запиской. Но если голубь у тебя улетит, то я не знаю, что я с тобой сделаю.

А дело было, между прочим, поздно вечером. И район находился в тридцати километрах. Так что наша престарелая жительница не захотела ночью ехать. Она сказала:

– Я, товарищ, ехать не отказываюсь. Я дисциплину всецело понимаю. И сознаю, что голубь этот особенный. Но только ночью я

буду страшиться его потерять. И я поеду лучше завтра утром, а сейчас я ехать отказываюсь.

Председатель говорит:

– Что это за голубь – я тебе объяснять не буду, я, говорит, еще сам не осознаю его назначения, но если ты моментально с ним не поедешь, то я тебя, безумная старуха, оштрафую на сто рублей.

Иванова говорит:

– Вы, говорит, меня такой суммой не пугайте. Я такую сумму никогда не видела и все равно не смогу вам ее за платить.

Председатель говорит:

– Тогда я конфискую твое барахло.

И действительно, на другой день он наложил на старуху штраф в сто рублей. А так как денег у старухи не было, то он взял у нее для продажи холст, несколько полотенцев, одеяло, две юбки, кофту и еще кое-какое хозяйственное имущество. И эти вещи он передал в кооператив на предмет продажи.

А когда вещи были проданы, старуха Иванова рассердилась и написала об этом факте письмо к своим московским родственникам.

И мы не знаем, как это случилось, но только письмо это попало к товарищу М. И. Калинину. И товарищ Калинин телеграфно отдал распоряжение о возврате отобранного имущества.

А так как вещи были уже проданы, то дело перешло в суд. И нарсуд постановил возвратить вещи в трехдневный срок. В противном случае возбудить уголовное дело.

Нам, к сожалению, неизвестно, как это произошло, но только вещи действительно были возвращены. Наверное, мы так думаем, жители, купившие старухины вещи, являлись к председателю, и он им, наверное, выдавал деньги, а они возвращали ему вещи. А может быть и он сам ходил по избам и увещевал. В общем, наверное, беспокойства у него было много.

Так или иначе, но Дарья Ивановна получила вещи назад, кроме, кажется, какого-то половичка, который затерялся в суматохе или был продан в слишком отдаленную местность.

Так что уголовного дела не возникло, и Егоров получил только выговор.

В довершение всего, голубь, при ближайшем с ним ознакомлении, оказался просто домашним голубем, которого выпустили полетать

ребята из соседней деревни. Причем эти же ребята для потехи набили медное колечко на лапку этого голубя, чем и ввели в заблуждение председателя, который просто даже заадминистрировался от возникших фантазий по поводу голубя.

Конечно, он поступил правильно, что отправил голубя в район для осмотра, поскольку он сам не решился определить, что это за птица, но все остальное было уже слишком. И к выговору, который он получил, ему бы следовало добавить еще, пожалуй, некоторое предупреждение. Тем более, что он, говорят, то и дело штрафует по всякому поводу местное население.

В общем, справедливость и законность восторжествовали. Председатель получил выговор, старухе Ивановой вернули вещи, а дядя Яша, поймавший голубя, отделался, так сказать, легким испугом. Так что все в порядке, и, казалось бы, и писать нечего.

Но дело осложнилось тем, что этот чертов голубь после осмотра улетел. Не найдя в этом голубе ничего особенного, его, естественно, оставили без особого присмотра, и он, так сказать, сразу «дал тигаля» – улетел в неизвестном направлении.

Так что мы теперь имеем небольшую душевную тревогу, как бы он не залетел сдуру еще куда-нибудь в населенное место и не наделал бы там снова каких-нибудь происшествий. Мало ли тоже, – наскочит на какого-нибудь строгого человека, который опять-таки возьмет и заадминистрируется.

Вот благодаря отлету голубя мы и решили опубликовать эту историю.

Дарье Ивановой передаем наш сердечный привет. Выражаем уверенность, что ее половичок найдется. В крайнем случае надо возместить его стоимость.

Дяде Яше также посылаем привет и поздравляем за героическую поимку голубя. Что же касается до Егорова, то пусть он всякий раз ловит голубей, у которых на лапке есть кольцо. Тем более, такой голубь действительно может оказаться пущенным, например, научной экспедицией. И тогда, может быть, Егорову напечатают благодарность, вот, дескать, поймал то, чего надо. Но при поимке таких голубей пусть он не теряет присутствия духа и не поступает столь некрасиво, как, например, в данном случае.

А что голубь улетел – это в высшей степени жалко. Он еще может натворить что-нибудь вроде этого.

Об уважении к людям*

Вот какой случай произошел в Ленинграде.

Вернее даже не в Ленинграде, а за городом. На полустанке Воздухоплавательный парк.

Наверно, там, судя по названию, аэропланы летают, летчики ходят, пропеллеры жужжат. Наверно, с чувством большого морального удовлетворения сходят пассажиры на этой платформе.

Но это удовлетворение вскоре, как дым, рассеивается. Поскольку там сразу как сойдешь – идти некуда. Поле и болото. Летом-то еще ничего, но весной, можете себе представить, чего там бывает.

Так что пассажиры приобрели там дурную привычку ходить по полотну. А за это их, конечно, штрафуют. Но они не сдаются и ходят.

Тогда на борьбу с этим злом кинули двух работников. Сторожа и делопроизводителя.

Делопроизводитель сидит в будке и отрывает квитанции. А сторож, как нанятый, ходит вокруг будки и, чуть что, замечает. То есть он берет тех, кто прошел по путям. И ведет в будку. А в будке берут штраф. По рублю с носу. И выдают квитанцию. Все, так сказать, превосходно, по закону, и так и надо. Если не вдаваться в тонкости насчет болота.

Но только вот беда – у делопроизводителя квитанции немного более крупнее, чем это требуется для штрафа.

Он штрафует по рублю, а квитки у него по три целковых. Вот, как хочешь, так и поступай.

Но они там со сторожем не особенно горюют. У них выход найден. Они там в будке накапливают по три пассажира. И сразу это звено целиком штрафуют. И получается у них арифметически верно. Берут с каждого по рублю и дают им общую квитанцию, объединяя, так сказать, сердца трех на почве общего несчастья.

Получается очень мило и славно. Тем более весна. Солнышко, может быть, сияет. Природа распускается. Болотце зеленеет. Любовь к людям, так сказать, загорается в сердцах. Уважение к человеческому достоинству наполняет грудь.

А квитки, конечно, ничего не поделаешь, по три целковых. Наверно, они остались от трамвайных прыжков. И их как-то надо

использовать.

Конечно, такие квитки отчасти усложняют ситуацию. Например, двое подлежащих штрафу собрались, а третьего нет. Конечно, он следующим поездом будет. Но все-таки ожидание.

А главное, надо, чтоб общее число взятых пассажиров было кратное трем. Тогда еще ничего. Тогда у них цифры сходятся. А если этого нету – тогда простите за арифметику.

И вот однажды число взятых пассажиров не оказалось кратное трем. Оно не делилось на три.

У них там в будке с утра заколодило. Два пассажира сидят, ожидают – третьего нет. Третий подошел, а с ним четвертый прется. Четвертый сидит, ожидает. А двоих нету. Идет один. Потом опять пара. И так целый день. Даже эти работники приуныли и стали немного нервничать. Но знамя своего производства не опускали до самого вечера.

И вот сошли с поезда двое. Оба работают на «Электросиле». Один агроном Т. заводского совхоза. И служащая А.

Вот они идут по пути, ничего не подозревая о несчастьях этого дня. И, значит, напарываются на сторожа. И он их ведет в будку.

В будке им очень радуются. Поскольку там ожидают двое. И эти двое сразу выбирают себе агронома. И у них получается нужный треугольник. И делопроизводитель говорит:

– Вот теперь я вас понимаю, теперь идите.

Тогда служащая говорит:

– А как же я?

– А вы, говорит, немножко обождите. Как двое еще по дойдут, так я вас отпущу. Иваныч, говорит, выйди поскорей на пути, похлопочи, чтоб что-нибудь было. Чтоб нам барышню не задерживать.

Но, как ни бился сторож, у него ничего на этот раз не получилось.

Потом он все-таки одного заблудившегося привел. Итого накопилось двое. А третьего нет. А уже, может быть, наступают сумерки.

Тогда сторож, в предчувствии арифметики, впал в небольшую панику. Выбежал на полотно, но опять никого не застал.

Тогда делопроизводитель, недовольный сторожем, сам вышел до ветру и заодно посмотреть, нет ли там каких-нибудь идущих по пути.

Но в этот день, мы повторяем, у них как заколодило. И третьего, как они ни бились, не могли достать.

Тогда делопроизводитель Сумароков, вздохнувши, говорит: «Придется написать два протокола. Платите вы двое по рублю и предъявите свои паспорта».

Вот двое стали подписывать протоколы. А агроном, который еще не ушел, а ожидал сослуживицу, говорит ей: «Подпишите в протоколе поверх фамилии насчет факта с трехрублевой квитанцией».

Сослуживица так и сделала.

Но это почему-то обидело делопроизводителя. Затронуло какие-то его чувствительные струны. И он сказал:

– Никакой лишней пропаганды и никаких фокусов я не допущу на железной дороге.

И с этими словами он закрыл будку и стал по телефону звонить в милицию. И попросил, чтоб прислали ему милиционера.

Но так как тот долго не шел, то делопроизводитель повел этих людей под конвоем сторожа на станцию.

На станции эти люди запротестовали. И тогда он, составив протокол, отпустил их.

Через некоторое время агроном получает повестку из Детского Села от милиции. Ему предлагают туда явиться. Но агроном, будучи сильно занятым, является с опозданием против назначенного часа. И участкового инспектора не застаёт.

Тогда инспектор пишет уже более энергично.

«Если, пишет, не явитесь такого-то числа, то доставлю приводом».

Агроном же, как назло, явиться не мог – его послали в Гдовские Сланцы – на посевную. И теперь ему оттуда прямо грустно возвращаться на неизвестное.

И действительно, как-то оно получается у них невесело. Как-то с двух сторон грубо и оскорбительно.

А главное, надо поскорей упразднить, что ли, эти трехрублевые квитанции, хотя бы из уважения к человеческому достоинству.

Это уж никуда не годится – такое слепое подчинение бумажке. Набирать людей на нужную сумму! Обычно бывает наоборот. А это прямо как-то даже озадачивает.

А что касается двух работников, кинутых на борьбу с хождением по путям, то они вместо трудностей бумажного администрирования

могли бы тем временем смело на болоте дорожку проложить. И это отчасти удовлетворило бы душевные потребности как пассажиров, так и их самих.

И не было бы таких криков, слез, обид и огорчений.

Порицание Крыму*

Как только ударяет лето, так многие хлопчут на юг попасть. Они думают, что приедут на юг, искупаются в Черном море – и они снова молоды и прекрасны. И все болезни и ненормальности у них ушли.

А которые молодые, те, я даже не знаю, о чем они думают. Многие, я так думаю, из озорства на юг едут. Хотят поглядеть, как и чего там бывает. А через это они затрудняют курорты. Стесняют движение. Суетню разводят. И чахоточным через это трудней на юг попадать.

Главное, все больше едут молодые, здоровые, горластые. Чуть что – они в Крым собираются. И в кармане у них три копейки, а они как-то такое едут. Прямо удивительно глядеть, как у людей преломляется энергия.

Многим вообще нравится Крым. И некоторые особенно одобряют художественный путь от Севастополя до Ялты.

И я не отрицаю: путь этот имеет свои прелести. С одной стороны над вами возвышаются горы. И они, так сказать, вызывают чувство удивления и гордости, что у нас бывают такие горы, недоступные многим низменным и в художественном отношении отсталым странам.

А с другой стороны внизу лежит море. И оно тоже отчасти заставляет гордиться, что вообще бывают такие моря и так они оригинально лежат: как-то такое внизу, а над этим прямо в небо упирается почти два километра суши. И автобус едет между тем и этим. И это тоже у них довольно художественно получается.

И многих это тоже восхищает. Многие горят желанием почаще там бывать.

И я не отрицаю, что крымские курорты иногда забавно видеть. Только я не поклонник там на автобусах ездить. Вот автобусы у них действительно что-то особенное в смысле неприятности.

Конечно, говорят, что ученые начали проектировать крымскую электричку. И там будут ездить поезда по южному побережью. И только ученые, кажется, еще не окончательно убедились, где им пускать поезда – внизу или наверху.

Но уверяю вас: где бы они ни пустили, все будет в высшей степени хорошо. Пускайте эти поезда, только не допускайте меня на крымских автобусах ездить.

Главное, стоит у вокзала, представьте себе, маленькая, мизерная машина. И со стороны, пока в нее не сядешь, думаешь, что в эту машину ну человек шесть может сесть.

Каково же берет удивление, когда начинается посадка. Тогда выясняется, что только на одну скамейку шесть человек садится. А там скамеек бесчисленное множество. И даже у них как-то такое бывает, что, например, все сидящие в одном московском вагоне – все умещаются в этом автобусе.

После этого начинается художественная поездка по южному побережью.

Вдобавок у многих дети на руках. Один непременно с козой едет. Он ее на руках держит. И она от страха всех бодает на поворотах. Но ему об этом сказать нельзя, поскольку он, может быть, выполняет сельскохозяйственный план.

А некоторые заместо коз и детей держат на коленях узелки и корзинки. И все это подпрыгивает во время художественного пути. Но это подпрыгивают мелкие вещи. А багаж где-то отдельно подпрыгивает.

А для нервного человека такое отдельное путешествие от вещей тоже как-то морально тяжело переносить. Все время думаешь: а где же, собственно говоря, вещи. И не то что ты боишься, что их сопрут, но думаешь: наверно, твою корзинку в Мисхор завезли и после разных формальностей ее тебе выдадут в конце лета.

Через это путешествие утомляет. И художественная красота пути не так, что ли, в достаточной мере заинтересовывает. Вдобавок мало чего видать. Тем более автобусы у них крытые. А с боков сидишь сжатый пассажирами.

А которые словчились сесть у края, то это еще ничего не говорит. И счастье этих всегда омрачается слабостью остальных. И из тридцати пассажиров всегда находится шесть слабогрудых дам, которых закачивает в пути.

И тогда все сидящие не с боков с восторгом восклицают: «Да пустите же ее, наконец, сбоку сесть, видите, дамочка побледнела и затрудняется дальше ехать».

И тогда захворавшая со всем нахальством, присущим указанным людям, сама садится с краю и едет. И там ее охлаждают зефиры, и там она, не стесняя пассажиров, может склонять свою головку, куда ей вздумается.

А вы тем временем садитесь на ее место – между козой и стрелком, у которого в руках мелкокалиберная винтовка. И страх, что эта винтовка может от сотрясения выпалить, тоже помрачает красоту пути.

И вот тем временем в рассуждении всех этих вещей и пассажиров незаметно проходит часть пути. Но зато вторая часть пути, наиболее интересная, проходит с ослабленной психикой. И даже едешь в некотором равнодушии и даже, что ли, с какой-то бесчувственностью во взоре. И даже по временам восклицаешь: «Крым, Крым – подумаешь!»

Короче говоря, подобные мысли и воспоминания пришли нам в голову в тот день, когда мы раздумали поехать в Крым. И не то чтобы раздумали, а как-то такое в этом году нам не пришлось поехать на южное побережье. И вместо этого погибельного Крыма мы сняли дачку в Парголово и сейчас весьма довольны.

Ну что, действительно, все время – Крым. Пыль. Жара. Горы бестолково торчат. Три дня ехать. Билеты опять же покупать. А тут снял дачку и можно жить без всякого затруднения. И, в сущности говоря, то же самое – пыль, жара. Только что гор нету. И моря. И не так художественно.

Тем более сейчас лето. Виноград еще не созрел. Бархатный сезон впереди. Так что особенного интереса нету туда ехать. А осенью, может быть, и поеду. А вообще, хотелось бы на все крымское путешествие тратить часа два-три.

И вот когда будут летать стратопланы, то это так и будет. В двенадцать часов дня сел в Ленинграде – и в три часа купаешься в Черном море. А в шесть вечера обратно дома. Вот это будет интересно.

Но, вообще-то говоря, я ждать этого времени не намерен, и три дня пути меня тоже не особенно останавливают.

В общем, сердечный привет поехавшим в Крым.

И как ни брани этот Крым, а все-таки это, так сказать, чудная жемчужина в курортном деле.

А что касается оправы для нее, то она постоянно будет улучшаться.

Пьяный человек^{*}

Люди пьют по самым разнообразным причинам.

Например, мы знали одного слесаря, который запил от удивительной причины. У него, если так можно сказать, был разрыв между его гордым характером и практикой жизни.

То есть он хотел, чтоб его все время хвалили, награждали орденами, грамотой, часами и так далее.

А этого в его жизни как раз не было.

Действительно, на работе его однажды похвалили и сказали: вы – ударник. Но это его мало устраивало. И гордая его натура требовала чего-нибудь особенного.

Тогда он в мае этого года прыгнул с аэроплана на парашюте. Надеясь почему-то, что за это ему дадут орден Красной Звезды. Но правительство на этот раз почему-то равнодушно отнеслось к его прыжку. И он ничего не получил. Только в газете мелким петитом было отмечено без указания фамилии, что такого-то числа прыгнуло с аэроплана несколько служащих и рабочих.

Вдобавок он не так удачно прыгнул. Вернее, он прыгнул хорошо, но в последний момент, перед тем как приземлиться, его ветром дунуло на забор колхозного огорода. Так что он немножко побился и поцарапался.

Но, конечно, его чудно лечили, и он вскоре поправился. И после поправки он выехал на дачу в Поповку к своим родным. И там, будучи на даче, он стал шляться по шпалам, надеясь найти какой-нибудь лопнувший рельс с тем, чтобы его за это наградили. Но он ничего такого путного не нашел и, вернувшись в Ленинград, запил.

И сейчас июль. И он все пьет. И говорит, что его проза жизни не удовлетворяет.

Но, наверно, он вскоре очухается, потому что ему на заводе сказали: мы вас уволим, если это будет продолжаться.

В общем, это был довольно забавный мотив, по которому человек запил.

А по большей части люди склоняются к вину по более простым причинам. Ну там, молоденькая жена бросила. Комнаты нету.

Начальник на службе очень ядовитый – придирается. Жалованье не удовлетворяет. Здоровье плохое – надо подхлестнуть себя. Вот все больше такие простенькие мотивы наблюдаются среди алкоголиков.

Но человек, о котором мы собираемся вам сейчас рассказать, ни под один из этих мотивов не подходит.

Он тоже слесарь. У него две комнаты есть. Жена. Дочка. Порядочное жалованье. Приличное здоровье. И как будто все на свете... Тем не менее человек пьет вот уже несколько лет.

И от этого он стал терять человеческий облик.

А он слесарь прекрасной квалификации. Но его уволили за прогулы. И через это он еще больше погряз в тине жизни. А был в свое время партиец. И вот как он опустился.

Он даже за паспортом не пошел на завод. И прекратил за комнату платить. И вообще прекратил все платежи по всем своим обязательствам.

А его жена, видя, что он неисправим, еще раньше с ним разошлась. И одну комнату на себя перевела. И там жила со своей дочуркой.

И она никаких алиментов со своего пьяного супруга не требовала. Только просила – оставьте ее в покое.

Но он ее в покое не оставлял и часто приходил в ее комнату скандалить и делал разные угрозы и пугал.

И вот наконец его за неплатеж выселяют из комнаты.

Но так как ему выехать некуда, то берут его вещи, переставляют в коридор и комнату опечатывают.

Человек начинает жить в коридоре.

От этого он звереет. Днем и ночью вламывается в комнату к бывшей жене и там скандалит.

Но его бывшая жена не идет на него жаловаться. Наверно, она его жалеет, или уж я не знаю что. И наконец в это дело вступаются посторонние окружающие люди. Обращаются в редакцию и просят пособить.

Они говорят: вот какие происходят ненормальности, вот какие сцены наблюдает девочка, и вот она на чем воспитывается.

Конечно, надо подать срочную помощь и сделать так, чтобы человек оставил свои угрозы и оставил бы в покое свою бывшую жену и дочь. Все это, конечно, надо срочно сделать. Но дело оборачивается другой стороной...

Ну хорошо. Дело это, предположим, можно квалифицировать как квартирное хулиганство или что-нибудь вроде этого, и кончен бал.

Но является другой вопрос. А как же до этого дошел человек? Как же допустили его до такого падения? Ведь он прекрасный слесарь. Рабочий. Партиец. Ведь он когда-нибудь горел на работе. Ведь он когда-нибудь стремился к чему-нибудь. Мечтал о чем-нибудь. И как же так получилось? Кто же его допустил до такой пропасти?

Ведь он же не родился в 35-м году. Ведь у него были друзья, товарищи, заводская общественность. Партийный и заводской комитеты, которые должны же поинтересоваться человеком, прежде чем его уволить.

Ведь это слишком просто и легко – выкинуть из комнаты, отдать под суд за квартирное хулиганство, и точка. Был человек, и прекратили его. Списали, так сказать, к чертовой матери.

А было ли сделано хоть что-нибудь, чтоб его спасти?

И вот нам думается, что нет. При увольнении никто не вызвал его жену, никто не предложил ему лечиться. А ведь можно было бы положить его в больницу, провести курс лечения и вернуть человека к жизни.

Но этого не было.

А на запрос редакции дать характеристику уволенному рабочему председатель завкома ответил, что он его не знает и что позже это выяснит.

По-видимому, мы правы. И, так сказать, «колесо истории» равнодушно прошло мимо пьяного человека.

И в этом можно видеть безразличие к человеческой судьбе, невнимательное и холодное отношение и тот поверхностный взгляд, с которым легче и спокойней живется на свете. И то поверхностное мнение, которое произносит готовые штампованные слова: пьянство, прогулы, квартирное хулиганство, выкинуть, уволить и так далее. Но всякий раз за этим бывают какие-нибудь причины. И в другой раз кому-нибудь следует этим поинтересоваться, прежде чем наложить суровую резолюцию.

И это надо всякий раз сделать, чтобы не стать равнодушной бюрократической машиной. И вот, стало быть, если перевести с языка художественной литературы на язык отдела происшествий, то дело обстоит так. Ленинградский слесарь был уволен за прогулы с завода.

За невзнос квартирной платы суд выселил его из комнаты. Он живет теперь в коридоре. Он ходит пьяный. Скандалит. Угрожает. Вламывается в комнату жены. И его поведение надо срочно изменить.

Но можно поведение изменить так, что человек еще больше упадет и еще больше разобьется, а можно сделать так, что этого не будет. И тут нужно подумать, как это сделать. Но это надо непременно сделать.

Иногда бывает достаточно по-хорошему поговорить. А если это не помогает, то хорошо действует перемена места. Можно послать на другую работу. В другой, наконец, город. И там за ним присмотреть. И, может, что-нибудь и получится.

В общем, это дело надо в срочном порядке кому следует обдумать.

А ребенка нам очень жалко. Девочке одиннадцать лет. И вот что ей приходится видеть.

И мы просим не давать ей читать наш фельетон. Пусть у ней будет какое-нибудь другое детское представление об отце, который ну хотя бы уехал в командировку.

И это надо сделать не из сентиментальных чувств, а из педагогических целей.

На дне^{*}

Воровское занятие представляет в настоящее время незначительный интерес.

Профессия эта стала маловыигрышная наряду с другими занятиями.

Через это воровство уменьшилось в своем размере. И публика на это идет не так охотно, как раньше.

Отчасти, конечно, многие перековались, а некоторых, как говорится, не устраивает выбор ассортимента. Вдобавок ко всему наша милиция и уголовный розыск поднялись на недостижимую высоту.

Вот взгляните, какое истинное происшествие случилось у нас в Ленинграде.

Один гражданин, некто Ф., немного выпил. Он получил деньги, зашел в какой-то приятный восточный уголок, присел там под пальму и, как говорится, немножко перелил через край.

Конечно, потом-то он говорил, что пил мало. А больше будто бы налег на еду. По его словам, он пропустил только пару стопок русской горькой и после слегка отлакировал пивом. Так что кто его знает, может быть, он действительно от обильной еды, чем от чего другого, совершенно захмелел. И даже начал соло петь под оркестр.

А это увидели два бандита. Они сидели тут же, в ресторане, и, может быть, горевали о чем-нибудь своем. И вдруг видят – сидит против них «пассажир», кругом у него на столике еда и мандарины. И сам он еле «мама» сказать может.

Конечно, это развязало низкие инстинкты двух приятелей. Сердце у них взыграло. И они задумали совершить свое темное дело над заблудившим зажиточным жителем нашего города.

И вот они подсели до него. Сказали ему пару комплиментов. И тот, увидев ласку чужих людей, вдохновился, выпил еще и надрался, как говорится, до шариков.

И вот тогда представители уголовного мира вывели нашего беспутного гражданина на улицу, завели в переулок, там ударили его по мордасам и обобрали до последней нитки.

Они сняли с него пальтишко и костюм со штанами. Содрали с него полуботинки. И даже не постеснялись взять с него верхнюю рубашечку «зефир».

Так что оставили нашего почтенного папашу и прекрасного работника строительного сектора тов. Ф. совершенно в архиневозможном виде.

При нем оставили только кальсоны и носки, которые не взяты были по причине дряхлости товара.

Ограбленный папаша, мало чего соображая, прикорнул в таком немыслимом виде у забора и сладко заснул.

Только проспал он, может быть, не больше часа и вдруг неожиданно проснулся – ему, что ли, попить захотелось.

Вот он хватать-похватать себя за штаны – а их нету. Он щупает себя повыше – а пиджака нету и рубашки не имеется. Только подштанники при нем и носочки.

Тогда он трогает себя еще повыше и видит: личность у него повреждена – распухши и что-то ноет.

Вот наш папаша ужаснулся, мигом протрезвел, вскочил на полуодетые свои ножки и, как говорится, попорол домой.

Наверно, он, где можно, бежал, придерживая рукой свои подштанники, а кое-где, наоборот, шел, вероятно, тихо, скрываясь в тени домов.

И действительно неудобно, совестно. Может быть, уже начинается утро. Птички – чирик-чирик. Вдобавок культурный, образцовый город. Всюду чистенько и славно. А тут, вообразите себе, идет такая образина, все равно как по предбаннику.

Представляем себе, как дворник у ворот удивился. Наверное, хрюкая от смеха, пропустил в калитку.

Но вот момент входа в квартиру и момент появления перед родными вообще не поддается художественному описанию. И мы смолкаем под давлением более красочной действительности.

Так или иначе, наш славный гражданин доперся до своей квартиры и закрылся в своей комнате, унеся с собой тайну ночного ограбления.

Теперь происходит такая ситуация.

Уголовный розыск в ту же ночь задержал этих двух воров.

Стали их расспрашивать, где украдены вещи. Те не могут объяснить. Так что, говорят, с человека сняли. В переулке. Пошли в

переулок. А там уже нету этого человека. Работники розыска говорят:

– Ненормально. Вещи есть. Воры есть. Все как будто в полном порядке. А потерпевшего нету. И, значит, самые большие трудности у нас впереди. Придется его искать. И сдастся нам, судя по приличным вещам, что потерпевший заметет свои следы. Это у нас который раз. Преступники нам сравнительно легко даются, а пострадавших нам наиболее трудно отыскать. Очень они не любят, чтоб их находили. И они предпочитают терять одно, чтобы не потерять другое.

В общем, три дня шарили по городу. Искали потерпевшего. Выясняли и запрашивали. Никто не признается. Может быть, потерпевший стыдится, что был в таком свинском виде, и, может быть, робеет перед общественностью.

Однако работники розыска не упали духом. И на четвертый день потерпевшего нашли. Они отыскали его по почтовой квитанции, которая была в кармане его украденных брюк.

Потерпевший отнекивался и всех уверял, что это не он был избит и раздет, но истина все же восторжествовала. Была устроена очная ставка с ворами. И те сразу признали в нем свою жертву.

Один из воров говорит:

– Это определенно он. Я его по скуле узнаю. Вот у него тут осталась записка от моей руки.

Тогда жертва, потупив очи, говорит:

– В таком случае сознаюсь. Это был я. Просьба не доводить до сведения общественности.

Тут работники розыска посмеялись и сказали жертве:

– В другой раз пейте и кушайте, но не теряйте своего сознания. Получите снятые с вас вещи и можете идти.

А воры не без испуга поглядывали на то, что происходит, и промежду себя перешептывались о трудностях своего ремесла в настоящее время.

Водяная феерия*

Техника у нас шагнула на очень большую высоту.

Технические достижения уже перестали публику удивлять.

Однако случаются некоторые факты, которые поражают своим величием. Они поражают своей неожиданностью.

Еще десять лет назад, казалось бы, ничего подобного не могло быть на страницах нашей жизни. А сейчас это уже бытовой факт, дающий реальную пользу населению.

Короче говоря, вот что недавно произошло у нас в Ленинграде.

Один московский работник кинематографии прибыл в Ленинград по делам службы.

И он остановился в гостинице «Европа».

Прекрасный, уютный номер. Две постели. Ванна. Ковры. Картинки. Все это, так сказать, располагало нашего приезжего видеть людей и приятно проводить время.

В общем, к нему стали заходить друзья и приятели.

И как это всегда бывает, некоторые из его приятелей, приходя, принимали ванну. Поскольку многие живут в квартирах, где нет ванн. А в баню ходить многие, конечно, не так-то любят и вообще забывают об этой бытовой процедуре. А тут такой удобный случай: зашел к приятелю, поболтал, пофилософствовал и тут же помылся. Тем более тут горячая вода. Казенная простынка и так далее.

И многие, конечно, через это любят, когда у них есть приезжие друзья.

Короче говоря, дней через пять наш приезжий москвич несколько даже утомился от подобной неуклонной линии своих друзей.

Но, конечно, крепился до самого последнего момента, когда, наконец, разыгралась катастрофа.

А к нему как-то вечером пришли почти что сразу шесть знакомых.

Тары да бары, и тут же среди гостей образовалась до этой ванны небольшая очередь.

Трое быстро помылись и, попив чайку, ушли.

Но четвертая была старая дама. Родственница приезжего. И та мылась исключительно долго. И даже, кажется, что-то стирала из

своего гардероба.

И до того она там долго возилась, что москвич и дожидавшиеся просто захандрили. Она час с четвертью не выходила из ванны.

Но поскольку она была родная тетка нашего москвича, то он и не разрешил своим друзьям никаких эксцессов по ее адресу.

Короче говоря, когда она вышла, было уже далеко за полночь.

Один из приятелей не стал больше ждать и ушел. А другой, удивительно настойчивый и нахальный, все-таки во что бы то ни стало пожелал непременно сегодня вымыться, чтоб ему для чего-то завтра быть чистым.

И вот он дождался теткиного выхода. Вымыл ванну. И пустил горячую воду. И сам прилег на кушетку и стал дожидаться, когда ванна наполнится.

Но тут как-то случилось, что от сильного утомления он заснул. И москвич вдобавок задремал на диване.

А вода, наполнив ванну, вышла наружу и в короткое время затопила номер и даже протекла в другой этаж. Но поскольку в нижнем этаже была гостиная и там никого не было, то катастрофу не сразу заметили.

Короче говоря, наши два приятеля проснулись от сильного тепла и пара. Причем москвичу, как он после рассказывал, снился сон, что он в Гаграх.

Но когда он проснулся, то увидел, что весь номер в воде и поверх плавают туфли, газеты и разные деревянные изделия.

Горячая вода не позволила, конечно, сразу прекратить наводнение, поскольку они не решались добежать до ванны, чтоб закрыть кран. Они, сидя на диванах, не могли рискнуть спустить свои ноги в воду, от которой шел пар.

Но потом, кое-как передвигая стулья и перепрыгивая с одного стула на другой, перетрусивший приятель москвича добрался до ванны и закрыл кран.

И только они закрыли кран и вода стала куда-то утекать, как в номер вбегает администрация с побледневшими лицами.

Осмотрев ванну и нижний этаж, администрация совместно с прибывшим инженером стала о чем-то совещаться.

А среди наших друзей завязался тяжелый спор: кто виноват и кому платить убытки.

Приятель москвича, еле дыша от страха, сказал, что рублей сорок он как-нибудь покроет, но все, что свыше, пусть оплачивает владелец номера, который легкомысленно допускал мыться посторонних.

Тут между ними завязался спор, который мог бы кончиться печально, если б рядом не было администрации.

Москвич дрожащим голосом говорит администрации:

– А скажите, на какую сумму могут быть убытки?

Администрация говорит:

– Видите, внизу в гостиной размыло лепные украшения: одну крупную античную фигуру и трех херувимов. Так что это сильно увеличит расходы.

Услышав о лепных украшениях и херувимах, приятель москвича буквально задрожал.

Москвич, с тоской взирая на администрацию, прошептал:

– А на какую сумму размыло этих херувимов?

Инженер говорит:

– Тысчонок, мы так полагаем, семь-восемь будет стоить эта операция...

Сумма эта совершенно подкосила силы москвича, и он прилег на диван, мало чего соображая.

А приятель его выказал себя с нехорошей стороны. Он поступил как подлец, пытаясь, так сказать, дать тигалю. Но был задержан слабой, но честной рукой приезжего.

Приезжий москвич, еле ворочая языком, говорил администрации:

– Тысчонки бы за две нельзя? В крайнем случае не надо мне ставить этих херувимов. Не такое сейчас время, чтоб платить за этих самых херувимов...

Администрация говорит:

– Да вы напрасно горячитесь и торгуетесь. Мы, кажется, с вас убытков не требуем.

Услышав эти слова, приятель москвича закрыл глаза, думая, что это сон.

Но администрация говорит:

– На вас мы не возлагаем никакой вины. Тут наш технический недосмотр. Мы плохо рассчитали утечку воды, и это наша техническая слабость.

Инженер тут же дает научное пояснение. Он говорит, показывая на ванну:

– Видите, тут наверху ванны имеется дырка, в которую вода должна утекать по мере наполнения ванны. И при научно правильном расчете вода не имеет права выйти за пределы краев. Но тут мы выказали некоторую слабость, и дырка, как вы могли видеть, не успела поглотить текущую жидкость. Так что мы просим у вас извинения за причиненное беспокойство. В дальнейшем этого не будет. Мы исправим. Это технические неполадки, которым не место в нашей славной современности.

Услышав эти слова, приятель москвича хотел упасть на колени, чтоб возблагодарить администрацию и судьбу, но приезжий не разрешил ему это сделать.

Он сказал инженеру:

– Конечно, иначе не могло и быть. Но скажите, кто мне возместит убытки: у меня испортились ночные туфли и чемодан подмок, и, может быть, там что-нибудь тоже испортилось благодаря вашей технической слабости.

Администрация говорит:

– Подайте заявление – мы возместим убытки.

На другой день москвич получил сорок шесть рублей за подмокший чемодан.

Приятель москвича тоже хотел воспользоваться случаем, чтоб содрать небольшую сумму за счет техники, но это ему сделать не удалось, так как он не имел права ночью находиться в чужом номере.

На другой день он все же пришел в гостиницу и там принял ванну, несмотря на то, что москвич был этим крайне недоволен и даже рассердился.

Наше гостеприимство*

В прошлом году, осенью, я был в одной деревне. Я туда ездил по делу. В сельсовет.

Сразу в один день я не управился. И мне пришлось там заночевать.

И вот я остановился у одного крестьянина. Он единоличник.

Он меня очень любезно принял. И хотя было поздно, но он все же раскинул приличный ужин. И даже угостил домашним пивом.

Но когда дело зашло, где мне лечь на ночевку, хозяин проявил некоторое замешательство.

Он говорит своей супруге:

– А где же мы, Маруся, положим нашего дорогого гостя?

Я говорю:

– Да вы не тревожьтесь. Я на лавке прилягу.

– Ну нет, говорит он, как гостю на лавке я вам не позволю лечь. Конечно, мы с супругой не привыкли отдавать свою постель посторонним... Но вы не сомневайтесь, мы вас куда-нибудь положим соответствующим образом.

И он оглянул свою избу.

Керосиновая лампочка тускло освещала небольшое помещение. За ситцевой занавеской стояла пышная хозяйская постель. На русской печке лежал старик. А за печкой, в углу, стояло какое-то подобие кровати. И там, оказывается, спала мамаша хозяйки.

Я снова говорю:

– Я лягу на лавке. Не беспокойтесь.

– На лавке дуже неудобно, – любезно отвечает хозяин, – узко и малоинтересно спать... А мы вас, уважаемый, положим в более приличной позе – на кровати.

И он показал на старухину постель. Он сказал:

– Тут, представьте себе, пока что спит мамаша моей супруги. Но для вас мы ее оттуда сымем. Мы пришли к решению положить вас туда. Поскольку мы имеем законное уважение к гостям. Мы привыкли уважать гостей больше, чем самих себя.

Жена хозяина говорит:

– Моя мамаша завсегда страдает бессонницей. Так что ей это как бы ничего.

– Это ей не будет лишение, – добавил хозяин. – Она у нас в другой раз цельную ночь ходит по помещению, и сон ее нипочем не берет. С чего бы это, уважаемый, вы не знаете?

Я говорю:

– Наверно, она у вас бессонницей страдает. Хотя по виду нельзя сказать – ишь как она заворачивает. Вы ее не троньте. Пуцдай ее спит.

Но гостеприимный хозяин уже начал окликать и шевелить старуху.

– Встаньте, мама, – сказал он, – мы тут до вашей кровати пассажира имеем.

Он сильно тряс старуху за плечо, но та мычала в ответ и не просыпалась.

Я снова стал упрашивать не будить ее. Хозяин сердито сказал:

– В другой раз всю ночь не берется спать, а как надо, так ее багром с кровати не сымешь. Какая удивительная старуха! Сама не понимает, что ей надо.

Престарелый папаша хозяина, свесившись с печки, тоже энергично вмешался в дело.

Он стал свистеть, говоря, что старуха не любит, когда свистят, и что под свист она всегда поднимается.

Однако на этот раз свист ее тоже не брал.

Тогда хозяин, набрав в рот воды, неожиданно опрыскал спящую старуху. И та, как ошалелая вскочив с постели, принялась зевать и креститься.

Хозяин сказал:

– Дюже крепко на этот раз спали, мамаша.

– Маленько, кажется, вздремнула, – заметила старуха.

Несмотря на мои просьбы и даже мольбу, хозяин все же настоял на том, чтобы я лег на освободившуюся постель. Старуха добродушно сказала:

– Да ты, батюшка, ложись. Не стесняйся! Я не привыкла много спать. Я бессонницей хвораю.

Тогда я лег на ее постель и, страшно утомленный, сразу же заснул.

И вот – утро. Яркое солнце освещает избу. Я просыпаюсь. Потягиваюсь. И вдруг прямо с ужасом смотрю на мою постель. Нет, просто трудно описать, на чем я лежал.

Можно сказать, что я лежал среди праха. Какие-то желтые грязные тряпки были подо мной. Самого ужасного вида серая запятнанная подушка нежно покоилась около моей щеки.

Яркое солнце освещало теперь весь этот жалкий прах. И это было так непривлекательно, что я, как мячик, вскочил с постели на пол.

Все в избе еще спали.

И на лавке, у окна, сладко храпела страдавшая бессонницей владелица моей постели.

Я вышел в сени и вымылся.

Потом посидел на крыльце, надеясь, что на сияющем солнце сгинут все микробы, подцепленные мной на старухином ложе.

«Как странно, – подумал я, – хозяин зажиточный. Кругом у него как будто полное довольство. И вдруг такая адская постель. Конечно, старуха, наверно, так сказать, неполноценный и невыгодный член семьи, но все же это уж слишком! Черт меня дернул воспользоваться этим гостеприимством!»

И вот я снова вошел в избу. Все уже встали. И только старуха дремала на лавке.

В избе как угорелые носились трое ребятишек. Это были хозяйские дети. Интересно, где они спали?

Оказывается, двое спали на хозяйской постели, в ногах. А третий, постарше, спал под кроватью на перине.

За чаем я спросил хозяина, почему он единоличник, а не в колхозе, – там новый быт, новая жизнь и там сейчас небезвыгодно.

Хозяин ответил:

– Еще успеется. Запишусь. Над нами не каплет.

– А по-моему, над тобой каплет, мой друг, – сказал я хозяину.

Он не понял моей мысли и перевел разговор на другие темы.

Поездка в город Топцы*

Недавно моей супруге понадобилось съездить на периферию. Там, на периферии, у нее один родственник серьезно захворал. С ним какая-то, что ли, душевная болезнь приключилась. И, значит, растерявшиеся родственники вызвали мою супругу на периферию, в город Топцы.

Конечно, предстоящая поездка взволновала нашу семью. Все-таки, думаем, сложно, хлопотно, билеты доставать и так далее. Но ничего не поделаешь: надо ехать.

Ну, конечно, запаслись на всякий случай разными справками и удостоверениями. Со своей службы я ей тоже достал бумажку: мол, едет по семейно-служебным обстоятельствам. И вдобавок один знакомый хирург дал удостоверение в том, что психические болезни требуют тщательного ухода со стороны родственников. И что он просит предъявительнице сего оказывать всемерную медицинскую поддержку при поездке на периферию.

И вот с этими документами мы сходили к начальнику станции. Но тот оказался бездушный и негуманный человек, равнодушно относящийся к больным кадрам.

Он сказал:

– Прошу оставить мой кабинет. Никаких билетов я тут не выдаю. Обратитесь в кассу и там покупайте себе билеты.

Его иронию мы восприняли болезненно и решили тогда воспользоваться одним нашим довольно крупным знакомым, которого мы вообще если и хотели тревожить, то только в самых исключительных и грозных обстоятельствах.

Но этот работник оказался неуловим. Он все время где-то заседал, ездил, и мы его так и не нашли.

Тогда моя супруга смоталась еще к одному знакомому, орденоносцу, но тот отказался что-либо предпринять, говоря, что в этом отношении он пасует.

Тогда супруга решила было послать телеграмму в Топцы с отказом, поскольку все кнопки были нажаты и все связи были использованы, но тут мне пришла старая, но светлая мысль – обратиться к носильщику.

И хоть это и нельзя, но я решил покривить душой ради родственного начала. Я решил дать кое-что носильщику, с тем чтобы он мне достал билет в город Топцы.

Я понимаю, что это – преступление перед обществом, но вместе с тем мы нашего заболевшего родственника тоже не в дровах нашли. А он был в аккурат до своей болезни весьма ценным членом общества. Он служил в одном учреждении по хозяйственной части, и – что бы там ни говорили – он приносил посильную помощь в деле построения дальнейшей жизни. И сейчас, поскольку он свихнулся, он, конечно, вправе требовать до себя внимания и ухода.

Этими мыслями я поделился с носильщиком, когда прибыл на вокзал.

Носильщик гуманно говорит:

– Честно вам скажу: мне бы не хотелось этим поганить свою душу. Но поскольку налицо ненормальность вашего родственника, то я хочу к этому чутко подойти. А за некоторый риск и услуги я попрошу с вас двадцать рублей. Приходите вечером сюда, и вы поедете.

И вот только я отошел от этого носильщика, чтоб пойти домой, как вдруг вижу: касса. Обыкновенная, представьте себе, дырка в стене, и там кто-то сидит. И вижу надпись: «Касса».

Я на всякий случай подошел туда.

Протягиваю кассиру документы. Тот говорит:

– Не тычьте мне ваши бумаги, у меня и без того в глазах рябит от множества железнодорожных билетов.

Тогда я рассказываю кассиру о своих мытарствах и о свихнувшемся родственнике. Кассир говорит:

– Не знаю, как ваш родственник, но ваша ненормальность заключается в том, что вы напрасно нажимали все кнопки и без устали хлопотали: вы можете свободно подойти к моей кассе и можете свободно купить билет в эти ваши Топцы.

Я говорю:

– Мне как-то странно это слышать. Может, говорю, тут какое-нибудь недоразумение? Носильщик, говорю, и тот еле взялся за двадцать целковых.

Кассир говорит:

– Красиво на жизнь смотрите, раз можете по двадцать рублей кидать жуликам. Короче говоря, сколько вам надо билетов, чтоб

поехать в Топцы?

И тут он щелкает билет на своей компостерной машинке и гуманно мне подает.

Я недоверчиво беру этот билет, и тут мы с кассиром начинаем смеяться и подшучивать.

Потом я говорю:

– Наверно через пару лет это поразительно что будет. Не только, говорю, в Топцы, а во все места будет – ну, просто не вопрос ехать.

Кассир говорит:

– Еще не то будет. Откровенно вам скажу: по своей линии я и то кое-что придумываю. Я, говорит, уважаемый товарищ, на каждый купленный билет хочу пассажирам сюрпризики выдавать. Дамам – по живому цветку, а мужчинам – что придется: ну, там лезвие для бритвы, расческу, мыльце, брюки... Дальним – какую-нибудь статуэтку или гигиеническую брошюрку. Ну, не пройдет мой проект – не надо, а пройдет – так меня, может, даже и к какой-нибудь награде представят.

Тут мы попрощались с кассиром и отбыли домой.

Ну, супруга горячо отнеслась к поездке. Моментально, конечно, собралась и вечером укатила в Топцы.

Конечно, с дороги она прислала очень даже резкое и, прямо даже скажу, грубое письмо, зачем я ей купил билет на этот поезд. Все другие составы свободно, дескать, перегоняют этот поезд для молочниц.

Но по приезде в Топцы ее раздражительность прошла, и она прислала любезную открытку, что у свихнувшегося родственника было временное затмение и что он сейчас снова реагирует почти на все, что вокруг него происходит. И даже просил кланяться и благодарить за проявленную чуткость со стороны родственников.

Пламенный привет ему и пожелания дальнейшего выздоровления, возможного только в условиях бережного отношения!

Сказка жизни*

В настоящее время рассказывать сказки как-то даже глупо. Мы бы даже так сказали: как-то нетактично перед современностью.

Кругом, можно сказать, в техническом смысле происходят разные там наивысшие исключительные достижения, разные там чудеса в решетке. Одно радио чего стоит! Телефон опять-таки. Фотоаппараты. И вообще, смотрим то, чего вблизи не видать. И слышим разные вещи на расстоянии. Так что любая сказка, мы бы так сказали, теряется в сравнении со сказочной действительностью.

Давеча раскрываем газету: еще, видим, один подарок преподнесен нашей современности. Бесшумный трамвай.

Не знаю, как в Москве, но в Ленинграде уже выпустили для пробы бесшумный моторный вагон.

Конечно, мы еще в точности не знаем, что это такое и с чем это, как говорится, кушают, но в газетах отмечено: бесшумный трамвай. А это, как хотите, здорово.

Главное, представьте себе: прет этакая махина по рельсам, и то есть никакого шума она не дает. Плавно себе скользит, как воздушная фея, как ветерок, зефир.

Только изнутри, наверно, этакий гул идет, некоторый треск и грохот. Этакий шум. Поскольку в вагоне разговоры, крики, пятое-десятое. В обыкновенном вагоне это, конечно, прошло бы незаметно, а тут оно тихо себе катится и шумит.

Но это, так сказать, минусы самой природы. Техника уж тут ни при чем. Это публика сама от себя допускает звучание: разговоры, споры, крики и так далее. Тут даже, если заглянуть исключительно далеко, так сказать, в века, – и то навряд ли что-нибудь изобретут против этого шума.

Конечно, если трамвайная администрация окончательно захочет избавиться от шума и если она захочет, чтоб техника плюс природа не давали бы звучания, то тогда, конечно, придется пассажирам вместе с билетами чего-нибудь выдавать. Некоторым, может быть, леденцы, peppermints, чтоб рты заткнуть. Более передовым элементам можно

также давать какие-нибудь там проволочные фокусы и умственные занимательные игры, чтоб отвлечь внимание.

Тогда возможно, что в самой середине нашего вагона воцарится полная тишина.

Нет, не думаем, чтобы такой трамвай особенно много давил людей.

Конечно, отчасти все-таки, как ни говорите, вынырнет этакая штука без всякого шума – так тоже, как говорится, благо-дарю-спасибо. Но тут нас то утешает, что он уж не настолько будет бесшумный, как, наверно, подумали некоторые идеалисты и эстеты. Некоторые уж, наверно, подумали невесть что, в то время как, наверно, мы так думаем, ничего особенного. Тоже, наверно, как поперет по рельсам, так я те дам. Не то чтоб от него сильный грохот будет идти, но тоже, наверно, не без того. Поскольку все-таки колеса, рельсы, мотор, и в моторе что-то все время вертится. Ясно, что уж совсем без шуму им не обойтись. Ну, да оно, собственно, и к лучшему.

Но все же, тем не менее, честно говоря, борьба с шумом – это очень хорошее начинание. И в Европе давно с этим бороться начали.

Но там, в Европе, конечно, более хлипкое население. Там много среди них истеричек, разных там квелых интеллигентов, воспитанных на буржуазной системе. И там на них шум особенно тяжело действует. А у нас мы давеча наблюдали такую картину. Едет гусеничный трактор. И до того он, представьте себе, ангел мой, гудит, что это, как говорится, ужаси подобно.

То есть такой грохот идет, что, можно сказать, душа вянет у всякого интеллигента прошлого столетия. А тут моторист лихо себе сидит на сиденье и переглядывается еще с проходящими барышнями.

Ему, конечно, как бы даже ни к чему подобное изобретение с бесшумным трамваем.

Но от этого начинание, конечно, не только не меркнет, но его надо душевно приветствовать. Поскольку шум плохо отзывается на производительности труда. И в особенности от этого страдают бухгалтеры, ученые, певцы, поэты и металлисты. Но тем не менее это изобретение, мы повторяем, пройдет у нас для многих людей незаметно, поскольку многие обладают хорошими, крепкими нервами.

Во всяком случае, шлем пламенный привет всем изобретателям.

И уже если научная мысль пошла по этой линии, то хотелось бы еще какого-нибудь улучшения на этом шумовом фронте.

Тоже вот, как говорится, радио. Слов нет, вполне гениальное открытие. Но зато когда оно у соседей стоит и перегородка не так уж особенно капитальная, то тоже, как говорится, спасибо вам за это открытие.

Главное, самой музыки не слышно, а только бу-бу-бу, бу-бу-бу. Прямо, так сказать, сил нет. И прекратить нельзя. Только что перерыв бывает с часу ночи и до семи. Но это не каждому хватает для сна. Хоть бы какой-нибудь глушитель изобрели против этого шума. В общем, желательно, чтобы ученые физики и пиротехники извернулись и чего-нибудь извлекли из своих последних достижений.

Или, например, в магазине. Зашел, например, на три рубля колбасы купить – патефон играет: «Спи, мое сердце». Тут, может быть, двести грамм отвешивают на чувствительных весах, а тут такое пение: «Спи, мое сердце». Нечутко. И подобный шум тоже как бы лишнее. Тем более если у человека хорошее настроение, так у него и без того музыка на душе раздается.

Так что борьба с шумом, наверно, еще только разгорается и дойдет, наверно, до сказочных достижений.

А там, глядишь, изобретут уж и вовсе что-нибудь сказочное, например, какой-нибудь аппарат «Три желания».

Каждый, скажем, может повернуть рычажок – и его три желания сразу исполнятся.

Хотя, конечно, злоупотребления начнутся, арапство. Многие, конечно, начнут рычажок поворачивать, чтобы наскрести себе деньжонок побольше, наград, почета и уважения и так далее.

В общем, не будем забегать вперед и предсказывать то, до чего еще не дошла пытливая научная мысль человека.

Пламенный привет научным работникам и техническим кадрам!

Плохая жена*

Один муж, сильно занятый на службе и перегруженный разными делами, поручил своей жене присмотреть за займами.

У него выигрышных займов было больше как на две тысячи рублей. И вот он все надеялся выиграть. Он любил выпить и с друзьями побеседовать. И этот выигрыш был бы ему крайне необходим.

И вот каково же было его удивление, когда кассир на его работе однажды говорит:

– Поздравляю, Федя, с выигрышем.

Тот удивляется и спрашивает:

– А что такое? Я ничего не знаю. С чем ты мне поздравление делаешь?

Кассир говорит:

– Да как же – ты выиграл тысячу рублей. Вот, говорит, мы тебе эти займы выдавали, и у нас остались в списках твои номера. Я для потехи посмотрел и вижу – ты выиграл. Неужели ты не знаешь? Это уже было с месяц назад.

Вот наш муж рысью побежал домой и дома говорит:

– Где же выигрыш?

Жена очень смущается и говорит:

– Я не знаю. Ничего подобного. Кассир нахально врет.

Тут у них происходит крупный разговор, в результате чего муж ей под конец делает такое замечание:

– Тогда, говорит, мне придется на тебя в товарищеский суд подать за сокрытие выигрышей. И хотя мне даже как-то странно подобные дела выносить на решение жактовской общественности, но тем не менее я это сделаю, что бы доказать, какая ты есть в наши дни нахальная и вредная жена, не могущая служить примером для нашей современности.

И вот на днях происходит этот товарищеский суд. И все жильцы с их дома присутствуют на этом суде. Поскольку это очень любопытное дело.

Председатель товарищеского суда товарищ Егоров ее спрашивает:

– Ну, как дела?

И она, не зная, какой найти выход, говорит:

– Да, это я выиграла. Признаюсь.

Муж говорит:

– Вот видите теперь, что это за персона. Она утаила выигрыш. И, наверно, что-нибудь на это себе купила.

Председатель говорит:

– Ах да, в самом деле, где же эти деньги?

Жена, не привыкшая стоять перед общественностью, сразу говорит, смутившись:

– Я их отдала.

Муж говорит:

– Посмотрите, она их кому-то отдала. Это прямо интересно становится.

Председатель говорит:

– Кому ж вы и за что их отдали? Это действительно странно.

Жена, смутившись, говорит:

– Я их отдала Володе.

Муж, закачавшись, говорит:

– Боже мой, товарищ Егоров. Это, вероятно, Володька Ньюшин. Я их давно подозревал. Это хорошо, что я на нее в суд подал. По крайней мере я теперь кое-что для себя выясняю.

Егоров говорит:

– Суд не входит в ваши интимные отношения. Но поскольку деньги мужа, то зачем же, глупая, вы их отдали? Вот он на вас теперь в суд подал, и вам за это приходится судиться.

Тогда жена отбрасывает всякий ложный стыд и произносит речь.

Она говорит:

– В чем дело? Да, я Ньюшину передала эти выигрышные деньги. Кто есть мой муж? Он есть, товарищи, любитель выпить. Он – любитель закусить. Он любит посидеть с друзьями... Он есть неудачная фигура на фоне нашей общественной жизни. И я не намерена скрываться – Ньюшин мой любовник. И я ему передала выигрыш. Мой супруг все равно бы их пропил, а тут по крайней мере что-нибудь да будет.

Муж, снова закачавшись, говорит:

– Лишите ее слова! Мне худо делается.

Судья говорит:

– Не могу же я лишить ее слова – она только что разговорила. Какой вы странный.

Жена говорит, употребляя демагогический прием:

– Ньюшин есть советский изобретатель. Он дважды что-то изобрел. И он изобретает в третий раз музыкальный ящик. И его открытие, он говорит, перевернет и опрокинет всех композиторов и все страны Европы. И как я могла, будучи советской гражданкой, отдать деньги пьянице? Нет, я их лучше отдала человеку с гениальным дарованием.

Муж говорит:

– Отдать тысячу рублей какому-то сопляку! Ой, какая жалость, что товарищеский суд не может ее приговорить на десять лет.

Судья говорит:

– На десять лет ее, конечно, нельзя приговорить. Но я ей хочу задать вопрос. Скажите, гражданка, вот вы Ньюшина любите и даете ему такую сумму. А насчет мужа небрежно выражаетесь. А позвольте вас спросить, зачем тогда вы живете с этим мужем? Вот и жили бы себе с этим одаренным Ньюшиным.

Жена говорит:

– Видите, так Ньюшин ничего не имеет. У него вся дорога впереди. А муж все-таки прилично зарабатывает. И вот, как видите, иногда выигрывает.

Тогда председатель говорит:

– Нам странно слушать такие речи. Это, говорит, позорный взгляд на современность. Жить с этим ради денег, а выигрыш давать другому. Ну, я от вас этого не ожидал. И вас непременно надо к чему-нибудь присудить, поскольку вы глубоко отрицательное явление в нашей жизни.

После чего, посоветовавшись с заседателями, председатель объявил приговор, встреченный аплодисментами: приговорить к общественному порицанию и вернуть мужу половину выигрыша, поскольку вторая половина принадлежит жене и она вправе этим распорядиться.

Жена, услышав этот приговор, говорит:

– Деньги я ему, собаке, верну, но я ему, подождите, тоже пулю завинчу.

И на другой день она в отсутствие мужа продает зеркальный шкаф, принадлежащий ему, и вдобавок его плюшевую оттоманку. И вырученные деньги возвращает мужу.

Она говорит:

– Поскольку мне принадлежит половина предметов, так вот я кое-что и продала из твоих вещей.

Муж, увидев, что проданы по дешевке вещи, служившие украшением его комнаты, пришел в исключительное расстройство. Он пошел к председателю жакта и сказал ему:

– Она мои вещи уже стала продавать. Я с ней разведусь, поскольку я не могу жить с такой арапкой.

Председатель говорит:

– Вот и хорошо.

Через два дня без особых скандалов муж с ней развелся. Но поскольку жена никуда не уехала и нарочно осталась жить в его небольшой комнатке, то получился абсурд, благодаря которому муж от полного расстройства чувств сильно прихворнул.

А что касается изобретателя Ньюшина, то он не довел свое изобретение до конца, а, получив деньги, загулял и благодаря этому поссорился со своей дамой-патронессой – покровительницей изобретателей.

Но она, собственно, недолго расстраивалась и, видя, что она теперь с двух сторон свободна, вступила в связь с одним инженером. Но поскольку инженер был женат, то получился опять абсурд, так как разведенный муж не мог даже теперь выгонять его, когда тот заскакивал в гости к его бывшей половине.

Но тут, к счастью мужа, у которого уже возник невроз сердца, она разошлась со своим инженером и неожиданно вышла замуж за одного провинциального фотографа, который прибыл в Ленинград за фотографическими принадлежностями. Но тут он ее встретил, влюбился и увез ее с собой в Торжок.

А бывший ее муж до того этому обрадовался, что снова стал здоров и даже перед отъездом подарил ей какой-то красивый расписной коврик, чтобы она совместно со своим дураком фотографом могла уютно обставить свое новое жилище.

Стенограмма речи, произнесенной на собрании нашего жакта от 28 января жильцом из квартиры № 7^{*}

Нет, если говорить на оборонную тематику, то мне, вообще говоря, не придется по возрасту даже в армию идти. И в этом смысле я даже так скажу: как-то огорчен. Все-таки как-то хочется что-то такое сделать, поскольку еще пламя горит в груди. Не хочется, одним словом, прозябать в тылу.

Тем более, если говорить откровенно, то и тыл тоже, знаете, не так-то уж, знаете ли, представляет глубокий интерес. Тоже, знаете, как: начнут аэропланы сверху бомбами запузыривать, так тоже, как говорится, благодарю вас за такой тыл.

Или там начнут из дальнобойных орудий снарядами дергать, так тоже мерси-спасибо.

Главное, техника, я не понимаю, последнее время, как с ума сошла. Она все время добивается, как бы ей подальше стрелять. Им чем дальше, тем лучше. Они не глядят, что это в тыл попадает. Это как-то даже, я так скажу, не гуманно. Ну там достигайте особенных эффектов на близком расстоянии. Крошите там что близко. Но не ломайте голову над проблемой дальнобойности.

А то что же такое: которые вблизи, тем – ничего, а которые чуть подальше, те – отдувайся.

Нет, я так скажу: я удивляюсь на современную научную мысль. Тем более, раз это тыл, так уж он и есть тыл. И там, может быть, одни старухи сидят. Зачем же их тревожить дальнобойными орудиями? Это ведь тоже до некоторой степени некрасиво с ихней точки зрения.

Или там Лига Наций. Она разбирается по целому ряду вопросов. Но насчет этого вопроса она как воды в рот набрала.

Главное – не все же могут впереди находиться. Или я так скажу лично о себе: то есть у меня никак не выходит, что мне придется где-нибудь там маршировать. И, так сказать, воленс-не-воленс я должен где-то в другом месте пребывать.

Во-первых, у меня и с годами довольно спокойно. Да и со здоровьем дела обстоят исключительно благополучно. Если хотите знать: у меня и ТБЦ, и грыжа, и какая-то психическая возбудимость. Так что, когда доктора велят положить ногу на ногу и потом ударяют по коленке, чтоб с научной точки зрения поглядеть, как она подпрыгивает, то нога у меня так высоко подпрыгивает, что не только рядовые врачи, но даже и заслуженные профессора очень исключительно удивляются. «Да уж, говорят, у вас с ногами что-то такое невероятное происходит. Мы, говорят, даже отчасти теряемся с научной точки зрения. Вы, говорят, своими ногами нам как-то даже нарушаете научную мысль».

А что я могу поделывать, когда она у меня так ненаучно подпрыгивает, и даже она, я так скажу, разгоняет научный персонал.

Только, я так скажу, это, наверно, происходит по психологическим мотивам. Может быть, она и не должна бы так вскидываться при легком медицинском нажиме, но, может быть, согласно учению Фрейда, моя психология тоже, как говорится, остерегается в предчувствии там всякой разной чертовщины и, может быть, в своем подсознательном выписывает такие кренделя, недопустимые в пределах строгих научных рамок.

Но если даже отбросить подобную психологию, то и тогда получается, что такая нервность не оправдывает своих надежд, поскольку, я говорю, опять-таки все дело упирается в проблему тыла, где не так-то уж будет расчудесно, как это хотелось бы.

Так что в этом смысле я прямо даже не знаю, как быть. И может быть, действительно лучше в тылу не находиться.

Хотя тоже и впереди как начнут из всяких штук решетить, так тоже, как говорится, давайте лучше не надо.

Так что, несмотря на все, я все же склоняюсь к более опасной тыловой жизни. Тем более, что в случае обороны и в тылу можно принести посильную пользу. И если б не современная техника плюс газы и разные там аэропланы, то все было бы исключительно безобидно.

Хотя, конечно, в смысле беспокойства тыла не следует целиком класть вину на современность. Также, как говорится, и в прежнее время в тылу гарантии не было. Или, например, факт из греческой истории: как они великого математика Архимеда убили. Уж, казалось бы, сидел

человек у себя в помещении – чертил что-то такое. А римские войска в это время врываются в город. И, знаете, бегают по квартирам. И хотя видят, что человек спокойно чертит, – все-таки они его протыкают своим дротиком. Ну что это такое?

А уж если они Архимеда убили, так уж, знаете ли, с них всего хватит.

Тем более непонятно: многие – культурные люди, некоторые – с высшим образованием. Кое-кто – стихи пишут. Некоторые – музыканты. Некоторые, сидя в театре, всхлипывают на чувствительных местах. Но, тем не менее, те же самые люди вдруг могут объявить войну, устроить кровавую баню, разорить тыл и так далее.

Нет, я гляжу против войны. Я гляжу за оборону. И под это двумя руками подписываюсь, хотя и имею антивоенные взгляды.

Горе от ума^{*}

Дело, о котором мы хотим вам рассказать, собственно говоря, уже закончилось.

Кое-кто получил выговор. Кое-кто был оправдан. А некоторые отделались моральным испугом.

В общем, правда восторжествовала, и порок был наказан. И в этом учреждении, о котором идет речь, все, так сказать, снова сейчас завертелось. Как говорится, дела идут, контора пишет, ключи на комоде.

И мы, не отличаясь сварливостью характера, так бы и предоставили все это течению жизни, если б не усмотрели в этом явления, на котором следует остановиться.

Итак, как говорится в учреждениях, давайте провентилируем вопрос.

История развернулась в одном небольшом учреждении – в отделе благоустройства одного из районов.

В этом прекрасном учреждении с таким классическим и звучным названием, заставляющим думать о превосходных делах, произошло неприятное происшествие.

В прошлом году в отделе благоустройства «служила в качестве служащей» гр. К. И вот ее уволили с глупой и, пожалуй, даже бюрократической характеристикой: «за нечеткость в работе».

К., желая восстановить свое доброе имя, подала в нарсуд. Нарсуд, рассмотрев дело, не нашел достаточного повода к увольнению и восстановил служащую с оплатой за вынужденный прогул.

Свидетельницей в суде выступала сослуживица К. гражданка Л.

Не утверждаем, что тут имелась связь с ее выступлением на суде, но только факт, что после суда эту гражданку тоже уволили. Первоначально она получила строгий выговор с предупреждением «за опоздание и за составление пониженного плана по ассобозу». А затем заведующий отделом благоустройства предложил ей уйти «по собственному желанию». Когда она отказалась это сделать, он ее уволил за опоздание.

ЦК союза работников городских предприятий отменил это постановление и предложил «восстановить служащую Л. с оплатой за вынужденный прогул».

Заведующий не подчинился этому решению. И тогда нарсуд, рассмотрев дело, восстановил и «свидетельницу» с оплатой за шестимесячный вынужденный прогул.

Вот какова история в общих чертах.

На первый взгляд, дело, мы бы сказали, пустяковое. Несработанность служащих. Неполомки. Сварливый, надменный характер заведующего. И так далее. Что-нибудь в этом роде.

Но целых два одинаковых судебных дела, два неправильных увольнения с оплатой за вынужденный прогул заставили нас снова обратить свои взоры на вышеуказанное учреждение с прекрасным и благозвучным названием.

Мы поинтересовались, нет ли там еще чего-нибудь вроде этого. Нет ли там еще «униженных и оскорбленных»?

И что же оказалось? Оказалось нечто поразительное.

Вот перед нами список служащих, уволенных за 1935 год.

В списке 60 человек.

А всего в штате сотрудников – 75 человек.

Итого за прошлый год уволено почти 80 процентов.

Давайте посмотрим этот черный список.

Оговоримся: список – официальный, с печатью отдела благоустройства и с подписью зам. нач. управления.

Итак, в этом списке 60 человек. Посмотрим, каковы мотивы увольнения.

1) «По собственному желанию» ушло – 14 человек.

2) «По собственному желанию в связи с социальным происхождением» (так и сказано!) уволено – 7 человек.

Мотивировка, прямо скажем, удивительная. Просто даже трудно понять, в чем дело. То ли совесть заговорила в служащем, и он, понимая, что происхождение его нечисто, решил, так сказать, по собственной охоте не марать больше своим присутствием это высокое учреждение. То ли ему намекнули – мол, до каких же пор мы будем терпеть тебя, братец, в нашей канцелярии? Мы тебя, милочка, не гоним, но раз у тебя папаша вроде как почетный гражданин бывшей

империи, то пора бы понять, что не дело служить тебе в ассенизационном обозе.

В общем так или иначе уволено «по собственному желанию в связи с социальным происхождением» – 7 персон.

3) «За пьянство» уволено – 3 человека.

4) «За кутежи» (так и сказано) – 2 человека.

Причем разница между пьянством и кутежом, вероятно, имелась, поскольку предусмотрены две графы. Кутежи, вероятно, имели характер более широкий – с пением и танцами. А пьянство – может быть, просто человек наклюкался и лег спать.

Так или иначе за пьянство засыпались: а) помощник коменданта, б) начальник пожарной охраны и в) инспектор очистки. А за кутежи пострадали два агента ассенизационного обоза. (Может быть, черт возьми, профессия толкнула их на скользкий путь порока, и они через это погрязли в тине кутежей и веселья.)

Далее среди уволенных идет мелкота и шушера:

5) «За нечеткость в работе» – 1.

6) «За нарушение правил внутреннего распорядка» – 2 (из них один – комендант!!).

7) «Запрогул» – 1 (бухгалтер).

8) «За то, что отказался прописаться» (!) – 1 (метельщик – с чего бы это он?).

9) «Как не выдержавшие испытания» – 6.

Далее идут уволенные по самым различным уважительным причинам. Один там по статье 47. Другой перешел на инвалидность. Третий опоздал. Четвертый умер по всем правилам науки. Пятый – по семейным обстоятельствам. И так далее.

При такой ужасающей текучести, казалось бы, ни о каком сокращении штата не может быть и речи. Но не тут-то было. «По сокращению штата» (указано в списке) уволено 5 человек.

Итого из 75 человек за прошлый год снято 60 служащих по самым многообразным причинам, среди которых почему-то не указано «увольнение за глупость». А надо бы, если на то пошло, завести и эту графу в отделе благоустройства.

В общем, даже трудно понять, почему заведующий учинил такой бешеный разгром?

С чего бы это он, действительно?

Может быть, невезенье. Может, во всех других учреждениях публика на должной высоте, а тут, может быть, у него просто как заколодило. И сотруди́чки, может быть, все какие-то посредственные попадались. А может быть, человек болеет за свое учреждение! Может быть, он хочет возвести свой отдел на неслыханную высоту! Может быть, он в своем уме создал, так сказать, образ идеального служащего, и к этому он стремится! А тут наряду с этим путаются какие-то, черт их дери, мелкотравчатые конторщики, какие-то, пес их знает, обыкновенные девицы с флюсом. Портят, так сказать, пейзаж своими надутыми физиономиями. Обидно, может быть. Раздражают все-таки. Снижают значение отдела. Хочется перетряхнуть этот хотя бы, черт возьми, ассенизационный обоз, где кутят и нечетко работают и вдобавок марают отдел своим происхождением.

И вот берет он это свое небольшое учрежденьице и почти целиком, как мусорный ящик, вытряхивает почти всех в другие (несомненно) какие-нибудь учреждения, где менее прихотливы и где не оторвались от жизни и где, говоря канцелярским языком, к «людскому составу» относятся приветливо и уважительно, без столь дурацкого бюрократизма и надутого чванства к «человеческой единице».

И какая, обратите внимание, игра природы! То самое учреждение, которое ведает «благоустройством» жизни, так, можно сказать, лихо наезжает с другого, более важного фланга на своих же клиентов и потребителей.

В другой раз идешь летом по бульвару. Душа радуется. Деревья подстрижены. Дорожки посыпаны. Скамейки услужливо поставлены в тени. Как-то сразу на сердце симпатично становится. Все эти мелочи как-то поднимают собственное достоинство. Вот, думаешь, все, так сказать, для тебя же, дурака, стараются. Спасибо, думаешь, отделу благоустройства.

И вдруг теперь узнаем, в этом же самом учреждении – вон какие грубые дела, нарушающие принцип благоустройства жизни!

Оно, конечно, скамейки красить проще, чем иметь дело с «людским составом». Но которые не могут за это браться, те пускай и не берутся. И тогда благоустройство еще более возвысится.

Небрежность и легкомыслие*

Дело, о котором мы хотим вам рассказать, в высшей степени неприятное, досадное дело, лишенное всякого юмора и улыбки. Так что, излагая его, мы даже решили не прибегать к художественному методу. А мы просто предложим вашему вниманию факты и документы и потом сделаем вывод, имеющий до некоторой степени воспитательное значение.

Что касается, так сказать, художественной части, то уж это как-нибудь в другой раз.

Короче говоря, вот что недавно произошло в Ташкенте.

В газете «Правда Востока» (24 октября 1935 г.) в отделе происшествий была помещена заметка относительно грабежа и чубаровщины.

Вот краткое описание дела. Одна особа познакомилась в ресторане с тремя неизвестными. Те ее подпоили, ограбили и совершили над ней насилие. Причем в заметке сказано, что бандиты скрылись, но что угрозиском арестован инициатор ограбления и насилия шофер Марк Коган.

Но вот 8 мая 1936 года в газете помещается скромное опровержение под названием «Поправка». Причем говорится, что прежняя заметка была напечатана «на основании данных угрозыска». И что, как теперь установило следствие, «гр. М. Коган не имел отношения к этому преступлению и дело по обвинению его прекращено».

Вот, собственно, и все дело.

Теперь просим обратить внимание на даты.

Заметка была помещена в октябре, а опровержение в мае.

То есть семь месяцев человек ходил с кличкой чубаровца и бандита. Вернее, он даже не ходил, а сидел в доме заключения. Он четыре месяца там сидел, а три месяца он ходил по Ташкенту и умолял как-нибудь восстановить его доброе имя, поскольку он действительно не имел отношения к преступлению.

Но всюду он натыкался на всевозможные преграды. Наконец он сделал покушение на самоубийство. После чего наконец появилось

опровержение. И пострадавшему дали путевку на курорт, «учитывая болезненное состояние».

Вот и вся история.

Она удивительна во всех отношениях. И прежде всего тем, что угрозыск дал газете подобную информацию, в которой арестованный шофер признавался инициатором преступления.

Зачем же тогда ведется следствие, если с наскока и так уверенно можно сообщить в газете об инициаторе преступления?

Это уж по меньшей мере небрежность и легкомыслие. Нам живо рисуется этот новоиспеченный Шерлок Холмс, арестовавший шофера. Вероятно, возбужденный и взволнованный, с трясущимся пистолетом в руке, он тут же, сразу после ареста, захлебываясь от восторга, дал свое сообщение.

И газета, как говорится, не поглядевши в святцы – бух в колокол.

И, конечно, не со зла этот Шерлок Холмс дал свою информацию, а, вероятно, по дурости и по легкомыслию, не подумавши, что за его канцелярским слогом и бездушной резолюцией стоит, может быть, даже и невиновный человек.

Так или иначе, дело завертелось. И через четыре месяца шофера выпустили на волю.

И вот тут, на воле, он и столкнулся с тем, что в таких случаях иногда бывает.

Мы не знаем, что именно с ним произошло. Но знаем, что в подобной ситуации иной раз даже и близкие товарищи при встрече малодушно перебегают на другую сторону, чтоб их не заподозрили в чем-нибудь неблаговидном. И с работой, наверно, у него не ладилось. Поскольку мало кому охота была брать в свое учреждение чубаровца. И знакомые, вероятно, отвернулись и повсюду его встречали с кривой усмешкой. И жакт, возможно, уже успел свинью подложить.

Мы не знаем, так ли именно было, но, наверно, что-нибудь вроде этого случилось...

Ну, дали ему теперь путевку.

Ну, поедет он в Кисловодск. Ну, прибавит три кило. Ну, там ему еще запломбируют зубы. И цветы будут к обеду под-кладывать. Но характер у него уже изменится к худшему, потому что он испытал на себе самое большое свинство, которое может быть, – небрежное,

безучастное и бездушное отношение к человеку. Отношение, как к вещи, на которой наклеен ярлык.

Конечно, потом все это забудется и, как говорится, травой зарастет. И снова он станет веселый и беспечный. Но все же лучше бы обходиться без таких передраг.

Давеча мы шли по улице (и в портфеле у нас лежало это дело) и вдруг видим – на огромной подводе везут какой-то груз. Какие-то три места. Какие-то, наверно, машины.

И до того этот груз, мы видим, бережно и аккуратно везут, что нас прямо как-то даже озадачило.

Все чистенько и аккуратно упаковано. И на ящиках сделаны разные трогательные надписи, достойные груза. Наискось крупно написано: «Осторожно». И сбоку: «Не бросать». И, кроме того, указано: «Верх» и «Низ».

Особенно нас почти до слез тронула последняя надпись красными буквами – «Верх» и «Низ».

Это уж, знаете, предел возможной и любовной осторожности. Это, знаете, чтоб груз случайно вверх ногами не поставили. А то, мало ли, может, там какой-нибудь незначительный шпингалетик выпадет и потом его ищи-свищи, или там какой-нибудь отдельный шпинец сомнется. И будет некрасиво. Вот и пишут, чтоб не вертели товар.

И я тогда подумал – вот если бы в ташкентском уголовном розыске примерно так же (соблюдая хотя бы эти надписи) отнеслись к человеку, то ничего подобного не случилось бы. И шофер и без этой злосчастной истории съездил бы на курорт.

Много шума из ничего*

Вот какой случай произошел в Арзамасе. Там у них, как сейчас выясняется, имеется войлочная фабрика.

Что именно производит эта фабрика, я не берусь сказать. Но надо думать, что не войлочные стельки к сапогам, а что-нибудь в высшей степени исключительное, полезное для всех в гражданском смысле. Может быть, там фетровые валенки и так далее.

Но не в этом суть.

Вот что произошло на этой фабрике.

Во время обеденного перерыва пять девушек, собравшись вместе, начали шутить и болтать всякую чушь и ерунду. Ну естественно – молодые девушки. Они только что поработали. Теперь у них перерыв. И, конечно, им охота немного пошутить, посмеяться и пококетничать.

Тем более это не профессора какие-нибудь там, сухари и педанты, интересующиеся только, может быть, интегралами и так далее. А попросту это самые обыкновенные девушки в возрасте от восемнадцати до двадцати лет.

Так что и разговор у них был скорее забавного содержания, чем имеющий научную подкладку.

Короче говоря, они беседовали о том, кто кому нравится и кто за кого замуж стремится.

И ничего тут плохого нет. Отчего об этом не поговорить? Тем более обеденный перерыв. И тем более был чудный весенний день. Конец февраля. Первое, так сказать, пробуждение природы. Солнце. Воздух такой сумасшедший. Птички чирик-чирик. На душе весело и забавно.

И вот сидят эти пять девушек и славно между собой беседуют.

А одна из этих девушек была, как теперь говорится, особенно заводная.

И когда речь зашла насчет замужества, она взяла бумагу и карандаш и, весело смеясь, сказала всем собравшимся, что я, дескать, решила запротоколировать все, об чем мы тут с вами беседуем. И кто кому нравится, я сейчас в протокол запишу, и, может быть, из этого гаданья у нас что-нибудь более реальное получится.

Тут все начали смеяться и хохотать. И начали шутить с полным вдохновением.

И тут они под горячую руку возьми и сочини забавный протокол. Как говорится: слушали – постановили. Этой постановили выйти замуж за этого. А этот обязан сделать предложение этой. И так далее... Все в этом духе.

Ну, шутка. Баловство. Пустяки во всех отношениях. Ну, дурацкое дело, не стоящее внимания.

Собственно, мы даже не знаем, каким образом этот забавный протокол попал к начальству. Скорей всего какой-нибудь там типус, страдающий сахарной болезнью и пучеглазием, подложил эту бумажку на стол директору. А может быть, он и лично, на своих полусогнутых, явился в кабинет директора и, вздохнувши, передал ему протокол – дескать, вот, взгляните, чего наши девицы выкомаривают.

Директор Кистанов, сделав постное лицо, зачитал протокол и пришел в неопишное расстройство.

Двух девиц он уволил с фабрики, как буквально сказано в приказе, «за разлагательную работу, выразившуюся в организации официальной секции с наличием протокола, ставившую себе целью обработать парней в мелкобуржуазном духе».

Одной девице он сделал строгий выговор с предупреждением. А еще двум – поставил на вид.

Может быть, те и поплакали, не знаем, но только, поплакавши, решили подать протест о неправильном увольнении.

И вот тут началась канитель и волынка, которая до сего времени продолжается.

В общем, обиженные подали заявление в конфликтную комиссию.

Фабричная конфликтная комиссия (РКК) под председательством того же самого директора подтвердила увольнение.

Тогда девушки подали заявление в союз.

Там отнеслись внимательно к женскому горю.

Инспектор ЦК союза шерстяников вынес такое совершенно правильное постановление:

«Факт составления протокола, в котором было прикрепление девушек к парням с целью выйти за них замуж, не может служить поводом для их увольнения. А поэтому решение РКК, как неправильное, отменить».

Постановление это, однако, не повлияло на черствую душу директора.

И тогда инспектор посоветовал девушкам подать в народный суд.

Народный суд постановил отменить увольнение и уплатить уволенным за вынужденный прогул.

Казалось бы, все сложилось хорошо и отлично. И можно, казалось бы, снова начать женские разговоры о любви и браке. Но не тут-то было.

Директор, получив извещение от народного судьи, решил заняться домашним воспитанием молодых особ.

И вот, имея самые благие намерения, он пишет в приказе об этих злосчастных девушках нижеследующее:

Дело, которое они организовали, не сумело причинить вреда. Но товарищи В. и Г. как организаторы этой никому не нужной группы по обработке парней получили моральное наказание. Все это должно в дальнейшем научить тт. В. и Г. как организаторов отделять полезное от вредного, ненужного дела...

Может быть, когда-нибудь в дальнейшем народные суды будут к чему-нибудь приговаривать за подобный стиль и за такие обороты речи, но пока с этим приходится мириться.

Далее в приказе говорится:

Принимая во внимание, что В. и Г. уже морально и общественно наказаны, отменить приказ в части снятия их с работы, оставив прежнюю формулировку в определении поступка.

Короче говоря, приказ, как можно видеть, оставлял за девушками унижительную и дурацкую кличку «организаторов секции по обработке парней».

И как девушки ни бились и как они ни протестовали, ничего у них не вышло.

Мы не сомневаемся, что ЦК союза придет на помощь и доброе имя пяти девушек (которым всем вместе девяносто пять лет) будет восстановлено в прежнем своем блеске. Но нас тревожит, что дело это крайне затянулось.

Шесть месяцев тянется подобная канитель. И навряд ли это благоприятно отражается на здоровье и наружности всех участников дела.

Да и сам директор, наверное, слинял и окончательно перестал иметь успех у женщин.

А скорей всего он даже и никогда успеха не имел. И это отчасти чувствуется по его характеру.

В общем, жало нашей конкретной сатиры направлено в аккурат на всякого сорта сухарей и педантов, которые не любят и не понимают смеха и веселья.

Ну пусть бы девушки посмеялись. Подумаешь, какая беда! Ну что могло из этого получиться? Ровно ничего. Главное, забавно видеть, что он заступился за парней.

Как будто те бедные-несчастные, и вот сейчас их обработают «в мелкобуржуазном духе». А те небось, как говорится, и сами с усами. И обошлись бы без самосильной поддержки директора.

Пустое и глупое дело. А сколько из-за него криков, шума и огорчений.

Истинное происшествие*

За последнее время пламенные дела творятся повсюду. Летчики ставят мировые рекорды. Строительство расширяется. Торговля процветает. Одна группа граждан неожиданно вдруг поднялась на гору Казбек. И чуть ли даже не достигла одной из ее славных вершин. Другая группа граждан плывет, представьте себе, на яликах в Казань. Третьи, наоборот, сидят дома и, кто чем может, приносят посильную пользу своим личным присутствием.

Многие вдобавок исключительно выросли. Другие стремятся культурно провести время. Много купаются. И так далее.

Так что при таком обороте дела как-то оно даже не хочется видеть что-нибудь недостойное, какое-нибудь там мелкое арапство или жульничество. Как-то на светлом фоне досадно это наблюдать и с этим рядом находиться.

Но в том месяце, производя обмен квартир, мы как раз столкнулись с этим. И теперь желаем в печати осветить для поучения остальных граждан и чтоб другим было неповадно заниматься очковтирательством.

Те, которые менялись с нами комнатой, прикинулись сначала идейными людьми.

– Обманывать вас, – сказали они, – не входит в наше намерение. Мы хотим предупредить вас, что наша комната находится в квартире, под которой расположен тир. И там стреляют в цель, благодаря чему вы можете иной раз услышать звуки выстрелов. Но к этому не надо прислушиваться, и тогда в той квартире жить будет отчасти можно.

Мы с женой были растроганы честностью этих людей. И мы тоже откровенно им сказали:

– Что касается нашей квартиры, то дефекты у нас по сравнению с вашими невелики. И мы даже удивляемся, чего мы ее меняем. Это дивная и теплая квартира, под которой в течение пяти лет находилась пекарня. Так что наши жильцы отвыкли даже покупать дрова. Но лет девять назад пекарня эта закрылась, и туда въехал кустарь. И он там теперь чинит примуса и детские салазки.

Которые с нами менялись нам сказали:

– Значит, выходит, что под вами слесарная мастерская. Уж наверно, там стоит адский шум и грохот.

А честно говоря, грохот у нас стоял действительно умопомрачительный. И главное, сильно гарью пахло. Так что моя супруга, как южанка, находилась почти все время в полуобморочном состоянии. И врач категорически запретил ей тут жить. И через это мы решили поменять нашу комнату.

Но теперь, когда речь зашла начистоту, мы откровенно сознались, что шум у нас, конечно, есть, но зато и у вас стрельба – тоже, как говорится, чего-нибудь да стоит.

Который с нами менялся так сказал:

– Да, но, простите, что я за дурак – переезжать сюда грохот слушать. Уж лучше я в таком случае буду слушать стрельбу. Все-таки она укрепляет нашу мощь и вырабатывает глазомер. А что я буду, простите, слушать у вас? Примуса и кастрюльки. Ну нет, знаете ли, без доплаты я сюда не ездох.

Короче говоря, мы ему немного приплатили, и он с нами поменялся. Его соблазнило, что тут у нас детей не было. Он к детскому крику относился пассивно. Он не любил это.

Но, конечно, он не учел, что тут у нас в квартире были уже три дамы под сомнением. Из которых у одной на этих днях должно что-нибудь получиться. Но говорить ему об этом не хотелось. Зачем же расстраивать человека заранее?

Короче говоря, мы с ним поменялись апартаментами. И вскоре убедились, что имели дело с арапом.

Кроме тира, он нам подсунул вундеркинда. Это был подросток, который за свою игру на скрипке получил похвальный отзыв на музыкальной олимпиаде, благодаря чему этот малолетний артист безостановочно пикировал на своем инструменте, так что у жены и тут началось полуобморочное состояние.

Кроме того, тут в квартире жил ненормальный. Он тут жил с братом и с матерью.

Правда, это был сравнительно тихий ненормальный. И даже первое время было забавно за ним наблюдать. Но все-таки, как говорится, зачем же нам такое избранное общество? Это неприятно и ночью могло пугать.

И вдобавок, когда у нас созрело решение снова поменяться комнатой, это наличие сумасшедшего сыграло отрицательную роль в процессе обмена. И мы даже не могли поменяться, поскольку все боялись сюда переезжать. А когда мы менялись, то этот ненормальный жил на даче, и мы понятия о нем не имели.

А теперь он на каждый звонок выбегает в коридор в нижнем белье, и с ним ничего нельзя было поделаться.

Мы с женой первое время закрывали его в уборную. Но это не достигло цели, поскольку те, которые с нами менялись, всякий раз, как нарочно, заглядывали и туда, чтобы увидеть, как и что у нас там есть. А тот, естественно, выбегал оттуда все равно как сумасшедший. И, конечно, пугал пришедших до того, что те хлопались в обморок.

Так что мы так и не могли пока что поменяться. И даже хотели в суд подать на того, который нам все это устроил и сам занял наше помещение. Но нас то успокаивало, что он, может быть, вообще останется без комнаты. Поскольку там, кажется, весь дом будут срывать, чтобы расширить улицу. Это старый дом, и он слишком выпирал среди других домов.

Его хотели, как в Америке, немного пододвинуть назад, метров на пять. И уже начали в подвале что-то копать, чтоб сообразить, куда, в крайнем случае, поставить машины. Но там еще до прибытия машин у них получилась какая-то трещина. И ввиду дряхлости этого дома его решили вообще к черту срыть, чтоб построить что-нибудь более достойное эпохи.

Так что этот жулик, подсунувший нам свое логово, теперь и сам поставлен в затруднительное положение.

Он думал, что своим обманом он нас поймал, как говорится, на пушку. Но не тут-то было. Обманом не проживешь. И теперь это ему и всем поучение.

Не пуцу*

Есть такая картина. Она написана, не помню, каким-то известным художником. Она называется «Не пуцу».

А дело там вот в чем. Пивная. И около дверей пивной стоит женщина во весь рост. И, широко расставив руки, эта женщина не пускает в пивную своего мужа.

А муж, видимо, не дурак выпить, все же ломится. И хочет ее отстранить.

А при ней вдобавок еще, кажется, перепуганный ребенок. И, так сказать, всем своим видом женщина говорит: «Не пуцу». А у самой на лице горе и волнение. И волосы у нее в беспорядке распущены, дескать, не до прически. И кругом пустынно. Никого нет. И никто этим явлением не заинтересован.

Очень сильная дореволюционная картина. Она очень метко схватывает моменты той эпохи. И зритель через эту картину убеждается, какие были пьяные забулдыги-мужья и как неважно жилось женам, и как зарабатывал на этом каналья-кабатчик, который каждую минуту мог выйти и прогнать женщину, не допуская мужа пропить свой последний рубль.

В этом смысле дореволюционный мастер кисти и резца отлично справился со своей задачей и по мере своих слабых сил честно отразил момент действительности.

Эту картину поучительно видеть во все исторические времена.

И, например, наблюдая эту картину в наши дни, видишь существенную разницу.

Конечно, у нас пьют порядочно. И заливают, как говорится, за галстук при первой возможности. Но, между прочим, пьют сравнительно как-то не так, как прежде. Все меньше и меньше наблюдаешь в лежку пьяненьких.

Бывало, раньше идешь в воскресенье или в какой-нибудь царский день и прямо чуть не наступаешь на лежащих граждан. А над ними хлопчут дворники и городовые. Натирают им уши и подставляют к носу пузырьки с нашатырным спиртом, чтоб те очухались и смогли бы

на своих ножках дойти до участка. А уже там их, миленьких, в полутемной каморке, как дрова, сваливают друг на друга.

Сейчас, конечно, этого не бывает. А уже если какой-нибудь тип свалится у нас, то вскоре торжественно и культурно подъезжает до него карета «Скорой помощи», и его, как случайно захворавшего, везут в вытрезвитель. А уж там его йодом смажут и с научной целью внутренности промоют. И вдобавок утром какую-нибудь лекцию прочтут. И возьмут с него за все про все вместе с процедурами рублей десять или двадцать.

Так что, я говорю, разница колоссальная. И даже по этому поводу надо бы выпить.

А что касается жен, то и они порядочно выросли. И уже такую женщину, какая выведена на картине, навряд ли можно найти.

И уж если муж у нее сильно пьет, то она, скорей всего, с ним разойдется, если квартирный вопрос позволяет. А если она его любит, то она и сама пойдет с ним, куда его тянет, и там культурно посидит с ним за столиком.

А которые потеряли совесть, то на них уж такие робкие слова «не пуцу» все равно не действуют. Таким нужно что-нибудь более современное.

И на этих днях мы видели нечто подобное, которое и вдохновило нас (как и того художника) зарисовать для потомства момент действительности.

Идем мы по Выборгской стороне. И вдруг видим – человек двадцать граждан идут вдоль панели и все ахают. Некоторые возмущаются. Другие машут руками. Третьи смеются.

И вдруг мы видим – на панели идет мужчина. В обыкновенной синей спецовке и в кепочке.

И вдруг все видят, что этот мужчина – пьяный. Он идет очень неровно. Шатается. И его сильно кренит то в одну, то в другую сторону.

И тут все замечают, что этот пьяный мужчина держит на руках малыша. Он держит маленького ребенка лет, может, трех. Такая чудная крошка. Курчавенький. Носик пуговкой. И смеется. Ему, видать, забавно, и у него дух замирает, что он так на руках качается. Он не понимает, конечно, что его пьяный несет и он через это качается. Он, может быть, думает, что это такая игра.

А рядом с этим странным шествием идет женщина. И одной рукой эта женщина отстраняет прохожих. А другой рукой она по временам делает «козу». Она этим, видать, еще более забавляет малыша, который сидит на руках у пьяного.

И вот, я говорю, кругом в толпе раздаются возмущенные возгласы. Некоторые женщины, недовольные такой безобразной сценой, и видя, что крошка подвергается опасности упасть и вдребезги разбиться, начинают кричать на пьяного, чтоб он прекратил свое шествие с ребенком. Но тот, мало что понимая, идет, покачиваясь, дальше.

А та женщина, которая идет с ним рядом, не смущается этим и продолжает забавлять ребенка. И по всему видно, что она мать этой деточки и жена этого пьяного. И, тем не менее, такая сцена.

Тогда одна молодая особа, не могущая больше видеть подобные дела, бежит до милиционера и с ним возвращается.

И тогда все, наперерыв галдя, рапортуют милиционеру, что вот, дескать, пьяный дурак подвергает опасности ребенка, а эта ненормальная мать потакает. Не допускайте это шествие.

Тогда милиционер делает под козырек этой паре. И те останавливаются.

И вдруг женщина машет на толпу рукой, чтоб все замолчали. И когда прекратились крики, она произнесла такую речь:

– Товарищи, – сказала она, – этот выпивший человек, несущий на руках нашего сына, есть мой муж. И он в настоящее время лечится от алкоголя. И он уже делает некоторые успехи. Но пока он провел двадцать сеансов. А врачи ему сказали, что надо двадцать пять. Так что он еще не окончательно забылся от своей привычки. И он последнее время каждый день сидит в пивной, покуда я его оттуда не вытяну. Но поскольку я его силой вывести не могу и он все равно будет сидеть до закрытия, я тогда прибегаю к нашему сыну. Муж у меня исключительно любит ребенка. И только когда я в пивную зайду с сыном, муж мой весь преображается, берет его на руки и идет домой. Но попробуйте от него отнять ребенка – и он обратно вернется и будет снова пить. Что же касается до того, что он уронит ребенка, то на этот случай я иду рядом, и если муж опрокинется, то я вполне успею подхватить мальчика. Конечно, в каждом деле есть риск и волнение, но тут меньше беды, чем если он у меня сопьется и тем самым сделает

еще больший вред себе, сыну и обществу. Вот что я могу вам сказать в ответ на ваши законные крики, угрозы и возмущение.

Тут многие развели руками, когда услышали эту реплику. А некоторые зааплодировали и расступились, чтоб дать им дорогу.

И пьяный отец, который во время речи мотался, как пшеничный колос от ветра, торжественно пошел дальше.

И тут все убедились, что он крайне бережно и крепко держит мальчишку.

И снова рядом с ними пошла женщина, продолжая делать мальчику «козу».

И милиционер, не зная, какую резолюцию подвести под это дело, снова взял под козырек и, вздохнув, сказал:

- Все в порядке... Пуцай идут. И кто-то из толпы добавил:
- Все в порядке – пьяных нет.

И тут все засмеялись и разошлись по своим делам.

Дача Петра Свинцова*

Вот какой подлинный случай произошел этим летом в нашем дачном местечке.

Подъезжает к вокзалу шикарный автомобиль. И там сидит какой-то интурист. Это толстый мужчина, лет пятидесяти. Причем одет он ослепительно. Широкое пальто. Очки. И какая-то особая мохнатая кепочка. И вдобавок он держит во рту сигару.

То есть, по виду это прямо типичный представитель буржуазных стран.

Вот машина остановилась. И шофер, обернувшись, говорит иностранцу по-русски:

– Тогда, гражданин иностранец, я буду в аккурат вас тут поджидать.

Интурист кивнул ему головой, дескать, ладно. И сам вышел из машины.

И, выйдя на мостовую, оглянулся по сторонам. Потом сделал несколько шагов. Остановился. Потом опять пошел. И снова встал.

И кепочку снял.

И тут все зрители увидели, что этот человек нервничает. Он, как бы сказать, сильно волнуется. Он во все всматривается. И все хочет увидеть. И каждая дачная картинка его трогает.

Тогда одна из местных жительниц, зимогорка Н., не могущая дальше выносить неизвестности, подходит до него и говорит:

– Если вы дачу приехали снимать, то уже июль и все сдано. Или что с вами?

Интурист махнул рукой, дескать, отвяжитесь. И без слов пошел дальше.

Тут несколько человек с зимогоркой вместе обращаются к шоферу. Тот говорит:

– Видите, это один иностранец. У него номер в гостинице «Астория». Сам он, представьте себе, швейцарский подданный, но в смысле своего прошлого он говорит, что он чисто русский. И это его родные места. Он тут жил в свое время, до революции. И тут у него была собственная дача. И он теперь на правах интуриста посетил это дачное местечко. Он захотел взглянуть, где он тут жил в дни своей

молодости. И через это его волнение ударяет, и он даже попорол пешком, чтобы насладиться картинами прежних переживаний.

Тогда все, кому это сказал шофер, посмотрели на идущего интуриста.

А он, сняв кепочку, шел теперь по Сосновой улице к самому озеру.

И, дойдя до озера, он остановился, потом взял вправо и вдоль по берегу пошел дальше.

Наверно, он живо держал в своей памяти всю эту местность, если спустя двадцать лет шел и не сомневался.

И вот идет он по-над озером. И вдруг остановился. Растерянно оглянулся. Пошел назад. Потом опять вернулся. И развел руками, как бы говоря: ничего не понимаю.

Тогда зимогорка Н., уже ранее с ним говорившая, снова подходит к нему.

Он ей говорит:

– Вот так номер. Не могу, знаете ли, тетушка, отыскать собственную дачу. Двадцать лет, говорит, я ее во сне видел и каждый день желал на нее взглянуть. А сейчас, когда это совершилось и когда я сюда прибыл в качестве иностранного туриста, – я не могу ее отыскать. А ведь, кажется, я тут до революции прожил целых тринадцать лет. Дважды, говорит, я был тут влюблен в местных дачниц. Каждое деревцо я тут знаю. И весь фасад этой дачи я всегда держал в своем воображении. И, тем не менее, не могу теперь отыскать ее среди всех этих дач.

Зимогорка говорит:

– А скажите: под каким номером шла ваша дача?

Интурист ей говорит:

– Вы, говорит, тетушка, дура не дура, но вроде того. Если б я номер знал, то и сам бы посмотрел. Но я номера не помню. А что касается фамилии, то до революции это была дача владельца Петра Свинцова.

Тут среди собравшихся людей выступил местный житель, Зимогор Попов. Он так сказал:

– Теперь, когда вы назвали фамилию, я в вас узнаю бывшего дачевладельца Свинцова. Ваша, говорит, дача стояла в аккурат на этом месте. И вы правильно тут остановились. Но только ваша дача еще в 1925 году сгорела от пожара. И на ее месте построен вот этот домик.

Тут все собравшиеся взглянули в лицо интуриста. Все захотели увидеть, как он перенесет это неприятное известие. Все-таки он так мечтал увидеть свою дачу, с которой было связано столько чудных воспоминаний. И вдруг, здравствуйте, – ее больше нету.

Услышав это известие, интурист покачулся, ахнул, всплеснул руками и, просиявши, сказал:

– Слава богу!

Зимогор Попов сказал:

– Почему вы так восклицаете?

– Я так восклицаю, – сказал интурист, – потому, что я узнал, что мое добро никому не досталось.

Тогда все растерялись и не знали, что ответить. И только зимогор Попов сказал:

– Напрасно восклицаете. Ваша дача сгорела в 1925 году, но до этого времени она шесть лет была под детскими яслями.

– Что она под детскими яслями, – ответил интурист, – меня это не волнует, но вот если бы сейчас я на этой даче кого-нибудь увидел в качестве владельца, – вот это было бы мне в высшей степени неприятно и тяжело. И я даже не знаю, как бы я перенес этот удар. Но теперь я благодарю судьбу, что мое добро никому не досталось. И это мне такой большой сюрприз, какой я даже и не ожидал получить в своей жизни.

Тогда Зимогор Попов, довольно революционно настроенный, так нарочно сказал интуристу:

– Дача ваша сгорела, но вот, кажется, ваше имущество спасли и оттащили опять-таки в другие ясли.

Так он ему сказал и смотрит: не хватит ли того кондрашка. Интурист помахал на себя кепочкой, как веером, и сказал, вздохнувши:

– Зато дача сгорела. И я, снова счастливый и помолодевший, уезжаю в свою Швейцарию.

Потом, испугавшись, не наговорил ли он лишнего, интурист повернулся на каблуках и быстро, не глядя по сторонам, пошел к вокзалу.

Он дошел до своей машины и, сказав шоферу что-то по-французски, велел ехать.

А зимогорке Н. он, порывшись в карманах, хотел дать какую-нибудь мелочь, но та не взяла и даже хотела позвать милиционера,

чтобы обуздать интуриста, прибывшего к нам из другого мира со своими навыками.

Но пока она прикидывала в своем уме, как и что, машина уехала. И на этом дело кончилось.

Науку – на борьбу с шумом!*

Если говорить насчет борьбы с шумом, то в первую очередь хочется отметить радио.

По силе звуков радио стоит на первом месте. И только, может быть, выстрелы дают более сильный звук. И то, как говорится, против выстрелов имеется своя наука – баллистика. А против радио научная мысль ходит как слепая.

Слов нет, радио, может быть, – великое открытие, но если в квартире три или четыре громкоговорителя, то, как говорится, благодарю вас за такое открытие.

Главное, досадно, что борьба с шумом началась не с этого открытия. Научная мысль почему-то в первую очередь пошла, так сказать, по трамвайному пути.

Бесшумный трамвай уже выпущен. И он уже курсирует по улицам Ленинграда всем на удивление. Фантазия Уэллса воплотилась, так сказать, в свою действительность.

Но бесшумный трамвай – это, в конце концов, техника плюс, может быть, простая резина или там, говоря научным языком, гуттаперча.

Но что может сделать та же резина против радио, – вот это еще не выясненный вопрос.

Лично я еще в хороших условиях в смысле радио. Некоторые в своих квартирах слышат радио и с улицы, и с верхних, и с нижних этажей, не говоря уже о соседях.

Один мой родственник со стороны жены с научной целью записывает все звуки, какие к нему доносятся со всего дома.

Так он, если не врет, слышит у себя шестнадцать радиоаппаратов.

Лично я такого количества не слышу, но два радиоаппарата меня прямо, как говорится, доводят до ручки.

Ну, один сосед со своим аппаратом – еще ничего. Про него нельзя сказать, что это большой любитель радио. Он с работы придет, прослушает детский час. И больше его не слышать. Разве что, находясь под мухой, он поставит там еще минут на пять какое-нибудь пение. Вот вам и вся его радиопрограмма. Это мягкий, гуманный человек. И не дурак выпить. Так ему, как говорится, не до того.

Но другой сосед – это уже что-нибудь особенное. Главное, он не так радио слушает, как он вообще хулиган. Он нарочно подолгу не выключает радио. И даже, идя, например, в баню, оставляет радио звучать.

Но каково было наше удивление плюс возмущение и ненависть, когда он, уехав в отпуск, оставил радио работать на полный ход! Он не выключил его. А свою комнату закрыл, собачий нос, на висячий американский замок и сам, как говорится, преспокойно отбыл на месяц в Крым. Он туда загорать поехал. На южный берег Крыма. А мы, как говорится, должны в его комнате терпеть шум.

Первые два дня мы сразу даже не сообразили наличие подобной забывчивости. Но потом слышим звучание совершенно не в урочное время. И вдруг видим: радио звучит круглые сутки, до того, что у меня шарики в глазах появляться стали.

Тогда я бегу в домоуправление и прошу в конце концов прекратить вышеуказанный шум. Председатель говорит:

– Да, борьба с шумом идет, не спорю. И это, конечно, непорядочно со стороны жильца шум производить во время отпуска. Но ломать дверь, чтоб туда войти, я не смею без его разрешения.

Тогда мы с другим его соседом делаем складчину и посылаем ему в Крым телеграмму, дескать, забыл, иуда, закрыть радио. Срочно дай согласие сломать дверь с петель.

Но поскольку от нервного раздражения я в последний момент в телеграмме добавил еще несколько язвительных слов, то этот подлец не ответил мне на телеграмму.

Тогда я хотел как-нибудь привыкнуть к этим постоянным звучаниям в его комнате. И к музыке я уже стал понемножку привыкать, но когда какая-то девица-агроном стала из бюро погоды перечислять, где какая температура находится, то я не мог более этого терпеть и выскочил из комнаты, чтоб что-нибудь произвести.

Один жилец мне говорит:

– Вы поднимитесь на крышу и срежьте к черту его антенну. Без антенны редко какое радио может звучать. И через это вы найдете себе душевный покой.

Тогда я, не будучи никогда на крыше и даже не понимая, как туда ходят, с опасностью для жизни влез туда и в аккурат над его окном отломал громадную, как багор, антенну.

Но каково же было мое удивление, когда, спустившись вниз, я снова услышал звуки!

Тогда жилец говорит:

– Вероятно, у него очень сильное радио, что оно без антенны играет. Если хотите, я, говорит, к вам вечером одного подростка подошлю, он в радиомеханике хорошо понимает.

И вот прислал он мне вечером подростка. Подросток говорит:

– Вы не знаете, какое у него радио?

– Какое радио, – я ему отвечаю, – не знаю, но, наверное, какое-нибудь исключительное, поскольку я антенну отломал, а оно все играет.

Подросток осмотрел все, что полагается, и говорит:

– Вы, говорит, у кого-то другого антенну сломали. За что ждите себе неприятности. А что касается вашего соседа, то у него никакой антенны не должно быть, поскольку у него всего-навсего радиоточка, то есть просто у него идут провода и к ним приставлен громкоговоритель. Если вы хотите, я отрежу в коридоре эти провода, и оно перестанет давать звучание.

Так он и сделал. И музыка сразу прекратилась. И наступила блаженная тишина. И я минут двадцать наслаждался этим в полное свое удовольствие.

Но потом мой другой сосед ни с того ни с сего поставил свое радио, и снова началась чертовщина и завывание.

Тогда, будучи нервно настроенный, я, рассердившись, схватил ножницы, подбежал к его двери и отрезал к черту его провода. Но каково же было мое удивление, когда звучание продолжалось!

И вдруг выпивший сосед выскочил из комнаты с воплем:

– Ты что ж меня, рыбий глаз, оставил в полной темноте. И даже потушил мою печку, на которой варилась каша!

И тут, конечно, начались шум и крики другого порядка, которые еще более досаждают душу и ослабляют кровь.

Прощай, карьера*

Вот какой случай произошел со мной этим летом. По телефону позвонил мне один иностранец. Он назвал свою фамилию. И сказал, что он писатель. Причем перед разговором с ним произошла такая сцена.

Кто-то, не знаю, может быть, служащий, вызвав меня, сказал в трубку:

– С вами, товарищ, говорят из Европейской гостиницы. Просьба не отходить от аппарата и не вешать трубку, поскольку с вами будет беседовать одно иностранное лицо. Оно сейчас одевается и сию минуту подойдет.

И вот я жду минуту. Две. Никто не подходит. Я уже хочу повесить трубку, как вдруг раздается голос. Говорит иностранец на ломаном русском языке:

– Любезный коллега, я есть один интурист. Я есть писатель. Юмор – как и у вас – это моя стихия. Я пишу комические стихи. Не найдете ли вы интересным встретиться со мной?

Я сказал, что это время я занят, но дня через два я могу с ним повидаться.

– О, нет, – сказал он, – через два дня я уже уеду.

– Тогда завтра.

– Завтра? – сказал он тоном человека, которого очень просят. – Нет, завтра я тоже никак не могу. Завтра мы едем в Детское Село осматривать дворцы. А вечером состоится наш отъезд. Давайте лучше увидимся сегодня. Только я приезжий. Мне будет трудно вас отыскивать. Не разрешите ли вас попросить пожаловать ко мне.

Из уважения к его профессии я согласился заехать к нему на полчаса. Причем сказал, что заеду около восьми часов вечера.

Он радостно сказал:

– Полчаса – это меня вполне устраивает. К тому же больше я и сам не смогу. Мы немного поговорим, и я вас сниму на память. Но что касается восьми часов, то в восемь часов, любезный коллега, мы уже идем в концерт. В восемь часов я никак не могу с вами встретиться.

Меня начала наконец сердить эта беседа. Тем более что был уже шестой час вечера. И до восьми оставалось около двух часов. Я с некоторым недоумением спросил его:

– В таком случае я не понимаю вас. Вы хотели со мной увидеться. Завтра и послезавтра вы не можете, но я вижу, что и сегодняшний день у вас тоже совершенно заполнен.

– Абсолютно заполнен, – сказал он счастливым тоном. – Абсолютно, представьте себе, расписан каждый час. Но мы с вами, коллега, можем найти выход. Я вас попрошу пожаловать ко мне сейчас. Я как-нибудь выкрою для вас полчаса свободных до обеда.

Растерявшись от такой непосредственности, я не нашел сказать что-нибудь определенное. И, что-то пробормотав о своей болезни, повесил трубку.

Но вот около двенадцати часов ночи снова раздается звонок, и голос с почтительной любезностью снова просит не отходить от телефона, так как сейчас со мной будет беседовать иностранное лицо.

Я снова жду минуту. Потом две. И уже из чистого любопытства не вешаю трубки – ожидаю, когда наше приезжее лицо завяжет перед зеркалом галстук или застегнет подтяжки.

Наконец раздается знакомый счастливый, самовлюбленный голос:

– Добрый вечер, коллега. Вот мы и вернулись из концерта. Я прошу вас сейчас же, без возражений, пожаловать ко мне. Нет, не беспокойтесь, что поздно. Я ранее двух часов ночи все равно не ложусь. И мы вполне можем около трех четвертей часа провести в приятной беседе.

Я еле сдержался, чтоб не сказать резкостей приезжему писателю. Вероятно (я подумал), у него какая-то иная психика. И мы не можем с ним столкнуться. Он не понимает, что мне просто неприятно такое дурацкое приглашение, когда я вызываюсь «на время», как шансонетка в каком-нибудь буржуазном ресторане.

И, снова сославшись на нездоровье и поздний час, я отказываюсь приехать.

И вот, как ни в чем не бывало (я не преувеличиваю), на другой день иностранец снова звонит мне через служащего.

И, судя по его самоуверенному тону, я вижу, что он действительно не понимает некоторой неловкости своего поведения.

– Ну вот, коллега, мы и приехали из Детского Села, – сказал он. – И до обеда мы имеем почти что час времени. Как вы на это смотрите?

Я хотел было послать его к черту, но, подумав о международных осложнениях, снова в деликатной форме отклонил приглашение.

– Но почему вы, наконец, не хотите исполнить мою просьбу, – сказал он с какой-то капризной ноткой в голосе. – Ведь вам же, наверное, тоже интересно увидеть коллегу по перу.

– Очень интересно, – сказал я и повесил трубку.

И вот на другой день случайно я рассказал эту историю одному из работников ВОКСа.

Тот спросил, не помню ли я фамилии этого иностранца.

Я назвал фамилию. Тот, порывшись в своих бумагах, сказал:

– О, это известный банкир. Он вчера со своей группой отбыл из Ленинграда. У него большой банкирский дом в Н.

Я, как говорится, почувствовал в груди стеснение и переспросил:

– Вы не путаете ли? Он назвал себя писателем, а не банкиром.

– Очень возможно – он и нам сказал, что он писатель и недавно выпустил книгу стихов. Но тем не менее он, кроме того, крупный банкир и финансовый воротила.

Тогда мне стало многое ясно. Мне стали понятны и эти телефонные вызовы. И пренебрежительный, развязный и самоуверенный тон человека, знающего себе цену и не желающего слушать возражений.

Он хотел увидеть меня между обедом и музеем. И в этом было что-то удивительно досадное, неуважительное, это была та грубая, оскорбительная самоуверенность купца и хозяина, от которой обычно гаснет и затухает искусство.

И вот я стал уже позабывать эту дурацкую историю. Но на этих днях я случайно встретился с одним его соотечественником. Это был иностранный специалист, инженер, работающий на одном из ленинградских заводов.

Я рассказал ему эту историю. Он засмеялся и сказал:

– А что вас удивляет в этом? Его отношение? Это было исключительно хорошее отношение. Видите, писатели, художники, артисты, за исключением крупных знаменитостей, – это у нас богема, это даже не приглашается в лучшие финансовые дома. А если вас приглашают, то это уже карьера. Но если вас приглашает такой банкир, такое влиятельное лицо, как вы мне сказали, то это уже блестящая

карьера. И не в его привычках выслушивать отказ. Вы ему отказали в своем отечестве. У вас на этот счет вообще спутаны понятия. И, например, артисты у вас чуть не первые люди. А у нас это мелкота, богема... А попробовали бы вы у нас отказаться к нему приехать.

– И что тогда?

– Тогда? Прощай, карьера... Я помню, у нас в один дом приглашен был литератор. И он, представьте себе, не встал со стула, когда с ним поздоровалось одно влиятельное лицо, один банкир, богач. Ого! Он впоследствии не нашел-таки ни одного издателя, который захотел бы печатать его труды... Вы не знаете соотношения сил. Это богема, и финансовые тузы при встрече им подадут два пальца.

– Значит, если бы я отказался к нему приехать...

Иностраннѣй специалист многозначительно свистнул и, закрыв глаза, сказал:

– Тогда за вашу карьеру, месье, я не дал бы ломаной монеты.

После этого случая я понял, что моя карьера в его стране окончательно испорчена.

Ну, как-нибудь, черт возьми, переживу.

История болезни*

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома. Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но, как говорится, дома и солома едома.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои невероятные страдания.

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная больница, где мне не все понравилось.

Все-таки только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат:

Выдача трупов от 3-х до 4-х.

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моем организме, может быть, она на волоске висит, – и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

– Что вы, говорю, товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете? Все-таки, говорю, больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или как там его – лекпом, – удивился, что я ему так сказал, и говорит:

– Смотрите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, говорит, наводит на все самокритику. Если, говорит, вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим лекпомом схлестнуться, но поскольку у меня была высокая температура, тридцать девять и восемь, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

– Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за свое нахальство. Разве, говорю, можно больным такие

речи слушать? Это, говорю, морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжело больной так свободно с ним объясняется, и сразу замял разговор. И тут сестричка подскочила.

– Пойдемте, – говорит, – больной, на обмывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передернуло.

– Лучше бы, – говорю, – называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, говорю, красивей и возвышает больного. И я, говорю, не лошадь, чтоб меня обмывать.

Медсестра говорит:

– Даром что больной, а тоже, говорит, замечает всякие тонкости. Наверно, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суете.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно из больных.

Я говорю сестре:

– Куда же вы меня, собаки, привели – в дамскую ванну? Тут, говорю, уже кто-то купается.

Сестра говорит:

– Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайтесь внимания. У нее высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

– Старуха не реагирует, но я, может быть, еще реагирую. И мне определенно неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

– Я, – говорит, – первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умиряющая старуха купается, и то он претензию выражает. А у нее, может быть, около сорока температуры, и она ничего в расчет не принимает, и все видит, как сквозь сито. И уж во всяком случае ваш вид не задержит ее в этом мире лишних пяти минут. Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания.

Тут купающаяся старуха подает голос:

– Вынимайте, говорит, меня из воды, или, говорит, я сама сейчас выйду и всех тут вас распатроню.

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, они уже не стали спорить со мной и старались во всем поддакивать. Только после купанья они дали мне огромное, не по моему росту, белье.

Я думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубахах, а большие – в маленьких. И даже мой комплект оказался лучше, чем другие. На моей рубахе больничное клеймо стояло на рукаве и не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура все больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были тяжело больные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем. Я говорю сестрице:

– Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, говорю, каждый год в больницах лежу и никогда ничего подобного не видел. Всюду тишина, порядок, а у вас что базар.

Та говорит:

– Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтоб он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришел главный врач, но вместо него пришел этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял свое сознание.

Только очнулся я, наверно, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

– Ну, говорит, у вас прямо двужильный организм. Вы, говорит, сквозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И

теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, говорит, вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Однако организм мой не поддался больше болезням, и только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием – коклюшем.

Сестричка говорит:

– Наверно, вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверно, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребенок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял свое, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже пошли мелкие прыщики вроде сыпи. И врач сказал:

– Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдет.

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел, и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жен больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

– У нас такое переполнение, что мы прямо не успеваем больных выписывать. Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят.

Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой. Супруга говорит:

– Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: «По получении сего срочно явитесь за телом вашего мужа».

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгалтерии. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только меня на нервной почве закидало прыщами. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побежать в больницу, чтоб с кем-нибудь там побраниться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошел.

И теперь хвораю дома.

В трамвае^{*}

Давеча еду в трамвае. И стою, конечно, на площадке, поскольку я не любитель внутри ехать.

Стою на площадке и люблюсь окружающей панорамой.

А едем через Троицкий мост. И очень вокруг поразительно красиво. Петропавловская крепость с золотым шпилем. Нева со своим быстрым течением. Тут же солнце закатывается. Одним словом, очень, как раньше говорилось, божественно.

И вот стою на площадке, и душа у меня очень восторженно воспринимает каждую краску, каждый шорох и каждый отдельный момент.

Разные возвышенные мысли приходят. Разные гуманные фразы теснятся в голове. Разные стихотворения на ум приходят. Из Пушкина что-то такое выплывает в память: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...»

И вдруг кондукторша разбивает мое возвышенное настроение, поскольку она начинает спорить с одним пассажиром.

И тут я, как говорится, с высоты заоблачных вершин спускаюсь в надземный мир с его узкими интересами и мелкими страстями.

Молодая, интересная собой кондукторша ядовито говорит пассажиру:

– Что ж вы думаете: я даром вас повезу? Платите, короче говоря, деньги, или сойдите с моего вагона.

И слова, которые она произносит, относятся к скромно одетому человеку. И стоит этот человек со своим постным лицом и, одним словом, не платит за проезд. Он отвиливает платить. И то роется в карманах и ничего там не находит, то говорит уклончиво:

– Такая славненькая кондукторша, и такие хорошенькие у нее губки, и так она сильно расстраивается и этим портит свою наружность... Ну, нет у меня денег... Сейчас сойду, только одну остановку проеду...

– То есть никакой остановки я тебе даром не дам проехать, – говорит кондукторша. – А если у тебя денег нет, так зачем же ты, нахал, в трамвай вперся? Вот чего я никак не пойму.

Пассажир говорит:

– Тоже пешком идти, – может быть, у меня пузыри на ногах? Какие нечувствительные люди в настоящее время. Совершенно не входят в положение человека. Только за все деньги, деньги и деньги. Прямо, может быть, этого не оберешься. Только давай, давай, давай...

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Мне становится жалко человека, у которого нет даже нескольких грошей на проезд в трамвае.

Я вынимаю деньги и говорю кондукторше:

– Примите за того, который с постным лицом. Я заплачу за него.

Кондукторша говорит:

– Никакой уплаты со стороны я не разрешаю.

– То есть, – говорю, – как же вы можете не разрешить? Вот тебе здравствуйте!

– А так, – говорит, – и не разрешу. И если у него нету денег, то и пуцай он пешком шкандыбают. А на своем участке работы я не позволю поощрять то, с чем мы боремся. И если у человека нету денег – значит, он их не заслужил.

– Позвольте, – говорю, – это негуманно. К человеку надо гуманно относиться, когда ему плохо, а не наоборот. Человека, говорю, надо жалеть и ему помогать, когда с ним что-нибудь происходит, а не тогда, когда ему чудно живется. А вдобавок это, может быть, мой родственник, и я его желаю поддержать на основе родственных чувств.

– А вот я вашего родственника сейчас отправлю в одно местечко, – говорит кондукторша и, свесившись с трамвая, начинает трещать в свой свисток.

Пассажир с постным лицом говорит, вздохнувши:

– Какая попалась на этот раз ядовитая бабенка. А ну, брось свистеть и поезжай дальше: я сейчас заплачу.

Он вынимает из кармана записную книжку, вытаскивает из нее три червонца и со вздохом говорит:

– Крупная купюра, и через это в трамвае мне ее не хотелось зря менять. Но поскольку эта особа с ума сходит и не позволяет пассажирам производить поддержку, то вот примите, если, конечно, найдется сдачи, что вряд ли.

Кондукторша говорит:

– Чего вы суете мне в нос такие крупные деньги? У меня нету сдачи. Нет ли у кого разменять?

Я было хотел разменять, но, увидя суровый взгляд пассажира, отложил свои намерения.

– Вот то-то и оно, – сказал пассажир. – Через это я и не давал купюру, поскольку знаю, что это безрезультатно, и в трамвае не могут ее разменять.

– Какая канитель с этим человеком, – говорит кондукторша. – Тогда я трамвай сейчас остановлю и его к черту ссажу. Он мне тормозит мою работу.

И она берется за звонок и хочет звонить. Пассажир, вздохнувши, говорит:

– Эта кондукторша что-нибудь особенное. То есть я в первый раз вижу такое поведение. А ну, погоди звонить: я сейчас заплачу. Вот, действительно, какой ядовитый человек попался...

Он роется в кармане и достает двугривенный. Кондукторша говорит:

– Что ж ты, дармоед, раньше-то не давал? Небось, хотел на пушку проехать!

Пассажир говорит:

– Всем давать – потрохов не хватит. Прими деньги и заткни фонтан своего красноречия... Через такие мелочи трещит своим языком в течение часа. Прямо надоело.

– И хотя это мелочи, – сказала кондукторша, обращаясь к публике, – но они затрудняют плавный ход движения государственного аппарата. И я через это пропустила массу безбилетных пассажиров.

Через две остановки злополучный пассажир со своей мелкой, склочной душой сошел с трамвая. И тогда кондукторша сказала:

– Какие бывают отпетые люди!

Потом мы снова въехали на какой-то мост, и я снова увлекся картинами природы, забыв о мелочах жизни.

Творчество и действительность^{*}

Некоторые жалуются, что музеям и картинным галереям отпускают мало денег на их нужды. И через это, дескать, в некоторых провинциальных музеях холодно, неудобно. А чего, собственно, там отапливать, когда на стенах висят картины, или, как говорится, полотна, и они могут выдержать любую температуру ниже нуля?

А что касается публики, то те могут особенно не задерживаться подолгу, если им холодно. А быстренько пусть пройдутся по залам – и хватит.

Тем более, чего там особенно подолгу смотреть? Как говорится, не ситец.

Вообще художники – народ легкомысленный и отчасти даже взбалмошный. Часто рисуют, сами не знают чего. Нарисуют, например, разрезанный арбуз и кругом него яблоки нарисуют. И думают этим удовлетворить культурные запросы населения. Дескать, натюрморт. Вообще, как правило, прежние художники – народ, оторванный от жизни и действительности. В музеях, например, такая адская холодюга, а те же самые художники знай себе рисуют разные летние сценки и пейзажи. Или там весну нарисуют и подпишут: «Грачи прилетели» или там «Снег тает». А какой, к черту, он тает, если при такой температуре он опять, может быть, замерзает?

Или те же оторванные от действительности художники выписывают там исторические и библейские сценки с полуодетыми фигурами. Неестественно. Фальшиво. Непродуманно. И смотреть на это при таком холоде – прямо всякая художественность теряется. И у зрителя недоверие возникает к данному произведению искусства.

Вообще, если не отапливать помещения, то до некоторой степени средства экономятся. И в крайнем случае эти средства можно пустить на то, чтобы как-нибудь сгладить художественные неполадки.

Можно заказать художникам, чтобы они пририсовали что-нибудь соответствующее действительности.

Не хотим мешать творческому полету их мысли, но до некоторой степени можем подсказать, если на то пошло.

И уж если русалка в воде барахтается, то будет вполне естественно, если ее из проруби показать. То же и из райской жизни. Если Адам и Ева стоят, как говорится, в чем их мама родила, то опять-таки получается фальшиво. А чуть их приодеть – и художественность, как видите, торжествует. Но змее, конечно, холодно.

На других полотнах наш современный художник, не оторванный от реальной жизни, тоже что-то такое изобразил, соответствующее моменту. И при таком повороте живописи в сторону реальности зритель остается удовлетворенным, и он уже, наверно, не будет обижаться на температуру в помещении. Вообще искусство – кропотливое дело.

Нетактично поступили*

Люди рассказывают о таком забавном фактике, происшедшем у нас в Ленинграде.

Причем это точный факт, а не выдумка или там какой-нибудь полет творческой фантазии.

Речь идет о двух приезжих иностранцах.

Как известно, этой осенью в Ленинграде был громадный наплыв иностранцев. Приезжали на кораблях целые ватаги американцев, англичан, шведов и так далее.

Ну, естественно, – морской порт, и им, может быть, удобно. Образ жизни туристов не вызывал у нас удивления. Они ездили на машинах осматривать острова. Посещали музеи, где глядели картины и все, что там есть. И сидели в ресторанах, с аппетитом кушая икру, балык и прочие северные деликатесы.

Ну, конечно, некоторые из туристов, как говорится, шлендали по комиссионным магазинам, закупая там всякую всячину, надеясь зацепить из барахла что-нибудь исключительно ценное, какую-нибудь там реликвию XIX века или что-нибудь в этом роде. Они покупали там идолов, фарфоровых болванчиков, статуэтки и всякие там штучки-мучки разных столетий.

Многие из них имели манию приобретения, другие любили посещать антикварные магазины, видя в этом цель жизни и служение красоте. Третьи, наоборот, приобретали с тем, чтобы у себя на родине, как говорится, спекулировать.

Это был, так сказать, капиталистический мир с его разнообразными представлениями.

Но каково же было удивление, когда два иностранца, одетые очень вычурно и, я бы сказал, томно, вошли однажды в самый обыкновенный магазин «Гастроном», где происходила продажа обыкновенных колбас, масла и так далее.

Это всех удивило.

А они вошли в магазин и, раскрыв какую-то книжечку (может быть, самоучитель), обращаются к продавцу, еле говоря по-русски.

– Любезная особа, отвесь, голубычик, масьло.

Но так как эти слова они произносят мужчине, то он обижается, но, видя перед собой туристов, любезно отвечает:

– Сию минуту, милорды, приступаю к вашей операции, только отпущу одну гражданку.

И, отпустив покупательницу, снова обращается к ним, дескать, сколько вам масла и какого: парижского или с солью. Те, поглядев в самоучитель, говорят:

– Любезная особа, отвесь нам, голубушка, пять кило масъла.

Продавец начинает энергично резать масло, но один из приезжих говорит:

– Милль пардон! Не пять кило, а десять, любезная особа...

Продавец говорит:

– Так бы сразу и мычали, что десять. Я бы вам одним куском отвернул.

И снова начинает резать масло.

Тогда другой иностранец обращается к продавцу:

– Я желает получить больше масъла. Мне нужно масъла сто восемь кило. Можно ли, любезная особа, получить у вас такое количество?

Продавец говорит заведующему:

– Вон сколько они хотят.

Заведующий говорит:

– Отпустите им столько и даже больше, хоть целую тонну, а если не хватит, то я сейчас велю со склада доставить.

Продавец говорит туристам:

– Платите, милорды, в кассу тысячу восемьсот тридцать два рубля. Сейчас провернем эту операцию.

И он начинает вращать бочонки с маслом. Целая толпа посетителей собирается у прилавка, чтобы видеть, как туристы поволокут свое масло.

Вдруг заведующий говорит:

– Позвольте, но где же эти иностранцы? Некоторые из посетителей говорят:

– Они сейчас тут вертелись, и вот их теперь нет.

Тут все видят, что иностранцев, действительно, нет в магазине.

И кассирша кричит: денег они не платили. Тогда заведующий, усмехнувшись, говорит:

– Это абсолютно ясно. Они хотели поглядеть, свободно ли у нас в стране продается масло и можно ли приобрести такое количество в одни руки. И, убедившись, что можно, они теперь скрылись, поскольку они интересовались не покупкой, а политикой.

Тут среди покупателей начался смех. Некоторые начали острить, дескать, у них купило притупило.

А продавец, вращавший бочонки, отчасти даже рассердился. Он выбежал из двери магазина и крикнул:

– Нетактично, господа, поступаете!

А один из посетителей, выбежавший из магазина вместе с ним, закричал:

– Эй вы, стрикулисты!

Заведующий не позволил больше кричать вслед иностранцам и велел продавцу встать за прилавок.

Тут среди покупателей снова начались шутки и остроты насчет несостоявшейся покупки.

Потом все успокоилось, и жизнь в магазине потекла нормально.

Спи скорей*

Откровенно говоря, я не люблю путешествовать. Меня останавливает вопрос, где переночевать.

Из ста случаев мне только два раза удалось в гостинице комнату зацепить.

И то в последний раз я получил номер отчасти случайно. Они меня не за того приняли. Потом-то на другой день они, конечно, спохватились и предложили очистить помещение, но я и сам уехал.

А сначала любезность их меня удивила.

Портье, нюхая розу, сказал:

– Только осмелюсь вам сказать, ваш номер будет с дефектом. Там у вас окно разбито. И если, допустим, ночью кошка в ваш номер прыгнет, так вы не пугайтесь.

Я говорю:

– А зачем же кошка будет ко мне прыгать? Вы меня удивляете.

Портье говорит:

– Видите, там у нас в аккурат на уровне окна имеется помойная яма, так что животные не разбираются, где чего есть, а прыгают, думая, что это то же самое.

Конечно, когда я вошел в номер, я всецело понял психологию кошек. Они смело могли не разобраться в действительности.

Вообще говоря, номер люкс мне не нужен, но эта грязная каморка с колченогим стулом меня немного покорила.

Главное, меня удивило, что в комнате была лужа. Я стал звать кого-нибудь, чтоб это убрать, но никто не пришел. Тогда я разговорился с портье. Он говорит:

– Если у вас имеется лужа, то, наверно, я так думаю, кто-нибудь там воду опрокинул. Сегодня у меня нет свободного персонала, но завтра я велю эту лужу вытереть, тем более что к утру она, наверно, и сама высохнет. Климат у нас теплый.

Я говорю:

– Потом номер уж очень жуткий. Темно, и из мебели всего стул, кровать и какой-то ящик. Конечно, говорю, разные бывают гостиницы.

Недавно, говорю, в Донбассе, а именно в Константиновке, я вместо одеяла покрывался скатертью...

– До скатертей мы не доходим, – сказал портье, – но вместо пододеяльников у нас действительно положены короткие отрезы. А что касается темноты, то, конечно, вам не узоры писать. Спите скорей, гражданин, и не тревожьте администрацию своей излишней болтовней.

Я не стал с ним спорить, чтобы не разгуляться, и, придя в номер, разделся и юркнул в кровать.

Но в первую минуту я даже не понял, что со мной. Я, как на горке, съехал вниз.

Я хотел приподняться, чтоб посмотреть, какая это кровать, что на ней так удобно съезжать. Но тут запутался ногами в простыне, в которой были дырки. Выпутавшись из них, я зажег свет и осмотрел, на чем я лежу.

Оказалось, что начиная от изголовья продавленная сетка кровати устремлялась книзу, так что спящему человеку действительно не было возможности удерживаться в горизонтальном положении.

Тогда я положил подушку в ноги, а под нее сунул свой чемодан и таким образом лег наоборот.

Но тут оказалось, что я не лежу, а сижу.

Тогда я в середину сунул пальто и портфель и лег на это сооружение с намерением, как говорится, задать храповицкого.

И вот я уже стал дремать, как вдруг меня начали кусать клопы.

Нет, два-три клопа меня бы не испугали, но тут, как говорится, был громадный военный отряд, действующий совместно с прыгающей кавалерией.

Я поддался панике, но потом повел планомерную борьбу.

Но когда борьба была в полном разгаре, вдруг неожиданно потух свет.

В полной незащитности я начал нервно ходить по номеру, ахая и причитая, как вдруг раздался стук в дощатую стену, и грубый женский голос произнес:

– Что вы тут, черт возьми, вертитесь в комнате, как ненормальный!

В первую минуту я остолбенел, но потом у меня с соседкой началась словесная баталия, которую даже совестно передать,

поскольку, сгоряча и нервно настроенные, мы наговорили друг другу кучу самых архиобидных слов.

– Если я с вами, черт возьми, когда-нибудь встречусь, – сказала мне под конец соседка, – то я вам непременно дам плюху, имейте это в виду.

Мне прямо до слез хотелось ей на это что-нибудь возразить, но я благоразумно смолчал и только швырнул в ее стену ящик, чтобы она подумала, что я в нее стреляю. После этого она замолчала.

А я, отодвинув от стены постель, взял графин с водой и сделал вокруг кровати водяное кольцо, чтобы ко мне не прилезли посторонние клопы. После чего я снова лег, предоставив свое, как говорится, брренное тело на волю божию.

Под адские укусы я уже стал засыпать, как вдруг за стеной раздался ужасный женский крик.

Я закричал соседке:

– Если вы нарочно завизжали, чтоб меня разбудить, то завтра вы мне ответите за свой хулиганский поступок.

Тут у нас снова поднялся словесный бой, из которого выяснилось, что к ней в кровать прыгнула со двора кошка и через это она испугалась.

Дурак портье, наверно, перепутал. Он мне обещал кошку, но у меня окно было целое, а у нее нет.

В общем, я опять задремал. Но, настроенный нервно, я то и дело вздрагивал. А при вздрагивании всякий раз меня будила сетка от кровати, которая издавала зловещий звон, визжание и скрежет.

Начиналось утро. Я снял тюфяк с кровати и положил его на пол. Полное блаженство охватило меня, когда я лег на это славное ложе.

«Спи скорей, твоя подушка нужна другому», – сказал я сам себе, вспомнив, что такой плакат висел в прошлом году в Доме крестьянина в городе Феодосии.

В эту минуту во дворе раздался визг электрической пилы.

В общем, ослабевший и зеленый, я покидал мою злосчастную гостиницу.

Я решил, что моей ноги не будет в этом отеле и в этом городе. Но судьба решила иначе.

В поезде, отъехав сто километров, я обнаружил, что мне дали не мой паспорт. А так как это был дамский паспорт, то ехать дальше не

представлялось возможности.

На другой день я вернулся в гостиницу.

Конечно, мне было адски неловко встретиться с моей соседкой, которая тоже, оказывается, уехала и теперь вернулась с моим паспортом.

Это оказалась славная девушка, инструкторша по плаванию. И мы с ней потом мило познакомились и позабыли о ночной драме. Так что пребывание в гостинице все же имело известные плюсы. И в этом смысле путешествия иной раз приносят забавные встречи.

Опасные связи*

Современная молодая женщина не любит, когда ей говорят уменьшительные слова. Она не любит, когда ей говорят: «ротик», «ручки» или «ножки».

Она на это сердится. И даже, я так думаю, через это может разрыв произойти.

Одна особа мне так и сказала:

– Какие, к черту, ножки. Я, говорит, сорок первый размер бареток ношу, а вы, говорит, все свое. Подлец вы, говорит, а не человек. Вы, говорит, мне жизнь губите своей дурацкой чувствительностью.

Откровенно вам сказать, я даже опешил от таких слов. Она говорит:

– Это, говорит, в прежнее время избалованные дамы или там графини любили в своих будуарах такие сентиментальности. А я, говорит, плюю на таких мужчин, как вы.

– Вот тебе, говорю, здравствуйте. Как, говорю, понимать ваши слова?

А как понимать ее слова, когда она с тех пор мне по телефону ни разу не звонила и при встрече со мной не поздоровалась?

А это верно: современные молодые женщины любят что-нибудь смелое, героическое. Им, я заметил, не нравится что-нибудь обыкновенное. Они любят, чтобы мужчина был непременно летчик или там в крайнем случае бортмеханик. Тогда они расцветают, и их не узнать.

А интересно их спросить: что же, все люди, что ли, должны быть летчиками и бортмеханиками?

Конечно, я ничего не говорю, профессия бортмеханика до некоторой степени удивительная, и она вызывает разные эмоции у зрителей. Но тоже, как говорится, невозможно, чтоб все без исключения летали под небеса.

Некоторым приходится занимать более скромные земные посты в канцеляриях и так далее.

А то им еще почему-то нравятся кинооператоры. Это уж прямо, как говорится, неизвестно почему. Крутит ручку и думает: «Наполеон».

Еще тоже вызывают женскую любовь приехавшие из Арктики. Ну, льды там. Снег. Северное сияние. Подумаешь!

Вообще говоря, я четыре раза женился, и все как-то такое у меня не вытанцовывалось. Ну, первые две жены увлеклись бортмеханиками. Третья сошлась с кинооператором. Ну, как говорится, это бывает. Но четвертый брак меня удивил своей неожиданностью. И я как гражданин, испытавший это, должен предостеречь остальных мужчин от подобных бракосочетаний.

У меня было знакомство с одной особой. И мы решили с ней пожениться. Но я ее честно предупредил:

– Имейте в виду, говорю, я не порхаю под небеса и навряд ли, говорю, для вашего удовольствия когда-нибудь прыгну с крыши с парашютом. Так что если вы увлекаетесь небесной профессией, то вопросов, как говорится, к вам не имею. И тогда давайте замнем вопрос о браке.

Она говорит:

– Профессия не играет роли. И к летчикам я отношусь равнодушно. Но мне единственно важно, чтоб наш союз был до некоторой степени свободный. Я не люблю стеснений личности. Я, говорит, до вас семь лет была замужем, и муж меня даже в театр с кем-нибудь не пускал. И теперь я бы желала иметь с вами брак, основанный на товарищеских условиях. И если, например, вы кем-нибудь увлечетесь, я вам ничего не скажу. А если я кого-нибудь встречу, то и вы тем более мне не будете возражать. И тогда наш брак, наверно, будет более продолжительный, основанный на разумном понимании двух любящих сердец. А то, что муж будет иметь мелкую профессию, то это даже и лучше. По крайней мере он будет знать свое место и не станет с меня требовать невозможного.

Я говорю ей:

– Я четвертый раз женюсь, и у меня, говорю, ум за разум заходит от всевозможных понятий. То, говорю, одна не велит уменьшительные слова ей говорить. То, говорю, другая сходится с кинооператором. То, говорю, вы еще что-то мне преподнесите. Но, говорю, поскольку мое сердце занято вами, то пускай будет по-вашему.

И вот, конечно, мы женимся и живем на разных квартирах. И все у нас идет хорошо и дружелюбно. Но вдруг она через неделю увлекается одним своим знакомым, который прибыл из Арктики.

Она мне говорит согласно нашего договора:

– Если хотите, давайте разойдемся. Но если еще питаете ко мне некоторые чувства, то давайте придерживаться наших условий. Тем более мой знакомый снова в скором времени уезжает в экспедицию, и тогда у нас с вами опять что-нибудь хорошее получится.

И вот я, как дурак, ожидаю его отъезда месяц и два. И наконец моя соседка по комнате говорит:

– Напрасно будете ее ждать. Ваше дело битое: она к вам нипочем назад не вернется.

Но проходит еще месяц, и вдруг моя супруга возвращается со словами: я, дескать, его окончательно отшила, тем более что он снова уехал в свое северное путешествие.

Я говорю:

– Но теперь с моей стороны возникли препятствия: я, говорю, увлекся своей соседкой. А если у вас остались ко мне чувства, то, говорю, я согласен с ней разойтись.

И вот я стал расходиться со своей соседкой. И только я с ней разошелся, гляжу: моя супруга через месяц спокойной жизни снова увлеклась приятелем и спутником по путешествию того человека, который уехал в Арктику. А этот полярник почему-то остался. И она им увлеклась. И стала с ним жить.

Вот я, согласно условию, жду несколько месяцев и вдруг узнаю, что у нее будет от него ребенок.

Я говорю ей:

– Интересный брак у нас получается. Эти, говорю, полярники, бортмеханики и кинооператоры меня буквально с ног валят.

Она говорит:

– Хотите – подождите, когда он меня разлюбит или когда ребенок немного подрастет. И тогда будем продолжать наши условия. А не хотите – так как хотите. Вообще, говорит, вы мне прямо надоели своим вечным нытьем и недовольством. Я, говорит, не от себя завищу. Мое сердце мне подсказывает, каких современных мужчин мне любить и каких ненавидеть. Не только, говорит, вы не имеете значка ГТО, но хоть бы для смеха прошли курс санитарной обороны. Уж я не говорю, чтобы вы были ворошиловский стрелок или поехали бы куда-нибудь на север. Не эти, говорит, профессии вас с ног валят, а просто у вас характер неинтересный, далекий от современности. Нынче богачей

нету, и капиталом свое убожество прикрывать не приходится, так что надо улучшать свою личность, чтоб заслужить женскую любовь.

Я говорю:

– То одна не велит уменьшительных слов произносить, то другая детей преподносит. И вдобавок мне лекции читает.

Вдруг она открывает дверь в соседнюю комнату и кричит уменьшительные слова:

– Ванечка, этот типус опять к нам скандалить пришел. И хотя он мой муж, но выгони его к черту. Я, говорит, чувствую, что через него истерику наживу.

И вдруг входит в комнату приятель того, который в Арктику уехал. Здоровенный такой мужчина, закаленный северным воздухом. И вдобавок парашютист, со значком.

– Об чем, говорит, молодой человек, вы тут загораетесь?

Я попрощался с ним и ушел с намерением все это описать, чтоб другие нелетающие мужчины остерегались попадать в такое же, как говорится, непромокаемое положение.

Я гляжу против таких свободных браков. Я стою за более крепкий брак, основанный на взаимном чувстве. А где это чувство взять, ежели я и парашюта никогда в глаза не видел? И севернее Лигова нигде не жил.

Прямо хоть становись героем, чтобы сравняться с остальным населением.

Огни большого города^{*}

К одному жильцу с нашей коммунальной квартиры прибыл из деревни его отец.

Конечно, он прибыл по случаю болезни своего сына. Без этого он, наверное, до конца своих дней не увидел бы Ленинграда. Но, поскольку захворал его сын, вот он и прибыл.

А сын его был наш жилец. И он служил в одном ресторане официантом. Он там порции подавал и был на хорошем счету.

И, может быть, стараясь еще больше, он однажды, разгорячившись своим ночным трудом, выскочил на улицу с тем, чтобы пойти домой, и, конечно, через это простудился на своем, так сказать, кулинарном посту. Он захворал сначала насморком и семь дней чихал. Но потом простуда перешла к нему на грудь, и температура вдруг поднялась до плюс сорока градусов выше нуля.

Вдобавок еще до этого, желая в свободный день культурно провести время, он поехал в Павловск осмотреть дворцы, и там он немного надорвался, помогая своей супруге войти в вагон.

Так что все это, вместе взятое, дало печальную картину заболевания человека в полном расцвете его сил.

И, будучи от природы мнительным, наш бедный официант был уверен, что он уже не поправится и уже, как говорится, не приступит больше к исполнению своих прямых обязанностей.

И вот через это он и пригласил своего папу приехать в Ленинград, чтобы сказать ему последнее «прости».

Не то, чтобы он горячо любил своего папеньку, и вот теперь на закате своей жизни он во что бы то ни стало захотел его увидеть, напротив, он в течение сорока лет о нем не справлялся и совершенно как бы безучастно относился к факту его существования. Но его супруга, увидя у своего мужа такую невозможно высокую температуру, скорее из самолюбия, – мол, все, как у людей, – дала папе телеграмму: дескать, приезжайте в Ленинград, ваш сын захворал.

И, когда сын уже начал поправляться, в Ленинград, всем на удивление, прибыл из весьма далеких мест его папанька в лаптях, с мешком за спиной и с палкой. Правда, потом оказалось, что у старика в

мешке были сапоги, но он их принципиально не носил, говоря об этом: «Богатый бережет рожу, а бедный – одежду».

Конечно, все, и в том числе сын, рассчитывали, что приедет скромный, отчасти даже религиозный старец лет семидесяти и будет тут произносить постные речи и всего пугаться. Но оказалось совершенно, как говорится, напротив.

Оказалось, что старикан был на редкость задиристый, немного скандалист, грубиян и брехун. И вдобавок он был не то чтобы контрреволюционер, но он отличался исключительной отсталостью в политическом смысле.

Он моментально во дворе дома схлестнулся с дворником и отодрал за уши одного подростка, пришедшего в гости к своему дяде, живущему тут двенадцать лет.

Потом он у нас в жакте резко беседовал с председателем, так что тот удивился, какие бывают взгляды на современность, и даже хотел об этом сообщить по месту его жительства.

В довершение всего приезжий отец напугал своего сына тем, что с места в карьер навел в конторе справку, не может ли он тут получить площадь для постоянного проживания в Ленинграде.

Конечно, сам по себе старик, наверное, был сравнительно хороший, но тут с первого дня его приезда почти все жильцы оказались не на высоте в смысле культуры. Они все начали над ним подтрунивать, шутили над ним, как над дураком, смеялись насчет его провинциальных, деревенских манер. И каждый старался сказать ему какую-нибудь чушь, вроде того, как ему при встрече всякий раз говорил дворник петушиным голосом: «С какого именно колхоза прибыли, молодой человек?»

Да и сын его, официант Гаврилов, тоже, конечно, не отставал от общего настроения и в другой раз, давясь от смеха, говорил старику, нарочно глядя в газету:

– Сегодня, папаня, не ходите на улицу – ожидается облава на седых и рыжих.

Конечно, все это делалось довольно любовно и без злобы, но все-таки, как говорится, это, наверное, не было чем-нибудь приятным для приезжего старика, который прожил семьдесят два года и был, наверное, умнее их всех, вместе взятых. А они думали, что это – простофиля, дурак и серый мужик, и вот что с ним делали.

И это, конечно, имело отрицательную реакцию на его поведение.

И сколько дней он тут прожил – столько скандалов имело место. Были крики, сцены, грубости и так далее.

В довершение всего на седьмой день своего пребывания он в пивной надрызгался и стал там буяннить. И даже его хотели представить в милицию. Но он от всех скрылся и пошел шляться по улицам.

И вот он идет по улице и песни играет. А сам старенький, седенький и одетый по-деревенски, в высшей степени незатейливо.

И вот он идет по улицам и вдруг видит, что заблудился.

Конечно, это абсурд – тут заблудиться. Тем более, он адрес знает. Но с пьяных глаз он испугался и даже протрезвел.

И спросил прохожего, куда ему идти. Но прохожий не знал и велел ему обратиться к органам милиции.

Конечно, наш старик оробел сразу подойти к стоящему на посту милиционеру и от волнения прошел еще два-три квартала.

Но потом подошел к постовому с опаской, думая, что тот засвистит и закричит на него.

Но тот, согласно внутренней инструкции, отдал честь подошедшему, приложив к козырьку свою руку в белой перчатке.

Приготовившись к скандалу и привыкши к этому, старик от неожиданности немного растерялся и залепетал разные слова, не идущие к делу.

А постовой, спросив у него, какая ему нужна улица, показал, куда идти, и, снова отдав честь, занялся своим делом.

Но этот маленький жест почтения и вежливости, рассчитанный в свое время на генералов и баронов, произвел исключительное впечатление на нашего приезжего старика.

Старик аж задрожал, когда ему постовой отдал честь вторично и, стало быть, тем самым показал, что тут ошибки не было, а было то, что ему полагалось.

И тогда старик, как потом выяснилось, снова еще раз подошел уже к другому милиционеру и снова получил приветствие, которое с еще большей силой запало в его слабую душу.

Конечно, я не знаю, может ли быть, чтоб это сразу отразилось на характере, но все заметили, что старикан вернулся в высшей степени

сдержанный и, проходя мимо дворника, не вступил с ним в обычные пререкания, а молча отдал ему честь и проследовал к себе.

Не знаю, может ли быть, что такая мелочь и такой, в сущности, пустяк могли сыграть известную роль в смысле перековки характера, но все заметили, что с папашей Гавриловым что-то произошло другое и в высшей степени оригинальное.

Кое-кто видел, как он на углу около своего дома пару раз подходил к милиционеру и с ним вежливо беседовал.

И многие, грубоватые в своем уме, увидев перемену, приписали ее страху, который старик испытывал, когда его хотели волочить в милицию. Но некоторые поняли по-другому.

И один интеллигент с нашей квартиры, страдающий сахарной болезнью, сказал про этот случай:

– Я всегда отстаивал ту точку зрения, что уважение к личности, похвала и почтение приносят исключительные результаты. И многие характеры от этого раскрываются, буквально как розы на рассвете.

Большинство с ним не согласилось, и даже у нас в квартире произошла безрезультатная дискуссия.

А дня через три папаша Гаврилов заявил своему сыну, что срочные дела требуют его отбытия в деревню.

Некоторые из нашей квартиры, желая загладить перед стариком свои неуклюжие шутки, пошли его провожать на вокзал.

И, когда поезд тронулся, папа, стоя на площадке, отдал всем провожающим честь.

И все засмеялись, и папа засмеялся и уехал к себе на родину.

И там он, наверное, внесет теперь некоторую любезность в свои отношения к людям. И от этого ему в жизни станет еще более светло и приятно.

В пушкинские дни^{*}

Первая речь о Пушкине

С чувством гордости хочется отметить, что в эти дни наш дом не плетется в хвосте событий.

Нами, во-первых, приобретен за 6 р. 50 к. однотомник Пушкина для всеобщего пользования. Во-вторых, гипсовый бюст великого поэта установлен в конторе жакта, что, в свою очередь, пусть напоминает неаккуратным плательщикам о невзносе квартплаты.

Кроме того, под воротами дома нами вывешен художественный портрет Пушкина, увитый елочками.

И, наконец, данное собрание само за себя говорит.

Конечно, может быть, это мало, но, откровенно говоря, наш жакт не ожидал, что будет такая шумиха. Мы думали: ну, как обыкновенно, отметят в печати: дескать, гениальный поэт, жил в суровую, николаевскую эпоху. Ну, там на эстраде начнется всякое художественное чтение отрывков или там споют что-нибудь из «Евгения Онегина».

Но то, что происходит в наши дни, – это, откровенно говоря, заставляет наш жакт насторожиться и пересмотреть свои позиции в области художественной литературы, чтоб нам потом не бросили обвинение в недооценке стихотворений и так далее.

Еще, знаете, хорошо, что в смысле поэтов наш дом, как говорится, бог миловал. Правда, у нас есть один квартирант, Цаплин, пишущий стихи, но он бухгалтер и вдобавок такой нахал, что я прямо даже и не знаю, как я о нем буду говорить в пушкинские дни. Приходит позавчера в жакт, угрожает и так далее. «Я, кричит, тебя, длинновязый черт, в гроб загоню, если ты мне до пушкинских дней печку не переложить. Я, говорит, через нее угораю и не могу стихов писать». Я говорю: «При всем чутком отношении к поэтам я тебе в данное время не могу печку переложить, поскольку наш печник загулял». Так ведь кричит. За мной погнался.

Еще спасибо, что среди наличного состава жильцов у нас нет разных, знаете, писательских кадров и так далее. А то бы тоже,

наверно, в печенку въелись, как этот Цаплин.

Ну, мало ли, что он может стихи писать. Тогда, я извиняюсь, и мой семилетний Колюнька может в жакт претензии предъявлять: он тоже у меня пишет. И у него есть недурненькие стихотворения:

Мы, дети, любим тое время, когда птичка в клетке.

Мы не любим тех людей, кто враг пятилетке.

Шпингалету семь лет, а вот он как бойко пишет! Но это еще не значит, что я его хочу равнять с Пушкиным. Одно дело – Пушкин, а другое дело – угоревший жилец Цаплин. Прохвост такой! Главное, навстречу жена идет, а он за мной как погонится. «Я, кричит, тебя в мою печку головой сейчас суну». Ну что это такое?! Сейчас пушкинские дни происходят, а он меня так нервирует.

Пушкин пишет так, что его каждая строчка – верх совершенства. Такому гениальному жильцу мы бы еще осенью переложили печку. А что ему будем перекладывать, Цаплину, – это я прямо поражаюсь.

Сто лет проходит, и стихи Пушкина вызывают удивление. А, я извиняюсь, что такое Цаплин через сто лет? Нахал какой!.. Или живи тот же Цаплин сто лет назад. Воображаю, что бы там с него было и в каком бы виде он до наших дней дошел!

Откровенно говоря, я бы на месте Дантеса этого Цаплина ну прямо изрешетил. Секундант бы сказал: «Один раз в него стрельните», а я бы в него все пять пуль выпустил, потому что я не люблю нахалов.

Великие и гениальные поэты безвременно умирают, а этот нахал Цаплин остается, и он нам еще жилы повытянет.

(Голоса. Расскажите про Пушкина.)

А я про Пушкина и говорю, а не про Лермонтова. Стихи Пушкина, я говорю, вызывают удивление. Каждая строчка популярна. Которые и не читали, и те его знают. Лично мне нравятся его лирические стихи из «Евгения Онегина»: «Что ты, Ленский, не танцуешь» и из «Пиковой дамы»: «Я хотел бы быть сучочком».

(Голоса. Это оперное либретто. Это не Пушкина стихи.)

То есть как это не Пушкина? Что вы мне баки заколачиваете?.. Хотя я перелистываю наш однотомник и вижу – в «Пиковой даме» действительно нет стихов... Ну, если эти стихи «Если б милые девицы все б могли летать как птицы» не Пушкина, то я уж и не знаю, что про этот праздник подумать. Короче говоря, я не буду Цаплину

перекладывать печку. Одно дело – Пушкин, а другое дело – Цаплин. Нахал какой!

Вторая речь о Пушкине

Конечно, я, дорогие товарищи, не историк литературы. Я позволю себе подойти к великой дате просто, как говорится, по-человечески.

Такой чистосердечный подход, я полагаю, еще более приблизит к нам образ великого поэта.

Итак, сто лет отделяют нас от него! Время действительно бежит неслыханно быстро!

Германская война, как известно, началась двадцать три года назад. То есть когда она началась, то до Пушкина было не сто лет, а всего семьдесят семь.

А я родился, представьте себе, в 1879 году. Стало быть, был еще ближе к великому поэту. Не то чтобы я мог его видеть, но, как говорится, нас отделяло всего около сорока лет.

Моя же бабушка, еще того чище, родилась в 1836 году. То есть Пушкин мог ее видеть и даже брать на руки. Он мог ее нянчить, и она могла, чего доброго, плакать на руках, не предполагая, кто ее взял на ручки.

Конечно, вряд ли Пушкин мог ее нянчить, тем более что она жила в Калуге, а Пушкин, кажется, там не бывал, но все-таки можно допустить эту волнующую возможность, тем более что он мог бы, кажется, заехать в Калугу повидать своих знакомых.

Мой отец, опять-таки, родился в 1850 году. Но Пушкина тогда уже, к сожалению, не было, а то он, может быть, даже и моего отца мог бы нянчить.

Но мою прабабушку он наверняка мог уже брать на ручки. Она, представьте себе, родилась в 1763 году, так что великий поэт мог запросто приходить к ее родителям и требовать, чтобы они дали ему ее подержать и ее понянчить... Хотя, впрочем, в 1837 году ей было, пожалуй, лет этак шестьдесят с хвостиком, так что, откровенно говоря, я даже и не знаю, как это у них там было и как они там с этим устроивались... Может быть, даже и она его нянчила... Но то, что для нас покрыто мраком неизвестности, то для них, вероятно, не составляло никакого труда, и они прекрасно разбирались, кого нянчить и кому кого качать. И если старухе действительно было к тому времени

лет под шестьдесят, то, конечно, смешно даже и подумать, чтобы ее кто-нибудь там нянчил. Значит, это уж она сама кого-нибудь там нянчила.

И, может быть, качая и напевая ему лирические песенки, она, сама того не зная, пробудила в нем поэтические чувства и, может быть, вместе с его пресловутой нянькой Ариной Родионовной вдохновила его на сочинение некоторых отдельных стихотворений.

Что же касается Гоголя и Тургенева, то их могли нянчить почти все мои родственники, поскольку еще меньше времени отделяло тех от других. Вообще я так скажу: дети – украшение нашей жизни, и счастливое детство – это, как говорится, очень и очень немаловажная проблема, разрешенная в наши дни. Детские ясли, очаги, комнаты матери и ребенка на вокзалах – все это суть достойные признаки одного и того же дела... Да, так про что же это я?

(Голос с места. Про Пушкина...)

Ах да... Вот я и говорю – Пушкин... Столетняя дата. А там, глядишь, вскоре ударят и другие славные юбилеи – Тургенев, Лермонтов, Толстой, Майков и так далее, и так далее. И пойдет чесать.

Вообще, между нами говоря, в другой раз даже как-то удивляешься, почему к поэтам бывает такое отношение. К певцам, например, я не скажу, чтоб у нас плохо относились, но уж настолько с ними не носятся, как с этими. А тоже, как говорится, таланты. И за душу хватают. И эмоциональность. И пятое-десятое.

Конечно, я не спорю, Пушкин – великий гений, и каждая его строчка представляет для нас известный интерес. Некоторые, например, уважают Пушкина даже за его мелкие стихотворения. Но я бы лично этого не сказал. Мелкое стихотворение – оно и есть, как говорится, мелкое и не совсем крупное произведение. Не то чтобы его может каждый сочинять, но, как говорится, посмотришь на него, а там решительно нет ничего такого уж слишком, что ли, оригинального и художественного. Например, представьте себе набор таких, я бы сказал, простых и маловысокохудожественных слов:

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив...
Шалун уж заморозил пальчик...

(Голос с места. Это «Евгений Онегин»... Это не мелкое стихотворение.)

Разве? А мы в детстве проходили это как отдельное стихотворение. Ну, тем лучше, очень рад. «Евгений Онегин» – это действительно гениальная эпопея... Но, конечно, и в каждой эпопее могут быть свои отдельные художественные недостатки. Вообще я так скажу: для детей это очень интересный поэт. И в свое время там у них он, может быть, даже был попросту детский поэт. А до нас, может быть, дошел уже несколько в другом виде. Тем более наши дети знаете как выросли. Их уже не удовлетворяет детский стих:

Паровозик чук-чук-чук,
Колеси́ки тук-тук-тук,
Госиздату гип-ура,
Пети-мети автора...

Помню, знаете, у нас в классе задали выучить одно мелкое, ерундовое стихотворение Пушкина. Не то про веник, не то про птичку или, кажется, про ветку. Что будто бы растет себе ветка, а ей поэт художественно говорит: «Скажи мне, ветка Палестины...»

(Голос с места. Это из Лермонтова...)

Разве? А я их, знаете, обыкновенно путаю... Пушкин и Лермонтов – это для меня как бы одно целое. Я в этом не делаю различия...

(Шум в зале. Голоса. Вы лучше расскажите про творчество Пушкина.)

Я, товарищи, к этому и подхожу. Творчество у Пушкина вызывает удивление. Ему за строчку стихов платили по червонцу. Кроме того, постоянно переиздавали. А он, несмотря на это, писал, и писал, и писал. Прямо удержу нету.

Конечно, придворная жизнь ему сильно мешала сочинять стихи. То балы, то еще что-нибудь. Как сказал сам поэт:

Откуда шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны, и тимпан...

Тимпан! Договорится же человек до этого... Конечно, не будем останавливаться на биографических данных поэта: это всем известно. Но тоже, как говорится, с одной стороны – личная жизнь, квартира в семь комнат, экипаж, с другой стороны – сам царь, Николай Палкин,

придворная жизнь, лицей, Дантес и так далее. И, между нами говоря, Тамара ему, конечно, изменила...

(Шум в зале. Крики. Наталья, а не Тамара.)

Разве? Ах да, Наталья. Это у Лермонтова – Тамара... Вот я и говорю. А Николай Палкин, конечно, сам стихов не писал. И поневоле, конечно, мучился и завидовал поэту...

(Шум в зале. Отдельные возгласы, переходящие в крики. Некоторые встают. Довольно! Уберите оратора!)

Так вот, я кончаю, товарищи... Влияние Пушкина на нас огромно. Это был гениальный и великий поэт. И приходится пожалеть, что он не живет сейчас вместе с нами. Мы бы его на руках носили и устроили бы поэту сказочную жизнь, если бы, конечно, знали, что из него получится именно Пушкин. А то бывает, что современники надеются на своих и устраивают им приличную жизнь, дают автомобили и квартиры, а потом оказывается, что это не то и не то. А уж, как говорится, взятки гладки... Вообще, темная профессия, ну ее к богу в рай. Певцы как-то даже больше радуют. Запоют, и сразу видно, какой голос.

Итак, заканчивая свой доклад о гениальном поэте, я хочу отметить, что после торжественной части будет художественный концерт.

(Одобрительные аплодисменты. Все встают и идут в буфет.)

На улице*

Давеча я шел по улице и вдруг вижу: идет навстречу красноармейский отряд.

Четко и славно шагают – любо-дорого на них глядеть.

Все удивительно чистенько одеты. Сапоги новенькие. Шинельки из хорошего сукна. И у каждого бойца из-под ворота гимнастерки белый воротничок еще торчит.

И самое интересное – все бойцы в перчатках.

Но меня не так перчатки удивили, как удивил командный состав. Бывало, в прежнее время идет, представьте себе, какой-нибудь гвардейский полк. Какие-нибудь там волынцы. Или какие-нибудь там, я не знаю, семеновцы. Тоже, конечно, все порядочно одеты. Чистота и так далее.

Но там поглядишь на ихний комсостав, на их офицеров, и все, как говорится, моментально делается ясным, что к чему.

Идут гвардейцы, солдаты – здоровые молодцы – представители народа. А рядом, перед каждым взводом, шествует чистенький, как кукла, офицер. И глядишь на этого офицера и видишь: это идет барчук. Холеное лицо. Усики. Сам бледный и затянутый. Надушен. И идет, все равно как танцует.

Командует: «Арш!» – и, между прочим, «р» не выговаривает. Еще чего!

И сразу видишь: дворянчик, белоручка, помещик или сын помещика.

Поглядишь снова на солдат – и видишь два мира, два класса. И один класс командует, а другой ему подчиняется.

Такая прежняя картинка была очень, как бы сказать, агитационна. Сразу было видно, кому народ служит и за какие интересы он бьется и страдает.

Очень уж у них была заметна классовая разница.

Но вот идет наш красноармейский отряд.

И я гляжу на этого нашего командира и вижу: это тот же свой брат, сын народа и представитель своего класса.

Он идет рядом с бойцами, и я не вижу между ними никакой особой разницы.

Да, конечно, он с образованием, многое, может быть, там знает, учился. И так далее. Он одет более франтовато. У него меховой воротник и кожаные перчатки. Но это уже не барчук и не представитель другого мира.

И даже обыватель, стоящий на панели, может сразу заметить, в чем дело и какая у нас армия, кому народ служит и какие интересы он намерен защищать.

И вот я стою на панели и об этом думаю, когда бойцы проходят мимо меня.

И я прикладываю руку к своей штатской кепке и отдаю честь этому воинскому отряду.

Жалоба*

Многие граждане жалуются, что в настоящее время жаловаться не представляется чем-нибудь легким и что это иной раз связано, что ли, с волокитой.

Но я не разделяю этого мнения. Написать претензию в жалобную книгу – это чистое и святое дело.

На эту претензию сразу и без всякой волокиты отзывается директор или, там, заведующий. И сразу под вашей жалобой он пишет свое умозаключение. И на этом дело заканчивается к общему благополучию. Так что я удивляюсь на тех граждан, которые вякают о волоките.

Другое дело, если жалобщик пожелает обойти этот подводный камень в лице заведующего. Вот если он свою жалобу не запишет в жалобную книгу, а подкинет ее, так сказать, через голову заведующего – вот тогда, конечно, движение жалобы иной раз будет несколько более медленным, чем в другой раз хотелось бы. Не скажу, что будет волокита, но некоторый, что ли, туман может возникнуть.

Со мной, например, случилась в одном кооперативе неприятность. Перед выходным днем я заскочил в кооператив что-нибудь купить в рассуждении ожидаемых гостей.

Куплена была разная дешевенькая снедь, и в том числе соленые огурцы.

Но подавать гостям огурцы – это нерационально. И, купив их, я подумал: «Гости обопьются, и это будет лишняя канитель в хозяйстве».

И тогда я говорю работнику прилавка:

– Купленные огурцы замени мне, милый друг, яблочной повидлой.

Но тот, будучи, наверно, в раздраженном состоянии, отказался это сделать.

Тут мы с ним, как говорится, немножко схлестнулись чисто на словах. В результате чего он обозвал меня размагниченным интеллигентом и потом добавил одно нехорошее слово в ответ на мои слова, что у него печенка лопнет, если он будет сердиться.

Тут произошла неприятная стычка. Он брызнул слегка в меня рассолом. Но не попал. А капнул на одну солидную даму. Я вызвал

заведующего, но тот сказал:

– Сам черт не разберет, кто из вас виноват. Вы бы его не сердили, и все было бы хорошо. А если вы против него имеете зуб, то напишите жалобу в этой книге. А я ее разберу.

– Ну нет, говорю, сердечный друг. Я повыше махну! И мы увидим, что будет с этим работником прилавка!

И на другой день я послал свою жалобу в ихнее управление. Захожу туда через неделю. Там говорят:

– Зайдите в районное управление: мы туда вашу жалобу перекинули.

Захожу туда. Там говорят:

– Что ж они перекидкой занимаются? Как будто у нас своих дел мало! Где мы будем ваше заявление искать? Но если вы еще не остыли к этому делу, то напишите нам снова, и мы вашу претензию разберем.

Вот я написал снова и подал им. Захожу через неделю. Там говорят:

– А мы послали вашу жалобу к заведующему в магазин. Он к этому факту ближе стоит, и пусть он разберет.

С душевным трепетом я иду в магазин. Мне там говорят:

– Заведующего нету. Он, знаете, на прошлой неделе загремел: его сняли за одно нечистоплотное дело.

Я говорю:

– А кто его заменяет?

Вдруг тот же самый приказчик, что со мной схлестнулся, говорит:

– А, честь имею кланяться. Я временно его заменяю.

– Вот так номер!

– Если вы заскочили насчет вашей жалобы, то я согласен дело ваше прекратить. Если, конечно, вы извинитесь за допущенное вами оскорбление на моем посту.

Ошалев от неожиданности, я сказал ему «извините» и в растрепанных чувствах вышел из магазина.

И теперь жалобы пишу прямо в книгу, чтобы не было лишней волокиты.

Двадцать лет спустя*

Прежде чем рассказывать вам эту забавную историю, придется нам с вами перенестись сначала чуть не в прошлое столетие.

Вот какое событие произошло двадцать три года назад в городе Виннице.

Город Винница – небольшой цветущий городок. Там, говорят, много садов. Прелестные маленькие домики. И славная быстротечная речка.

Этот городок еще тем отличается от других, что он расположен недалеко от знаменитой станции Жмеринка, где, как известно, скрещиваются многие пути и происходят пересадки.

И вот в этом небольшом славном городке жил двадцать три года назад сын одного довольно богатого коммерсанта.

Он там в свое время окончил реальное училище. И был потом инженером. Но после смерти своего папы он не пожелал пойти по научной или там технической линии, а стал продолжать дело своего родителя, который являлся поставщиком многих винных фирм.

И вот у сына этого коммерсанта дела тоже пошли весьма недурно.

Настроение у него было прекрасное. Вскоре он там построил красивый двухэтажный дом в английском вкусе. И через некоторое время женился.

Он там женился на одной местной девушке, недавно окончившей среднее образование.

Это была некая девушка Муза – смуглая красавица с круглыми щечками и с блестящими, как звездочки, глазами.

Кажется, как будто мама у нее была румынка. И, может быть, поэтому она отличалась такой южной красотой.

Ах, он исключительно ее полюбил.

Он обставил ее комнату стильной мебелью. Затянул стены шелковой материей. Вместо дверей навесил турецкие бусы. Подарил ей двух маленьких попугаев. Привез ей откуда-то всяких тканей, ковров и ковриков. И теперь ее жилище было похоже на шатер в восточном вкусе.

И молодая женщина была довольна, но не совсем.

Она не слишком любила своего мужа. И, может быть, отчасти пошла за него замуж по расчету. Она мечтала встретить какого-нибудь стройного и гибкого мужчину, а муж был немного толстоватый и слегка, как бы сказать, косопузый. И, вдобавок, ноги у него не были пропорциональны всему остальному. И, уж во всяком случае, со своей наружностью муж не являлся героем ее романа.

Он понимал это, как говорится, соотношение сил. Баловал ее. Носил на руках. И не очень-то любил уезжать в свои деловые командировки, боясь подолгу оставлять молодую женщину без внимания и надзора.

Он хотел, чтобы она все время занималась материнством и чтобы она кормила его детей. Он этим хотел сохранить ее для себя.

Но она, родив ему девочку, не могла почему-то продолжать в том же духе. И муж, благодаря этому, еще более страшился, что она влюбится в кого-нибудь во время его отъезда.

А она, конечно, оставаясь одна, скучала, и в ее южном сердце зарождалось желание кого-нибудь полюбить и кому-нибудь составить небывалое счастье.

И вот однажды она встретила одного своего знакомого. Она давно его знала. Они были знакомы, когда он еще был реалистом и на спине носил школьный ранец.

Но сейчас он был студент и кончал институт. И он на каникулы прибыл к своей матери в город Винницу.

Теперь это не был маленький и прыщеватый мальчишка. Теперь это был красивый студентик, сильный и стройный – Саша Ф.

Он не без шика одевался, носил накладные орлы на пуговицах и брюки со штрипками. И ходил со стэком, веселый и остроумный, способный поразить своей внешностью не только простенькую девушку из провинции.

Он встретился с ней на одной вечеринке, и у них почти сразу возникло чувство.

Он стал назначать ей свидания, писал ей пылкие записочки, стоял часами под ее окнами.

И вот они стали встречаться. И муж вскоре констатировал, что то, чего он боялся, – случилось.

Муж не велел принимать Сашу Ф. Он отказал ему от дома и даже пригрозил его убить, если тот не перестанет смущать покой его юной

жены.

Но угрозы не утрашили смелого юношу. Он по-прежнему украдкой встречался с молодой женщиной. Он вскружил ей голову, и она, имевшая пятилетнюю дочку, впервые поняла, что такое любовь.

Она просто потеряла рассудок, и день, проведенный без него, считала потерянным.

Она бесстрашно стала приходить к нему и оставалась у него часами, мечтая с ним о новой жизни.

Но он был беден и не закончил еще учебы. Он приводил ей резонные доводы о невозможности значительных перемен.

В довершение всего, его мать, пожилая согбенная дама, позабывшая, что такое юность, весьма неблагосклонно отнеслась к ее посещениям. И не скрывала своей досады, когда влюбленная женщина приходила к ее сыну.

Она боялась, что эта любовь кончится драмой или трагедией.

Препятствия не прекратили их пылкой любви.

Муза предложила ему бывать у нее в доме, говоря, что муж постоянно находится в разъездах.

Он не считал это удобным и долгое время отказывался, но однажды все же пришел к ней, волнуясь за свое безрассудство.

Она успокоила его, сказав, что муж в Харькове.

Он пришел к ней, как они условились, утром. И ах! это утро осталось у него в памяти на всю жизнь.

Это было летнее утро. Окно было раскрыто. Сад благоухал цветами. Солнце сверкало в зеркалах и в хрустальных безделушках, украшавших ее комнату. Муза приняла его в каком-то небесном шелковом платье, юная и прелестная, – смуглая красавица, полюбившая его без памяти.

Он прямо с ума сошел от счастья, когда заключил ее в свои объятия.

И она, как сумасшедшая, обняла его. И они пять часов подряд целовались. И даже она чуть не потеряла сознания, – так это было для нее ново и удивительно.

Уже ее мать, старая румынка, дважды поднималась наверх и, тихонько постучав в стену, упрашивала их разойтись, но они не имели сил расстаться.

Наконец они стали прощаться.

Дружески обнявшись, они ходили по комнате, говоря о своем светлом будущем.

Она вдруг шутя спросила его, что бы он стал делать, если б сейчас приехал ее муж.

Он, смеясь, показал на свой расстегнутый ворот, на галстук и воротничок, брошенные на стуле. Он сказал, что он не трус, но он, конечно, не хотел бы ее компрометировать. И, поглядев в окно, выходящее в сад, сказал, что он отличный гимнаст и ему не составило бы труда спуститься в сад по этим деревьям.

Она похвалила его за благоразумие, хотя видно было, что ей хотелось бы услышать иное, более героическое, более смелое и мужественное.

Так, гуляя по комнате, он вдруг увидел распечатанную телеграмму, лежащую на столике. Телеграмма была от мужа – он извещал ее, что приедет в среду, и посылал ей тысячу нежных поцелуев и свою страстную, до гроба любовь.

– Как он вас любит, – ревнуя, сказал Саша, с досадой бросая телеграмму. Но тотчас ее поднял и, вновь прочитав, не без тревоги сказал: – Но ведь сегодня среда. Значит, он приедет сегодня.

Муза подтвердила это. Она сказала, что харьковский поезд приходит вечером, так что не следует беспокоиться.

Он назвал ее безрассудной. Он сказал, что муж каждую минуту может приехать на машине или же каким-нибудь иным поездом.

И он стал с ней прощаться. Но снова им было жаль расстаться. И они снова, к ужасу старой румынки, принялись за свои поцелуи.

Вдруг они услышали внизу звонок и шум. И звонкий голосок ее пятилетней дочки пронзительно закричал: «Папа приехал».

Муза страшно побледнела. Она, заламывая руки, сказала:

– Боже мой! Это приехал Илья... Он убьет тебя...

Саша Ф., поцеловав ее трепетную руку, в одну секунду вскочил на подоконник и, притянув к окну ветку дерева, ловко, как обезьяна, повис на ней.

Муза ахнула, всплеснув руками.

Студент гибким движением молодого тела подался вперед и, хватаясь руками за ветки, благополучно спустился в сад.

Внизу он помахал рукой молодой женщине, неподвижно стоявшей у окна, и скрылся в зарослях малины.

Пробравшись сквозь малину к забору, он стал приводить себя в порядок и вдруг с ужасом увидел, что воротничок, галстук, фуражка и стэк остались наверху в ее комнате.

Лоб его покрылся холодным потом, когда он подумал, что муж сейчас увидит эти вещи, небрежно брошенные на стул.

Страшно мучаясь и досадуя на свою неосторожность, он снова через малину пробрался к дому. Он хотел ей крикнуть, предупредить, чтоб она спрятала все это или, если можно, бросила бы ему вниз, но тут, всматриваясь в ее окно, он с ужасом увидел, что в комнате уже были люди – ее мать, нянька с дочкой, муж и еще кто-то.

Саша снова бросился назад и, страшась услышать сейчас крики драмы, перескочил через забор и направился к своему дому.

И, дойдя до своей улицы, он захотел было вернуться туда, где сейчас, вероятно, разыгрывается трагедия, но у него не хватило духу сделать это.

Ему показалось, что его возвращение было бы смешным и глупым. И он стал успокаивать себя, говоря себе, что Муза, вероятно, в последний момент успела сунуть в шкаф его оставленные вещи.

Он пришел домой, бледный и растерянный, и его старая мамаша стала выпытывать, что с ним. Но он, не желая посвящать ее в свои тайны, сказал, что его срочно вызывают в институт. И вот почему он так огорчен, взволнован и потрясен.

Это случайное вранье определило его шаги. Саша сложил вдруг чемодан и, попрощавшись с матерью, в тот же день уехал в Москву.

Ему оставалось жить в Виннице всего две недели. Ну, что ж, он несколько раньше вернется в столицу и несколько раньше приступит к занятиям. Нет, он не трус, но фигурировать в качестве застигнутого любовника ему не хотелось бы.

Конечно, он страшился за судьбу молодой женщины, но тут же утешал себя тем, что любовь мужа столь велика и грандиозна, что ей все простится и все забудется.

Перед отъездом он написал ей нежное и милое письмецо и вложил его в конверт вместе с засушенной настурцией. Но не отправил его, боясь, что письмо попадет в руки разгневанного мужа.

Однако, приехав в Москву, Саша очень там страдал и волновался и вскоре послал одному своему другу письмо в Винницу. Он попросил

приятеля разузнать, что с Музой, и передать ей пламенный привет, его адрес и нежную просьбу написать ему хотя бы несколько слов.

Но друг почему-то не ответил. И от Музы не было никаких сообщений.

Потом он случайно узнал от одного приехавшего из Винницы, что в доме Музы как будто все благополучно, развода нет, и муж, по-видимому, по-прежнему безмерно любит ее и обожает.

Это сообщение успокоило Сашу. Но вместе с тем он снова ощутил пылкую любовь к молодой оставленной даме. Он поставил ее карточку на видное место и подолгу любовался милыми чертами своей смуглой, черноокой красавицы.

Между тем начались занятия. Последний год в институте – это было не шуточное дело. И Саша с головой ушел в свою учебу.

Он хотел было на рождественские каникулы приехать в Винницу, но случайно сошелся с одной курсисткой, и эта связь задержала его в Москве.

Весною он заболел, переутомленный экзаменами, и его отправили на кумыс. А летом мамаша его приехала в Москву на операцию и тут, как говорится, под ножом хирурга, скончалась.

Саша осенью хотел побывать в Виннице, но тут началась германская война, и молодого инженера взяли в армию в саперные войска.

Я не сумею вам сказать, как это случилось, но Саша Ф., страдая и любя, не смог в ближайшие годы встретиться со своей красавицей Музой.

Только в начале революции он наконец приехал в Винницу.

Со страшным волнением он вернулся в свой родной город. И в тот же день он с отчаянием в сердце узнал, что Муза с ребенком и мужем только что недавно уехала в Киев, бросив свой дом и свои дела на произвол судьбы.

Это было понятно – революция, вероятно, не пощадила бы разбогатевшего дельца. И вот он поспешил уйти от народного гнева.

Тотчас вслед за ними Саша отправился в Киев, но там узнал, что они выехали из Киева как будто в Одессу, но, может быть, и в Ростов.

Саша хотел было поехать в Одессу, но узнал, что пути к Одессе отрезаны фронтом гражданской войны.

Тут молодой человек понял, что он потерял их следы. И, может быть, никогда больше ее не увидит. И он так заплакал, как будто ему было шесть лет. И бесцельно раз целуя ее карточку, он дал себе слово до конца своих дней любить свою милую Музу.

Он вернулся в Москву. И стал там жить.

И вот, давно уже отгремели выстрелы гражданской войны, новая жизнь победно шествовала по городам и селам.

Саша Ф. был инженером. И он служил в Москве. Он давно женился, и у него теперь было двое славных детишек, и он в скором времени ожидал еще третьего младенца.

Но в сердечных делах он остался верен своему чувству.

Ее карточка, как святыня, стояла на его письменном столе, и он, вспоминая дни своей юности, подолгу любовался милым обликом и, печально вздыхая, восклицал: «Ах, счастье с этой женщиной мне было так возможно».

Всю силу своего чувства он перенес в свою работу. Он стал весьма крупным, выдающимся инженером. И год назад он получил в приказе благодарность за полезную деятельность.

В прошлом году, летом, он немного заболел и решил полечиться. Его сорокалетнее сердце стало пошаливать, – начались разные боли, спазмы и так далее.

Его премировали двухмесячной путевкой в Кисловодск, и в августе он уехал туда с намерением заняться лечебными процедурами.

Кисловодск в этом смысле чудный курорт. Там нарзан делает чудеса – обновляет кровь и восстанавливает слабые нервы.

Два месяца подряд Саша принимал там нарзанные ванны и ходил в горы, укрепляя этим свое уставшее сердце.

Он там великолепно поправился и чувствовал себя молодым, способным на безрассудства. Но он там никого не встретил, кем бы мог увлечься. И теперь не без охоты покидал курорт.

В день отъезда он пошел в парк прощаться с любимыми местами. Он пришел в нарзанную галерею. Ему там подали стакан нарзана. И он стал с чувством его пить, поглядывая на гуляющую публику.

Вдруг рука у него дрогнула. Пальцы невольно разжались, и стакан с треском разбился, упав на каменный пол.

Перед ним в двух шагах стояла Муза Н. со своим мужем.

Она стояла около источника и тоже пила нарзан.

Сердце замерло у Саши, когда он еще раз взглянул на нее. Она была, пожалуй, по-прежнему красива и эффектна, но она очень пополнила.

Ах, где же, эта тоненькая, смуглая красавица! Слишком полный ее стан, двойной подбородок и более крупные формы придавали теперь Музе солидный, стареющий и немного обрюзгший вид. И только милые ее глаза, блестящие и яркие как звездочки, сияли по-прежнему, так же, пожалуй, молодо и оригинально.

Она взглянула на человека, уронившего стакан. И у нее в то же мгновение замерло сердце. И бывает же такое совпадение чувств, – рука у нее тоже дрогнула, пальцы разжались, и стакан, упав на каменный пол, вдребезги разбился.

Рядом стоявший муж, стареющий и весьма полный кособокий человек, с инженерским значком на лацкане пиджака, с недоумением посмотрел, что случилось.

И вдруг, всплеснув руками, он воскликнул:

– Боже мой! Муза! Да ведь это Александр Семенович – наш дорогой друг из Винницы!

Саша Ф. подошел к ним, и они стали пожимать друг другу руки, расспрашивая, волнуясь и смеясь от нахлынувших воспоминаний двадцатилетней давности.

– Александр Семенович, – сказал муж, – куда же вы, голубчик, тогда бесследно исчезли?.. Ну, правда, я вас немного ревновал, но мы с Музой очень огорчились вашему отъезду.

Муза, улыбаясь, сказала:

– В самом деле, Саша, куда вы тогда делись?

Александр Семенович стоял растерянный, не зная, что сказать и что подумать.

Муж продолжал, улыбаясь:

– Да, я помню, много вы хлопот доставили нам своим отъездом. Помню, Муза три месяца меня пилила, зачем я так резко отказал вам от дома... Поверите ли, дело прошлое, но Муза плакала, и мы с ней заходили к вашей маме – расспрашивали ее о вас... Что с вами тогда стряслось?

Муза, улыбаясь, сказала:

– Это было, правда, нехорошо, Саша, что вы, не попрощавшись, уехали... Хоть бы написали письмо.

Саша растерянно бормотал:

– Боже мой... Как же так... Я писал... я не знаю... я думал, что...

Муж, громко смеясь, сказал:

– Да, черт возьми, я ревновал вас. Но теперь, Александр Семенович, я бы вам и сам сказал: поухаживайте, милый друг, за моей женкой.

Они втроем стали смеяться, иронизируя над своей полнотой, седеющими волосами и поблекшими чувствами. Вдруг муж сказал:

– Друзья, постойте минутку – пришли центральные газеты, и я боюсь прозевать...

Они остались вдвоем. Она сказала, улыбнувшись:

– Да, Саша, это было нехорошо с вашей стороны...

Саша, волнуясь и не понимая, сказал:

– Но ведь я думал, что муж все узнал... Я не хотел вам доставлять лишних страданий... Поверьте, я вас так любил...

Она вдруг сердечно и от души рассмеялась. Она так засмеялась, что он не знал, что подумать.

– Что вы смеетесь? – грубо спросил он.

Она сквозь смех еле могла сказать:

– Слушайте... Ведь тогда... помните... ну, в тот день, когда вы были у меня... Ведь это был не муж...

– Как не муж?! – спросил Саша, ужасаясь.

– Ну да, – сказала она, смеясь, – это была телеграмма. Муж прислал мне телеграмму, что он задержался.

– Но ваша дочка...

– Девочка ошиблась... Она на каждый звонок кричала: папа приехал... Я, как сумасшедшая, кричала вам из окна, чтоб вы вернулись... Но вы... соскочили со своего дерева... и сразу исчезли...

Она, сдерживаясь и кусая губы, смеялась. Ее подбородок дрожал, и плечи тряслись от хохота.

– Но как же так? – бормотал он. – Я думал... Фуражка, воротничок, которые я оставил...

Она, было перестав смеяться, снова захохотала так, что он подумал, что с ней истерика. Она сквозь смех еле могла сказать:

– Как же вы, Саша, уехали в Москву-то... без фуражки? Вы бы хоть зашли за фуражкой...

Он, сам не зная, что говорит, сказал:

– А куда же вы дели мой воротничок и фуражку?

– Ну, не помню, голубчик, – сказала она, – кажется, спрятала и сохранила на память.

Он хотел выдавить на своем лице улыбку, но не мог и стоял, смертельно бледный, дрожа от волнения.

Она вдруг, увидев его в таком состоянии, перестала смеяться. Она сказала:

– Простите, Саша, что я так смеюсь... Я вас очень любила...

Он взял ее руку и стал целовать, бормоча:

– Боже мой... Ну, как же так?.. Какая комедия жизни... Я вас тоже любил. И так ждал...

Тень прошла по ее лицу, и губы ее дрогнули, но она, отдернув руку, сказала:

– Муж идет, после поговорим...

Муж подошел к ним, на ходу разворачивая газету. Саша, взглянув на часы, пробормотал:

– Ого, уже три. Ведь через сорок минут отходит мой поезд.

Они стали жалеть, что он уезжает. Они хотели, чтоб он зашел к ним – сыграть в преферанс. Как, право, жаль, что они встретились только сегодня.

Саша поспешно стал прощаться с ними и, бледный и растерянный, пошел в свой санаторий.

Через полчаса он, по-прежнему взволнованный и потрясенный, сидел в вагоне.

И когда поезд тронулся, Саша распаковал чемодан, нашел карточку Музы. Он долго всматривался в дорогие черты и бормотал:

– Ну, как же так?.. Ну, как же это могло случиться?..

Вдруг снова он ощутил в своем сердце любовь, но не к этой прежней, тоненькой красавице, а к той женщине, которую он сейчас оставил в нарзанной галерее.

Ее смех смутил его. А то он сказал бы ей больше о своем чувстве, о том, что все эти годы он помнил и любил ее.

Он вдруг подумал, что он сейчас может сойти на станции и вернуться в Кисловодск.

В это время поезд остановился в Ессентуках. Саша стал судорожно упаковывать свои вещи, чтоб сойти тут. Но поезд вскоре тронулся, и Саша остался. Он подошел к открытому окну, бормоча:

– Как глупо все, ах, как все глупо...

Потом вдруг сердце у него упало, когда он подумал, что ведь он даже и не знает, где и в каком городе они живут. В своем волнении, в своем поспешном прощании он даже не спросил ее об этом.

И тут он снова, как и когда-то в Киеве, понял, что он потерял ее. И теперь уж, наверно, навсегда.

Слезы показались на его глазах. Он снова метнулся к своим чемоданам, чтобы выйти в Пятигорске. И, подойдя к окну, сказал:

– Как глупо все... Какая комедия жизни... Вот она, старость и увядание...

В Минеральных Водах он опять хотел было вернуться в Кисловодск, но носильщик, схватив его вещи, сказал:

– Поспешайте, гражданин. Московский поезд сейчас отходит.

И он покорно последовал за носильщиком.

Но в поезде он успокоился, сказав себе, что он напечатает объявление в центральной газете с просьбой к Музе отозваться и написать ему.

Эту историю Александр Семенович рассказал мне в сентябре тридцать шестого года. Сейчас начало нового года, но этого объявления я в газетах так и не видел.

Тишина*

1

Лет, может быть, семь или восемь назад я жил в Ялте, в маленьком частном пансионе на Садовой улице.

В то время, наряду с государственными домами отдыха и санаториями, в Крыму процветали крошечные частные пансиончики на десять-двенадцать персон.

В этих пансиончиках приезжим предлагали особый семейный уют, дворянскую обстановку, домашние обеды и избранное общество людей, попавших сюда по рекомендации.

Наш пансиончик, имевший название «Тишина», содержали две старушки, две бывшие светские барыни.

Кое-как выбравшись из-под обломков рухнувшей империи, эти старушки сохранили все же свой внешний лоск, французскую речь, золотые лорнетки и жеманные, немного комические манеры.

И, пройдя сквозь революцию, они сумели сохранить свой собственный домик в Ялте, солидную обстановку и кой-какое серебро, которое теперь торжественно подавалось к столу пансионерам.

Это были две барыни, две, так сказать, полномочные представительницы старого, погибшего мира, старой, дореволюционной России.

Одна старушка, более престарелая, безучастно относилась к своему пансиону. Она целые дни проводила в саду, сидя в полузакрытой плетеной кабинке, защищавшей ее от ветра и солнца. Она целые дни неподвижно сидела с книгой на коленях, устремив куда-то свой туманный взор.

Это была подлинная картина – «Вся в прошлом».

Другая старушка, напротив того, отличалась неукротимой энергией и смелостью духа. Она одна «заворачивала» всем пансионом, смотрела за хозяйством, производила расчеты и поддерживала порядок. Она выходила к столу, как хозяйка дома выходит к своим гостям, а не как владелица пансиона, которой платят деньги.

Всякий разговор о деньгах она считала неприличным, и когда ей платили – она жеманилась и конфузилась, говоря: «Ну, зачем это... Можно ведь потом». Впрочем, это ей не помешало однажды дойти до скандала с визгом, когда одна из пансионеров не смогла ей вовремя заплатить. Такая жеманность была, попросту, ее манерой, дворянской маской и некоторой, может быть, иллюзией, которая теплилась в ее сердце.

Она важно восседала в конце стола и в беседе с пансионерами старалась поддерживать приличный светский тон. И она положительно расцветала, если кто-нибудь из пансионеров, благодаря ее за обед, сдуру прикладывался к ее ручке. Такого пансионера она начинала пламенно любить и, в ответ на его поцелуй, нежно прикладывалась губами к его лбу, как это требовалось в высшем дворянском обществе.

2

Уже в первый день моего приезда мне рассказали биографию этих двух старых подруг, владелиц нашего пансиона.

За их плечами была шумная и беспечная жизнь, заграничные поездки, балы, вечера, праздничное веселье, богатые мужья и сумасшедшие поклонники.

Более престарелая старуха была в дни своей юности оперной певицей. И она тогда отличалась какой-то неслыханной ангельской красотой. Ее мужья дарили ей дома, драгоценности и деньги, которых у нее до революции было больше как двести тысяч.

Ей было что вспомнить, и она, видимо, устремляла свой туманный взор к этому далекому прошлому.

Другая наша старуха – энергичная хозяйка пансиона – была женой гвардейского офицера, крупного помещика и богача.

Мужья наших двух дам успели умереть до революции, и обе женщины, почувствовав приближение старости, решили провести конец своей жизни в тишине и в покое в том месте, о котором у них сохранились лучшие воспоминания.

Этим местом оказалась Ялта, куда в свое время их возили мужья и любовники и где они видели счастье и волнение юности. И вот они, на склоне своих дней, снова сюда прибыли незадолго до революции. Они тут купили приличный домик с тенистым садом. И назвали это свое новое имение – вилла «Тишина».

Такое умиротворяющее название соответствовало их намерениям. Они решили тут мило, тихо и спокойно провести остаток жизни. Это, по их мысли, была тихая пристань после бурных путешествий по волнам жизни.

Но жизнь решила иначе. Война, революция, бегство белых и наступление большевиков – вот что они получили вместо тишины и покоя.

Старухи в двадцатом году хлебнули страха и сами были не рады, что выбрали такое место, где произошла развязка и где дворянская и купеческая Россия нашла себе на короткое время последнее пристанище.

Их славная Ялта, жемчужина Крыма, веселый и праздничный город, в котором любили отдыхать богатые фабриканты и царский двор, помещики и красавицы, теперь увидела новые картины. Это были последние ворота, в которые ушел старый мир.

Старухи тоже хотели было бежать. Они рассчитывали сесть на пароход, чтобы ехать в Турцию. Но они замешкались. У них было очень много вещей. Им было жалко их бросить. Они два дня паковали корзины и сундуки. И день затратили на то, чтобы люди перенесли их багаж на пристань.

И они, дрожащие, сидели уже на молу на своих корзинах. Но им сказали, что желающие уехать могут взять только лишь ручной багаж.

Они дождались, когда ушел последний пароход, увозивший дворян и коммерсантов за границу, и снова вернулись со своими вещами домой в свою виллу «Тишина».

Они прожили тут несколько лет не особенно замеченные. Их солидный возраст спас их от излишних передраг и волнений.

Они вскоре утвердились во владении дачей и в первые годы нэпа, не желая отставать от требований времени, открыли здесь частный пансион. И пять лет вели это дело, довольные собой и делами.

3

Итак, одна старуха в тихом раздумье проводила время в саду. А другая энергично хозяйничала.

Эта вторая дама была весьма глупая и несколько бестолковая старуха. Беседуя за столом со своими пансионерами, она подчас несла такую околесицу, что просто было удивительно видеть, как эта

представительница слабого пола, окончившая в свое время институт, могла до такой степени договариваться. У нее были спутаны все понятия и представления о мире и людях.

Тем не менее она не раз рисковала пускаться в беседы о политике. И пансионеры, не сдерживая улыбок, слушали ее бестолковые речи.

Но за этой бестолковщиной довольно явственно была видна нехитрая политическая платформа, на которой, хоть и шатко, но весьма упорно, стояла наша дама.

Она была настроена удивительно контрреволюционно. Ничто из нового ее не удовлетворяло и не устраивало. Она была против крепостного права, но все остальные нововведения за последние сто лет она считала лишними, снижающими жизнь в ее праздничной красоте и величии.

Она приводила примеры из жизни муравьев, которые от природы делились на классы, и сравнивала настоящий момент с гибелью Рима. Себя и нескольких пансионеров она причисляла к римлянам, а во всех остальных она видела пришлый элемент из далеких варварских стран.

Кой-какие знания из области истории и зоологии, почерпнутые в институте полвека назад, теснились теперь в ее голове в хаотическом беспорядке. Но она не без некоторой ловкости оперировала этим в своих политических докладах.

Нас было десять пансионеров: два инженера, журналист, несколько скучающих дам и один молодой, веселый студент, приводивший старуху в содрогание своим поведением.

Студент этот, подтрунивая и разыгрывая старуху, нарочно говорил на каком-то особом жаргоне, употребляя всякие блатные словечки и выражения.

Вместо «ел» он говорил «подрубал», прося передать блюдо, говорил: «Ну-те, старушка, передайте эту хреновину», а старухино светское общество он называл «гоп-компания».

Пансионеры умирали со смеху, глядя на нашу хозяйку. Она принимала эти речи за чистую монету и всякий раз всплескивала руками, находя подтверждение своим мыслям о гибели культуры, об утрате тонких чувств и безвозвратно ушедшей поэзии.

И всякий раз после комических речей студента она, как бы в противовес, приводила примеры из прошлой жизни, наполненной восхитительным изяществом и сказочной поэзией. Она рассказывала

нам о каких-то волшебных переживаниях, о каких-то неслыханных моментах, в которых она была участницей. Она говорила, что теперь все ее раздражает и все сердит. Что она когда-то считала лучшими моментами жизни глядеть на море, на серебристую луну, на людей, сидящих и любующихся этой панорамой. Сейчас она предпочитает сидеть дома. Ее волнует и раздражает не нужная никому теперь ночная панорама и это шлянье простого народа по набережной.

4

Однажды за ужином, после таких речей, мы попросили старуху рассказать нам о самом ярком ее воспоминании, о самом сильном ее переживании, связанном с Ялтой.

Все отвлеченные разговоры о красоте прошлой жизни были нам неубедительны. И мы хотели услышать какой-нибудь эпизод, какой-нибудь подлинный случай из той жизни, а не ее риторические беседы о волшебных любовных переживаниях и о любезном внимании любовника, приехавшего сюда тридцать лет назад с красивенькой дамочкой, какой она когда-то была.

Старуха с готовностью согласилась рассказать нам о самом сильном ее переживании, наполнившем когда-то ее сердце неслыханным волнением и трепетом.

– Я приехала сюда с мужем, – сказала она, – в 1908 году. Мой муж был офицером гвардии. Мы приехали с ним весной. И остановились в гостинице «Джалита».

Он меня так любил, что современные люди даже частично не могут себе представить, что это так бывает. Но в те дни наша любовь отошла на второй план, так как мы готовились к встрече царской семьи.

Мы устраивали в Ялте весенний благотворительный базар в пользу чахоточных. И царская семья, проживавшая в то время в Ливадии, собиралась присутствовать на открытии.

Можете представить наше волнение и наши надежды! Замеченные на базаре государем, мы могли быть даже приглашены ко двору, и мой муж мог сделать себе карьеру, о которой он мечтал всю жизнь.

И вот представьте себе прелестное майское утро. Мы выходим с мужем. И идем по набережной в курзал. Там уже все готово к встрече царской фамилии.

Мы идем с мужем, и волнение душит нас. У меня подкашиваются ноги. И я не могу идти. «Мой друг, – говорю я мужу, – постоим минутку». И мы останавливаемся на набережной. И я гляжу на синюю гладь моря, на безбрежную даль, на дельфинов, которые показываются на поверхности.

Мой муж держит меня под руку. Я ему говорю: «Мой друг, я запомню этот момент на всю жизнь. Мне кажется, что сегодня произойдет нечто небывалое в нашей жизни».

И мы снова продолжаем наш путь. Мы приходим в курзал. Там уже все на местах. И я становлюсь за свой киоск. У меня киоск с шампанским. Я разливаю по бокалам шампанское. И те, которым угодно выпить, берут бокал и на поднос кладут деньги – сто рублей, двадцать пять или золотые монеты.

Я была очень хорошенькой женщиной. Около моего киоска моментально образовалась пробка из блестящих офицеров и статских. Но я боюсь, что это заслонит меня от государя, и я держусь со всеми холодно и вызывающе.

Вдруг волнение достигает наивысшего напряжения. Раздаются возгласы: «Государь приехал».

И мы все замираем в неподвижных, почтительных позах.

И вот придворные расступаются, и мы видим незабываемую картину – идет государь Николай Второй. Рядом царица. И матрос на руках несет царевича.

Они дефилируют около моего киоска и вдруг, к зависти всех, они останавливаются около меня. Царица говорит мне: «Как у вас идут дела, моя крошка?» И я, еле преодолевая волнение, говорю: «Ничего себе, ваше величество». И дрожащей рукой показываю ей на блюдо, наполненное кредитками.

Вдруг царевич, сидящий на руках матроса, говорит: «Мама, поглядите, какая у нее на шляпе миленькая птичка».

А в то время, надо вам сказать, все дамы носили шляпы с художественными украшениями. Блондинки носили на шляпах цветы, листья, ягоды или перья. Брюнетки украшали шляпы искусственными фруктами – там маленькие райские яблочки, сливы, вишни и так далее. В то время это считалось модным.

А у меня на шляпе была, представьте себе, веточка с вишней, и на ветке сидела маленькая голубая птичка с желтыми глазками. Мы с

мужем это привезли из Дрездена, и это было действительно произведение искусства. Многие восхищались тонкой, художественной работой.

И вот царский ребенок, увидев эту птичку, потянулся к ней.

Матрос Деревенько делает шаг ко мне. И царственное дитя своей ручкой начинает хватать мою птичку и начинает теревить ее.

Я стою ни жива, ни мертва. Счастье охватывает все мое существо. И страх, что царевич может сейчас уколоть свою ручку о булавку, сковывает меня до того, что я перестаю дышать.

Тишина воцаряется вокруг.

Многие, не понимая еще, что это значит, замирают в предчувствии необычайного.

Я вижу моего мужа, который, белый от страха, стоит в отдалении. Я вижу, что он счастлив, но он тоже боится и не знает, чем все это кончится. Я делаю ему знак – мол, не волнуйся, мой друг, все будет хорошо.

И тут меня осеняет мысль – снять птичку со шляпы и преподнести его высочеству.

Почтительно прижимая одну руку к сердцу, я другой рукой отрываю птичку с веткой и преподношу царственному младенцу.

Я вижу – царевич хочет ее принять от меня и смотрит на свою мамашу. Но та говорит ему что-то по-английски, и я, не понимая этого, стою, дрожа от счастья и волнения.

Один из придворных мне потом делает перевод с английского. Он говорит, что царственная мать высказала соображение – не заразился бы ее ребенок чем-нибудь, если он возьмет мою птичку. И она не позволяет ему ее взять. Тогда матрос Деревенько берет от меня птичку. И вся августейшая семья, довольная, отходит от моего киоска и дефилирует дальше. И, перед тем как отойти, государыня, открыв свою сумочку, кладет мне на поднос кредитку в пятьсот рублей.

Муж и придворные окружают меня, поздравляя и благодаря за мою находчивость.

А я, почти ничего не соображая, стою со сбитой набок шляпой и гляжу на всех счастливым, невидящим взором.

И вот кончается базар. Мы с мужем возвращаемся назад. Мы снова идем по набережной. Снова глядим на море. И несказанное чувство

радости и волнения снова душит нас. И, прижавшись друг к другу, мы стоим, ослепленные счастьем и радостью.

5

Старуха закончила свое повествование, утирая слезы. Наш веселый студент, усмехнувшись, спросил:

– Ну и что же?

– То есть как что же? – сказала гневно старуха.

– Да, но я в этом эпизоде ничего особенного не вижу, – сказал студент. – Напротив, царица не велела взять птичку.

Она сказала ребенку, что это зараза. Если хотите знать, она вас просто даже этим оскорбила.

Старуха, гневно посмотрев на студента, ничего не ответила.

– Просто дурацкая история, – сказал студент, давясь от смеха. – И главное, вас с мужем даже ко двору не пригласили с вашим раболепством. Только зря птичку оторвали от своей художественной шляпки.

– Да, но мои переживания, – с волнением сказала старуха, – были мне всего дороже. Я не могу передать вам те чувства, когда мы вечером с мужем снова вышли на море и, как изваяния, стояли, глядя на луну, на серебристую лунную дорожку, искрящуюся на море. Вот это счастливое чувство радости, этот трепет, который душил нас с мужем, я никогда впоследствии не испытывала. И после этой вашей революции я поняла, что вся эта радость жизни, которую я знала, никогда больше не повторится.

Студент засмеялся.

– Слушайте, маман, – сказал он, – вы порете чушь. Вы были тогда сравнительно молоды. У вас были еще всякие, может быть сильные, чувства. И вот вы и переживали всякую муру вроде этой истории с птичкой.

Мы все засмеялись.

– Дело просто, – сказал один инженер, – ваше политическое настроение соответствовало тому, что было. Вот оно и получилось у вас так божественно.

Старуха осоловело поглядела на всех нас.

– Я вчера, – сказал студент, – гулял при луне с одной особой, вы знаете, с кем... Так можете представить, какие чувства я испытывал.

Уж наверно, мамаша, посильнее, чем вы двадцать пять лет назад. Просто вы контрреволюционно настроены.

Старуха встала из-за стола и, надменно пожелав спокойной ночи, проследовала в свою комнату.

6

Кажется, год или два спустя я неожиданно встретил старуху в Ленинграде.

Знаменитое землетрясение в Ялте разрушило их виллу «Тишина».

Дом дал сильную трещину, и они продали его. Они не захотели больше оставаться в Ялте, где вместо тишины и покоя они нашли бог знает что.

– Я много лет жила в Ялте, – надменно сказала мне старуха, – но такого землетрясения никогда еще в Ялте не было. Конечно, я понимаю, что революция тут ни при чем, но согласитесь сами, что это по большей мере странно, что нам выпали такие события вместо ожидаемого покоя. Только иронически можно было назвать так, как мы называли, нашу виллу.

Я спросил ее, зачем она приехала в Ленинград. Она сказала, что она купила в Ленинграде комнату и собирается здесь жить. Она хотела бы устроиться какой-нибудь кастеляншей в больницу или экономкой в дом отдыха, так как бездеятельная жизнь ее не устраивает. Слишком много мыслей о прошлом, и она хотела бы их заглушить. И, кроме того, надо зарабатывать, так как ее маленького имущества хватит ей ненадолго.

Она, действительно, вскоре устроилась на работу в больницу. И некоторое время там работала. Но недавно я узнал, что она умерла. И что после ее смерти в ее комнате под матрацом нашли двадцать восемь золотых колец, пятнадцать браслетов, много серег с бриллиантами и всякие ценности на сумму до трехсот тысяч по теперешнему счету.

Другая старуха – ее подруга – еще раньше, вскоре после землетрясения, тихо скончалась в Ялте, и вилла «Тишина» прекратила свое существование.

Парусиновый портфель^{*}

Я прошу извинить, дорогие читатели, что задерживаю вас на таком пустяке, на незначительном факте, не стоящем, может быть, вашего просвещенного внимания, устремленного в другие дела. Но уж очень я забавное дело слушал в народном суде.

Один, представьте себе, муж весьма часто ходил на вечерние сверхурочные работы. Так он, по крайней мере, объяснял своей жене. А на самом деле у него никаких сверхурочных не было, а попросту он ходил в гости к одной своей землячке из Ростова.

У них в свое время в городе Ростове была пылкая любовь, и вот теперь они снова не без интереса встречались. Они ходили в кино, в театры и так далее.

Но дома он, конечно, говорил, что у него экстренные занятия, брал для отвода глаз портфель и шествовал к своей подруге.

Наверно он не хотел, как говорится, затемнять семейные горизонты личными делами и поэтому так поступал. Тем более, что у него была жена и сынишка лет десяти.

Вот однажды, придя со службы домой и покушавши, он сказал жене, что сегодня вечером он должен пойти на одно экстренное заседание.

Жена начала ахать и говорить, что его что-то уж слишком загрузили делами, что он, благодаря этому, совершенно отбил от дому, что это ни на что не похоже, и что если это так будет продолжаться, то она напишет об этом самому товарищу Микояну или кому-нибудь из крупных хозяйственников, что, дескать, вот что получается.

Еле отвертевшись от семейных разговоров, наш муж надел пальто, взял портфель и направился к выходу.

Но едва он хотел выйти на лестницу, как вдруг в квартиру вошел счетчик из Электротока.

Наш муж, желая посмотреть, сколько у него нагорело электричества, немного задержался в передней. И, узнав сумму, вытащил бумажник из кармана и дал деньги своей жене с просьбой тут же расплатиться. А сам поскорей вышел, чтобы снова, чего доброго, не возникли разговоры.

Но тут случилось, что он, торопясь и волнуясь, что опаздывает, взял портфель счетчика вместо своего портфеля и с ним поспешно вышел.

А это был обыкновенный грубый парусиновый портфель. И в нем были разные официальные бланки, документы, карточки и так далее.

Но наш инженер, находясь мыслями в другом месте, просто даже не заметил, что он несет.

А надо сказать, что в его собственном портфеле, как на грех, были положены конфеты, которые он хотел преподнести своей знакомой, какое-то еще дамское шелковое кашне и хорошенький бювар для писания писем.

Вот, значит, этот злополучный портфель с подарками остался в передней на стуле, а сам инженер с парусиновой чепухой прибыл к своей подруге.

Но поскольку он запоздал или уж я не знаю что, она не смогла его принять. То есть, она вышла к нему в переднюю и с ним мило объяснилась, но сказала, что у нее сейчас сидит приехавший из провинции какой-то ее дядя с маминой стороны и она, думая, что инженер не придет, договорилась уж со своим дядей куда-то пойти.

Находясь в большом огорчении, наш инженер не сразу, конечно, ушел, а он долго канючил в передней, говоря, что он всего-то опоздал на пять минут и что это очень жаль, что у него сорвался вечер. И тогда она пообещала встретиться с ним завтра.

Вот наш инженер, находясь в расстройстве чувств, стал прощаться со своей подругой. И собрался уже уйти, как вдруг увидел в своих руках какую-то парусиновую штуку, какой-то замызганный, не его портфель.

В полной уверенности, что это он сейчас взял его по ошибке, он положил его на столик в передней и стал искать свой портфель.

А в передней, под стулом, стоял чей-то портфель. И наш инженер, найдя его, до некоторой степени даже удивился и стал вспоминать, когда же это он успел засунуть свой портфель под стул.

Но так как его землячка снова начала спешно с ним прощаться и его выпроваживать, то он и не стал больше задумываться над этой материей, а, вытащив портфель из-под стула и решив, что он подарки сделает завтра, еще раз приложился к ручке своей знакомой и вышел с чужим имуществом. И она ему ничего не сказала, поскольку она,

наверно, тоже не знала, что это портфель ее дяди. И, вдобавок, в передней царил полумрак.

И вот, выйдя на улицу, наш инженер побрел потихоньку домой, помахивая портфелем.

А надо сказать, что дома у него был уже полный переполох.

Счетчик, получив деньги и не найдя своей парусины, поднял тарарам, и, думая, что это хозяйский мальчишка, играя с портфелем, затащил его куда-нибудь в комнату, стал везде искать и, разыскивая, перевернул всю квартиру кверху дном.

Жена тоже деятельно помогала искать государственные акты, но, найдя портфель мужа, удивилась, что он не взят. И из чисто женского любопытства заглянула туда – что там есть. И, найдя вещи, несколько странные для сверхурочных занятий, взволновалась и, уйдя в свою комнату, стала обдумывать, что бы все это значило.

Сынишка же инженера, десятилетний мальчик, увидев содержание портфеля, выгреб из него коробку конфет и, как говорится, отдал должное кондитерским изделиям.

Придя к мысли, что муж ей говорит неправду о сверхурочных занятиях, жена начала плакать. Но тут раздался телефонный звонок и грубый мужской голос сказал, что если еще не пришел ее муж, то пусть она передаст ему, что там, где он сейчас был, он оставил свой портфель с какими-то дурацкими бумагами, а вместо него взял по ошибке чужой портфель. И пусть он, как придет, срочно это вернет, так как они садятся ужинать, а в портфеле остались кое-какие съестные припасы.

Жена сквозь слезы обещала, что передаст мужу, и, повесив трубку, начала рыдать, поняв отчасти, где ее муж бывает.

В общем, в доме был полный кавардак, когда на семейном горизонте вновь появился наш злосчастный супруг.

Счетчик из Электротока, который перевертывал теперь кухню кверху дном, набросился на вошедшего инженера, требуя моментально найти его портфель, в котором заключалось электрическое хозяйство всего района.

Не понимая еще, о чем идет речь, муж услышал рыдания своей супруги и поспешил к ней в комнату. И там вскоре разразилась буря, так что счетчик и не рискнул туда войти, а с видом великомученика сел в коридоре на стул и стал ждать, чем все это кончится.

Тут сынишка инженера, увидев новый портфель, поинтересовался, что еще принес папа. И хотя бабушка запрещала трогать этот портфель, тем не менее, мальчик выгреб из него еще одну коробку конфет, маринованные пикули, паюсную икру и бычки в томате.

Мальчик, не чувствуя больше аппетита к конфетам, отнес их в буфет. А бабушка, будучи не в курсе дела и полагая, что продукты принесены для дома, поставила пикули, икру и бычки за окно. Причем, пробуя икру, больше чем следует налегла на нее, так что за окно попало, собственно говоря, весьма незначительное количество.

Во время этих хозяйственных процедур и в момент наивысших криков в спальне снова раздался телефонный звонок. И муж сконфуженно начинает в трубку объяснять, что это просто ошибка и что портфель будет моментально доставлен.

И с этими словами инженер идет в коридор, находит там счетчика, извиняется перед ним, дает ему адрес и рубль на автобус, и просит взять портфель, лежащий в передней, и обменять его на свой, случайно занесенный в другое место.

Счетчик, довольный, что портфель с государственными бумагами, наконец, найден, не стал слишком много распространяться и, только слегка поругавшись с рассеянным интеллигентом, отбыл, захватив для обмена портфель, опустошенный бабушкой и внуком.

Но едва в квартире наступила тишина и утомленные супруги прилегли после бури отдохнуть, как вдруг снова раздался телефонный звонок, и грубый мужской голос сказал жене, что ее супруг, видимо, попросту, арап, если из чужого портфеля он выгреб все, что там было. И что, если на то пошло, пусть он оставит себе бычки в томате, но икру и пикули пусть моментально вернет, иначе ему несдобровать. И что даже его знакомая просит ему передать, что он подлец.

Муж, чувствуя, что идет скандальный разговор, вырвал трубку от жены и стал кричать, что он ничего из портфеля не брал и даже его не открывал и пусть все убираются к черту. А что за посланного человека он не отвечает, и если тот взял что-нибудь из портфеля, то пусть они и имеют с ним дело.

Тогда грубый мужской голос стал мягче и сказал, что посланный человек еще не ушел и что он вытряхнет из него душу, но икру и пикули вернет.

Наконец все смолкло. Муж и жена, объединенные общим военным фронтом, несколько даже примирились. И жена взяла с него торжественное обещание, что впредь таких историй не повторится.

Однако, примерно через час, в квартиру явился весьма бледный и в растерзанном виде счетчик и поднял невероятный скандал, требуя возврата каких-то продуктов. Но так как ни муж, ни жена об этих продуктах ничего не знали, а бабушка уже спала сном праведницы, то рассердившийся инженер велел счетчику моментально уйти. Счетчик сказал, что подобных злодеев он еще не видел в своей жизни и что на инженера и на того мужчину, который чуть не вытряхнул из него душу, он завтра же подает в народный суд. Тем более, что, мало того, что он потерял рабочий день, – он еще получил нервное и физическое потрясение и вдобавок до сих пор не получил своего портфеля с государственными документами, за который тот требует выкуп.

В общем, счетчик, действительно, подал в суд. И на суде распуталась вся цепь событий.

Публика невероятно веселилась, когда выступавшие свидетели объясняли, как это все было. Но смех достиг наивысшего напряжения, когда бабушка начала рассказывать, как она съела икру.

Народный судья, женщина, отметила в своем слове, что мещанский быт с его изменами, враньем и подобной чепухой еще держится в нашей жизни и что это приводит к печальным результатам. Так, например, пострадавший на своем посту счетчик является в некотором роде жертвой этого дела.

Обвиняемый мужчина, который, кстати сказать, оказался не дядя подруги инженера, а бывший жених, приехавший из Ростова, принес свои извинения счетчику. Инженер тоже горячо извинился.

Суд вынес инженеру общественное порицание, а дядю из Ростова за то, что он немного помял счетчика, справедливо приговорил к общественным работам на два месяца.

Публика этот приговор встретила с полным удовлетворением.

Что будет дальше – мы не можем вам сказать, но, поскольку дяди не будет на горизонте два месяца, возможно, что произойдет примирение между инженером и его подругой. И тогда, может быть, снова возникнет какая-нибудь ерунда на семейном фронте.

Веселая игра^{*}

Давеча я кушал в ресторане и после того заглянул в бильярдную. Хотелось посмотреть, как там, как говорится, шарики катают.

Слов нет – игра интересная. Она занятная и отвлекает человека от всевозможных несчастий. Некоторые даже находят, что бильярдная игра развивает мужество, глазомер и натиск. А врачи утверждают, что эта игра для неуравновешенных мужчин крайне полезна.

Не знаю. Не думаю. Другой неуравновешенный мужчина, играя на бильярде, до того нальется пивом, что после игры еле домой ползет. Так что я сомневаюсь, чтобы это для нервных и расстроенных было полезно.

А что это глазомер усиливает, то как сказать. Тут одному с нашего дома партнер, прицеливаясь, глаз кием подбил. И хотя тот не ослеп, но все-таки слегка окривел. Вот вам и развитие глазомера. И если ему теперь по другому глазу пройдутся, то человек и вовсе глазомера лишится.

Так что в смысле пользы это уж, как говорится, бабушкины сказки.

Но игра, конечно, забавная. Особенно когда «на интерес» играют – очень увлекательно смотреть.

Конечно, на деньги сейчас играют редко. Но зато что-нибудь придумывают оригинальное. Некоторые заставляют проигравшего под бильярд лезть. Другие заставляют поставить пару пива. Или велят заплатить за игру.

А когда я на этот раз зашел в бильярдную, то увидел очень смехотворную картину.

Один выигравший велел своему усатому партнеру со всеми шарами под бильярдом пролезть. Он запихал ему шары во все карманы, в каждую руку дал по шару и вдобавок один шар подсунул под подбородок. И в таком виде проигравшийся под общий смех прополз под бильярдом.

После новой партии выигравший снова нагрузил усатого шарами и вдобавок велел ему взять в зубы кий.

И тот, бедняга, снова полез под гомерический хохот собравшихся.

Для новой партии они уж и не знали, что придумать.

Усатый говорит:

– Давайте что-нибудь полегче, а то вы меня и без того загнали.

А у него, действительно, даже усы книзу повисли, до того он задергался.

Выигравший говорит:

– Зато, дурак, я тебя великолепно научу на бильярде играть благодаря таким штрафам.

А с выигравшим был еще его приятель. Тот говорит:

– Я придумал. Если он проиграет, давайте так: пуцай он лезет под бильярд, нагруженный шарами, а мы ему к ноге вдобавок привяжем ящик с пивом. Пуцай он в таком виде пролезет.

Выигравший, засмеявшись, говорит:

– Bravo! Вот это будет номер!

Усатый обиженно говорит:

– Если ящик будет с пивом, то я играть не буду. С пустым ящиком мне и то трудно будет лезть.

В общем, он проиграл, и тут под общий смех усатого снова нагрузили шарами, в зубы дали ему кий и к ноге привязали ящик. Вдобавок друг выигравшего начал пихать усатого кием, чтобы тот быстрее проходил свой маршрут под бильярдом.

Выигравший до того хохотал, что упал на стул и хрюкал от изнеможения.

Усатый вылез из-под бильярда сам не свой. Он осоловело поглядел на всех собравшихся и даже некоторое время не двигался. Потом он выгрузил из карманов шары и стал отвязывать от ноги ящик с пивом, говоря, что он больше не играет.

У выигравшего текли слезы от смеха. Он сказал:

– Ну, голубчик Егоров, сыграем еще одну партию. Я еще забавную штуку придумал.

Тот говорит:

– Ну, что вы еще придумали?

Выигравший, давясь от смеха, говорит:

– Давай, Егоров, сыграем на твои усы. Мне твои пушистые усы давно противны. Если выиграю я, то отрежу тебе усы. Идет?

Усатый говорит:

– Нет, на усы я играть не буду, или же дайте мне сорок очков вперед.

В общем, он опять проиграл. И никто не успел опомниться, как выигравший схватил столовый нож и начал отпиливать пушистый ус у своего незадачливого партнера.

В зале помирали от смеха.

Вдруг один из присутствующих подходит к выигравшему и так ему говорит:

– Наверное, ваш партнер дурак, что он соглашается на такие штрафы. А вы этим пользуетесь и насмехаетесь над человеком в общественном месте.

Друг выигравшего говорит:

– А ваше какое собачье дело? Ведь он добровольно соглашается.

Выигравший говорит своему партнеру томным голосом:

– Егоров, подойди сюда. Ответь общественности, что ты добровольно соглашался на все штрафы.

Партнер, придерживая рукой полуотрезанный ус, говорит:

– Известно, добровольно, Иван Борисович.

Выигравший говорит, обращаясь к публике:

– Другой там заставляет шофера ждать на морозе три часа. А я к людям гуманно подхожу. Это шофер с нашего учреждения, и я его всегда в тепло беру. Я к нему не свысока отношусь, а я с ним товарищески на бильярде играю. Учю его и маленько наказываю. И что теперь ко мне придираются – я прямо не пойму.

Шофер говорит:

– Может, тут из публики есть парикмахер. Просьба подровнять мне усы.

Из толпы выходит один человек и говорит, вынимая из кармана ножницы:

– Сердечно рад подровнять ваши усики. Если вы желаете, я вам сделаю их, как у Чарли Чаплина.

Пока парикмахер возился с шофером, я подошел к выигравшему и сказал ему:

– Я не знал, что это ваш шофер. Я думал, что это ваш приятель. Я не позволил бы вам устраивать такие номера.

Выигравший, немного струхнув, говорит:

– А вы что за птица?

Я говорю:

– Я про вас статью напишу.

Выигравший, оробев, говорит:

– А я вам свою фамилию не скажу.

Я говорю:

– Я только факт опишу и добавлю, что это был довольно плотный рыжеватый мужчина, с именем Иван Борисович. Конечно, этот номер вам, может быть, и пройдет, но если и пройдет, то пусть ваша гнилая душа передернется перед напечатанными строчками.

Друг выигравшего, услышав насчет статьи, моментально смотал удочки и исчез из помещения.

Выигравший долго хорохорился и пил пиво, крича, что он плюет на всех.

Шоферу пообрезали усики, и он стал несколько моложе и красивее. Так что я даже решил писать фельетон не очень свирепого характера.

И, придя домой, как видите, написал. И теперь вы его читаете и, наверно, удивляетесь, что бывают такие горячие игроки и встречаются такие малосимпатичные рыжеватые мужчины.

Дома и люди^{*}

Дом, в котором я сейчас живу, – очень солидный, современный дом недавней постройки.

В архитектурном отношении – это очень интересное здание. Оно очень любовно и не без души сделано.

Каждая квартира имеет балкон. Окна широкие. И солнце могучим потоком, без затруднения, проникает в крошечные уютные квартирки. Всюду ванны, мусорные ящики. Лестница вполне симпатичная, но немножко, к сожалению, узкая. Так что рояли пришлось подавать в окна, что, конечно, в свою очередь, до некоторой степени снижало музыкальную культуру.

И один наш композитор, взявший квартиру в пятом этаже, невыразимо страдал, когда тянули на канате предмет его творчества.

И действительно, это было как-то неестественно. Тем более что очень уж много было крику, когда его музыкальный инструмент стали подавать на блоке. Особенно стон стоял, когда с воздуха его стали протискивать в окно. Это был прямо музыкальный момент.

Но процедура закончилась вполне успешно, что все-таки делает честь архитектору, который подсознательно учел, что маленькие окна окончательно зарезали бы композиторов.

Так или иначе, это пианино благополучно водворили в помещение. И композитор почти что сразу стал на нем брэнчать, так что жильцы из четвертого этажа рысью побежали жаловаться управдому, поскольку слышимость оказалась уж очень что-то удивительная. Тот, представьте себе, играет пианиссимо, а до этих доходит такой тамбурмажор, что, как говорилось, хоть святых вон выноси!..

В художественном отношении наш дом тоже ничего себе оформлен. Имеются разные лепные украшения: гирлянды и кружочки. И это как-то ласкает взор.

Вдобавок, начиная с третьего этажа и выше, почему-то две колонны стоят и, как говорится, кушать не просят.

Собственно говоря, эти две колонны как бы даже ни к чему. Потому что все-таки назначение колонны – что-нибудь там поддерживать. А эти колонны вроде как бы даже ничего не поддерживают. А уж если на

то пошло, их до некоторой степени дом поддерживает. Но и то хорошо, что их дом поддерживает. Все-таки античное искусство, так сказать, не падает.

А тоже упадет такая кирпичная махина, так благодарю вас за греческую архитектуру!

Но вот уже третий год все идет благополучно, и это лишний раз доказывает, как стойко держится у нас эллинское искусство.

Очень оригинально у нас дворик устроен. Тоже, если хотите, на античный лад. Но уже нечто римское чувствуется. Отчасти он напоминает летние римские бани или внутренние небольшие помпейские дворики для хозяйственных нужд.

Небольшой размер дворика не остановил все-таки архитектора в его стремлении дать что-нибудь исключительное. Посередине двора устроен большой фонтан. Такой бассейн, и в центре лепная женская фигура с кувшином. И на это довольно забавно смотреть, когда вечером идешь через двор слегка под мухой.

Нет, в художественном отношении наш архитектор максимально мобилизовал свои силы. Даже можно было немного меньше стараться. Тем более, я так думаю, дома главным образом украшают люди, которые въезжают туда со своим новым бытом.

Но в общем и целом наш дом хорошо устроен. И, за исключением вышеуказанных мелочей, все в полном порядке и все как и требуется.

Все-таки наши архитекторы до некоторой степени как-то справляются со своей задачей.

Бывало, выйдешь вечером на свой балкон и чувствуешь себя современным жильцом нашего столетия. Красиво, высоко, и легко дышится.

Но вот утром такой красоты уже нет. Утром уже не так славно получается, потому что напротив нашего дома притулились два паршивеньких домика весьма пошлой мещанской архитектуры.

И на эти домики царской постройки очень уж невыносимо смотреть с высоты своего балкона. Они, так сказать, портят всю панораму и снижают архитектурную мысль до уровня посредственности.

Вообще, если говорить об архитектуре, то это большой минус, что, выводя современные постройки, рядом по большей части оставляют такие мизерные дома.

Пожар*

Очень интересный факт рассказал мне знакомый работник уголовного розыска.

Не так давно сгорел один деревянный двухэтажный дом.

Конечно, в смысле жилищном этот дом был, как говорится, унеси ты мое горе: он весь был кривой, косо́й и еле стоял под тяжестью семидесяти жильцов с ихней утварью и домашними боеприпасами.

Но, поскольку жильцы пострадали, то, конечно, до некоторой степени жалко, что он сгорел. Тем более был поджог. Это было преступление, совершенное по неизвестным и даже отчасти загадочным причинам.

В подвале дома пожарные нашли бак из-под керосина и обгоревшее тряпье.

И брандмейстер сказал:

– Я тридцать лет тушу пожары и клянусь своей бородой, что тут поджог.

Здесьний управдом, слегка угоревший во время спасения жактовского имущества и домовых книг, говорит:

– Может быть это и так, но, откровенно сказать, я не вижу смысла этого поджога. У меня семьдесят жильцов. И никто из них не имел застрахованного имущества. Только один жилец имел застрахованную жизнь, и то он у меня в прошлом году своевременно умер. А этот пожар всем моим жильцам причинил убытки. Все ихние манатки сгорели. Все они пострадали. Некоторые из них, как видите, лежат без чувств. Другие плачут. Третьи роются в бревнах, чтоб что-нибудь найти. Мои жильцы не могли поджечь дом. Это слишком очевидно. Это абсурд – думать на моих жильцов.

Брандмейстер говорит:

– Я сам удивляюсь, кому был интерес дом поджигать. Но вот посмотрите на обгоревший бак: может быть он что-нибудь скажет уголовному розыску.

Вдруг один подросток, увидевши этот бак, говорит:

– По-моему, этот бак вчера нес один квартирант, живущий в третьем номере, у Филатовых. И, по-моему, он нес его в подвал.

Управдом говорит:

– У Филатовых гостит временный жилец, ихний дядя, некто Баранов. Но был бы абсурд думать, что это он дом поджег. Он тут имущества не имеет. И сам теперь лишился гостеприимного крова. Вдобавок он престарелый. И надо иметь мозги набекрень, чтобы на него подумать.

Следователь говорит:

– Тогда приведите этого Баранова.

Вот приходит мужчина лет шестидесяти. Он говорит:

– Что вы, очумели – меня хватать! Какой интерес мне дом поджигать? Я приехал сюда погостить к своим родственникам. И я им очень благодарен за гостеприимство. Что я, дурак, что я им за это пожар устрою?

Управдом говорит:

– Это чистейший абсурд – на него думать.

Следователь уголовного розыска говорит:

– Меня не так факт удивляет, как удивляет здешний управдом: или он сильно угорел, или он в политическом отношении тупица. Теория мне подсказывает, что, кроме материальных интересов, бывает, например, классовая месть или что-нибудь вроде этого.

Услышав эти слова, дядя Филатовых побледнел и перестал отвечать на все вопросы.

Его что-нибудь спрашивают, а он в ответ мычит и заговаривается.

Управдом говорит:

– Вот видите, вы своими действиями запугали мне временного жильца до того, что он свихнулся и теперь на все мычит.

Следователь говорит:

– Или он свихнулся, или он прикидывается свихнувшимся. Бывает, что некоторые прикидываются сумасшедшими, чтобы отвести от себя подозрения. А если это так, то это тем более говорит за то, что тут дело нечисто и, может быть, оно носит политическую окраску.

Вдруг дядя Филатовых, молчавший до сих пор, говорит:

– Я вижу, что мне тут все-таки хотят пристегнуть 58-ю статью. Но этот номер не пройдет. И совершенное преступление не носит политической окраски, имейте это в виду. Оно имеет другие цели.

Видя, что дядя признается в преступлении, Филатовы попадали в обморок. А все жильцы бросились к злодею и прямо хотели его

растерзать.

Но тут следователь совместно с милиционером пихнул преступника в машину и увез его.

Подлый старик по дороге сказал:

– Я бы ни в каком случае не признался, но вы меня поймали на понт. И мне теперь ничего не остается, как рассказать все, что было.

И тут он стал рассказывать кое-что из прошлого.

Он был, оказывается, родственник бывшего хозяина этого дома. И когда сорок лет назад строили этот дом, то он лично присутствовал на закладке этого фундамента. А в то время была традиция – класть на счастье в фундамент золото и серебро. Все присутствовавшие родственники и друзья бросали деньги, кто сколько мог. После чего отверстие закладывалось кирпичами и замазывалось.

Рассказывая об этом, преступник, вздохнув, сказал:

– Сам хозяин бросил в фундамент пару золотых, а я, будучи в свое время состоятельным человеком, бросил, как сейчас помню, один золотой десятирублевик и два серебряных рубля. Вдобавок я был немножко навеселе и стоял рядом со своей невестой. Она мне сказала: «Вам слабо бросить туда еще что-нибудь из ценностей». И я, как сейчас помню, бросил туда еще колечко 56-й пробы. И сам сказал своей невесте: «А вам слабо бросить свой медальон». Не помню сейчас, что именно она бросила, но что-то она бросила, хотя, кажется, не медальон... И вот я двадцать лет мечтал все это достать. Но я был выслан на десять лет за экономическую контрреволюцию. И вот недавно вернулся и захотел осуществить свои надежды. Я, говорит, в третий раз гощу у Филатовых, все дни проводил в подвале, стараясь это достать, но безрезультатно, поскольку дом и без того кривой, а когда я подрыл фундамент, то он и вовсе мог завалиться. И тогда я решил пойти на то, что сделал.

Злодея посадили пока что в тюрьму, и над этим представителем старого мира будет устроен показательный суд.

На месте пожара уже начали строить новый дом, и, наверно, в скором времени погорельцы смогут уже туда въехать.

Что касается злодея, то он въедет куда-нибудь в другое место, если его не пошлют путешествовать на небо.

Вдобавок остается сказать, что когда разрыли фундамент, то никаких ценностей там не нашли.

Тут одно из двух: либо старик наврал, что вряд ли, либо эти ценности были вынуты вскоре после закладки фундамента. И, может быть, к этому приложил руку сам хозяин. А может быть, и кто-нибудь другой, решивший, что не следует потакать таким традициям.

Так или иначе, дом счастья не имел и сгорел, как стог сена.

Вынужденная посадка^{*}

Почему-то некоторые люди не умеют отдыхать.

Одни весь свой отпуск проводят в расстройстве чувств: как бы, например, нянька в их отсутствие не грохнула ребенка с рук.

Другие, приехав на курорт, ходят две недели как очумелые: не могут привыкнуть к чуждой природе или там к общежитию.

Третьи вообще не умеют без работы находиться. А как без дела остаются, так прямо теряют почву под ногами: худеют, кашляют и впадают в пессимизм.

Четвертые пугаются, как бы их землетрясение не закачало.

Пятые полны предчувствия, что во время отпуска их кто-нибудь «подсидит» на службе.

Ну, этих последних еще можно понять, поскольку это действительно бывает. Другой человек годами сидит на месте, и с ним ничего не случается. А уехал в отпуск – и что-нибудь такое непременно будет.

Через это многие не любят трогаться с места и предпочитают отдыхать безвыездно.

Но не только эти категории людей, а если вообще на всех поглядеть, то можно увидеть, что большинство не умеет отдыхать.

Недавно нам случилось быть на черноморском побережье.

И мы из Севастополя выехали в Ялту на автобусе.

Дорога там, как известно, исключительно красивая. Некоторые новички даже ахают, когда в первый раз едут. И, действительно, очень кругом художественно. Внизу Черное море плещется. Слева чертовские горы. Южное солнце с синего неба припекает. Природа отчасти дикая, но вместе с тем такая, которая заставляет желать все время тут находиться.

И вот, значит, едем мы по этой художественной дороге в автобусе. И вдруг – хлоп! – шина лопнула.

Тут начались ахи и охи. Пассажиры вышли из машины, чертыхаются, скулят, ругают шофера, зачем он поехал на такой паршивой шине.

Особенно сильно одна мадам расстраивалась. И даже у нее с шофером чуть целая баталия не произошла.

Она визгливо говорит шоферу:

– Я, говорит, на вас жалобу напишу. Мы едем отдыхать. И нам каждый час дорог. А вы нас заставляете бесцельно ожидать. Вы, говорит, наверно, пропиваете новые шины, а нас на старых возите. Еще, говорит, спасибо, что с такой кручи нас не опрокинули со своей дрянной шиной. Вот был бы у меня хорошенький отпуск.

Шофер ей говорит:

– Знаете что: отвяжитесь! А то я плохо произведу ремонт, и мы снова будем иметь аварию. А если хотите знать, шина у меня была довольно хорошая, когда мы поехали. Но вас в машину столько понасело с мешками и с тючками, что даже совершенно новую шину может к черту разорвать... Отойдите: вы мне свет затемняете.

Мадам совершенно зашла от этих слов шофера. И даже она стала заикаться. Но тут другие пассажиры морально поддержали ее и стали шоферу делать выговор.

Вдруг один довольно полный пассажир говорит:

– Слушайте: вот я гляжу на всех вас и как стопроцентный советский гражданин душевно за всех страдаю. Но особенно заставляет меня удивляться эта визгливая мадам.

Мадам было хотела с ним схлестнуться, но он ей так сказал:

– Слушайте, мадам: вот вы едете на отдых. И я так понимаю, что хотите подновить свои нервы и прибавить пару килограммов веса. Так вот и начинайте отдыхать... Вот произошла, так сказать, вынужденная посадка. Вот вы и пользуйтесь моментом. Кругом такая дивная красота. Природа. Вон, глядите: никак, лиса по горе пробежала. Допустим даже, что это не лиса, а собака, – все равно интересно. Пройдитесь для моциона к этой горе. Уединитесь временно от общества, поскольку у вас, видать, центральная нервная система не в порядке и вы чуть на людей не бросаетесь. Все это вам будет исключительно полезно. А вместо этого, что мы видим, – вы, извините, орете, портите свою драгоценную кровь и через это, наверно, уже потеряли килограмм со своего мизерного веса.

Шофер говорит:

– Она килограмм да я через нее килограмма три потерял. Вот и сосчитайте.

Полный пассажир говорит:

– Или я гляжу на других пассажиров. Все ахают, недовольны: зачем остановка? Торопятся, как на пожар. А среди них некоторые, видать, чахоточные, другие нервно хворают, третьи, может быть, перенесли операцию. И им всем полезно полежать под целебными лучами солнца, полезно походить, пособрать цветки или просто посидеть на камешке и полюбоваться дикой природой... Или поглядите на меня. Разве я бранюсь с шофером или недоволен, что шина треснула? Напротив, я еще более повеселел. И очень рад, что могу часок-другой побеседовать с природой. Вот как я понимаю отдых. И вот как надо всем поступать.

Мадам горела, как на огне: до того ей, видать, хотелось схлестнуться с этим полным добродушным пассажиром. Но, видя, что он говорит разумные вещи, отошла в сторонку и стала собирать одуванчики, чтобы по приезде поставить их на ночной столик.

Другие пассажиры тоже отошли от шофера. Некоторые пошли к горе. А некоторые сели у дороги и стали любоваться панорамой. А одна барышня стала строчить письмо.

И тут мир и тишина воцарились вокруг.

Я подошел к этому полному пассажиру и говорю ему:

– Позвольте пожать вашу руку. Из всех нас вы отличаетесь наибольшей мудростью. Вы, говорю, философски подходите к вопросам отдыха. И я, говорю, рад с вами поближе познакомиться.

Тут мы с ним приятно побеседовали, и я, желая с ним еще более подружиться, спросил, куда он едет отдыхать.

Он говорит:

– Да нет, я не из отдыхающих. А я тут работаю на побережье. И в такую жару еду, представьте себе, на какую-то там комиссию, переучет и так далее, черт бы их побрал!

Я говорю:

– То-то, говорю, вы и не торопитесь.

Тут он немножко засмеялся и говорит:

– Нет, я тороплюсь, но поскольку произошла вынужденная посадка, то отчего бы мне не посидеть вблизи с природой? А они там меня подождут. Раз такое дело – авария.

Я говорю:

– То-то вы и агитируете за отдых и разводите философию на мелком месте.

Он говорит:

– Нет, агитирую я чистосердечно, поскольку я и сам этому, откровенно скажу, обрадовался. А то сейчас приеду, как начнут смолить цифры, суммы, расходы, – душа вянет.

А тут такая божественная красота, такая южная симфония.

В этот момент шофер закончил свой ремонт и дал гудок. Пассажиры бросились к машине, и вскоре мы поехали в Ялту, в эту жемчужину Крыма.

На Парнасе*

Когда совершается какое-нибудь грандиозное событие, – ну, там завоевание Северного полюса, мировой рекорд на планере или, наконец, беспосадочный перелет в Америку, – то чувствуешь себя, с одной стороны, счастливым, а с другой стороны – несчастным, незначительным, мизерным, кусочком глины, получающим благоухание от соседства с розой.

С одной стороны, радость заполняет сердце, что у нас совершаются такие грандиозные победы, такие завоевания мирового значения. А с другой стороны, на душе неловко становится, что этого еще не бывает на нашем, как говорится, литературном Парнасе.

Конечно, душевно страдаешь от этих дел, потому что тоже хочется сделать что-нибудь исключительное, полезное и достойное нашего времени, как это не раз бывает у летчиков.

Нет, говоря фигурально, перелеты на литературном Парнасе у нас тоже есть. Может быть, они не такие чересчур грандиозные, как у тех. А может быть, и нет у нас таких точных приборов, какие бывают у летчиков. И через это не видать, кто куда летит и на какой высоте он находится.

Ведь там у них, на самолете, все отмечается согласно научным данным: какой подъем, какая, скажем, температура, сколько истрачено масла, денег и так далее.

Летчик летит и сразу видит, что с ним.

Ах, это очень досадно, что у нас нет таких приборов.

Конечно, критик – это тоже вроде как отчасти научный прибор.

Но одно дело – бездушная машина, а другое дело – человек с его нежной душой, склонной к простуде, к насморку, к чиханию, к смене настроения и так далее.

Предположим, кто-нибудь у нас полетел под самые небеса со своим литературным товаром.

Кругом литературные облака. Туман. Ветер. Что-то в морду моросит. Вдруг какой-нибудь там зритель, поглядевши в бинокль, восклицает:

– Этот-то куда, глядите, залетел. Бальзак и то туда не летал.

Тут сразу среди зрителей начинается разногласие. Один говорит:

– Да, высоко летит, и пропеллер, глядите, у него вертится.

Другой говорит:

– Летит-то он летит, но только он антихудожественно летит.

Третий говорит:

– Вообще, по-моему, он не летит, а просто он висит не самостоятельно, к чему-то себя привязавши.

Четвертый говорит:

– Тургенев и то выше летал.

Пятый говорит:

– Вообще гоните его к черту вниз. Он только коптит небо своим присутствием.

Услышавши эти слова, наш летчик, делая в это время мертвые петли над кровлей своего родного дома, падает к черту вниз, так и не поняв, что было с ним.

Нет, я вам так скажу – в этом смысле у нас маловыигрышная профессия.

Летчик, имея мужественное сердце, садится в свой самолет и летит как птица. И если самолет хорошо сделан и летчик вдобавок имеет прекрасные намерения и героическую душу, то победа почти всегда за ним остается.

А у нас другой там мужественный человек сел за стол. И стол, предположим, хорошей работы, из карельской березы. И материальная часть сравнительно в порядке. И масло есть. И намерения прекрасные. А оно что-то не так получается.

И сидит человек на стуле и страдает. И читатель, законно рассердившись, говорит:

– Глядите, какой еще один нашелся. Этот обормот выше своего стула приподняться не может. Никаких горизонтов нам не открывает. И только он масло и деньги на себя зря тратит.

Нет, профессия у нас не так интересна, как другие профессии. Единственный ее плюс – это то, что все, кто хотел, имели счастье в ней поработать.

У летчиков, говорят, строго. Там, говорят, и близоруких не принимают, и у которых сердце с перепугу замирает – эти тоже не годятся. И которые страдают туберкулезом и сахарной болезнью – тех вообще на аэродром не пускают.

А у нас в свое время как увидят, бывало, что человек перо до некоторой степени умеет в руках держать, так его под духовой оркестр несут и с почетом сажают за стол. И он что-то такое пишет от всего сердца. Как может. А может он плохо. И даже, прямо скажем, совсем не может.

И через это, я так думаю, много у нас хороших людей поломали себе ноги, падая с неба к черту вниз. И, может, через это, я так думаю, падает тень на плетень.

А может быть, скорее всего, и еще имеются какие-нибудь причины.

Может быть, критики, эти, так сказать, наши хрупкие приборы, скажут свое веское слово, почему наступили у нас сумерки на Парнасе.

Сердца трех*

Позвольте рассказать о нижеследующем забавном факте.

Один ленинградский инженер очень любил свою жену. То есть, вообще говоря, он относился к ней довольно равнодушно, но, когда она его бросила, он почувствовал к ней пылкую любовь. Это иной раз бывает у мужчин.

Она же не очень его любила. И, находясь в этом году на одном из южных курортов черноморского побережья, устроила там весьма легкомысленный роман с одним художником.

Муж, случайно узнав об этом, пришел в негодование. И когда она вернулась домой, он, вместо того чтобы расстаться с ней или примириться, стал терзать ее сценами ревности и изо дня в день оскорблял ее грубыми и колкими замечаниями о курортных знакомствах и так далее.

Она нигде не служила, тем не менее она решила от него уйти.

И в один прекрасный день, когда муж ушел на работу, она, не желая объяснений и драм, взяла чемодан со своим гардеробом и ушла к своей подруге, чтобы у нее временно пожить до приискания службы и комнаты.

И в тот же день она повидалась со своим художником и рассказала ему, что с ней.

Но мастер кисти и резца, узнав, что она ушла от мужа, встретил ее крайне холодно, если не сказать больше. И даже имел нахальство заявить, что на юге бывают одни чувства, а на севере другие и что на курорте в пять раз все бывает интересней, чем при нормальной обстановке.

Они не поссорились, но попрощались в высшей степени холодно.

Между тем муж, узнав, что она ушла из дому с чемоданом, пришел в огорчение. Только теперь он понял, как пламенно ее любит.

Он обегал всех ее родных и заходил во все дома, где она, по его мнению, могла находиться, но нигде ее не нашел.

Его бурное отчаяние сменилось меланхолией, и он даже хотел повеситься, о чем и заявил в частной беседе ответственному съемщику по своей квартире.

Председатель жакта, озабоченный судьбой этого квартиранта, поспешил навестить его, чтобы предостеречь от пагубного шага.

Он так сказал ему:

– В соревновании на лучшее, образцовое жилище наш дом выходит на первое место в районе. И нам было бы крайне досадно, если бы вы со своей стороны что-нибудь сейчас допустили. И если у вас есть хоть какая-нибудь общественная жилка, то вы уж как-нибудь обойдитесь без этого.

Видя, что гражданский призыв ни с какой стороны не тронул инженера, председатель так ему сказал:

– Вы живете, замкнувшись в своем душном мире, и через это ваши страдания очень велики. Вас перевоспитывать – так это надо запастись терпением. Если хотите, я в дальнейшем займусь с вами. Но пока я вам дам хороший совет: напечатайте объявление в газете: дескать (как в таких случаях пишется), люблю и помню, вернись, я твой, ты моя и так далее. Она это прочтет и непременно явится, поскольку сердце женщины не может устоять против печати.

Этот совет нашел живейший отклик в измученной душе инженера, и он действительно среди отрезков драпа и велосипедов поместил свое объявление: «Маруся, вернись, я все прощу».

К этой классической фразе он еще добавил несколько вольных строк о своих страданиях, но эти строчки вымарали ему в конторе, поскольку уж очень, знаете ли, получалось как-то сугубо жалостливо и вносило дисгармонию в общий стиль объявлений.

За это объявление инженер заплатил тридцать пять рублей. Но когда он заплатил деньги, он обратил внимание на дату и пришел в ужас, узнав, что его объявление появится только через пятнадцать дней.

Он стал горячиться и объяснять, что он не велосипед продает и что он не может так долго ждать. И они из уважения к его горю сбавили ему четыре дня, назначив объявление на первое августа.

Между тем на другой день после сдачи объявления его жена явилась в жакт, чтобы выписаться. И там он имел счастье с ней увидеться и объяснить.

Он так ей сказал в присутствии домоуправления:

– Семь лет я крепился и ни за что не хотел прописывать вашу преподобную мамашу в нашей проходной комнате, но, если теперь вы

вернетесь, я ее, пожалуй, так и быть – пропишу.

Она дала согласие вернуться, но хотела, чтобы он прописал также ее брата. Но он уперся на своем и согласился принять на свою площадь только ее мамашу, которая буквально через несколько часов туда и переехала.

Два или три дня у них шло все очень хорошо. Но потом жена имела неосторожность встретиться со своим портретистом.

Тот, узнав, что она вернулась к мужу, проявил к ней исключительную нежность и отзывчивость. И сказал ей, что его чувства снова вспыхнули, как на юге, и что он теперь опять будет мучиться и страдать, что она все время находится с мужем, а не с ним.

Весь вечер они провели вместе и были очень счастливы и довольны.

Муж, беспокоясь, что ее так долго нет, вышел к воротам поторопить события. И тут, у ворот, он впервые увидел живописца, который под руку вел его жену.

Тут снова у них начались семейные драмы, еще более тяжелые и шумные, чем раньше, поскольку ее мама, даром что ей было шестьдесят пять лет, принимала теперь в них самое деятельное участие.

Тогда молодая женщина снова ушла от мужа и, находясь под впечатлением пылких слов художника, явилась к нему, чтобы у него, если он хочет, остаться.

Но портретист не проявил к этому горячего желания, сказав, что он человек непостоянный, что сегодня ему кажется одно, завтра – другое и что одно дело – любовь, а другое дело – брак, и что он хотел бы не менее полгода обдумать этот шаг, прежде чем на что-нибудь определенное решиться.

Тогда она поссорилась с художником и осталась жить у подруги, которая вскоре и устроила ее на службу в психиатрической лечебнице.

Между тем ее муж, погоревав несколько дней, неожиданно утешился, случайно встретив подругу своего детства.

У них и раньше что-то намечалось, но теперь, находясь в одиночестве, он почувствовал к ней большую склонность и предложил ей поселиться у него.

И она была этому рада, поскольку она только недавно прибыла из Ростова и еще, как говорится, тут не осмотрелась в смысле помещения.

В общем, ровно через одиннадцать дней вышло злосчастное объявление.

Сам муж, позабыв о нем, не принял во внимание этот день. Но его жена, томясь у подруги, как раз наткнулась на этот призыв и была очень поражена и обрадована.

«Все-таки, подумала она, он меня исключительно любит. В каждой его строчке я вижу его невыразимое страдание. И я вернусь к нему, поскольку художник большой нахал, и я сама виновата, что так легкомысленно отнеслась к курортному знакомству».

Не будем нервировать читателей дальнейшим описанием. Скажем только, что появление жены с газетой в руках было равносильно разорвавшейся бомбе.

Муж, лепеча и перебегая от одной женщины к другой, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных объяснений.

Жена с презрением сказала, что, если бы не это объявление, она и не переступила бы порога этого мещанского жилища. Подруга из Ростова, заплакав, сказала, что она вовсе не желает склеивать его разбитое сердце своим присутствием и что если он дал такое исключительно сильное объявление с публичным описанием своих чувств, то он, во всяком случае, должен был бы подождать какого-нибудь результата.

В общем, обе женщины, дружески обнявшись, ушли от инженера, с тем чтобы к нему не возвращаться.

Председатель жакта, узнав от инженера о новой тревоге в доме, так ему сказал:

– Всем хорош наш дом. И вышел на первое место. И ремонт своевременно произведен. И среди жильцов полное единодушие по всем основным вопросам. И только вы вносите чепуху и бестолочь в мирное течение нашей жизни. Идите домой и поступайте теперь как хотите. Вас перевоспитывать – так это надо сначала с ума сойти.

Оставшись в квартире вместе с ее мамашей, инженер впал в бурное отчаяние, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы вечером не вернулась к нему его подруга из Ростова. Тем самым она показала, что ее сердце не столь ожесточилось, как у жены.

Правда, на другой день к нему хотела вернуться также и жена, но, узнав от своей мамашы, что землячка из Ростова опередила ее, осталась у подруги.

Она вскоре втянулась в работу в своей психиатрической лечебнице и недавно вышла замуж за тамошнего психиатра. И сейчас она очень довольна и счастлива.

Художник, узнав о ее счастье, горячо поздравлял ее с новой жизнью и, нежно вздыхая, попросил разрешения почаще у нее бывать.

В общем, сердца трех после столь сильных передряг вполне утихомирились.

Четвертое же сердце – художника, – надо полагать, вовсе не участвовало во всей нашей правдивой истории о печальных последствиях курортных романов.

Что касается объявлений, то медлительность этого дела то есть никак не отвечает требованиям жизни. Тут надо по крайней мере в шесть раз скорее.

Федот, да не тот^{*}

Дело, о котором мы вам хотим рассказать, на первый взгляд пустое и незначительное дело: присудили платить алименты однофамильцу.

Читателю, вероятно, не раз приходилось слышать о подобных фактах.

Ну, ошибка. Мелкая канцелярская неувязка. Досадная оплошность.

Но обилие такого рода ошибок заставляет внимательно к этому присмотреться.

Вот, например, на днях в «Красной газете» приводились примеры ошибок, допущенных милицией. Одного гражданина пытались ограбить. Прокурор обнаружил, что по ошибке задержан «заодно» и сам потерпевший. Другой гражданин, якобы по решению суда, просидел в 25-м отделении милиции более суток. При проверке оказалось, что с него надо было лишь взять подписку о невыезде.

Конечно, в каждом деле могут быть ошибки. Но если внимательно присмотреться, то за такого рода ошибками всегда почти можно увидеть непродуманность, небрежность и неуважительное отношение к человеку. Фамилия берется как пустой звук, как канцелярский значок, нужный для исполнения. А ведь за каждой фамилией – живой человек, живая жизнь, родные, знакомые, дети.

И такого сорта ошибки непростительны, и отвечать за них нужно по всей строгости, потому что зловерность таких ошибок исключительно высока.

Вот наглядный пример – дело, о котором мы начали говорить.

Один ленинградский рабочий с завода «Севзаплес», Иван Алексеевич Котов, полгода назад получил из Москвы повестку с требованием явиться в суд по делу об алиментах.

Жена Котова, увидев эту повестку, весьма сильно расстроилась и огорчилась, и семейная жизнь Котова подверглась тяжкому испытанию.

Но Котов не чувствовал за собой вины. Он в Москву не поехал, а взял и написал судье письмо, в котором сообщил, что повестка его

очень удивила и он теперь хотел бы знать, кто именно требует с него алименты.

Судья сообщил ему фамилию гражданки и при этом заявил, что заочное решение суда уже состоялось и четверть заработка будет с него удерживаться.

Семейная жизнь Котова еще того более ухудшилась.

Тогда Котов решил добиться справедливости.

Проживая на Большой Охте, он обратился к местному юристу с просьбой распутать его дело. Юрист, сорвав трояк, ничего путного не мог ему посоветовать и даже еще больше расстроил потерпевшего, сказав, что он и сам просто не представляет себе, с какого конца надо взяться, чтоб что-нибудь получилось.

Тогда Котов обратился «к более ценному юристу – на Невском».

Он там заплатил пятнадцать целковых. И там ему юрист настрочил в Москву письмо – дескать, как же так, помилуйте, что же вы – очумели, дескать, мой Котов – вот он, а вы лезете со своим. Безобразие.

Письмо это возымело действие. И через месяц Котов, к своему ужасу, снова получил из Москвы повестку с требованием явиться в суд.

Придя к мысли, что без его личного присутствия дело не раскроется, Котов собрал кое-какие деньжонки и, скрепя сердце, выехал в Москву.

В московском суде произошла классическая сцена. Молодая женщина со словами: «Ах, это не тот» – отказалась от Котова.

Тогда Котов сказал судье:

– Вот видите, что произошло. Я же вам писал, что это не я. Хотел бы я знать, кто же мне теперь заплатит двести четырнадцать рублей, которые я истратил на поездку в Москву?

Судья ответил, что это скорей всего адресный стол напутал и пусть он к ним обратится.

С некоторым моральным удовлетворением Котов, вернувшись в Ленинград, направился в адресный стол. Но в адресном столе ему сказали, что они ни при чем, что тут в самом запросе было перепутано отчество. И что повинен в этом московский суд. И если Котов к этому делу не остыл, то пусть на них и подает в суд.

Не зная, как это сделать, Котов обратился за советом (как он нам пишет) «к одному своему знакомому милиционеру».

Обдумав дело, милиционер так ответил:

– Ничего не получится. Что израсходовал, того уже нету, а что тебя оправдали, то это очень хорошо.

Практический ум знакомого милиционера и его соломоновское решение не остановили Котова в его законном желании распутать дело. И вот он обратился в редакцию с просьбой оказать содействие.

«И если, – он пишет, – вы не убоготворите мою просьбу, то буду обращаться по дистанциям до высшей...»

Такая решимость вполне похвальна. И мы охотно беремся помочь пострадавшему.

Конечно, юрист с Большой Охты, который сорвал с Котова тройак, был до некоторой степени прав – дело не так легко распутать.

В общем, все же одно из двух: либо адресный стол наврал, либо в суде отчество перепутали.

И в том и в другом случае можно виновников притянуть к ответу.

Конечно, вряд ли, но может быть еще и третий случай. Может быть, сама гражданка не совсем твердо знала отчество своего Котова. Или она позабыла, или мало ли что бывает. Взяла и, может быть, назвала отчество нашего Котова. Вот если это так, то мы побаиваемся, как бы не оправдались грустные слова знакомого милиционера: «Что истрачено, того уж нет».

А вообще нам кажется, что было бы вполне правильно, если человек, допустивший ошибку, участвовал бы в расходах.

У нас есть один «знакомый прокурор», которого мы и попросим, по мере возможности, выяснить это дело и посодействовать И. А. Котову.

В общем, благодаря дурацкой ошибке, истрачены деньги, потеряно время, испорчены нервы и до сего времени тянется канитель.

Конечно, ошибки, повторяем, бывают. Но уж лучше пусть астрономы ошибаются в своих вычислениях – сколько километров до Луны и сколько весит планета Марс, чем допускать ошибки в таком деле, где имеются живые люди и где могут возникать подобные неприятности, расходы и огорчения.

Браки заключаются в небесах^{*}

Сегодня хотелось бы рассказать вам, дорогие друзья, что-нибудь весьма интересное, достойное вашего внимания, что-нибудь смешное, лирическое и, вместе с тем, мужественное, что-нибудь такое, от чего забилося бы ваше сердце более усиленно, чем обычно.

Вот извольте прослушать небольшую, но славную историйку про одного молодого летчика.

Он сам рассказал мне эту историйку с просьбой огласить ее в печати. Вот что он мне рассказал.

В летную школу он поступил благодаря жажде знаний и горячему стремлению принести пользу своей стране.

А перед тем как поступить в школу, он съездил на два дня в свою деревню – поговорить со своей матерью и с ней посоветоваться.

И вот он приезжает в свои родные места. И докладывает своей матери – дескать, вот на что он решился.

Его мама говорит ему: вот и хорошо.

А там у него в деревне проживала одна милая девушка, с которой он был довольно хорошо знаком.

И такая (как он мне сказал) бытовая мелкая подробность – эта девушка ему нравилась, он был в нее влюблен, и он решил на ней жениться.

И она тоже мечтала за него выйти замуж. И вот он повидался с ней и доложил ей о своих дальнейших летных перспективах.

Она обрадовалась, что он будет летчиком. Но немножко заплакала. Она, молоденькая девчонка, подумала, что, наверно, это очень жутко летать. Она, по неопытности в летном деле, испугалась за него и за свое, еще несостоявшееся, счастье.

Но он ей сказал:

– Это непременно будет, как я решил. И она ответила ему:

– Вот и хорошо.

И они решили записаться в тот день, когда он на праздники приедет в отпуск.

Он вернулся по месту назначения в свою летную школу и стал там изучать то, что ему преподавали.

И вот незаметно проходит время и вскоре приближаются праздники.

Наш молодой будущий летчик является к начальнику школы и просит отпустить его на один день пораньше, поскольку он хотел бы записаться со своей знакомой.

Начальник школы говорит:

– Хорошо, я вас отпускаю. Но вот я смотрю список ваших зачетов и с грустью вижу, что у вас нет прыжка с высоты семисот метров. А мне непременно надо, чтоб этот прыжок вы совершили до своего отъезда.

Наш летчик, замаявшись, говорит:

– Тогда завтра утром пораньше я это исполню, поскольку в обед идет мой поезд.

Начальник говорит:

– Вот и хорошо.

А надо сказать, что у нашего молодого летчика настроение тогда было не в пользу прыжка.

Последние три дня он непрестанно думал о своей знакомой. Мечтал о встрече. Сделал ей даже надпись в стихах на своей фотокарточке.

И при таком лирическом настроении прыгать ему не так уж исключительно хотелось. Такое тихое, земное дело – женитьба, и вдруг, извольте – прыгайте с такой безумной вышины.

Это, конечно, не совпадало с его умозрительным настроением. А так-то он был не против прыжка.

Но все-таки наш молодой летчик решил исполнить задание. И для этой цели он встал утром чуть свет и стал ожидать, когда его возьмут на самолет.

Но тут он видит, что с этим делом начальство не особенно торопится. Начальник школы, как нарочно, вызвал к себе пилота, с которым наш прыгун должен лететь, и долго с ним беседовал. А время идет. И до поезда остается не так-то много времени.

Но вот, наконец, все готово. И пилот поднимается с нашим молодым летчиком на высоту 1500 метров.

Наш молодой прыгун ожидает снижения и знака прыгать, но летчик, между тем, не снижается и никаких знаков не подает.

И вот они летят уже минут сорок. И наш прыгун смотрит на летчика с недоумением и великой досадой.

Вдруг летчик делает знак рукой – приготовиться к прыжку.

Наш молодой прыгун выходит на крыло самолета и по данному знаку бросается вниз.

Несколько секунд он летит как камень в пространстве. Потом парашют раскрывается над ним, и наш юный летчик плавно спускается на землю.

Он спускается вниз и с огорчением глядит на землю. И видит, что он спускается вблизи какой-то деревни. Какие-то маленькие домики все ближе и ближе. Какие-то люди бегут, показывая на него руками.

Тут он приземляется. И видит, что он лежит на каком-то огороде. И к нему со всех сторон бегут люди.

Наш молодой летчик встает, отцепляет парашют и собирается отвечать на все вопросы, которые сейчас ему будет задавать сельское население.

Вот народ собирается вокруг него кольцом.

Он обводит всех глазами. И что за удивительная странность. Он видит все знакомые лица. Вот – тетушка Дарья собственной персоной. Вот их сосед Иван Кузьмич. Вот председатель колхоза...

Летчик протирает свои глаза, чтобы удостовериться – не снится ли ему все это. Но нет. Он видит своих односельчан. И среди них он видит свою знакомую Варю.

Та узнает его и восклицает: «ах». И делает по направлению к нему несколько шагов.

И тогда ему вдруг становится все ясным. Тогда он понимает, что начальник школы приказал летчику доставить его к месту назначения с тем, чтобы заодно, не теряя напрасно драгоценного времени, исполнить обязательство.

И вот он стоит на огороде. И от волнения и радости снимает свой кожаный шлем.

Тут все односельчане моментально узнают его. Некоторые ему аплодируют. Другие кричат «ура». И его знакомая Варя целует его в щеку своим миленьким ротиком.

Тут начинается полный восторг среди всех присутствующих. Все смеются и говорят:

– Эвон, глядите, женихов уж начали с неба подавать.

Тут происходит смех, улыбки. Некоторые бросают шапки в воздух и поют.

И наш жених, взяв Варю за ручку, идет к своему дому.

Его старая мама выходит на крыльцо. И от удивления всплескивает руками.

Тут же появляется престарелый Варин папа, Антон Михайлов.

И такая радость происходит среди всех, что и передать вам нет никакой возможности.

В тот же день празднуется свадьба.

За ужином молодой летчик встает из-за стола, поднимает стакан и говорит:

– Мой первый тост я произношу за нашу молодую прекрасную страну и за ее славных руководителей, ведущих нас от победы к победе.

И второй тост наш молодой летчик произносит за Варю и родных.

И тогда Варя несмело встает со своего места и тихими словами произносит добавочный тост за начальника школы, который дал такой удачный небесный маршрут ее молодому мужу.

Тут снова все смеются, аплодируют и пьют за славного начальника школы.

Встреча^{*}

На днях у меня произошла одна, можно сказать, незабываемая встреча.

У моих знакомых на вечере я случайно встретил человека, которого двадцать лет не видел.

Это был в свое время удивительно богатый субъект. Он имел три дома. Имел шикарные экипажи. Целый штат горничных, швейцаров, рабочих и так далее.

И надо было видеть, как он тогда пренебрежительно и нахально ко всем относился: не только, например, ни с кем не здоровался, когда ему низко кланялись, но при встрече с людьми отворачивал свою лощеную физиономию в сторону и чуть что – кричал, топал ногами, выгонял без жалованья.

У него по ремонту дома работали сезонники – так он по двадцать раз заставлял их к себе ходить, прежде чем он соизволит им заплатить за их работу.

И то он с их грошей наживал, жулил, высчитывал. И я, даю слово, ни капли не преувеличиваю: доводил людей прямо до слез. От него рабочие уходили, дрожа всем телом.

Я не знаю, чем это объяснить, но он имел какую-то особенность оскорблять людей своим поведением.

К нему ходила его одна одинокая родственница, его тетка. Она по субботам приходила к нему за пособием.

Его папаша завещал поддерживать ее жизнь. Так надо было видеть, как он с теткой вел себя.

Он швырял в нее скомканной кредиткой. И кричал на нее:

– Ага, опять явилась, ядовитая кочерыжка. Ну, когда подохнешь, это будет для меня исключительный праздник.

Он, представьте себе, однажды торопился в театр. И вышел на лестницу с одной шикарной дамой, чтоб с ней проследовать к экипажу.

И вдруг видит: по лестнице идет его тетя. Он толкнул ее, чтоб она не путалась под ногами. Тут его тетя упала в обморок. Все подумали, что она, как говорится, отправилась путешествовать на небо. Но он, не поглядев на нее, проследовал дальше.

И хотя я был тогда небольшой мальчишка, но мне удивительно врезалась в память противная жизнь этого человека.

И вот, представьте себе, прошло двадцать лет.

Двадцать лет я, так сказать, не имел счастья видеть этого субъекта.

И вот я сижу у знакомых за праздничным ужином. И вдруг вижу: за столом, напротив меня, сидит эта знакомая фигура.

Без сомнения, он очень постарел. Как-то такое высох. Поседел. Запаршивел. И его не так-то было легко узнать.

Но я узнал его по нахальному блеску глаз. По его манере отворачивать физиономию в сторону, когда к нему обращались с вопросом.

Он меня не узнал. Но я ему сказал:

– Помните, говорю, «господин» Лосев, я жил в вашем доме?

Он немножко задрожал и, фальшиво улыбаясь, сказал:

– Мое прошлое я не скрываю. Оно есть у меня во всех анкетах. Да, я имел дом. Но сейчас я преподаю французский язык. И что вы от меня хотите, я вас не понимаю. Если же лаετε намекнуть о моем прошлом, то я и сам скажу. Был молод, жил дерзко, и мое богатство давало мне смелость жить, как я хочу. Но с тех пор много воды утекло. Нынче я другой телом и душой, и вы мне не портите настроения воспоминанием о прошлом.

Тут все присутствующие заинтересовались нашей беседой. И он, видя на себе все взгляды, сказал:

– Без сомнения, вы запомнили меня с невыгодной стороны. Но я вам повторяю, все это безвозвратно ушло. Нынче я другой человек. И вы нарочно, будьте любезны, спросите присутствующих о моей характеристике. Я имею удовольствие жить в этой коммунальной квартире, где вы сейчас в гостях. Спросите нарочно о моей настоящей жизни.

И некоторые жильцы, присутствующие тут в качестве гостей, сказали:

– Да, он сейчас славный и милый человек. Очень симпатичный и простой. И даже не далее как вчера он ночью бегал в аптеку заказывать пирамидон одной захворавшей жиличке. Нет, мы ничего не имеем против него. Он любезный и добрый человек.

Тут Лосев сказал:

– Вот видите, как было бы опрометчиво решать по прошлым воспоминаниям. Теперь я совсем иной. И если есть темное пятно в моей жизни, то это моя тетя, которой даром что восемьдесят лет, но она, знаете, до сего времени шляется ко мне за пособием. И я действительно иной раз ну не могу с ней любезно беседовать. Все-таки сорок лет подряд она меня третирует – это немножко много.

Тут некоторые из квартирантов сказали:

– Что касается тетки, то у них, это верно, всякий раз бывают скандалы с воплями и криками. Но во всем остальном – он выше всяких похвал.

Лосев сказал:

– Во всем остальном моя теперешняя жизнь может служить примером. Надвигающаяся старость изменила мое мировоззрение. Дерзость, нахальство и надменность покинули меня уже давно.

Сын хозяина вечеринки, молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, сказал:

– Но, может быть, не старость вас изменила. Может быть, скорей всего, отнятое богатство притупило вам зубы.

Тогда один из гостей добавил:

– А в самом деле. Ну-те, вам дай снова ваши дома, экипажи и деньги – ого! Небось снова ходили бы колесом и давили бы всех, кто попадется.

Нахальный блеск засверкал в глазах престарелого Лосева. Но он, потупив свои очи, сказал:

– Не знаю, не думаю.

Молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, воскликнул:

– Вы не знаете. А я знаю. Вы бы еще того более расцвели и еще того более зверски относились бы к своим людям.

Тогда Лосев, дрожа от гнева, сказал, обращаясь к хозяину:

– Если ваши гости меня тут будут оскорблять, то я непременно от вас уйду.

Хозяин сказал:

– Если вы действительно до глубины души изменились за эти двадцать лет, то, я прошу вас, не уходите от меня. Мне было бы в высшей степени тяжело, если бы вы ушли. Но если с вами то, что говорят другие, то я вас не могу задерживать.

Престарелый гость Лосев минут двадцать ерзал за столом, ни с кем не разговаривая.

Покушав и выпив бокал шампанского, он по-английски вышел из комнаты, ни с кем не попрощавшись.

И тогда хозяин сказал:

– Вот, друзья, что такое социалистическая революция. И вот каким людям она обломала их ядовитые зубы.

Долг чести*

Жильцы нашего дома в эту выборную кампанию отличились вообще высоким гражданским сознанием. Но особенно с лучшей стороны зарекомендовал себя председатель нашего дома.

Он неумолимо работал, проверял списки избирателей, будоражил инертных и вялых жильцов и заботился о всех мелочах, связанных с выборами.

У нас в доме оказалось трое лежачих больных.

Ну, одного, с вывихнутой ногой, отправили в больницу, так что он там и будет голосовать.

Другая гражданка, хворающая у нас стрептококковой ангиной, вскоре, наверно, поправится и начнет все-таки выходить...

И, наконец, третий лежачий больной – старуха, страдающая ревматизмом.

Вообще эта старуха отличалась хорошим здоровьем, но в смысле ног у нее было не все благополучно. Она еле ковыляла с палочкой по комнате и второй год не рисковала выходить на улицу.

Наш председатель лично ее навестил, спросил о состоянии ее здоровья и погоревал вместе с ней, что она не может ходить и не сможет тем самым исполнить свой гражданский долг – опустить свой избирательный бюллетень в урну.

Он ей сказал:

– Если б вы, мамаша, лежали в больнице, то вам бы поднесли к постели особый избирательный ящик. Но тут мы бессильны что-либо предпринять. И я с грустью вижу, что вы в данном случае есть выбывший член нашей дружной семьи.

Старуха ему так ответила:

– Чувствительно бы рада, молодой человек, исполнить этот гражданский акт. Сама через это страдаю и горю желанием. Вдобавок мне самой чрезвычайно скучно лежать. Все лежу и лежу, и кусочка неба не вижу. И мечтаю о такой, знаете ли, специальной колясочке, на которой иной раз вывозят старух.

Председатель говорит:

– Такую колясочку можно будет достать. А еще лучше: мы подвезем вас на автомобиле. Я возьму такси и договорюсь тут с одним нашим шофером, и мы вас чудным образом доставим в помещение для голосования.

Старуха говорит:

– Чувствительно бы рада в первый раз в жизни проехаться на автомобиле, но вот я по лестнице затрудняюсь ходить. Вот лестница-то и является главной причиной моего невыхода на улицу.

Председатель говорит:

– Это, мамаша, сущие пустяки. Я возьму двух здоровых парней, и они вас как перышко сымут с четвертого этажа.

Старуха говорит:

– Только, чтоб не было того, что меня вниз доставят, а вверх не подымут. Все-таки меня это будет тревожить, и от этого у меня будет настроение испорчено. Мало ли, забудете или вам не до того будет.

Председатель говорит:

– Тогда я об этом тоже позабочусь. В крайнем случае я вас одной рукой могу хоть в двадцатый этаж доставить.

Старуха говорит:

– Тогда знаете что: по радио передавали, что надо бы лично зайти в избирательный участок проверить свою фамилию: нет ли искажений, – а то нельзя будет голосовать. Давайте сегодня или завтра съездим туда.

Председатель говорит:

– Ого, мамаша, да вы подкованы по части выборов. И своим торопливым замечанием проявляете свое гражданское сознание. Ладно, завтра устроим вам машину.

Вот на другой день председатель подъехал на машине к подъезду. И вскоре два наших жильца – два молодых парня – помогли старухе спуститься вниз.

Полчаса они катали старуху по городу. И наша старуха была так довольна, что и передать вам нельзя.

Потом они заехали в избирательный участок, проверили все, что полагается. И вскоре снова старуха была доставлена домой.

На прощанье старуха сказала:

– Может быть, завтра или там послезавтра нужно будет зачем-нибудь еще раз съездить, то я к вашим услугам.

Один из жильцов, работающий в механической прачечной, сказал председателю:

– Эта последняя ее фраза меня сильно смутила. Боюсь, что старуха интересуется только прогулкой. И, может быть, к выборам она инертна.

На это председатель сухо сказал:

– Даже если она на пятьдесят процентов интересуется прогулкой, то и то я не вижу в ее словах ничего плохого. Почему старушке не покататься на машине?

Работающий в механической прачечной сказал:

– А если на сто процентов в ее голове прогулка?

Председатель строго сказал:

– Нет, этого не может быть. Все живые существа, пока душа теплится в их теле, интересуются хоть немножко общественной жизнью. А наша старуха в своем прошлом – трудящийся член семьи, и не надо подвергать ее сомнениям. На днях мы еще раз покатаем ее на машине, а 12 декабря повезем на выборы. И это будет наш долг чести.

Тут все жильцы, слушающие эту беседу, сказали: правильно. И работающий в механической прачечной сказал:

– Присоединяюсь к этому мнению.

А одна женщина, имеющая чувствительную душу, добавила:

– А что, если нам каждый месяц прогуливать старуху?

Председатель сказал:

– Ну, там видно будет.

И все жильцы разошлись, довольные друг другом.

Шумел камыш*

Тут недавно померла одна старуха. Она придерживалась религии – говела и так далее. Родственники ее отличались тем же самым. И по этой причине решено было устроить старухе соответствующее захоронение.

Приглашенный поп явился в назначенный час на квартиру, облачился в парчовую ризу и, как говорится, приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

Только вдруг родственники замечают, что батюшка несколько не в себе: он, видать, выпивши и немного качается.

Родственники начали шептаться, дескать, ах ты боже мой, какая неувязка, поп-то, глядите, не стройно держится на ногах. Тогда один из родственников, кажется, бывший камердинер и старейший специалист по части выпивки, подходит к батюшке и так ему тихо говорит:

– Некрасиво поступаете, святой отец. Зачем же вы с утра пораньше надрались... Вот теперь вы под мухой и этим снижаете религиозное настроение у родственников. Ну-те, дыхните на меня.

Прикрыв рот рукой, батюшка говорит:

– Не знаю, как вы, а я в своем натуральном виде. А только я сегодня с утра не жравши и может быть через это меня немножко кренит. Нет ли, вообще говоря, у вас тут чем-нибудь заправиться.

Батюшку повели на кухню. Поджарили яичницу и дали ему рюмку коньяку, чтоб перебить настроение.

Подзаправившись, батюшка снова приступил к работе. Но качка у него продолжалась не в меньшей степени.

Но поскольку он уравнивал эту качку помахиванием кадила, то все сходило более или менее удовлетворительно. Хотя религиозное настроение у родственников было окончательно сорвано, тем более своим кадилом батюшка задевал то одного, то другого родственника и тем самым вызывал среди них ропот и полное неудовольствие.

Наконец усопшую понесли по лестнице, чтоб, как говорится, водрузить ее печальные останки на колесницу.

Батя, как ему полагалось, шел впереди.

Вдруг родственники не без ужаса слышат, что вместо «со святыми упокой» батюшка затянул что-то несообразное. И вдруг все замечают, что он поет песню:

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь сидела до утра...

Родственники остолбенели, когда услышали эти слова. Один из родственников, бывший камердинер, подходит к священнику и так ему говорит:

– Ну, знаете, это слишком – арии петь. Мы вас пригласили, чтобы вы нам спели что-нибудь подходящее к захоронению усопшей, а вы пустились на такое паскудство. Ну-ка, без всяких отговорок, дыхните на меня.

Дыхнув на камердинера, поп говорит:

– Когда я выпивши, я почему-то завсегда сворачиваю на эту песню. Усопшей это безразлично, а что касается родственников, то мне решительно на них наплевать.

Бывший камердинер говорит:

– Конечно, в другое время мы бы вас выслушали с интересом, поскольку песня действительно хороша, и я даже согласен записать ее слова, но в настоящий момент с вашей стороны просто недопустимое нахальство – это петь.

Тут среди родственников начались крики. Раздались возгласы:

– Позовите милиционера!

Во дворе собралась публика. Дворник, подойдя к воротам, дал тревожный свисток.

Вот приходит милиционер. Родственники говорят ему:

– Вот поглядите, какого попа мы пригласили. Что вы нам на это скажете?

Милиционер говорит:

– Все-таки этот служитель культа еще владеет собой. Вот если б он у вас падал, то я бы отвел его в отделение милиции. Но он у вас еще держится и только не то поет. А что он там у вас поет – милиции это не касается. Пуцай он хоть на голове ходит и «чижика» поет – милиции это совершенно безразлично.

Родственники говорят:

– Что же нам в таком случае делать?

Батюшка говорит:

– Что вы, ей-богу, скандал устраиваете. Может быть, осталось пройти сорок шагов, и как-нибудь с божьей помощью я дойду.

Бывший камердинер говорит:

– Идите. Но если вы опять начнете не то петь, то я вам непременно чем-нибудь глотку заткну.

Вот процессия двинулась дальше. И батюшка владел собой хорошо. Но когда гроб устанавливали на колесницу, батюшка снова тихо запел:

Ах, не одна трава помята,
Помята девичья краса...

Тут камердинер, совсем озверев, хотел кинуться на богослужителя, но родственники удержали, а то получилось бы вовсе безобразно, и вовсе исказило бы церковную идею захоронения усопших.

В общем, батюшка, рассердившись на всех, ушел. И колесница благополучно тронулась в путь.

Эту историю мы рассказали вам без единого слова выдумки. В чем и подписуемся.

Благие порывы*

В другой раз берешь билет в цирк или там в театр. Стоишь там у кассы. А касса – маленькое окошечко. И в этом окошечке ничего, собственно говоря, и не видать.

Там только руки торчат кассирши, книжка с билетами лежит и ножницы. Вот вам и вся панорама.

А в другой раз при покупке билета тебе охота перекинуться двумя-тремя фразами. Охота спросить, каковы места, не дует ли со сцены. А если это дело в цирке, то не близко ли к арене места, не трюхнет ли какая-нибудь дрессированная лошадь копытом.

Но поскольку в окошечке даже головы кассирши не видать, то так безмолвно и отходишь со стесненным сердцем.

Лично меня не удовлетворяет такая бездушная продажа билетов.

Конечно, я понимаю, кассиршу нельзя отвлекать, а то она, мало ли, обсчитается, и подобный вопрос будет себе дороже стоить. Так что я с этим примиряюсь и к этому претензий не имею.

Но вот если я за справкой пришел, то меня подобное окошечко еще меньше удовлетворяет.

Не то чтобы мне охота видеть выражение лица того, который мне дает справку, но мне, может, охота его переспросить, посоветоваться. Но окошечко меня отгораживает и, как говорится, – душу холодит. Тем более, чуть что – оно с треском захлопывается, и ты, понимая свое незначительное место в этом мире, снова уходишь со стесненным сердцем.

Давеча я брал справку в одном учреждении. И вдруг вижу – стоит старуха. И по всему видать, что она уже приготовилась закидать вопросами того, к кому она сейчас подойдет, – губы у нее шепчут, и видать, что ей охота с кем-нибудь поговорить, узнать, расспросить и выяснить.

Вот она подходит к окошечку. Окошечко раскрывается. И там показывается голова молодого вельможи.

Старуха начинает свои речи, но молодой кавалер отрывисто говорит:

– Абра са се кно...

И захлопывается окошечко.

Старуха было снова сунулась к окну, но снова, получив тот же ответ, отошла в некотором даже испуге.

Прикинув в своей голове эту фразу «Абра са се кно», я решаюсь сделать перевод с языка поэзии бюрократизма на повседневный будничны́й язык прозы. И у меня получается: «Обратитесь в соседнее окно».

Переведенную фразу я сообщаю старухе, и она неуверенной походкой идет к соседнему окну.

Нет, ее там тоже долго не задерживали, и она вскоре ушла вместе с приготовленными речами.

Конечно, мы понимаем – некогда и народу много, и все лезут со своими какими-то мелкими и пошлыми делами и прямо работать не дают. Но все-таки как-то оно холодновато получается, какой-то чувствуется стиль малосимпатичный, не дающий успокоения, а, наоборот, показывающий, вот, дескать, – мы, а вот, дескать, – вы. А ведь, собственно говоря, вы-то и есть мы, а мы отчасти – вы.

Но одно дело – справка или там цирк, а другое дело – зайти по важным обстоятельствам в какое-нибудь высокое учреждение, например, в Саратовский облисполком, и там наткнуться на окошечко!

Там, в Саратове, живут цыгане. Люди эти по большей части неграмотные. Они едва только перестраивают свою кочевую жизнь. Они только недавно организовали артель лудильщиков и жестянщиков. С ними надо побеседовать, подробней разъяснить им, что их интересует. Их окошечко ни в какой мере не удовлетворяет.

Там одна цыганка, Мария Михай, второй месяц ходит за справкой. У нее семь детей. А ей кто-то сказал, что на многосемейность можно получить пособие.

Цыганка Михай ежедневно приходит в облисполком. Она постучит в дверь. Ей говорят: «По закону не полагается».

Но фраза эта ничего не дает ей – ни уму, ни сердцу. И цыганка снова приходит, снова стучит в дверь или окошечко, ловит какого-нибудь «старшого» у входа, начинает ему говорить. Но «старшому» некогда, он спешит, он отмахивается от нее, как от назойливой мухи.

И снова цыганка часами сидит у входа, ждет у моря погоды.

А погоды нету. Потому что в учреждении не умеют говорить с посетителями, не понимают, что нельзя со всеми говорить одинаково.

Одному достаточно сказать: «По закону не полагается», а другому надо сказать: «Вот, дескать, тетушка, какого рода картина – у тебя семь ребят, младшему из них пять лет. Стало быть, по закону пособия не полагается. Вот будет восьмой, тогда и приходи». И все станет понятно. Посетители меньше будут «трепаться» по «казенным учреждениям».

Однако не хотим только порицать. Там, в Саратовском облисполкоме, были отчасти озабочены наплывом посетителей, отчасти их жалобами. И даже хотели по этому поводу доклад сделать и потолковать, как наладить это дело. И даже висело объявление о докладе.

Но зампред облисполкома с докладом не выступил, а порекомендовал для этой цели одного из сотрудников облисполкома. Но сотрудник, уж мы не знаем, почему, тоже не выступил.

В общем так доклад и не состоялся. А желание было, хорошие порывы были. Как сказал поэт, имея, вероятно, в виду саратовские дела:

Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано.

Конечно, мы понимаем, – некогда. Все чересчур заняты. Например, председатель облисполкома за перегрузкой стал принимать в ночное время – с двенадцати часов ночи до трех-четырёх часов утра. После полуночи к нему съезжаются заведующие областными отделами и другие руководители области. Воображаем, с какими постными лицами они приезжают! В четыре часа утра председатель уезжает домой немного поспать. А в пять-шесть часов утра плетутся домой утомленные и зеленые стенографистки.

Заместитель председателя принимает днем и вечером и тоже иногда ночью, но он так занят, что один из посетителей (замзав облвноторгом), чтобы разрешить один вопрос, потратил на ожидание своей очереди двенадцать дней (с 28 февраля по 11 марта). Причем просидел на диване в общей сложности около сорока часов.

Но там – замзав облвноторга! В некотором роде крупная фигура в торговой сети. А здесь – маленькая цыганка. Вот она и ходит до сих пор.

Тут есть, мы бы сказали, какая-то несообразность.

Тем более, что в горсовете почти такая же картина.
Тут надо что-нибудь придумать.

Каменное сердце^{*}

Недавно зашел ко мне один человек и поведал мне свою горестную историю. Он попросил, чтоб я написал фельетон на рассказанную тему.

Но его история меня смутила. И я даже сначала отказался что-либо сделать, потому что без проверки нельзя было написать.

А проверить этот факт, как вы сейчас увидите, не представлялось возможным.

Но я нашел выход. Эту историю я расскажу без фамилий. И если это правда, то пусть виновник этого дела, так сказать, морально поперхнется моим фельетоном.

В общем, вот как это было.

Директор одного небольшого учреждения накануне выходного дня сказал своему хозяйственнику, что завтра он с семьей переезжает на дачу и поэтому ему нужна грузовая машина перевезти вещи.

Заведующий хозяйством в деликатной форме ответил, что вот, дескать, редкий случай, когда он не может удовлетворить просьбу директора. Две грузовые машины в капитальном ремонте, одна мобилизована на дорожное строительство, а что касается четвертой машины, то эта машина еще в начале мая обещана счетоводу М., который завтра тоже переезжает на дачу.

Разговор происходил при людях, и директор ничем не выдал своего раздражения, но, когда посторонние люди вышли из кабинета, директор, грубо ругаясь, набросился на заведующего, говоря, что слова директора есть не просьба, а приказание, и что если машины завтра не будет, то пусть он, чертов сын, убирается с работы. И, дескать, вообще, если на то пошло, ему надоел его независимый тон, облакачивание на столы и стулья и полное отсутствие той почтительности, которую пора бы, наконец, выработать в подчиненных, как это бывает в других учреждениях.

Заведующий оказался не робкого десятка. Он так сказал директору:

– Почтительности своей я не теряю. Насчет облакачивания на столы и стулья – всецело согласен с вами, что это, пожалуй, лишнее с моей стороны. Но ваша грубая брань плюс угрозы тоже, как говорится,

ни на что не похоже, и если бы вы происходили из людей прежней формации, тогда было бы понятно подобное отношение к служащему, но вы человек пролетарской закваски, и откуда у вас в последнее время возник такой генеральский тон, – вот это я просто не понимаю. Все ваши приказания я всегда беспрекословно выполнял. Ваша преподобная супруга, если на то пошло, буквально не вылезает у меня из легковой машины. Но я вам, кажется, об этом ничего не говорю. Потому что я не позволю себе сделать замечание своему начальнику или его супруге с целью унижить их достоинство. Хотя, если на то пошло, она корчит из себя барыню и по три часа, находясь в гостях, заставляет ждать шофера на сырости и морозе. Но что касается грузовой машины, которую я должен отобрать от чахоточного счетовода, чтобы отдать ее вам – вот с этим я принципиально не согласен и этого не сделаю, хотя бы вы в меня палили из пушек.

Эти слова привели директора в бешенство. Он так закричал:

– Ты забылся, нахал, где ты и что ты! Ты мне осмеливаешься говорить такие слова, как если бы ты был мой начальник, а я твой подчиненный. Я действительно тебя выгоню из учреждения. И тогда ты поймешь разницу между нами.

– Хотел бы я посмотреть, как вы меня выгоните, – сказал заведующий. – У меня нет преступлений, и я чист душой. И вам не так-то будет легко произвести мое увольнение, поскольку мотив для этого не возвышает вас в глазах окружающих.

– Насчет легкости ты не беспокойся, – сказал директор. – Ты у меня так полетишь, что своих не узнаешь.

И вот проходит десять дней и, как с ясного неба ударяет гром, – директор отдает в приказе заведующему строгий выговор за бесхозяйственность и разбазаривание имущества.

Потом проходят еще две недели – и заведующий, еще не придя в себя от первого удара, снимается с должности, с указанием в приказе, что он развалил работу.

Ошеломленный заведующий начинает бегать из месткома в союз, из союза в нарсуд. И всем доказывает, что никакого развала не произошло и никакой бесхозяйственности не было, а, скорее, было наоборот, что он слишком перегибал палку, чтоб наладить дело. И этим он даже вызвал нареkanie в разбазаривании имущества. Он, дескать, продал дрожки и лошадь с тем, чтобы приобрести вещи, более

необходимые учреждению. Что, наконец, все это дело – личная месть директора.

Но все эти робкие слова тонули в пучине всяких безразличных фраз, актов и документов.

Вдобавок возмущенный директор заявил в союз, что никакой личной вражды у него не было, а что если он однажды и накричал на заведующего, то за его неудовлетворительную работу.

И тут директор предъявил счета, по которым выходило, что заведующий дважды покупал шины из частных рук. И хотя заведующий кричал, что это было сделано в силу крайней необходимости и согласно разрешению директора, – этот факт сыграл решающую роль. И приказ директора остался в силе, с некоторым, правда, смягчением, чтобы пострадавший мог найти себе какую-нибудь мелкую работишку.

Когда заведующий пришел за расчетом, директор, улыбаясь, сказал ему, случайно встретившись в коридоре:

– Ну что, собака, получил дулю?

Заведующий хотел было броситься на директора с кулаками, но сдержался и, с глубоким презрением посмотрев на него, вышел.

И вот он теперь пришел ко мне с просьбой написать фельетон.

И вот фельетон перед вами.

Вот вам, так сказать, «потолок бюрократизма». Все сделано директором весьма тонко и с таким знанием человеческой души, что тут и доказать ничего нельзя. Этот чиновник, у которого сердце обросло мохом, пожмет плечами и от всего откажется.

И только общественное мнение и товарищеская поддержка могли бы с этим вступить в борьбу.

Итак, если про директора была рассказана правда, то пусть он поперхнется моим фельетоном.

Сказка*

Одному молодому принцу сильно понадобились деньги. Денег у него, вообще говоря, было много – куры не клевали. Но тут ему понадобилась громадная сумма. Он хотел себе приобрести золотые штаны.

Серебряные штаны у него уже были, и он в них пользовался большим и заслуженным успехом у женщин, но он мечтал во что бы то ни стало приобрести себе еще золотые брюки.

Ну, конечно, пошел он к своим родственникам, чтоб попросить нужную сумму. Но злодеи-родственники ему в этом отказали. А один из родственников, известный принц-регент, обещал даже его побить, если он еще раз обратится к нему с подобной глупостью.

Вот, конечно, идет обратно наш принц в полном расстройстве чувств и вдруг встречает одну колдунью. Та говорит:

– Об чем, царевич, убиваетесь?

Вот тот, значит, и пожаловался на то, что с ним. Колдунья говорит:

– Да уж, конечно, деньги достать не так легко. Но из легких способов есть у меня одно домашнее средство.

Принц говорит:

– Ах, мамаша, осчастливьте! Ответьте же, какое же это средство? Я, говорит, теряюсь в догадках.

Колдунья говорит:

– Вот чего, молодой человек! Войди ты в любое большое учреждение, где четыре этажа и лифты взад и вперед ходят. И где разные начальники в кабинетах сидят. И где курьеры чай разносят. И войди ты в такое учреждение. И там сразу увидишь, как и чего тебе делать. И там тебе непременно деньги дадут. И ты на них купи себе золотые штаны. Только не входи в маленькое учреждение. В маленьком ты можешь засыпаться. А входи в большие...

Вот принц так и сделал. Пришел он в одно учреждение, взял клочок бумажки и написал на нем несколько слов: дескать, такой-то принц командируется за покупкой золотых штанов.

И с этой черновой бумажкой вошел принц в машинное отделение, где происходят стук и треск и где сидят семь заколдованных красавиц,

превращенных в обыкновенных машинисток.

И вот принц подает одной такой заколдованной красавице свой листик и говорит суровым тоном:

– Срочно перестукайте в трех экземплярах.

Та ничего на это не сказала, вскинула на принца свои буркалы и говорит:

– Слушаю и повинуюсь.

И, схватив эту бумажку, срочно ее в две секунды переписывает.

И с переписанной бумажкой идет, конечно, принц к директору в третий этаж. И хочет к нему в кабинет войти.

Но ему дверь заслоняет своим корпусом одна молодая фея неслыханной красоты. Она говорит:

– Туда нельзя. Там сидит заколдованный Иван Максимович. И у него все время заседание идет. Это его так ужасно заколдовали. Но если у вас до него дело, то скажите мне.

Принц говорит:

– Так что надо эту бумаженцию подписать.

Фея говорит:

– Слушаю и повинуюсь.

И с этими словами она изящно входит в кабинет и через пару секунд возвращается с подписанной бумажкой. Принц, удивившись, говорит:

– Вот мерси. До свиданья.

И тотчас он идет в бухгалтерию. И видит там ужасные сценки страшного колдовства. Один стол стоит на другом. А другой – на третьем. И за каждым столом сидит по шесть заколдованных фигур. И все они исполняют руками бесконечное задание. Принц говорит:

– Куда мне тут с подписанной бумагой идти?

Один заколдованный гном с большой бородой говорит:

– Вот примите ордер и ступайте в кассу и свободно берите оттуда золота и драгоценных камней.

Вот принц так и сделал. Взял из кассы восемьсот рублей и вышел из учреждения.

А после видит: это ему мало для покупки золотых штанов. И тогда он заскочил еще в Наркомзем и в Главзолото. И, согласно описанию газет, произвел там точно такие же операции.

И на эти деньги он купил себе золотые штаны. И вскоре в них женился.

И на свадьбу пригласил заколдованных начальников всего государства.

И все эти добродушные и доверчивые лица там были. И держали речи. И до упаду смеялись, когда им принц рассказал, как он их одурачил.

И они попросили принца, чтоб он их расколдовал, но принц сказал:
– Э-э, нет, господа, вы мне еще пригодитесь!

И все снова до упаду смеялись.

Физика*

Вот какая история произошла в одной школе.

В седьмом классе на уроке физики неожиданно погасло электричество.

А надо сказать, что класс был в первом этаже. Окна выходили во двор. Так что без электричества по утрам всегда было полутемно и нельзя было заниматься.

Так вот, погас в классе свет. И погас очень, так сказать, странным образом. Сначала погасла одна лампочка, потом погасла другая, потом третья и, наконец, помигав, погасла четвертая.

Учитель, как человек опытный в делах подобного рода (поскольку он – физик), захотел посмотреть, где именно произошла порча. Стал он смотреть лампочки, провода, выключатели – все в порядке. Посмотрел в коридоре пробки – тоже в полной сохранности. А свет не горит.

Вот тогда он удивился и велел позвать монтера.

Побежали за монтером.

Вот приходит монтер, влезает на парту и начинает осматривать лампочки.

А урок, конечно, сорван. Полутемно. Работать нельзя. Физик сидит надутый у окна. Ребята шалят и так далее.

Вот монтер, осмотревши три лампочки, говорит:

– Я, говорит, двадцать лет работаю по электричеству и никогда ничего подобного не видел, чтоб электричество не горело при полной исправности. Лампочки в порядке. Провода тем более. Все должно гореть, а оно не горит, и я через это так удивляюсь, что принужден сейчас побежать за стремянкой, поскольку я не могу подолгу стоять на парте, задравши кверху голову. У меня через это возникает головокружение.

Вот он побежал за стремянкой. А тем временем кончился урок и наступила перемена.

Тогда один из учеников, некто Петя Лебедев, встал на парту, начал что-то производить с лампочками. И вдруг они загорелись.

Вот приходит монтер со стремянкой. И, поглядев на лампочки, в высшей степени удивляется – зачем они опять горят.

И, пожав плечами, уходит.

Начинается немецкий урок. Только он начался – снова погасли лампочки. И точно таким же образом – в порядке живой очереди.

Тогда учительница немецкого языка велела позвать монтера.

А монтер, оказывается, никуда не уходил. А он стоял в коридоре со своей стремянкой и что-то там делал.

Вот монтер моментально вбегает в класс. Подставляет к лампочке стремянку. И вскоре от удивления чуть не падает с этой своей стремянкой.

Он говорит:

– Только теперь я начинаю понимать, что тут случилось. Кто-то из вас к каждой лампочке подложил маленький клочок мокрой промокашки. А согласно нашему учению об электричестве, мокрая бумага есть хороший проводник. И благодаря этому свет горел. А поскольку эта мокрая бумажка высохла, то свет, как это ни удивительно, погас. И мы все были свидетелями полной темноты в классе. Вот так здорово. Я пойду сейчас директору скажу.

Вот приходит директор и с ним физик.

– Кто из вас, – говорит директор, – это сделал?

Ученик Петя Лебедев встает и говорит:

– Мы проходили сейчас электричество. Вот я и захотел произвести опыт.

Тут в классе раздается хохот. Физик говорит:

– Опыт ему удался, но поведение для этого у него оказалось в высшей степени недопустимым.

Немка говорит:

– Поскольку у нас сейчас идет урок немецкого языка, то я бы всех просила для практики говорить по-немецки.

Физик говорит:

– В таком случае я лучше с директором сию минуту уйду. Поскольку я по-немецки не все кумекаю. Я только читаю, и то не все понимаю.

Директор говорит по-русски:

– В общем, говорит, поставьте Лебедеву «плохо» по поведению. А если еще раз что-нибудь подобное повторится, то я уволю Лебедева из моей школы... Продолжайте заниматься немецким языком.

Монтер говорит:

– А мы теперь будем подкованы на этот счет. И если в каком-нибудь классе погаснет свет, то нам причины будут вполне известны. До свиданья, молодые друзья.

Немка говорит монтеру:

– Ауфвидерзейн.

И тот уходит со своей стремянкой.

Новые времена^{*}

Вот сейчас формируются новые люди, новые отношения, новый быт.

А некоторые не понимают еще – что это такое значит. Некоторые думают: если они не воруют, так они уже новые люди.

А другие оклеят свою комнату новыми обоями – и тоже их заполняет гордость, что они могут теперь называться представителями нового социалистического быта.

Нет, не это формирует нового человека!

Позвольте вам рассказать небольшую, но любопытную историю, которая до некоторой степени осветит этот вопрос.

Только прошу не делать вывода до самого конца рассказа, потому что, если вы плохо подкованы насчет философии, то вполне можете сбиться в своей доморощенной диалектике.

А жила в городе Коротояке одна молодая женщина. И она была очень миленькая и интересная.

Не то чтоб она была изумительная красавица, – нет, она была просто довольно привлекательная. Бывают такие женщины – как будто в них ничего и нет особенного, а вот они на вас посмотрят своим туманным взором, вот они усмехнутся, споют вам что-нибудь такое, – и мужчина, как говорится, остается без ума.

Она говорила очень красиво. Другие говорят немного сиплыми голосами или там слегка в нос произносят, или пришепетывают, а эта очень чисто и мелодично произносила фразы. Буквально наподобие серебряного ручейка текли ее речи.

Нет, со своей домработницей она, конечно, так не говорила, но в личной беседе с мужчинами она имела эту особенность. И все мужчины очень ее исключительно любили. За ней бегали. Один даже обещал ей застрелиться ради нее. Только он пистолета нигде не мог достать, а то бы, может быть, он, действительно, чего доброго, стрельнул в себя, будучи очень расстроен своей любовной неувязкой.

Другой, какой-то там заведующий, ради нее что-то такое украл в универмаге. Он ей хотел какую-то вещь подарить. Но, как говорится, через этот случай вскоре «загрел» и не подарил.

А ее звали Любочка. Родители как будто нарочно дали ей это имя, как будто они предчувствовали, что ребенок подрастет, выровняется и начнет, как говорится, колесить.

Она три раза выходила замуж. Но все не особенно удачно. Один ее супруг захворал туберкулезом и вскоре умер по всем правилам науки. Другой запил, и она его бросила. А третий, как мы уже говорили, украл в универмаге и получил свое по заслугам.

После этого она замуж долго не выходила. А потом вдруг вышла за одного чертежника. Он был кроме того конструктор и что-то где-то делал. И он красотой не отличался. Он был на редкость длинновязый, похожий в своем облике на одного киноактера из компании, может, знаете, Пат и Паташон. Он напоминал чем-то Пата, но Пат был все-таки ничего себе. А этот был уж очень, как говорится, неинтересный и вдобавок рыжеватый.

Но она, не поглядев на это, рискнула все-таки выйти за него замуж. Она сказала:

– Я одна не решаюсь жить, а этот мужчина меня так любит, что мне, наверно, с ним будет исключительно спокойно.

А он, действительно, так ее любил, как, может быть, и не бывает в этом мире.

Он утром в тарелке приносил ей воду комнатной температуры, помакнув полотенце, мыл ее мордочку, после чего собственноручно чистил ей зубки порошком, подавал ей чай и сам уходил на службу. А она лежала часов до двух, ничего не делая.

Нет, она не была представительница нового быта. Вдобавок она его не любила, изменяла ему и предъявляла всякие немислимые требования.

А он, конечно, старался поддержать свой дом на высоте. Он начал на чем-то спекулировать, поскольку тогда еще была частная торговля, и это способствовало разным темным операциям.

Но это не могло долго продолжаться. На какой-то махинации он попался.

А когда стали разворачивать все его дело, то видят такую несообразность: по виду ему тридцать пять лет, а по паспорту пятьдесят.

Начали интересоваться и спрашивать: почему такая, как бы сказать, природная неувязка? И он вскоре признался, что он из прапорщиков

царской службы, скрывший свое социальное лицо и вдобавок подделавший документы.

Тут, конечно, его окончательно взяли и отправили на одно крупное строительство.

Ему дали пять лет работы. И он приехал на это строительство и там не потерял присутствия духа. Он горячо принялся за дело. Он работал как слон с утра до вечера, не желая отдохнуть и не желая перевести свой истомленный дух.

Он очень любил свою оставшуюся в Коротояке супругу, безумно скучал по ней, мучился и в труде хотел забыться от своих личных переживаний. И, наверно, только этим можно было объяснить его такое рвение к работе.

Но его там начальство заметило, что он так старается. Ему сделали разные льготы и дали премию. А один из начальников, некто товарищ Гонецкий, однажды поинтересовался его душевным настроением. Он спросил, что с ним. Поскольку он видел, что в свободное от занятий время человек без движения лежит на траве и с тоской следит за полетом птичек.

И заключенный ответил своему начальнику, что вот, дескать, все бы хорошо, но исключительная любовь к супруге заставляет его сильно тосковать и огорчаться. И он бы многое дал, чтобы увидеть ее хотя бы на пять минут.

Гонецкий ему говорит:

– Ты так хорошо работаешь, что я, наверно, сумею тебе устроить свидание. Мы ее сюда выпишем. Она приедет и проживет тут дней десять. А потом, в дальнейшем, может быть, еще раз она приедет. А там, глядишь, тебе дадут сокращение срока – и все будет хорошо.

Тут с заключенным чуть худо не сделалось. Он закачался на своих ногах и хотел схватить руку начальника, чтобы ее поцеловать.

Гонецкий сказал:

– Как тебе не стыдно это делать? Вот как раз этим ты показываешь, что ты выходец из мелкобуржуазного общества и еще не перестроился. И еще желаешь унижаться и лакействовать перед своим начальником. Сейчас иные времена, и все мещанские привычки и навыки пора уничтожить. Но я на тебя не сержусь, поскольку тебя еще глубоко держат корни прошлого. И не надо твоих извинений! Свидание с женой я тебе устрою.

Тут наш заключенный принялся ежедневно строчить письма своей супруге, дескать, вот какое счастье, какая радость, что он снова увидит ее, снова может любоваться ее внешностью, и что это произойдет, наверно, очень скоро.

И супруга Любочка отвечала ему, что вот и хорошо – она приедет с Галей (у них была девочка лет пяти) и даст ребенку возможность общаться с папой.

Но сама супруга по-настоящему не была этим фактом уж очень слишком обрадована. Она и без супруга жила ничего себе. Ее мужчины не оставляли своим вниманием. А она была из тех женщин, которые считали потерянным день, если ей кто-нибудь не сказал о своем чувстве.

И вот Гонецкий устраивает это свидание. И она вскоре приезжает на строительство со своей миленькой походкой и со своим мелодичным смехом. И с ней приезжает ее дочка Галя.

Наш муж шатается от счастья, с восторгом на нее смотрит, любит, смеется и благодарит небо за подаренную радость.

И первые два дня проходят ничего себе. Она напевает романсы, гуляет с девочкой в поле и рвет цветочки. Потом она начинает понемножку скучать и совсем случайно останавливает свой взор на одном военнообязанном человеке из охраны.

Там, на строительстве, были разные посты по охране складов. Так вот из отряда этой охраны она увидела одного человека, который ей страшно понравился. Она им в одно мгновение увлеклась. А он – молодой, красивый парень, лет двадцати двух, украинец, по фамилии Дошевец. Он незаметным образом влюбляется в нее до потери сознания, и у них загорается роман во всем своем блеске.

Они начинают встречаться в те часы, когда супруг находится на работе. И молодой парень, ошеломленный счастьем и не сознающий своего преступления, буквально теряет рассудок.

Едва услышав ее пение, он сломя голову в служебное время бежит на ее призыв. И они вдвоем ходят по полям и лесам или на берегу речки сидят обнявшись.

Муж, сам не зная еще, в чем дело, начинает ее подозревать. Он прибегает однажды днем к своему жилищу. Там не находит ее. Спрашивает девочку Галю, где мама. И та отвечает: мама ушла гулять с одним военным товарищем.

Как бешеный зверь, муж мчится по полям и лесам. Совсем близко пробегает через реку, где они сидят на пне. И, не увидев их, бежит дальше.

Молодой парень Дошевец так говорит Любе:

– Нет, я не боюсь твоего мужа! Он меня не напугал своим диким видом. Но мне совестно стало перед твоей девочкой Галей. И теперь я вижу, какое преступление я совершил по службе. Нам надо будет непременно расстаться.

Она начинает его ласкать и обнимать и говорит ему:

– Это глупости!

И он снова таит перед ее взором и не может с ней расстаться.

Но вечером он идет к Гонецкому и все ему рассказывает. Он говорит:

– Женщина эта социально-опасная. Я совершил большое преступление, и я согласен понести наказание. Но ее надо отсюда удалить во что бы то ни стало.

Гонецкий говорит:

– Да, твое преступление очень велико. И пока что я тебя посажу под арест. А что касается женщины, то ты мелешь чушь. И надо забыть свой долг, чтобы пришиться к женской юбке.

И он отправляет украинца под арест и сам идет к заключенному посмотреть, что у него за супруга. Он хочет с ней поговорить, сказать ей, что это не дело – приехать на побывку к мужу и самой увлекаться посторонним человеком и толкать его на должностное преступление.

И он приходит к ним. Но там дома примирение. Счастливый муж, забыв о своих подозрениях, любовно за чаем сидит со своей супругой. Они радуются посещению гостя. Нежно усаживают его за стол. Беседуют с ним и разговаривают. И Гонецкий с интересом смотрит на молодую женщину, стараясь понять, что это за человек.

И она, видя его пристальный взгляд, начинает смеяться своим мелодичным смехом, кутается в свой вязаный платок и своими голубыми глазками начинает смотреть на начальника так, что тому делается не по себе. И он некоторое время не может оторвать своего взора от ее милого лица.

И тогда Гонецкий встает и прощается. И она задерживает его руку в своей маленькой нежной ручке. И, чувствуя радостное волнение, он снова прощается и поскорей уходит, ничего особенного не сказав.

Он утром на другой день неожиданно для себя снова хочет ее посетить, чтоб с ней побеседовать и ее увидеть. Он идет к их дому. Но потом останавливается и поворачивает назад. Но в этот момент он слышит ее пение. И видит ее сидящей на ступеньках дома. И тогда он, мало о чем думая, нерешительными шагами идет к ней.

Она с радостным волнением его встречает. Они садятся на скамейку. Он хочет ее спросить о деле. Но она начинает говорить о своей жизни. И он вдруг чувствует, что ее нежная ручка покоится в его руке.

И тогда Гонецкий, посмотрев на часы, поспешно прощается и задумчиво идет к себе.

Он идет к себе, понуриив голову. И позади себя слышит мелодичный голосок – это Любочка поет старинный цыганский романс, полный высшего значения: «Не уходи, побудь со мною».

Гонецкий возвращается к себе и задумчиво садится на ступеньки своего дома. И вдруг он хлопает себя по лбу и начинает весело смеяться.

Он говорит себе:

– Ну да, конечно! Это был инстинкт. Это инстинкт меня толкал снова увидеть эту женщину. Но это слепое чувство. И разум его побеждает. И, может быть, человек нового быта – это тот, который с помощью разума умеет управлять своими темными желаниями. И в этом – новая мораль.

И Гонецкому весело становится от этих мыслей. И он снова смеется.

Он позвал арестованного украинца. И стал ему рассказывать о том, что думает.

И украинец на это ответил:

– Да, я понимаю, что надо управлять своими чувствами, но все-таки лучше удалить отсюда эту женщину, поскольку это будет менее опасно для здоровья, для душевного равновесия и служебного благополучия.

И Гонецкий снова рассмеялся. И сказал, что он не считает опасным для здоровья, если молодая женщина здесь останется.

И вот вечером Гонецкий пошел к супружеской паре. И там у них снова пил чай.

Люба делала ему глазки и моргала, чтобы он на минутку вышел, – она хотела с ним поговорить. Но он улыбался на ее уловки и дружески беседовал о том, о сем и шалил с ее маленькой девочкой Галей.

И, видя его такое поведение, она сначала надула свои хорошенькие губки, потом, улыбаясь, стала слушать, что он говорит, и, оставив свои ужимки, приняла участие в товарищеской беседе. И он слегка подтрунивал над ней. И шутил. И муж, видя, что так мило получается, окончательно развеселился, и они втроем смеялись до упаду и беседовали до ночи.

И до ее отъезда он еще раз к ним заходил, и снова они втроем дружелюбно беседовали.

Через полгода Гонецкий опять устроил свидание заключенному. И Люба еще раз приехала сюда и снова виделась с Гонецким, который заходил к ним потолковать о том, о сем.

И Люба всем и каждому рассказывала о Гонецком с огромным уважением. И в ее словах чувствовалось некоторое, что ли, удивление и, пожалуй, растерянность, поскольку в ее мещанской среде ей до сих пор не приходилось встречать представителя нового быта.

А что касается Дошевца, то он, отсидев свое, был освобожден от своих обязанностей. И тогда он, хотя и понял отчасти, что ему говорил Гонецкий, тем не менее поехал в город Коротояк к Любе.

Но она его там не приняла. Он там ей был неинтересен. Она минут пять на улице побеседовала с ним и рассталась с холодным сердцем.

И он так страдал, что хотел даже утопиться. Но потом одумался и уехал к себе на родину.

И через два года он там стал довольно знаменитый тем (об этом писали в газетах), что его молодая супруга подарила миру трех близнецов.

И теперь он говорит, что если у него еще раз то же самое повторится и потом еще раз, или хотя бы два раза по одному, то он будет исключительно счастлив и доволен, поскольку он будет получать солидное пособие на многосемейность.

Похвала транспорту*

Давеча я был в гостях у одного знакомого инженера.

А этот инженер тем отличался от многих других инженеров, что он имел свой автомобиль марки «Газ».

Не знаю, как на других людей действует собственный автомобиль, а на этого моего знакомого получение автомобиля подействовало удручающим образом.

До этого он был милый человек и у него было довольно интересно бывать в гостях. А теперь он все равно как переродился. Все мысли его теперь витали вокруг автомобильной промышленности. И ни о чем другом, кроме как об этом, он теперь не говорил.

И тот гость, который имел нахальство коснуться чего-нибудь другого, наносил этим хозяину личное оскорбление.

В общем, часов до трех промаявшись с разговорами об особенностях той или иной автомобильной марки, гости стали собираться, чтоб идти по домам.

Хозяин, мило улыбаясь, сказал:

– Находясь в другом месте, вы, дорогие гости, затрюхали бы по домам пешечком, или, как говорится, поехали бы на своем одиннадцатом номере. А от меня вы все поедете автомобилем. Как вам, собственно говоря, это нравится?

Гости выразили восхищение. Хозяин сказал:

– Не знаю, как вы, но я буквально чувствую себя отдельной человеческой единицей, вокруг которой вращаются все миры... Вот сейчас я позвоню моему шоферу и велю ему подать к подъезду мой автомобиль.

Хозяин пошел к телефону и стал звонить. Потом, вернувшись к гостям, сказал вздохнувши:

– Сейчас автомобиль будет подан... Единственное, знаете, неудобство – это то, что наш гараж в одном районе, мы – в другом, а шофер, представьте себе, живет за Невской заставой. Но я велел моему шоферу срочно добраться до гаража. Тем более, он живет не так уж далеко: минут 15–20 идти пешком.

Жена инженера говорит:

– Ах, Коля, жаль, что ты не приказал шоферу взять такси. Он бы взял такси и мигом доехал до гаража.

– Ах да, в самом деле, – сказал хозяин просияв, – я всякий раз забываю об этом удобстве. Сейчас я позвоню шоферу, он, наверно, еще не ушел.

Шофер действительно еще не ушел. И хозяин велел ему взять такси, чтоб поскорей добраться до гаража. Один из гостей говорит:

– Послушайте, но, может быть, нам попросту доехать на этом такси, которое возьмет шофер?

Эта мысль удивила и даже несколько испугала хозяина. Он сказал:

– Ну что вы: иметь свой автомобиль и ехать в такси. Нет, я вас до этого не допущу.

Мы стали ждать.

Минут через двадцать раздался телефонный звонок. Это позвонил шофер.

Не знаю, что именно он доложил, но хозяин, обернувшись к нам, сконфуженно сказал:

– Шофер говорит, что он не может такси найти. Он дошел, представьте себе, до вокзала, нашел одно такси, но оно не берется ехать: ему не по пути. Сейчас я велю моему шоферу дойти пешком до центра и там взять такси.

Один из гостей полувопросительно говорит:

– А может, нам, в самом деле, поехать в такси, которое достанет сейчас шофер?

– Это идея, – говорит хозяин. – Сейчас я велю моему шоферу подъехать на такси сюда. А отсюда такси мигом доставит вас к гаражу. А уж там, будьте покойны... Нам только бы добраться до гаража.

Отдав соответствующее распоряжение шоферу, хозяин начал беседовать с гостями вообще о пользе транспорта. Минут через двадцать такси стояло у подъезда. Гости и хозяйева вышли на улицу. Один из гостей, вздохнув, говорит:

– В сущности говоря, как-то даже обидно: иметь под рукой такси и вместе с тем ехать к черту на кулички. Ей-богу, давайте сядем и поедем домой в этом такси. Так было бы славно очутиться сейчас дома. А тут – извольте ехать к гаражу.

Хозяин тихо говорит:

– Нет, я прошу вас... Теперь уж это неудобно... Все-таки, я разбудил шофера. Он шлялся по улицам больше часу... Нет уж, я прошу вас поехать.

Гости стали размещаться в машине.

Но поскольку одно законное место было занято шофером такси, а другое – шофером хозяина, то оставалось всего лишь три места. А гостей было пять человек.

Хозяин, сосчитав гостей, говорит:

– Жаль, что мой шофер не захватил два такси. А теперь я уж и не знаю, как быть. Давайте так: пусть три гостя сядут на заднее сиденье, а два гостя пусть тут у подъезда подождут мою машину...

Гости сконфуженно молчали. Хозяин говорит:

– Или нет. Давайте так: один гость и шофер подождут у подъезда, а остальные пусть себе едут к гаражу.

Жена инженера говорит:

– Нет, так ничего не выйдет, потому что нашу машину некому будет сюда привезти. И те и другие будут только напрасно ждать.

Хозяин говорит:

– Правильно. Как жаль, что у нас пять гостей, а не трое. С троими мы бы в один миг управились... Давайте тогда так: трое пусть поедут, а шофер и один гость пусть себе понемножку идут пешком вслед за ними.

Один из гостей, испугавшись, что его пошлют пешком, незаметно, и, как говорится, по-английски, смылся. Осталось четыре гостя. Подсчитав гостей, хозяин сказал:

– Теперь легче. Теперь давайте так: три гостя и шофер пусть едут на такси. А четвертый гость – на выбор: хочет он – тут подождет, не хочет – пусть себе идет к гаражу пешком.

Один из гостей говорит:

– Смотрите: грузовой трамвай идет. Привет! Я лучше сейчас на прицепку прыгну.

Гость вскочил на прицепку и вскоре исчез в туманной дали.

Хозяин говорит:

– Он не хотел подождать машины, пусть сам на себя пеняет. Рассаживайтесь теперь и поезжайте с богом.

Шофер уныло говорит хозяину:

– Только не забудьте, Николай Петрович, дать мне денег расплатиться с такси. Да еще за утреннее такси я заплатил из своих двенадцать рублей.

Порывшись в бумажнике, хозяин дал шоферу денег и грустно сказал:

– Да, это такси вскакивает мне в копеечку.

Жена инженера говорит:

– По-моему, такси тебе обходится не меньше, как тридцать рублей в день. Если бы не такси, мы бы давно поменяли наш «Газ» на «М-1».

Наконец мы тронулись в путь.

По дороге гости стали упрашивать шофера развезти их по домам, не заезжая в гараж.

Хозяйский шофер неожиданно согласился и даже обрадовался. Он сказал:

– Это будет самое правильное. А то у меня был такой случай: я отвез гостей в гараж, да там мы и промаялись часа полтора. Пока охрану разбудили, да пока заправил, да пока пятое-десятое, глядим: уже трамваи пошли. Все гости так и поехали на трамвае.

Вот такси стало развозить нас по домам, а хозяйский шофер говорит:

– Единственно, я теперь боюсь, что мне с такси расплатиться не хватит. Все-таки большой крюк делаем и стоянка...

Мы дали шоферу по пять рублей, и он нам сказал, что теперь, пожалуй, хватит, а в крайнем случае он до Невской заставы доберется пешком.

Живые люди^{*}

Что-то последнее время я стал часто про попов писать.

Сколько имеется важных и оригинальных проблем, а перо иной раз склоняется к описанию духовенства.

Конечно, это тоже, я так думаю, отчасти сатира, если про попов писать. Тем более они в настоящее время усилили свою деятельность. Многие из них включились в активное движение по завербовке населения в лоно религии. Другие хлопочут, чтоб их куда-нибудь там выбрали. Третьи вообще распространяют религиозные и сумбурные идеи. Так что писать про это не есть отставание от жизни или там выбор безответственных тем.

Одну сельскую церковь обслуживал старенький поп. И вот он чем-то захворал и уехал, и на его место прибыл новый поп, вдобавок молодой, энергичный, из новых кадров.

Вот он прибыл на село и думал, что тут ему моментально отведут квартиру и все прочее. Но как раз этого не случилось. У некоторых не было лишнего помещения, а другие стеснялись пустить к себе попа. Они говорили: «Попа мы пустим, а потом про нас будут говорить: вот, дескать, пустили попа».

Подобное отношение не смутило энергичной души священнослужителя. Он так сказал на селе:

– То, что вы меня не пустили на свою жилплощадь, показывает всю слабость работы моего престарелого предшественника. Но не такое я есть лицо, которое отступает в панике и беспорядке. Жить в лесу и питаться шишками я не буду.

Я сюда прибыл не на randevу, а по требованию. И поэтому я поселюсь в самой церкви и стану там жить, пока не получу то, что меня удовлетворяет. В алтаре я не стану находиться, а за алтарем, где есть маленькое окошечко, я непременно поселюсь и буду там жить, хотя бы вы все с ума сошли.

Среди придерживающихся религии началось некоторое недовольство. Такое, можно сказать, божественное место – храм, а тут, короче говоря, поп будет сушить свои портянки и вдобавок вдруг еще тут блох разведет или что-нибудь вроде этого.

Но поскольку никто из религиозников не дрогнул в смысле предоставления попу квартиры, то так и случилось, как сказал поп.

Он поселился в храме и стал там без смущения жить. И даже там на примусе что-то он себе пек, варил, кипятил и жарил.

Это поведение вызвало большие толки и пересуды среди населения. Многие даже специально стали сюда приезжать, чтобы посмотреть в церковное оконце, как там устроился поп, как он там, нахал, живет и что себе стряпает.

И вот проходит, представьте себе, два месяца, и вдруг в народе распространяется слух, что священнослужитель не только спит в церкви, но он еще вдобавок влюбился в одну вдову и теперь ее сюда к себе в гости приглашает, не отдавая себе полного отчета, что он такое делает с точки зрения христианской морали.

Это последнее дело переполнило чашу терпения религиозников. И группа верующих решила накрыть попа с поличным.

И когда вдова пришла к попу на свидание и верующие вполне удостоверились, что так оно и есть, как говорилось в народе, возмущение достигло своего предела.

Кем-то был пущен камень в оконце. А кое-кто даже хотел бревном выломать двери. Но до этого не дошло, поскольку сам поп открыл двери и вышел к верующим. Он им так сказал:

– Квартиру вы мне не предоставили. А теперь вы, собаки, около моей двери шум поднимаете и разбили мне окно. Очень это красиво, благодарю вас. Но вы напрасно тревожитесь. Мы, попы, не какие-нибудь там черные монахи; мы люди живые, и нам не чуждо все земное. И я могу повторить то, что я вам сказал: жить в лесу и питаться шишками я не буду. А лучше вы подумайте, где мне иметь квартиру. И идите себе с богом и не скандалничайте... А то, что вы мне стекло разбили, это такое нахальство с вашей стороны, что я даже и не знаю теперь, как я к вам отнесусь и сколько с завтрашнего дня я буду брать за каждую отдельную службу и за упокой вашей души.

Верующие прямо удивились, какой им попался поп. Они больше скандалить с ним не стали. Но на другой день подали в сельсовет заявление: дескать, вот какой случай, нельзя ли, дескать, попа одернуть, дескать, живет в церкви и вдобавок вот какой имеет характер.

Мы не преувеличиваем – сельсовет энергично взялся за дело и с соответствующей резолюцией двинул это заявление в область с тем, чтобы там образумили попа.

Там, в области, немножко над этим посмеялись и вернули заявление в сельсовет с указанием не тревожиться за частный быт попов.

В общем, молодой, энергичный поп живет все еще в храме, и там он спит и кушает. Но верующие (чего доброго, вместе с кружком безбожников) уже начали отстраивать небольшую хибарку, куда и хотят с осени переселить попа.

Только не знаем, переедет ли он туда. Ему в храме светлей и воздуха больше.

Людоед*

В этом году у нас в доме состоялся товарищеский суд. Судили одного квартиранта Ф. за его хулиганский поступок. Дело в том, что у нас огромный дом с населением свыше тысячи жильцов. И наш дом имеет свою стенную газету под названием «За жабры».

Так вот этот квартирант Ф., прочитав там однажды стихи про себя, пришел в бешенство и с криком: «Всех перестреляю!» – сорвал эту газету.

Кроме того, он дернул за волосы двенадцатилетнего парнишку – сына редактора газеты. И вдобавок с воплем: «Я тебе голову сорву!» – погнался за поэтом, автором этих стихов.

Факт, конечно, печальный, недостойный нашей современности.

А надо сказать, что наша газета раньше не пользовалась успехом среди жильцов. На нее мало обращали внимания, поскольку, кроме редактора, никто не затруднял себя чтением этого печатного органа.

Но потом решено было повысить уровень этой газеты. И было решено привлечь к работе одного поэта-сатирика, живущего в соседнем доме.

Тот долго отказывался, но потом сказал:

– Я за деньгами не гонюсь. Но я люблю работать «на интерес». Это меня стимулирует. Положите мне за строчку хотя бы по гривеннику, и тогда я не только подыму вам газету, но прямо из нее устрою кипящий котел, в котором, не жалея себя, буду варить всех ваших жильцов, так что они, как говорится, света божьего неувидят. И тогда я ручаюсь за успех: толпа будет стоять около вашей стенной газеты.

Сначала этот поэт-сатирик описывал убожество лестниц и недочеты помойной ямы, но когда ему повысили гонорар до тридцати копеек за строчку, он перешел на людей и в короткое время отхлестал своими стихами почти всех жильцов, включая дам и детей.

После этого он, не встречая сопротивления, пошел, как говорится, делать второй круг по тем же людям, с каждым разом заостряя свою сатиру все больше и круче.

Наконец он поместил стихи против квартиранта Ф., который, как мы говорили, пришел в бешенство, натворил черт знает что и теперь предстал перед судом.

Разорванная стенная газета была склеена. И стихи были оглашены на суде. Вот эти стихи:

К подлецу Ф.

Квартплату в срок не вносит,
Говорит, что денег нет.
А замшевую кепку носит
Сей обнаглевший наш брюнет.
И барышень в такси катает –
На это у него хватает.
Дрова он колет на полу.
Топор вонзается в паркет.
Ударим мы его по лбу,
Чтоб сей зазнавшийся брюнет
Не мог вредить у нас в дому.

Вот эти стихи и вызвали припадок бешенства жильца Ф.

На суде квартирант Ф. сказал:

– В этом стихотворении имеется только одна строчка правды, в которой говорится, что я ношу замшевую кепку. Все остальное суть наглая ложь. Квартплату я вношу аккуратно и только один месяц просрочил по случаю беременности моей жены. Что касается такси, то это я вез мою жену на консультацию в родильный дом. Насчет же того, что я дрова колю на полу, – это есть чистая выдумка. Пол действительно у меня порублен, но это в голодные годы прежний жилец колот тут дрова. А сейчас у нас есть дворник, который и может подтвердить, что все дрова он мне колет во дворе. Все это вместе взятое вызвало у меня затемнение рассудка, и я совершил поступки, недостойные советского гражданина.

Председатель товарищеского суда говорит:

– Как это, право, нехорошо у вас получилось. Вы бы вместо того, чтобы рвать печатный орган, взяли бы и заявили в редакцию – дескать, вот какой на вас поклеп. А вы вместо этого даете волю своим рукам: рвете газету и дерете за вихры ни в чем не повинного мальчика

двенадцати лет, сына редактора газеты. Как это некультурно у вас получилось. Мне прямо совестно за вас.

Квартирант Ф. говорит:

– За этот мой последний поступок я согласен покраснеть. Но видите, в чем дело. Когда я пришел к редактору и стал просить его поместить опровержение, он мне так сказал: «Я теперь сам вижу, что про тебя стишки неверные. Но ты как-нибудь эту обиду переживи в своей душе. Я опровержение печатать не буду, поскольку это уронит авторитет моей газеты. Вот, скажут, враньем занимаются, а потом дают обратный ход. Ты есть частное лицо, а мы – общественный орган. Мы важней, чем ты. Проглоти обиду и не подымай шуму». И тогда я ни с чем уйду от этого редактора, а тут его мальчишка еще мне вслед кричит: «Барышень в такси катает, на это у него хватает». Тут маленько я и потрепал его за вихры. Очень извиняюсь.

Председатель говорит редактору:

– Как это, право, нехорошо с вашей стороны не поместить опровержения. Глядите, до чего вы довели этого квартиранта своей сатирой. Глядите, он до сих пор весь дрожит.

Редактор говорит:

– Теперь я сам вижу, что я недоглядел за своим сатирик-людоедом. С тех пор, как мы увеличили ему гонорар, он как с ума сошел. Он согласен своего брата в луже утопить. Я обещаю снова сбавить ему гонорар до десяти копеек за строчку, а то он тут весь дом по ветру пустит.

Председатель говорит:

– Сбавлять не надо, а вы должны с позором выгнать его из газеты, поскольку в газете должны работать только исключительно кристально честные люди. Мы теперь наглядно видим, что один мелкий арап может не только расстроить всех жильцов: он может всех перессорить и всех обозлить... Его мало выгнать, его надо под суд отдать, что я непременно и сделаю. А что касается квартиранта Ф., то его поступок в высшей степени неправильный. Он должен был обжаловать клевету, но он пустился на свою расправу, за что мы присуждаем его к общественному порицанию.

На этом заседание суда кончилось.

Через две недели вышла новая газета с опровержением и с указанием, что поэт-сатирик освобожден от работы.

Бедный дядя*

Тут к одному жильцу с нашего дома приехал погостить один субъект. Его родственник. Кажется, дядя с маминой стороны. Или что-то в этом духе.

Во всяком случае, его у нас прописали временно. Тем более прошлое у этого дяди оказалось слегка подмоченное. Он еще при нэпе схлопотал себе семь лет за какие-то неправильные действия плюс воровство и плюс еще что-то.

Но он весьма усиленно работал на стройке и довольно быстро там перековался. Причем его чем-то даже премировали. И, кажется, какой-то значок ему дали. Во всяком случае, он какую-то санитарную блямбочку носил на груди.

Так или иначе, племянник первое время весьма гордился, что у него такой дядя. И даже хлопотал, чтоб с него брали квартплату меньше, чем обыкновенно. Дескать, дядя у него живет, герой строительства. Дескать, пришлось потесниться, впустить дядю. Нельзя ли, дескать, временно снизить квартирную ставку. Но этот номер ему не прошел. Так что пришлось даже кое-что за дядю приплатить. И это был первый удар по самолюбию племянника, который думал, что с приездом дяди у него начнется райское житье.

А дядя был по виду весьма арапистый человек. Он даром что перековался, но глаза у него сверкали, как у мошенника, когда он глядел на проходящих наших расфранченных жилищ с ихними сумочками, меховыми горжетками на шейках и так далее.

Но никаких эксцессов этот дядя пока себе не позволял. Тем более что первое время он все больше ударял по пивной.

Он там просаживал свои деньги, скопленные я уж не знаю каким образом.

А потом, когда дядя благодаря такой сумбурной жизни профершпилился, он стал занимать у своего племянника. И это был второй удар по гордым замыслам нашего квартиранта, у которого дядя в короткое время «забодал» не меньше ста рублей.

В общем, наш племянник пришел в ужас от поведения своего дяди. И он так ему сказал:

– Ах, дядя, лучше вы катитесь отсюда к черту на рога, если вы намерены продолжать в том же духе. Я имею скромную должность кладовщика, и я не могу поспевать за вашими интересами.

Узнав, что племянник – кладовщик и благодаря этой своей должности караулит кое-что ценное, как-то: нитки, пуговицы, катушки и так далее, – дядя развеселился и пришел в хорошее настроение.

Уж я не знаю, каким образом, но он воздействовал на неустойчивую психику своего племянника. И подбил его украсть из склада некоторое количество товара, с тем чтоб они продали это и доход поделили пополам.

И племянник, этот кристально честный до сего времени служащий, взял, по наущению своего дяди, десять grossов разных катушек и отдал их своему дяде, с тем чтоб тот все это где-нибудь продал.

При этом племянник так сказал своему дяде:

– Только продавайте, дядя, с осторожностью. А то если вы засыпаетесь, то мне благодаря вас влепят не меньше пяти лет.

Дядя окончательно развеселился и сквозь смех так ответил своему племяннику:

– В этом деле я по крайней мере окончил университет. Я не могу себе представить, что я с этой работой попадусь.

Конечно, я не был в городе десять лет и теперь на все гляжу не без удивления. Я тут вижу, например, что игорных клубов у вас уже нету. У вас негде одним махом выиграть деньги и устроить себе сказочную жизнь. У вас, по-моему, нельзя даже придумать какую-нибудь выгодную комбинацию. Все вокруг как с ума сошли, работают: колют, рубят, носят, пишат и так далее. И в этом смысле я, действительно, вижу у вас, у городских, перелом в настроении. Но что касается ниток, то нитки я при любом надзоре продам и не попадусь.

Короче говоря, дядя взял нитки и зашел их продать в магазин.

Он отозвал заведующего в сторонку и так ему сказал:

– Могу продать нитки по дешевой цене. Если хотите – купите. Если нет – не кричите и хай не подымайте, поскольку вы от этого ничего не выиграете.

Заведующий говорит:

– Добре. Пройдите сюда и тут маленько посидите, пока я отсчитаю вам деньги.

Бедный дядя сделал два шага, и тут заведующий грубо пихнул его в уборную и закрыл за ним дверь.

Бедный дядя кричал и вопил в своем заключении и даже там хотел повеситься на цепочке, но прибывшая милиция освободила его и велела ему рассказать, что с ним.

И дядя, находясь в полном обалдении, все сразу рассказал и даже сам удивился, с чего бы это он так разоткровенничался.

Милиционер прямо чуть не упал от смеха, когда дядя сказал, что он при своем опыте попался в первом же магазине.

Милиционер сказал:

– По-моему, вы не учли перемену в нашей жизни за эти десять лет.

Дядя говорит:

– Нет, я учел, но только я не понял умственное настроение заведующего. Ну на что он, собака, рассчитывал, когда он меня пихнул в уборную? Что он хотел – выслужиться? Или он скорей всего побоялся купить нитки, чтоб самому не зашитья? Вот тут я что-то действительно не понимаю. Но моя мысль склоняется к тому, что тут был страх. И это я не учел.

Заведующий говорит:

– Напротив того, с моей стороны это был нормальный гражданский акт.

Дядя говорит:

– Ах, лучше бы я пошел на рынок продать эти нитки! Наверно, там, на рынке, еще есть у вас частная мысль, и, наверно, там я бы не попался, как дурак.

Заведующий говорит:

– С твоей устаревшей техникой ты бы и на рынке попался в первые пять минут.

Милиционер говорит:

– Ну, довольно дискуссировать, пойдем, я тебя представлю куда следует.

Дядя попрощался с заведующим и отбыл вместе с милиционером.

Воображаем, в какой панике сейчас его племянник.

Роза-Мария*

Задумал один житель села Ф., некто товарищ Лебедев, окрестить своего младенца.

Так-то он шел до сих пор против религии. Он церкви не посещал. Ничего такого церковного не делал. И даже, наоборот, имея передовые взгляды, состоял одно время в кружке безбожников.

Но у него в этом сезоне родилась девочка. И вот ее-то он и задумал окрестить.

Вернее, его жена, эта малодушная мать, подбила его это сделать. И не так даже жена, как ее недалёковидные родители дали тон всему делу. Поскольку они начали вякать: ах, дескать, некрасиво, если не крестить, дескать, вдруг она вырастет или, наоборот, умрет и будет некрещеная, что тогда.

Ну, несерьезные разговоры политически отсталых людей.

А Лебедев удивительно не хотел крестить свою девочку. Тем не менее душа у него дрогнула, когда на него насели. И он, имея внутренние противоречия, дал свое согласие. Он им так сказал:

– Ладно. Крестите ее. Только мне бы не хотелось, чтобы вокруг этого вопроса шум стоял. Безусловно, я волен распоряжаться своим мировоззрением. Хочу – крещу, хочу, наоборот, – не крещу. Но все-таки разговоры начнутся, пятое-десятое; дескать, крестил все-таки, собачий нос, обратился, дескать, к услугам церкви, дескать, не даром, скажут, дядя его в мирное время у домовладельца дворником служил.

На это жена ему сказала, что если он сам не надерется по случаю крещения дочери, то никакого шума не будет стоять около этого вопроса.

И вот родители договорились со священником, чтобы тот им окрестил девочку. И тот за пятерку взялся это сделать и назначил им день и час.

А тем временем родители зарегистрировали своего младенца в загсе под именем Роза, получили там мануфактуру и в определенный день явились в церковь для совершения крещения.

А в тот день там крестили еще одного младенца. И наши, ожидая своей очереди, стояли и глядели, как это происходит.

И сам Лебедев, будучи все-таки настроен против религии и имея, так сказать, критический взгляд на все церковное, не мог, безусловно, стоять молча. Он не мог инертно стоять. И он все время задирает батюшку своими колкими замечаниями.

И чего батюшка ни сделает, Лебедев на это ехидно улыбается, а то и просто ему что-нибудь под руку говорит. «Ну, загнусил», – говорит. Или там: «Ну, еще чего придумал...» Или, глядя на рыжеватую растительность батюшки, вдруг говорит: «Ни одного рыжего среди святых не было... А этот рыжий».

Это последнее замечание вызвало смех среди родственников. Так что батюшка даже на минуту прервал крещение и на всех сердито поглядел.

А когда он взялся за лебедевского младенца, то Лебедев отчасти потерял чувство меры и уже начал открыто долбить батюшку своими ехидными замечаниями.

И даже шутливо, правда, сказал:

– Ну, гляди, борода, чтобы ребенок мой не простыл благодаря твоему крещению. А то я тебе прямо храм спалю.

У батюшки даже руки затряслись, когда он это услышал. Он так сказал Лебедеву:

– Слушайте, я вас не понимаю, если вы пришли сюда меня поддевать, то я на вас удивляюсь. Вы отдаете себе отчет, что получается? В тот момент, когда я держу вашу девочку в руках, вместо очистительной молитвы у меня в душе разгорается против вас злоба и сквернословие, и вот какую путевку в жизнь я даю мысленно вашей девочке. Да, может, теперь ее всю жизнь будет лихорадить, или, наоборот, она станет глухонемая.

Лебедев говорит:

– Ну, если ты мне младенца испортишь, то я тебе все кудри вырву, имей это в виду.

Батюшка говорит:

– Знаешь что. Лучше заверни своего щенка в одеяло и выкатывайся из храма. И я тебе верну пятерку, и мы разойдемся по-хорошему, чем я буду все время такое нахальство слышать.

Тут родственники начали одергивать Лебедева: дескать, заткни, действительно, глотку-то; дескать, обожди, вот выйдешь из храма, и тогда отводи душу; дескать, не задергивай попа, а то он нам, чего

доброе, девочку на пол опрокинет. Гляди, у него руки трясутся и колени подгибаются.

И хотя Лебедева раздирали внутренние противоречия, но он сдержался и ничего такого не ответил священнику. Только он ему сказал:

– Ну ладно, ладно, не буду больше. Веди благородней крещение, длинногривый.

Вот батюшка начал произносить церковные слова. Потом, обратившись к Лебедеву, говорит:

– Какое имя мне произносить? Как вы назвали своего ребенка?

Лебедев говорит:

– Мы ее назвали – Роза.

Батюшка говорит:

– То есть сколько хлопот вы мне доставили своим посещением. Мало того, что вы меня поддевали, так теперь выясняется, что вы не то имя дали младенцу. Роза – суть еврейское имя, и под этим именем я ее крестить отказываюсь. Заверните ее в одеяло и идите себе из храма.

Лебедев, растерявшись, говорит:

– Еще того чище. То он на ребенка лихорадку нагоняет, то он вообще отказывается его крестить. А это имя есть от слова «роза», то есть это есть растение, цветок. А другое дело, например, Розалия Семеновна – кассирша из кооператива. Там я не спорю: есть еврейское имя. А тут вы не можете отказываться ее так крестить.

Батюшка говорит:

– Заверните своего ребенка в одеяло. Я его вообще не буду крестить. У меня в святцах нет такого имени.

Родственники говорят священнику:

– Слушайте, мы же его в загсе под этим именем записали. Что вы, ей-богу, горячку разводите.

Лебедев говорит:

– Я же вам говорил. Вот какой это поп. Он против загса идет. И сейчас всем видать, какое у него нахальное политическое мировоззрение.

Поп, видя, что родные не уходят и ребенка не уносят, стал разоблачаться. Он снял свою парчовую ризу. И тут все увидели, что он теперь ходит в штанах и высоких сапогах.

И он в таком богохульном виде подходит к образам и гасит свечи. И хочет выплеснуть воду из купели.

А в храме, между прочим, находилось одно приезжее лицо. Оно прибыло сюда по делам, для проверки кооператива. И теперь оно нарочно, просто так, от нечего делать, зашло в церковь, чтобы посмотреть, что там и как там сейчас бывает.

И теперь это лицо взяло слово и говорит:

– Я хотя стою против обрядов и даже удивляюсь на темноту местных жителей, но раз ребенка уже развернули и родители горят желанием его окрестить, то это надо исполнить во что бы то ни стало. И чтобы выйти из создавшегося положения, я предлагаю вашего ребенка назвать двойным именем. Например: у вас оно Роза, а тут, например, оно пускай Мария. И вместе это дает Роза-Мария. И даже есть такая оперетка, которая нам сигнализирует, что это в Европе бывает.

Поп говорит:

– Двойных имен у меня в святцах нету. И я даже удивляюсь, что вы меня этим собираетесь сбить. Если хотите, я ее Марией назову. Но Роза – я даже мысленно произносить не буду.

Лебедев говорит:

– Ну, пес с ним. Пуцдай он тогда ее Марией назовет.

А после мы разберемся.

Батюшка снова надел свою ризу и быстро, в течение пяти минут, произвел всю церковную операцию.

Лебедев беседовал с приезжим лицом и благодаря этому никаких своих замечаний по поводу действий попа не вставлял. Так что все прошло вполне благополучно.

Но надежды Лебедева – чтобы не было шуму вокруг этого вопроса – не оправдались. Как видите, сия история попала даже в печать.

Валя^{*}

Давеча еду в трамвае и люблюсь на кондукторшу. Очень она, вижу, славно и мило ведет свое дело. Все у нее удивительно хорошо получается. Легко, красиво и так и надо.

Она любезно объявляет станции. Внимательно за всем следит. Со всеми приветливо беседует. Старых поддерживает под локоток. С молодыми острит. Ну прямо любо-дорого на нее глядеть.

И сама она имеет миленькую внешность. Одета чистенько, аккуратно. Глазки у нее сверкают, как звездочки. Сама веселая, смешливая, заботливая. Входит в каждую мелочь, всем интересуется.

Другая кондукторша рычит в ответ, если ее спрашивают, и прямо чуть ногами не отбивается от пассажиров. А эта – нечто поразительное. Ну прямо видим картину из недалекого будущего.

И вот люблюсь я на эту работу, и на душе у меня приветливо становится.

И вижу: все пассажиры тоже исключительно довольные едут. Так на них хорошо и благоприятно действует настоящая, красивая работа.

И уже мне надо сходить, а я все, как дурак, еду и удивляюсь на кондукторшу. И улыбка не сходит с моего лица.

И вижу: со мной рядом сидит пожилая женщина. И она тоже то и дело посматривает на кондукторшу и тоже любит ее.

Потом вдруг эта женщина обращается ко мне. Она говорит:

– Если я не ошибаюсь, вы тоже в восхищении от работы этой славной кондукторши. Представьте себе, что и я одинаково с вами чувствую. Я не знаю, кто вы, но у меня есть предложение. Давайте как-нибудь отметим поведение этой кондукторши. Давайте занесем похвалу в ее послужной список. Задержимся минут на пять и как-нибудь сообразим, как это сделать, чтоб отметить ее полезную деятельность на транспорте. Для нее это будет поощрение и хорошая память, что вот как ей нужно в дальнейшем поступать.

Я говорю:

– Полностью согласен с вами, мадам. И вполне разделяю ваше решение.

Женщина говорит:

– Что касается меня, то я член райсовета, и к моему заявлению все-таки отнесутся внимательно и не по-казенному.

Я говорю:

– Вот и хорошо. Давайте спросим у кондукторши, как лучше это сделать.

Женщина говорит:

– Нет. Давайте спросим у нее фамилию или ее номер. И давайте прямо в печати выступим с заметкой: дескать, вот какие бывают факты, спасибо, так и надо и прочее.

Женщина встает со своего места и хочет спросить кондукторшу то, что нас интересует. Но в этот момент кондукторша выходит на площадку и там убедительно беседует с одним пассажиром, который едет вместе со своим выпившим приятелем. И вот кондукторша советует пассажиру покрепче держать своего друга, чтоб тот на повороте не нырнул бы на мостовую.

Сделав распоряжение, кондукторша возвращается в вагон, и моя соседка немного дрожащим от волнения голосом просит кондукторшу сообщить свою фамилию, маршрут и служебный номер.

Тут я опомниться не успел, как разразилась гроза.

Милая кондукторша изменилась в лице. Сначала покраснела, потом побелела и вдруг крикнула:

– А тебе на что моя фамилия? Ты что, старая кикимора, не в свое дело нос суешь? Или ты хочешь сказать, что я неправильно сделала, что пьяного в вагон пустила? Так я тебе, старая хрычовка, на это скажу: лучше бы я тебя в вагон не пустила, чем я бы оставила немного выпившего на улице, где он...

Член райсовета, растерявшись, начинает бормотать:

– Видите, мы, собственно говоря...

Я говорю:

– Слушайте, товарищ кондукторша... Вы не поняли нас...

Кондукторша говорит:

– А тебе еще чего надо? Ты-то еще что, арап, суешься? Много вас тут, кровопийц, едет и чуть что – придираются и жалобы строчат. Только все недовольны и недовольны. Только каждый норовит за пятку укусить... Прямо нельзя работать.

Мы с женщиной до того растерялись, что не нашли даже что-нибудь сказать. Один из пассажиров говорит кондукторше:

– Чего вы понапрасну горячитесь и этим портите свою драгоценную кровь? Вы их не поняли: эти двое, наоборот, хотели вас похвалить, чтобы сделать вам поощрение по службе.

Кондукторша, смутившись, говорит:

– Ах, пожалуйста, извините! Знаете, до того дошло, что каждый пассажир вроде тигра представляется. Каждый норовит устроить неприятность.

Женщина, пожав плечами, говорит:

– Вот теперь я не знаю, как мне поступить. С одной стороны, мне хотелось отметить полезную деятельность на транспорте, а с другой стороны, она на меня накричала и тем самым показала, что у нее еще бывают прорывы.

Женщина вышла из вагона не совсем довольная. Мне было тоже немного досадно, что мы не успели в восторженных тонах отметить в печати полезную деятельность кондукторши.

Фамилию кондукторши я не знаю. На мой вопрос она, мило улыбнувшись, ответила:

– Меня зовут Валя. А фамилию свою я вам не скажу: у меня муж ревнивый.

Так что в этом моем фельетоне я отмечаю полезную деятельность кондукторши без указания фамилии.

Привет, милая Валя! Не все пассажиры – тигры.

Король золота*

Вот какую удивительную историю я намерен вам рассказать. С героем этой истории я познакомился на одном крупном строительстве. Мне сказали, что это «король золота», бывший крупный спекулянт и валютчик.

Я с любопытством посмотрел на него.

Это был средних лет мужчина в барашковой шапке. Не очень такой, что ли, толстый, но с брюшком. Усатый. И выражение лица у него было в высшей степени скучное и, я бы сказал, исключительно обиженное.

Он работал на строительстве по бетону. И, говорят, отличался примерным поведением, усердием и сугубой молчаливостью.

Несколько лет назад он жил в городе Ч. и там он спекулировал.

Он был сын купца. И сам в начале нэпа занимался разными коммерческими операциями. Он продавал и покупал. Делал разные шахер-махер. И на вырученные деньги он приобретал золото.

Он не видел смысла покупать что-либо иное. Он говорил: лошадь околеет, дом сторит, валюта превратится в прах. И только золото, он говорил, всегда будет сиять своей первоначальной красотой во веки веков, аминь.

И вот он, где только можно, скупал у населения золото.

И до того он ловко делал, что ни разу за все десять лет не попадался.

Он дошел в этом деле до полного искусства. Он высматривал, у кого можно что-нибудь приобрести. Выжидал, когда тому приспичит, и буквально за пустяки приобретал то, что ему нужно.

Он, главным образом, покупал золотые монеты царской чеканки. Он к этому имел особую страсть. У него руки дрожали и взор пылал, когда он, как скупой рыцарь, перебирал и пересчитывал свои монеты.

Нет, людям нашего времени незнакомы эти эмоции. Но, говорят, что у представителя старого мира буквально начиналось мандраже, когда он прикасался к таким деньгам.

Итак, наш сын купца в течение десяти лет скупал золото. Но это золото он у себя не держал, страшась неожиданностей.

Он прятал это золото на кладбище. Он где-то там его зарывал. Он под видом страдающего сына приходил на могилу своего отца и там подолгу сидел, умиротворенный тишиной и природой. И там он, оставшись наедине, под крик ворон и шум сосен, производил свои сберегательные операции.

В 1930 году на него был «стук». О нем куда следует сообщили, что это спекулянт и мошенник, торгующий валютой и чем придется.

Однако у него ничего не нашли. И он ни в чем не признался. Он даже имел смелость сказать, что это клевета на безработного человека, который едва-едва сводит концы с концами.

И он, действительно, жил в высшей степени небогато, одевался худо и ел грубую пищу.

Его отпустили. И он снова полегоньку приступил к своим операциям.

Но он стал еще более осторожен. Он даже стал реже ходить на могилу своего отца.

Вновь купленные монеты он теперь держал в небольшой железной копилке. И эту копилку, привязанную на веревке, он опускал через вьюшку в дымоход.

Раз в месяц он опорожнял эту копилку и тогда, полюбовавшись своим золотом, нес его на кладбище.

Наконец, в 1932 году к дежурному по уголовному розыску пришел частный житель города Ч., некто Андронников. Он пришел с каким-то незнакомцем. И он так сказал:

– Что вы смотрите? Под вашим носом столько лет орудует крупный спекулянт, а вы его не берете. Он заражает воздух нашего города. И хотя он мой знакомый, но я отдаю себе отчет, что он из себя представляет. Уже сам факт, что он скупает золото, показывает, что он строит свою темную жизнь в расчете на контрреволюционный переворот и на ликвидацию социализма в нашей стране. Он тонко ведет свои дела, но я предпринял кое-какие шаги для того, чтобы его ликвидировать. Дежурный говорит:

– А что вы сделали?

Тот говорит:

– Я хотел узнать, имеется ли у него золото, или это есть пустые разговоры. И я в этом теперь полностью убедился. Я нарочно при свидетеле продал ему золотую монету, на которой я сделал зарубку.

Потом эту монету я потребовал назад. Я сказал, что я раздумал продавать. И он мне отдал монету. Но он отдал не мою монету, а другую, без зарубки. Из чего я вполне убедился, что он смешал мою монету с другими. И из груды монет дал мне первую попавшуюся. И вот со мной пришел свидетель, который может это подтвердить.

Тогда выступил незнакомец и так говорит:

– Да, это так, как он сказал. Мы три раза ему говорили, что эта монета не наша, что наша монета 1907 года. И он три раза приносил нам монеты, и все они оказывались без зарубки. Из чего видно, что у него не семь и не десять монет, а наверно бесчисленное множество.

Дежурный говорит:

– Это становится интересным. Спасибо за участие. Сейчас же мы предпримем меры.

И вот был взят этот спекулянт. Припертый к стене свидетелями, он в высшей степени смутился и признался, что золото в небольшом количестве у него имеется.

– Тогда скажите нам, где вы держите это золото, – спросил дежурный.

– Я держу его в дымоходной трубе, – ответил спекулянт. – Вот, возьмите этот ключик от копилки. И предъявите его моей жене. Она поймет, в чем дело, и укажет вам, где находится мое золото.

И вот послали к жене спекулянта одного весьма опытного следователя. Тот показал ей ключик и сказал:

– Твой супруг – тряпка. Он решительно во всем сознался. И велел тебе отдать копилку и указать, где имеется все остальное золото.

Увидев ключик, дама чересчур смутилась, и у нее затемнилось сознание от страха и огорчения. У нее ум за разум зашел, и она, сама того не понимая, сказала:

– Копилка в дымоходной трубе. Откройте вьюшку, потяните веревку, и вы найдете то, что вы ищете. А что касается другого золота, то оно зарыто на кладбище, а где именно оно зарыто – я не знаю, так как мой супруг мне этого не говорил.

Когда спекулянту сказали о кладбище, то он задрожал всем телом и пришел в полное расстройство чувств. Но потом он овладел собой и даже с готовностью сказал:

– Ну, хорошо. Раз попался, так попался. Возьмите людей и пойдете на кладбище. Я вам укажу место, известное только мне

одному.

И вот, несколько человек, среди которых был распутавший дело Андронников, пошли на кладбище.

И наш спекулянт, вздыхая и утирая слезы, указал на могилу своего отца. Он указал, что надо рыть под самым крестом.

И тогда рабочий ударил лопатой по земле и вскоре вынул из-под свалившегося креста глиняную масленку, наполненную золотыми монетами.

И такая эта была тяжеленькая масленка, что следовательно угрозыска, которому подали эту масленку, не удержал ее в своей руке. И масленка упала на землю и разбилась. И из нее веером высыпались золотые монеты.

И, увидев это, спекулянт брыкнулся на землю, потеряв сознание.

А когда он пришел в себя, следовательно ему сказал:

– Вот видишь, в каких цепких объятиях тебя держат корни капитализма. Ты падаешь с копыт и теряешь свое сознание при виде рассыпанных денег. И тебе, я так думаю, надо получить не менее пяти лет для того, чтобы ты немного перековался и переменял свое опасное мировоззрение.

На эти слова ничего не ответил спекулянт. Он только спросил, все ли его монеты собраны.

И Андронников, который больше всех тут хлопотал, сказал:

– А что тебе с того – все ли монеты собраны? Ведь теперь они уже не твои.

Следователь угрозыска сказал:

– Успокойся, абсолютно все монеты мы собрали и даже подсчитали и запротоколировали, когда ты лежал без чувств.

Тут оказалось сто восемьдесят семь золотых монет достоинством по десять рублей каждая.

– В таком случае, – ответил спекулянт, – тринадцать монет не хватает, поскольку в этой моей масленке было ровно двести штук. Поищите в траве. А еще будет лучше и прямее к цели, если вы вывернете карманы у моего знакомого, злодея Андронникова, предавшего меня. Я хотя лежал без чувств, но сквозь пелену своего сознания видел, как он своими руками нахально ворошил мои монеты, помогая вам собирать их.

Тогда Андронникова взяли в оборот и вытряхнули у него карманы. И на землю из его карманов упало двенадцать монет.

И тринадцатую монету он выплюнул изо рта в тот момент, когда один из прохожих схватил его за горло, поскольку он видел, куда тот ее запихнул.

И когда Андронникова увели, спекулянт сказал:

– Теперь, братки, мне стало немного легче, поскольку вы взяли этого мошенника.

И вот, дали спекулянту пять лет и отправили его на строительство, чтоб он в честном труде забылся от излишних фантазий, навеянных ему капитализмом.

И он там два года работал в высшей степени хорошо и удовлетворительно. И даже его отметили в приказе, премировали грамотой и обещали сбавить ему срок, если он будет продолжать в том же духе.

И тогда наш премированный спекулянт явился к своему начальнику, и так он ему сказал:

– Вот в чем дело. Я действительно был злостный спекулянт. Я скупал золото в расчете на перемену. Но я здесь у вас совершенно перековался и полюбил труд на свежем воздухе. Теперь вы можете на меня вполне положиться. И в доказательство моих слов я хочу отдать вам на строительство еще триста золотых, которые у меня были зарыты на кладбище в другом месте, на могиле моей усопшей матери. Возьмите их, мне теперь ничего этого не надо, тем более революция у вас затянулась, а мне уже за сорок лет, и что же я буду томиться, ждать и надеяться на то, что может и не быть. А тут я увидел мир в других красках. И мое сердце окончательно и бесповоротно изменило курс.

Услышав эти слова, начальник пришел в волнение. Он так и сказал:

– Как отрадно и как приятно слышать такие слова. Вот теперь я вижу, что за два года с небольшим ты окончательно тут у нас перековался. И за это я схлопочу тебе льготу по срокам и снятие судимости. И кроме того я велю отпечатать брошюру с твоей биографией и характеристикой.

И вскоре нашего спекулянта освободили по чистой, и он вернулся домой. И там, на кладбище, он вырыл вторую масленку, в которой было триста золотых, и без слов сожаления он отдал эти золотые тому, с кем он сюда приехал.

И вот, стал наш бывший спекулянт снова жить в этом своем городе. И даже он там стал работать по распространению сельскохозяйственных изданий.

И многие подумали, что с ним произошла чудесная перемена, близкая к фантастике.

Но в сентябре прошлого года вот что с ним случилось.

Там на кладбище, на могиле своего только что умершего сына, сидела одна мать. И она там четыре часа сидела в полной неподвижности под тяжестью своего горя.

И уже наступили сумерки. А она все там сидела и тихо плакала.

И вдруг она увидела, что на кладбище пришел человек. Он отмерил три шага от одной могилы и маленькой лопаточкой стал рыть землю.

И вскоре она увидела, что этот человек вырыл из земли глиняный кувшин и со своей ладони он ссыпал туда пригоршню золотых монет.

Потом он снова зарыл сосуд и утрамбовал землю.

Тут женщина подняла тревогу. И сторож, совместно с ней и с милицией, схватили пытавшегося убежать.

И когда его привели в милицию – все увидели, что это и был наш спекулянт, отпущенный до срока.

В глиняном кувшине оказалось около пятисот золотых и некоторое количество колец, браслетов и брошек.

И вот, снова наш сын купца был отправлен на строительство.

И там мне его показали. И я долго на него смотрел, когда мне рассказывали о нем эту историю.

И тогда я понял, почему у него такое обиженное лицо. И сказал об этом рассказчику.

Но мой рассказчик ответил:

– Нет, у него обиженное лицо не потому. Только что вчера у него отобрали четыре золотые монеты, которые он ухитрился где-то тут приобрести. Его же товарищи нам об этом сказали и просили его как-нибудь обуздать. Этот человек, как зверь, понюхавший крови, уже, видимо, никогда не оставит своих привычек.

И я снова взглянул на «короля золота». Он снял свою барашковую шапочку, вытер вспотевший лоб и посмотрел на меня до того грустным взглядом, что я отвернулся.

В огороде бузина, а в Киеве – дядя^{*}

Вот какую удивительную жалобу мы получили по приезде в Киев. Там, в Киеве, по Пушкинской улице, дом 19, проживают братья Богатыревы. Их три брата: Лев, Давид и Владимир.

Три года назад эти братья избili депутата горсовета тов. К.

Возникло дело. Народный суд Ленинского района присудил милых братьев к разным срокам наказания.

Но проходит, представьте себе, несколько месяцев, и все видят, что братья по-прежнему шляются на свободе, посвистывают, задевают жильцов дома и, вдобавок, начинают травить жалобщика К. И даже избивают его жену.

Тогда президиум горсовета, удивившись, что бывают такие случаи, передает это дело прокуратуре, чтобы выяснить, почему не состоялось наказание. Полтора года дело не двигалось. Наконец, в октябре 1937 года прокуратура предложила районному прокурору вновь расследовать все дело.

Районная прокуратура, в свою очередь, предложила расследовать дело начальнику районной милиции.

Начальник районной милиции предложил расследовать дело надзирателю.

Надзиратель тоже был бы, вероятно, рад предложить еще кому-нибудь заняться этим делом. Но не тут-то было. Подчиненных у него не было. И он сам приступил к «разматыванию дела».

Он приступил к следствию в январе 1938 года и вел его больше месяца.

Наконец, начальник милиции, возмущившись волокитой, предложил надзирателю Михайличенко закончить следствие в трехдневный срок.

Но проходит еще месяц, и, как говорится, ничего в волнах не видно.

Братья-разбойники, осмелев, вновь начали понемножку дебоширить, задевали жильцов, издевались над ними, угрожали «вообще к черту убить этого К.», поскольку за это «им ничего не будет».

Тогда жильцы начали понимать, что какой-то добрый дядя «ворожит» братьям.

Седьмого мая жалобщик направился в областную прокуратуру. Там исключительно возмутились делом и обещали тотчас выяснить, что случилось.

Но проходит еще некоторое время, и снова тишь, гладь и божья благодать.

Тогда К. написал в газету «Большевик».

Редакция запросила о деле облпрокуратуру.

Облпрокуратура запросила райпрокуратуру.

Райпрокуратура запросила начальника милиции.

Начальник милиции запросил надзирателя Михайличенко.

Наконец, облпрокуратура ответила газете: «Материалы по обвинению Богатыревых подтвердились».

Казалось бы, что деятельности братьев пришел конец. Но не тут-то было. Снова потекло следствие.

Короче говоря, прошло три года с тех пор, как братья избili депутата горсовета.

Три года шли неслыханная канитель и волокита. Три года кто-то явно покровительствовал братьям.

Мы не знаем, кто им покровительствовал. Знаем только, что следствие велось возмутительным образом.

Надзиратель Михайличенко посещал квартиру братьев и там им зачитывал весь следственный материал, знакомил их с документами. Туда же, на квартиру Богатыревых, вызывал свидетелей и там с ними беседовал.

Даже если этот надзиратель неповинен в покровительстве братьям, то он повинен в том, что нарушил основные положения кодекса в части ведения следствия.

В общем, безобразное дело следует поскорее закончить.

Вот уж действительно – в огороде бузина, а в Киеве – дядя.

Надо бы добраться до этого дяди.

Поучительная история*

Вот какую сравнительно небезынтересную историйку рассказал мне один работник городского транспорта.

Причем до некоторой степени эта историйка поучительна не только для транспорта. Она поучительна и для других участков нашей жизни.

По этой причине мы и решили затруднить внимание почтенных читателей сей, как говорится, побасенкой в виде небольшого фельетона.

Так вот, в одном управлении служил один довольно крупный работник по фамилии Ч.

Он в течение двадцати лет занимал солидные должности в управлении. Одно время он, представьте себе, возглавлял местком. Потом подвизался в должности председателя правления. Потом еще чем-то заправлял.

Короче говоря, все двадцать лет его видели на вершине жизни. И все к этому привыкли. И никто этому не удивлялся. И многие думали: «Это так и надо».

Конечно, Ч. не был инженером или там техником. Он специального образования не имел. И даже вообще с образованием у него было, кажется, исключительно слабовато.

Ничего особенного он делать не умел, ничего такого не знал и даже не отличался хорошим почерком.

Тем не менее все с ним считались, уважали его, надеялись на него и так далее.

Он был особенно необходим, когда происходили собрания. Тут он, как говорится, парил как бог в небесах. Он загибал разные речи, произносил слова, афоризмы, лозунги. Каждое собрание он открывал вступительной речью о том о сем. И все думали, что без него мир к черту перевернется.

Все его речи, конечно, стенографировались для потомства. И к своему двадцатилетнему юбилею он даже задумал издать свои речи отдельной брошюрой. Но поскольку в последнее время из бумаги стали усиленно производить блюдечки и стаканчики для мороженого,

то на его брошюру бумаги как раз не хватило. А то бы мы с интересом читали его оригинальные речи и удивлялись бы, какие бывают люди.

Так или иначе, его двадцатилетний юбилей решили пышно отпраздновать. И даже был куплен портфель с дощечкой, на которой выгравировали слова: «Вы... этот... который... двадцать лет... и так далее... Мы вас... Вы нас... Мерси... И прочее... и все такое...»

В общем, что-то в этом духе.

Но еще не состоялся этот юбилей, как вдруг произошло событие, заметно снизившее значение предстоящего праздника.

Вот что случилось на последнем собрании.

Наш Ч. только что произнес речь. Он произнес горячую и пламенную речь – дескать, рабочие... труд... работают... бдительность... солидарность...

И, утомленный своей речью, под гром аплодисментов сел на свое место рядом с председателем и стал рассеянно водить карандашом по бумаге.

И вдруг, представьте себе, встает один работник из вагоновожатых. Исключительно чистенько одетый – в сером костюмчике, в петлице незабудка, носки, туфли... Вот он встает и так говорит:

– Тут мы сейчас слышали убедительную речь тов. Ч. Хотелось бы его спросить: ну и что он этим хотел сказать? Двадцать лет мы слышим его тенор: ах, рабочие, ах, труд, ах, пятое-десятое... А позвольте вас спросить: что представляет из себя этот Ч. на нашем участке работы? Что он – техник, инженер, или он оперный артист, присланный к нам сюда для интереса? Или что-нибудь он умеет делать? В том-то и дело, что он ничего не умеет делать. Он только произносит голые речи. А мы, представьте себе, за эти двадцать лет значительно выросли. Многие из нас имеют образование в размере семилетки. А некоторые у нас окончили десять классов. И они бы сами могли кое-чему поучить уважаемого товарища Ч., поскольку вожатые сейчас не прежней формации. Это в прежнее время вожатый умел только вращать ручку мотора, а в настоящий момент вожатый – это своего рода специалист, который может и схему мотора начертить, и политическую речь произнести, и дать урок по тригонометрии нашему оратору Ч.

Тут исключительный шум поднялся. Крики. Возгласы.

Председатель слегка оробел. Не знает, как ему на это реагировать.

А возгласы продолжают: «Правильно!», «Исключительно верно!», «Долой его!»

Тогда один встает и говорит:

– Нет, выгонять нашего пресловутого оратора не надо, поскольку он двадцать лет подвизался на своем поприще. Но лучше он пуцай в местком сидит и там усиленно марки наклеивает, чем он будет на наших производственных собраниях нравственные речи произносить.

И тут снова все закричали: «Правильно!» А один, склонный к перегибу, встал и сказал:

– Наверно, этот Ч. придумал себе лозунг: чем возить, так лучше погонять. Вот он поэтому и очутился во главе нас.

Тогда председатель прервал оратора. Он сказал:

– Не надо оскорблять личности.

Тут все моментально взглянули на этого Ч. Все рассчитывали увидеть на его лице бурю негодования, расстройство и смятение чувств. Но ничего подобного не увидели.

Ч. встал, улыбнулся и, почесавши затылок, сказал:

– Собственно говоря, что вы на меня-то взъелись? Я-то тут при чем? Это вы меня выдвигали, а я этому не переставал удивляться... Я с самого начала говорил, что я ни уха ни рыла не понимаю в вашем деле. Больше того, я начал вами заправлять, будучи совершенно малограмотным господином. Да и сейчас, откровенно вам скажу, я по шести ошибок в двух строчках делаю.

Тут все засмеялись. И сам Ч. тоже засмеялся. Он сказал:

– Прямо я сам на себя удивляюсь. Двадцать лет как в сказке жил.

Тогда встает один кондуктор и говорит:

– Это как у Пушкина... А теперь он остался у разбитого корыта.

Председатель говорит:

– Это он потому остался у разбитого корыта, что он двадцать лет поучал, а сам ничему не научился.

Тут вскоре собрание было закрыто. И через несколько дней началась другая жизнь – на основе знания дела.

Последняя неприятность*

На этот раз позвольте рассказать драматический эпизод из жизни умерших людей.

А так как это факт, то мы и не позволим себе в своем изложении допускать слишком много смеха и шуток, для того чтобы не обидеть оставшихся в живых.

Но поскольку эта история до некоторой степени комична и смех, как говорится, сам по себе может прорваться, то мы заранее попросим у читателя извинения за невольную, быть может, нетактичность по отношению к живым и мертвым.

Конечно, сам факт в своем первоначальном смысле ничего комического не имел. Наоборот, умер один человек, один небольшой работник, индивидуально незаметный в блеске наших дней.

И, как это часто бывает, после смерти начались пышные разговоры: дескать, сгорел на своем посту, ах, кого мы потеряли, вот это был человек, какая жалость, друзья, что мы его лишились.

Ну, ясно, конечно, безусловно, при жизни ему ничего такого оригинального никто не говорил, и он, так сказать, отправился в дальний путь, сам того не подозревая, что он собой представляет в фантазии окружающих людей.

Конечно, если бы он не умер, то еще неизвестно, как бы обернулась эта фантазия. Скорей всего, те же окружающие, как говорится, загнули бы ему салазки или показали бы ему кузькину мать и где раки зимуют.

Но поскольку он безропотно умер, то вот оно так и получилось божественно.

С одной стороны, друзья, прелестно умирать, а с другой стороны – мерси, лучше не надо, как-нибудь обойдемся без вашей чувствительной благодарности.

Короче говоря, в том учреждении, где он работал, состоялась после занятий беседа, и на этой беседе вспоминали разные трогательные эпизоды из жизни умершего.

Потом сам директор взял слово. И в силу ораторского искусства он загнул свою речь до того чувствительно, что сам слегка прослезился. И, прослезившись, похвалил умершего сверх всякой меры.

Тут окончательно разыгрались страсти. И каждый наперерыв старался доказать, что он потерял верного друга, сына, брата, отца и учителя.

Из рядов вдруг один пронзительно крикнул, что надо бы захоронение попышней устроить, чтобы другие служащие тоже стремились бы к этому. И, видя это, они, может быть, еще более поднажмут и докажут всем, что они этого заслуживают.

Все сказали: это правильно. И директор сказал: пусть союз на стенку лезет – захоронение будет отнесено на казенный счет.

Тогда встал еще один и сказал, что таких замечательных людей надо, вообще говоря, хоронить с музыкой, а не везти молча по пустынным улицам.

Тут, утирая слезы, встает со своего места родственник этого умершего, его родной племянник, некто Колесников. Он так говорит:

– Боже мой, сколько лет я жил с моим дядей в одной квартире! Не скажу, чтобы мы часто с ним ругались, но все-таки мы жили неровно, поскольку я и не думал, какой у меня дядя. А теперь, когда вы мне об этом говорите, каждое ваше слово, как расплавленный металл, капает на мое сердце. Ах, зачем я не устроил уютную жизнь моему дяде! Теперь это меня будет мучить всю мою жизнь. Нет, я не поленюсь смотаться в одно местечко, где, как мне известно, имеется лучший духовой оркестр из шести труб и одного барабана. И мы пригласим этот оркестр, чтобы он сыграл моему дяде что-нибудь особенное.

И все сказали:

– Правильно, пригласи этот оркестр, и этим ты частично загладишь свое хамское поведение по отношению к своему дяде. Уж, наверно, у вас с ним был ежедневный мордобой, и только тебе неловко нам в этом признаться.

Короче говоря, через два дня состоялось захоронение. Было много венков, масса народу. Музыканты действительно играли недурно и привлекали внимание прохожих, которые то и дело спрашивали: «Кого хоронят?»

Сам племянник этого дяди подошел на ходу к директору и так ему тихо сказал:

– Я пригласил этот оркестр, но они поставили условие – заплатить им сразу после захоронения, поскольку они вскоре уезжают на

гастроли в Старую Руссу. Как нам поступить, чтобы заплатить им без особой мотни?

Директор говорит:

– А разве за оркестр не ты будешь платить?

Племянник удивился и даже испугался. Он говорит:

– Вы же сами сказали, что похороны на казенный счет. А я только бегал приглашать оркестр.

Директор говорит:

– Так-то так, но как раз оркестр у нас по смете не предусмотрен. Собственно говоря, умерло маленькое, незначительное лицо, и вдруг мы с бухты-барахты пригласили ему оркестр! Нет, я не могу на это пойти, мне союз за это холку намнет.

Которые шли с директором, те тоже сказали:

– В конце концов, учреждение не может платить за каждого скончавшегося. Еще скажи спасибо, что заплатили за грузовик и за всякую похоронную муру. А за оркестр сам плати, раз это твой дядя.

Племянник говорит:

– Что вы – опухли, откуда я двести рублей возьму?

Директор говорит:

– Тогда сложишься вместе со своими родственниками и как-нибудь вывернись из беды.

Племянник, сам не свой, подбежал на ходу к вдове и доложил ей, что происходит.

Вдова еще больше зарыдала и отказалась что-либо платить.

Колесников пробился сквозь толпу к оркестру и сказал им, чтобы они перестали дудить в свои трубы, поскольку дело запуталось и теперь неизвестно, кто будет платить.

В рядах оркестрантов, которые шли строем, произошло некоторое замешательство. Главный из них, который махал рукой и бил в медные тарелки, сказал, что он это предчувствовал. Он сказал:

– Музыку мы не прекратим, а доиграем до конца и через суд потребуем деньги с того, кто сделал заказ.

Тогда Колесников снова на ходу пробился к директору, но тот, предвидя неприятности, сел в машину и молча отбыл.

Беготня и суетня вызвали удивление в рядах процессии. Отъезд директора и громкое стенание вдовы еще того более поразили всех присутствующих. Начались разговоры, расспросы и шептанья, тем

более что кто-то пустил слух, будто директора срочно вызвали по вопросу о сокращении штатов в их учреждении.

В общем, к кладбищу подошли в полном беспорядке. Само захоронение состоялось в крайне быстром темпе и без речей. И все разошлись не особенно довольные. И некоторые бранили умершего, вспоминая из его мелкой жизни то одно, то другое.

На другой день племянник умершего дяди до того нажал на директора, что тот обещал согласовать вопрос с союзом. Но при этом сказал, что дело вряд ли пройдет, так как задача союза – заботиться о живых, а не валандаться с мертвыми.

Так или иначе, Колесников пока что продал свое драповое пальто, чтобы отвязаться от оркестрантов, которые действительно ни перед чем не остановились бы, чтобы получить свои пречистые.

Свое пальто племянник загнал за 260 руб. Так что после расплаты с оркестром у него остался навар – 60 монет. На эти деньги племянник своего дяди пьет третий день. И это обстоятельство сигнализирует нам, что учреждение во главе с директором оказалось не на высоте.

Будучи выпившим, племянник этого дяди пришел ко мне и, утирая рукавом слезы, рассказал мне об этой своей мелкой неприятности, которая для него была, наверно, далеко не последней.

Для дяди же эта мелкая неприятность была последней.

Приглашение в Ленинград*

Если ты не был в Ленинграде, уважаемый читатель, то мне попросту грустно на тебя глядеть.

Значит, ты, ворона, ничего хорошего не видел. А еще берешься рассуждать о красоте и гигиене.

Город Ленинград – это красивейший город. Он расположен на берегу Финского залива.

Красавица река Нева прежде, чем впасть в море, разветвляется, представьте себе, на семь отдельных рукавов. Другие реки просто и нехудожественно впадают в море одним каким-нибудь своим мутным рукавом. А тут такое, можно сказать, художественное изобилие – семь рукавов. И между ними разные острова. Перекинуты мосты. Пароходы ходят. Цветущие сады по берегам. Чудные здания в стиле ампира. Очень божественная панорама.

А главное, конечно, – море.

Ну, естественно, приморский город. Вот потому и море.

Главная прелесть в том и заключается, что наш город расположен у моря. Ленинградцы особенно этим гордятся и чванятся. Дескать, море. Дескать, можно его видеть.

И, действительно, все-таки, как ни говорите, забавно посмотреть с городской улицы на морские дали.

Конечно, которым это очень забавно, тем наилучше всего проехаться, скажем, в Севастополь, потому что у нас в Ленинграде море не особенно хорошо видать. Даже мы, ленинградцы, немножко удивляемся, как это у нас так здорово устроились, что от моря целиком загородились.

Все-таки охота была бы иметь какой-нибудь свой приморский бульварчик, где усталый ленинградец мог бы присесть на скамеечку, чтоб посмотреть, как плещутся балтийские воды.

Надо полагать, что в дальнейшем ученые чего-нибудь сообразят и выяснят, откуда нам смотреть на море.

Безусловно, морской порт, фабрики и разные там склады, наверно, я так думаю, больше нуждаются в морской воде, чем какая-нибудь там отдельная человеческая единица, склонная помечтать на берегу моря.

Но все-таки, как говорится, душа просится к морю. Тем более, что сухопутные москвичи – и те заимели свое море. А тут оно где-то плещется под боком, а где – не видать. Чересчур досадно.

Досадно, но не совсем, потому что желающие посмотреть на море могут запросто поехать на Елагин остров, туда, где нынче расположен наш прекрасный парк культуры и отдыха.

Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем: немножко далеко.

А такси на что? Сядем на такси и поедem к морю.

Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Нипочем такси не достать. Вот это худо. Худо, да не совсем. А трамвай на что? Сядем на трамвай и поедem. Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Там, в трамвае, и без нас усиленная давка по случаю выходного дня.

Вот это худо. Худо, да не совсем. Можно и пешком пройти.

Конечно, пехтурой идти – два часа пройдешь. Вот это худо. Худо, да не совсем. Можно ведь и вовсе не пойти. Никто ведь нас, как говорится, туда за волосы не тянет. Зачем же нам себя мучить?

Давайте вместо сомнительного моря поглядим на что-нибудь сухопутное.

Дайте руку, уважаемый читатель, пойдem на нашу главную магистраль, на проспект 25 октября.

Вот он, наш знаменитый Невский – ныне проспект 25 октября. Конечно, он сейчас неважно выглядит. Он уже три месяца разрыт. И ходить там не так уж безопасно для жительства. Вот это худо. Худо, да не совсем. Говорят, там не сегодня-завтра закончится ремонт. И наш прекрасный проспект с его слишком узенькими изящными тротуарами в скором времени снова засияет своей первоначальной красотой. Вот это хорошо.

Так что вместо этого давайте поглядим на что-нибудь другое. Вот наш прелестный Летний сад. Красивая река Фонтанка. Великолепная площадь Жертв Революции – бывшее Марсово Поле. Хотя это старинное название и навеивает военные мысли, но тут мир и тишина. Здесь раньше был пустырь, и здесь шагали царские солдаты. А сейчас тут кругом зелень. Скамейки поставлены. Матовые фонарики.

Сейчас тут влюбленные сердца имеют привычку назначать свидание. Пусть их! Не мешайте им, товарищ милиционер!

Но идемте дальше. Вот Дворец пионеров. Чудный сад, великолепное здание. И там все для ребят. Вот оригинальная

Адмиралтейская игла. Вот знаменитый Эрмитаж.

А вот и... Но что это за обветшалое здание? Ах, это Зимний дворец – эта, так сказать, резиденция царей, последний оплот мелкой и крупной буржуазии.

Жаль, что дворец в таком отчаянном виде. На первый взгляд кажется, что он ремонтировался последний раз при Николае I. Но, оказывается, ничего подобного. Еще как будто год назад его скоблили и красили. И вот он снова весь обшарпанный, грязный и неинтересный. Краска облупилась, штукатурка висит, уборные, наверное, не действуют.

С чего бы это он так скоро обветшал? Говорят, краска дрянная, почему-то не держится на вертикальных стенах. Отстает. Да, но зачем же они таким дерьмом красят такое чудное здание? Вот это худо.

Отойдем, читатель, от этого дворца, чтоб не портить настроения.

Дайте руку, пойдемте на набережную Невы. Вот тут еще больше, чем где-либо, можно насладиться величием Ленинграда. Тем более вода, как говорится, ремонта не требует. Течет себе и течет. И кушать не просит. Набережная гранитная. Очень повсюду чистенько, красиво, элегантно. Вот это хорошо.

Пароходики то и дело шныряют по Неве. Давайте сядем на такой пароходик и покатаемся.

Ах, да! В самом деле! Что же мы прикидываемся казанской сиротой? Ведь на таком пароходике в аккурат до самого моря доехать можно, до парка культуры и отдыха.

Едем, уважаемый читатель, на острова. Там мы воочию увидим морской пейзаж. Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Там ведь море немножко сдавлено берегами. Но зато в других городах и этого нету. А тут кое-что есть. И поэтому мы еще с большей нежностью любим наш славный, красивейший в мире город Ленинград.

С морским приветом заслужен, деят.

М. М. Коноплянников-Зуев

На улице*

Дозвольте, уважаемые товарищи, коснуться на этот раз вопросов хулиганства.

С одной стороны, нам даже странно об этом говорить.

Люди у нас почти все грамотные. Многие, представьте себе, окончили семилетку. Получили знания по тригонометрии. Знают, что такое астрономия. Имеют смутные представления о луне. Бренчат на рояле. Много купаются.

И вдруг такая, можно сказать, печальная несообразность – хулиганство.

Через это многие даже верить не хотят, что у нас есть хулиганство. И, наверно, по этой причине борьба с хулиганством проходит в ослабленном виде.

На улицах милиционеров мало. Вдобавок милиция стоит на проспектах. А на маленьких улицах никого нету. Что касается дворников, то некоторые из них пугливые. Чуть что – прячутся. Так что ночью буквально некому одернуть хулигана.

Тут мы записали несколько фактов, на которые следует обратить внимание.

1. Игра в футбол

Вечер. Идет по улице молодой человек. Техник по образованию. Он идет с девушкой. Он ее провожает. Они только что были в кино. Смотрели какую-то картину. И вот теперь они идут вместе. О чем-то тихо беседуют. Может быть, об искусстве плюс еще о чем-нибудь.

Вдруг навстречу им идут трое. И один из троих толкает нашего молодого техника плечом. И толкает до того сильно, что наш начинающий ученый отлетает на три шага. И при этом наталкивается на второго встречного.

Второй парень нарочно говорит:

– Ты чего тут путаешься под ногами?

И в свою очередь с силой толкает нашего техника, так что тот наталкивается на третьего парня.

Третий парень толкает к первому. Первый – опять ко второму. И так они повторяют эту свою игру до трех раз.

Наш техник, как футбольный мяч, летает от одного к другому. И только вскрикивает от обиды и огорченья.

Наконец, три типа с хохотом идут дальше, нарочно крича черт знает что, чтоб оскорбить слух молодой девушки.

2. Плюнул от нечего делать

Я еду на трамвае. Стою на площадке. Уже вечер. Поздно.

На повороте, у городского театра, идут через улицу трое. Один, слегка выпивший, несет на руках младенца. Другой идет позади вместе с какой-то тетушкой. И все трое поют не в полный голос. Вероятно, возвращаются с именин.

Вот мой трамвай равняется с этой компанией. И вдруг молодой тип, несущий на руках ребенка, прицеливается губами и плюет на мой костюм.

Я моментально соскакиваю с трамвая и хватаю его за руку. Но он с ребенком. И мне неловко и неудобно его держать.

Тогда я иду за ним, и мы доходим до Пушкинской улицы.

Я там хочу сказать об этом случае милиционеру. Но там в стеклянной будке сидит только регулировщик. Вдобавок, ему некогда. Он вертит ручку светофора и одним ухом слушает меня.

Двое, которые шли с парнем, исчезают. А парень говорит милиционеру:

– Сам не знаю, чего этот чернявый привязался ко мне. Идет за мной, как тень, и вдобавок хватает за руку. А я иду с ребенком и ему ничего не сделал.

Я говорю парню с ребенком:

– Мало того, что ты хулиган, – вдобавок ты еще трус.

И, махнув рукой, ухожу. Парень кричит:

– Эй, задержите этого! Чего он меня оскорбляет, когда я несу ребенка.

3. Гарун аль Рашид

В дачной местности (куда я приехал погостить к своим знакомым), у вокзала, стоит будка. И там торгуют пивом и вином.

Конечно, у будки постоянно крики, вопли, брань и так далее. Некоторые алкоголики тут же спят. Другие «стреляют» у прохожих, поскольку им не хватает на «маленькую».

Если не дашь, то чего-нибудь крикнут вдогонку или погрозят бутылкой.

Давеча один лег на панель и стал прохожих хватать за ноги.

Тогда я сказал милиционеру, дескать, некрасивое зрелище, надо что-нибудь сделать, а то по панели нельзя ходить.

Милиционер говорит:

– Видите, это местные хулиганы. Их тронешь – потом жизни не будешь рад. Вы не идите по той панели, а идите по этой.

Я так и сделал. Пошел по другой панели. И зашел к начальнику милиции. Начальник милиции сказал:

– Не знаю, как в других дачных местностях, но у меня хулиганства нету. Может быть, есть, но настолько мало, что обсуждать не приходится. Взгляните в нашу дежурную книгу, там вы не найдете о хулиганстве ни одной записи. И ни один милиционер мне об этом ничего не сообщил!

Я говорю:

– Гарун аль Рашид имел хорошую привычку не верить своим министрам. Он лично заходил в дома и наблюдал, как живут люди. Вот и вы надели бы штатский костюм и кепку и прогулялись бы по вашим владениям.

Начальник милиции, улыбнувшись, сказал:

– Надо будет действительно попробовать. А то все больше на моторе езжу и, может быть, не замечаю то, что надо замечать.

На этом мы с ним любезно распростились. И теперь я ожидаю некоторых перемен на фронте хулиганства.

Была без радости любовь^{*}

Один молодой гражданин написал мне письмо с просьбой помочь ему в его нестерпимом горе.

Это письмецо он послал на адрес редакции журнала «Крокодил». Поэтому вся наша редакционная общественность сильно заинтересовалась судьбой этого человека и поручила мне что-нибудь сделать.

Я хотел было тиснуть в печать все это письмо целиком. Но, к сожалению, оно длинное, не очень-то грамотное, и вдобавок оно написано в момент сильного душевного волнения, так что стиль там неровный и слог черт знает какой.

По этой причине мы решили напечатать только некоторые выдержки из письма. А все остальное мы для ясности восприятия расскажем собственными словами.

В общем, вот как у них было.

В феврале 1937 года один молодой человек, некто Мишин (автор письма), прибыл на работу в совхоз, в политотдел.

И вечером, беседуя с председателем рабочкома, он с более общих тем перешел на частные темы и, вздохнувши, сказал председателю: дескать, вот приходится работать в глуши, дескать, досадно ничего особенного не видеть, дескать, как тут у вас насчет женщин. «Хорошеньких небось совсем нет? Очень мило! Уж не знаю, право, как я тут буду у вас работать».

Председатель рабочкома, покраснев, сказал, что вот было бы чудно, если б он месяц назад приехал. Вот тогда тут в совхозе работала одна агрономша-красавица, Ася Комарова.

Вот она действительно имела выдающуюся внешность и, наверно, понравилась бы приезжему. Но она, к сожалению, уже уехала на место своего жительства. А тут сейчас осталась другая агрономша – ее подруга, которая далеко не красавица, если не сказать больше.

В общем, второй агрономшей наш молодой человек не заинтересовался и, вздохнувши еще раз, сказал, что ему просто не везет и он теперь прямо не представляет, чем бы ему здесь заняться в свободное время.

Немного выпив и поговорив еще кое о чем, собеседники разошлись.

Потянулась будничная жизнь. Скучая и грустя, наш молодой человек зашел как-то от нечего делать на почту. И поинтересовался, много ли сельские жители пишут. И, узнав, что много, стал разбирать эти письма и стал глядеть на конверты, чтобы увидеть, кто, куда и кому пишет.

И вдруг на одном письме он увидел заветную фамилию – «Комарова».

Внимательно прочитав конверт, он увидел, что это письмо адресовано Асе Комаровой, этой красавице агрономше, о которой как раз ему и говорил председатель рабочкома. Обратный адрес на конверте указывал, что это письмо посылает другая агрономша, ее подруга, оставшаяся тут, в совхозе.

Дрожащей рукой наш молодой человек списал адрес и, придя домой, настроил красавице письмецо: дескать, ах, как жаль, что она уехала, дескать, вот было бы счастье, если б она была тут. Дескать, не хотите ли, Ася, переписываться?

Я буду, дескать, вам писать, а вы мне, и, может быть, в дальнейшем у нас с вами что-нибудь завяжется интересненькое.

Вот он посылает это письмо и через несколько дней, дрожащий от счастья, получает ответ: дескать, вот и хорошо, я оценила ваш порыв, ладно, я буду вам отвечать на ваши письма, это до некоторой степени интересно, пишите.

И вот у них завязалась переписка.

Они вскоре обменялись фотографическими карточками. И оба были поражены и обрадованы, что их надежды оправдались и заветные мечты сбылись.

После этого письма наполнились нежными словами и обещаниями. И в сердцах наших героев разгорелась любовь.

Молодой человек чуть не ежедневно строчил ей о том о сем. И она ему отвечала.

Больше года у них шла переписка. И наконец они поняли, что не могут жить друг без друга.

Он обещал приехать к ней. Но у него не было хорошего зимнего пальто, и потому свой приезд он переложил на лето.

В общем, 27 июля сего года он приехал к ней на станцию Т.

Наше загрубелое перо, уважаемый читатель, навряд ли может справиться с описанием дальнейших событий, а потому мы предоставим автору письма самому высказаться. Вот как он пишет по этому поводу:

«27 июля я прибыл туда, где она жила. Прибыл утром. И пошел в гостиницу, так как мне надо было привести себя в порядок. Мне отвели общий зал и койку из двух досток за 50 копеек. Когда я посмотрел свой номер, мне стало „жутко“ – зачем я сюда приехал. И я как дурак просидел в этом номере полсуток. А потом взял свой „чемодан“ и решил идти на квартиру к своей возлюбленной и там с ней ознакомиться, чем ей сюда прийти и видеть то, что здесь есть».

В общем, молодой человек поступил, конечно, правильно. Воображаем, что это был за номер, если приезжего охватила жуть и он «полсуток» сидел в нерешимости, что ему делать. И так, он пошел к ней. Вот как об этом он пишет:

«В четыре часа дня я прибыл на квартиру к Комаровой. Но там была одна бабушка, а две сестры, Ася и Женя, и их мать „Анна Петровна“ были на „базаре“. Я их жду, когда они придут с „базара“. И вот я „сежу“ и жду как „дурак“. И меня трясет и всего ломает, как „малярия“. То есть я „сежу“ как на угольях. Тогда я решил переодеться, чтоб вид иметь лучше. Пока я переодевался, в это время пришла с „базара“ ее младшая сестра Женя. Бабушка через окно ей сказала: не входите, тут в „коридоре“ переодевается один приезжий человек. И она, Женя, влезла в дом через окно. И меня спросила, зачем я тут переодеваюсь. Я ей сказал: я жду мою возлюбленную. Асю Комарову. Женя сказала: я ее сестра, она сейчас придет с „базара“. Через двадцать минут на „велосипеде“ быстро округ дома проехала Ася, которую я жду. Я пошел ей навстречу и ей отрекомендовался, что я самый тот „герой“, который вас любил заочно год и четыре месяца. Ася в это время была очень взволнована и крайне удивлена. И смотрела на меня, как будто бы это был не я, а кто-нибудь другой».

Волнение чувств у автора письма не позволяет ему описывать дальнейшее с прежней четкостью. Он перескакивает с предмета на предмет и пишет несуразно, так что мы и не рискнем предлагать читателю конец его письма.

Скажем кратко. Ася Комарова не задерживала его долго в помещении. Она сказала, что тут неудобно им беседовать и что пусть

он вечером придет в «садик» (почему некоторые слова автор письма берет в кавычки, мы не понимаем).

В общем, наш молодой герой, взволнованный и потрясенный, пошел вечером в «садик». Но не дойдя до «садика», он встретил Асю, которая ему прямо сказала: «Вы мне совершенно не нравитесь».

Молодой человек «стоял, как громом ошарашен».

Печальную сцену расставания он описывает так:

«Я сказал ей: Но вы же меня любили. Она мне сказала: Нет, надо видеть живую действительность, а фотография не то передает, что ожидаешь. Я спросил ее: Сколько сейчас время? Она ответила мне: Уже одиннадцать часов. Я сказал: Я на „поезд“ опоздал... Я не мог успеть уехать обратно, и я провел всю ночь один и не мог спать ни минуты. И мне еще „сутки“ надо было ждать до отхода „поезда“. И я, не помня себя, как в угаре, дождался „поезда“. И уехал от своей знакомой».

На этом письмо заканчивается.

К письму автор делает приписку:

«1) Прошу вашего совета, что мне делать. 2) Не могу ли я через милицию отобрать у нее мои письма, хотя она и говорит, что рвала их, но я полагаю, что она хранит их у себя. 3) Можно ли этот материал поместить в одном из журналов?»

Отвечаем:

1) Делать ничего не надо. Надо пережить разлуку. И надо, приведя свои чувства в порядок, полюбить какую-нибудь другую девушку не заочно и не по фотографии, а в реальной действительности. Тогда не будет таких огорчений.

2) Через милицию отобрать письма не можете. А если она говорит, что она письма рвала, то это скорей всего так и есть. Похоже на то.

3) Материал помещаем в журнале. Но помещаем не с тем, чтобы обличить девушку. Наоборот.

По нашему мнению, молодой наш герой совершил грубую ошибку и даже провинность, за что и был по заслугам наказан жизнью. Наш герой влез на почту и сунул свой нос в чужие письма.

Мы удивляемся, как начальник почтового отделения допустил до этого.

Пронырливый молодой герой списал с чужого письма адрес. И сам заварил всю кашу. Вдобавок и фотографию он, наверно, послал какую-

нибудь особенную. Наверно, умолил фотографа, чтоб тот замазал ему все угри и прыщи. Вот оно и получилось, что возлюбленная его не признала.

А если не признала и не полюбила, то уж тут, как говорится, и сам прокурор не поможет.

Советуем завить горе веревочкой и предать все забвению.

Была без радости любовь, разлука будет без печали.

О вывесках*

Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а лично я научился читать по вывескам.

Бывало, шестилетним шпингалетом иду по улице и по складам читаю: «Детский рай», ресторан «Медведь», чайная «Веселая долина» и так далее.

И представьте себе, научился читать и до сих пор, как говорится, не забываю эти свои научные достижения.

Конечно, в настоящее время научиться по вывескам было бы много трудней.

В другой раз глядишь на вывеску, будучи уже, как говорится, взрослым оболтусом, и вроде как не понимаешь, что к чему. В другой раз даже мысль отказывается работать в данном направлении.

По-моему, некоторые вывески могут даже создать тревожное состояние у ребенка. Не скажу, что ребенок от этого заболит или станет умственно отсталым, но некоторая тень может лечь на неокрепший мозг.

Особенно озадачивают такие вывески, например: «Райжилстройброй» или «Кройбейшвей».

Отчасти это понятно – всего, как говорится, не выведешь на вывески, чего хочется, и вот поневоле сокращаешься.

Конечно, в свое время это сокращение взяли, чтоб разгрузить телеграф. И насчет телеграфа это абсолютно правильно. Но почему это вошло во все области жизни – вот это не совсем понятно.

Хотя в последнее время на этом фронте восторжествовал здравый смысл. И многие магазины стали по-человечески называться: мясо, хлеб, булки, баранки, груши и так далее.

Вот это хорошо, что наметили такой уклон. Хорошо, да не совсем. Уж если магазин «Булки, баранки», то все магазины во всем городе носят тоже название «Булки, баранки».

А в другой раз, предположим, тебе продали недоброкачественные баранки. И прямо трудно вспомнить, в каком магазине ты купил это самое.

Вот это худо. Худо, да не совсем. Многие покупатели сами от себя окрестили булочные и дали им названия. Некоторые булочные у нас носят названия «Филипповы», некоторые «Лор».

То есть, представьте себе, прошло двадцать лет, а население волей-неволей прибегает к темному прошлому, чтобы разобраться, какой где магазин. И по этой мелкой причине называют магазин по фамилии бывшего купца и булочника.

У нас, например, один роскошный гастроном так и называют «Елисеев». Получилось это потому, что чуть не все магазины, торгующие колбасой, называются гастронумы. А от этого в глазах рябит, и если тебя спросят, куда идешь, то сразу не соберешься с мыслями. Вот это худо.

Конечно, некоторые магазины стали теперь на вывесках ставить цифру: один, два или восемь. Но это скучно, ничего праздничного не дает душе и даже, напротив, убивает поэзию.

Может быть, надо внести некоторое разнообразие. И некоторые магазины стоило бы назвать для примера как-нибудь игриво: «Не хотите ли колбасы» или «Торгуем яблоками и прочей чепухой».

Нет, я не знаю. Наверно, так нельзя называть. Но, может быть, надо опросить симпатичное население или привлечь к этому делу тех же многоуважаемых писателей, артистов и певцов. Может быть, эти последние возьмут и что-нибудь придумают в этом смысле.

Насчет булочных и колбасных я не уверен, что это надо. Но, может быть, и надо. А уж для ресторанов, для кафе и для чайных это обязательно надо.

В другой раз звонит кто-нибудь и говорит:

– Зайдем, посидим, выпьем по кружечке пива.

Ну, договариваешься, где встретиться. И обыкновенно начинается путаница, поскольку почти все рестораны так и называются: рестораны. А хотелось, чтобы они имели свое единственное какое-нибудь заманчивое название, создающее настроение и жажду жизни.

Это хорошо, когда рестораны и чайные называются: «Встреча друзей», «Под пальмой» или «Не робей – зайди сюда, Петя».

Какая-то в этом есть задушевность. Я не скажу, что от этого будут больше пить. Но кушать, наверно, будут больше. Поскольку от всего хорошего, красивого и торжественного развивается волчий аппетит и благородные соки организма выделяются в изрядном количестве, что

способствует пищеварению, вносит здоровье и силу во все области жизни, ослабляет семейный разлад и устраняет ссоры, склоки и неразбериху.

Конечно, тема нашего рассуждения, может быть, на этот раз незначительная и мелкая. В таком случае просим у читателя сердечное извинение и за натурализм, и за мелкую философию на глубоком месте.

Пламенный привет всем покупателям!

Клинический случай*

Вот какой удивительный случай произошел со мной.

Давеча захожу в одну амбулаторию полечиться. У меня, как говорится медицинским языком, нервы стали пошаливать.

И вот вхожу в кабинет врача и вижу перед собой брюнета, сидящего за столиком.

Рассказываю ему, что со мной. И он начинает меня слушать.

Он послушал через трубку мое утомленное сердце и говорит:

– Небось высокожато живете? В пятом или в шестом этаже? Эвон как сердце трепыхается.

– Нет, говорю, живу во втором этаже.

– Ах, во втором этаже! Это меня устраивает, – говорит врач. – Может, в таком случае, ссоритесь с жильцами? Небось коммунальная квартира? Сорок жильцов, крики и так далее?

– Да нет, говорю, наоборот: проживаю в маленькой квартирке, где один только глухой профессор с супругой и я.

Доктор говорит:

– Ах, вот как! Это становится интересным. Ну-те, положите нога на ногу. Сейчас я вас ударю медицинским молоточком по коленке и увижу, что с вами.

Увидев, что моя нога от удара высоко подскочила, доктор говорит:

– Так и есть. Функциональное расстройство нервной системы.

Я говорю:

– Какое лечение пропишете?

Доктор отвечает:

– Если хотите, пропишу пилюли. Но их бесцельно глотать. Конечно, сразу вам хуже, пожалуй, от них не будет, но я сомневаюсь, что они вам какую-нибудь пользу принесут.

Я говорю:

– А что же тогда делать при этом моем заболевании?

Доктор говорит:

– Многим помогает перемена обстановки. Переезд в другой город. Перемена службы. Обмен квартиры. Все-таки человеку придется

жить сорок лет в одной и той же комнате. Иногда хочется пожить в другой. А для нервов это край не полезно.

Я говорю:

– В другой город я не поеду. А что касается обмена квартир, то, говорю, это можно сделать, но жалко: хорошая, говорю, у меня комната. Чего я буду с бухты-барахты менять ее на худшую?

Доктор говорит:

– А что, большой метраж, что ли?

– Метраж, говорю, небольшой – семнадцать метров плюс небольшой отдельный коридорчик.

Доктор говорит:

– Это становится интересным. А встанет в этом вашем мизерном коридорчике книжный шкаф?

Я говорю:

– Свободно могут встать два шкафа и табуретка, и еще останется узкий проход в комнату.

– Мда, – говорит врач, – такие комнаты редко бывают в хорошем районе.

– Нет, говорю, и район ничего себе – Петроградская сторона.

– Ах, вот как! Действительно, жалко менять такую комнату. Конечно, если доплату дадут, то вы не жалеете, меняйте и переезжайте.

– Без доплаты, я говорю, естественно, я и не перееду.

– А много ли хотите доплаты? – говорит врач.

Я говорю:

– Надо осмотреть комнату. Может, мне подкинут такую площадь, что жизни будешь не рад. И вообще я не хочу менять. Что вы, ей-богу, ко мне привязались?

Доктор говорит:

– Конечно, если не хотите, то и не переезжайте. Я же вас за воротник не тащу. Я вам говорю с точки зрения медицины: переезжайте в том случае, если это вам интересно. А если вам неинтересно, то и сидите в своей берлоге, хворайте нервными заболеваниями, умирайте преждевременно. Я говорю:

– Прямо уж и не знаю, что делать. Главное – комната веселенькая, на солнечной стороне.

– Ах, даже на солнечной стороне! – говорит врач. – Это становится интересным. И что же, целиком она на солнце, или она немножко глядит на запад?

– Целиком, говорю, на юг. Солнце так и жарит целый день.

– Многие сердечники, – говорит врач, – это худо переносят. Короче говоря, сколько хотите доплаты, если вам дать комнату в двенадцать метров в четвертом этаже?

Я говорю:

– Хотелось бы прежде осмотреть эту вашу паршивую комнатенку.

– В таком случае, – говорит доктор, – запишите мой адрес и вечером приходите. Насиловать вашу волю я не буду. И за просмотр, за визит, с вас ничего не возьму. А пока одевайтесь и идите с богом, посоветуйтесь с женой.

Вот я оделся и вышел на улицу. И прошел сторяча два квартала. Потом мне стало досадно, что я плохо полечился. И я решил вернуться к врачу, чтоб спросить, не нужно ли мне ванны принимать с какой-нибудь мурой – морской солью и так далее.

И вот я снова поднимаюсь к этому врачу и вхожу в его кабинет.

А там уже другой пациент. И врач, слушая его в трубку, говорит:

– Мда, сердцебиение порядочное. Небось в пятом этаже живете?

Пациент уныло говорит:

– Живу в седьмом этаже.

– Мда, – говорит врач, – дураков мало меняться с вами. Одевайтесь.

Тогда я подхожу к столу и говорю:

– Довольно странно мне слышать ваши слова, обращенные к другому пациенту. Раз вы со мной договорились насчет комнаты, то зачем же вам снова расспросами заниматься?

Доктор говорит:

– Четвертый месяц ищу комнату – не могу найти. Всех опрашиваю, и это вошло у меня в привычку. Что касается вашей комнаты, то район меня не совсем устраивает, и через это я стал сомневаться. Уходите оба, сейчас ко мне еще один пациент придет, может быть, из центрального района.

Тут в дверь постучали, и вошел еще один пациент, которому врач сказал:

– Раздевайтесь. Побеседуем, что у кого болит.

В общем, теперь я хочу полечиться у другого врача. А то этот меня еще больше расстроил. И даже у меня теперь начались головные боли.

А может быть, у меня начались головные боли оттого, что мой квартирант-профессор целые дни кипятит какую-то химию в своей колбочке. От этого в квартире вредный запах. И я, кажется, действительно возьму и поменяю свою комнату.

Вот завтра пойду к какому-нибудь врачу и побеседую с ним об этом. Было бы славно, если б попался врач вроде этого. Впрочем, сильно сомневаюсь, что еще раз встречу такого же боевого медика.

Новые времена*

В октябре этого года я отдыхал в Крыму, в одном тихом и небольшом курортном местечке К.

И вот какой удивительный случай там произошел. Два молодых пижона немного подвыпили в ресторане и вышли на улицу, чтоб обсудить вопрос о своих дальнейших развлечениях.

Не найдя ничего такого, что бы их развлекло, они, скуки ради, стали задевать проходящих женщин.

А дело было к вечеру. И прохожих было мало.

Вот наши подвыпившие франты, увидев проходящую молодую женщину, стали ей кричать, чтоб она подошла к ним. При этом один из них, грубо и цинично бранясь, стал делать ей всякие оскорбительные предложения.

Смущенная женщина поспешила уйти прочь.

Увидев ее смущение, приятели осмелели и окончательно распоясались.

По улице в это время шла одна молоденькая девушка. Как выяснилось в дальнейшем, это была Лиза В., молодой инженер, отдыхающая в санатории. Она только что проводила свою подругу в соседний дом отдыха и теперь возвращалась домой.

Увидев ее, приятели развеселились. И один из них крикнул ей то, что он крикнул первой женщине.

Это было в высшей степени безобразно и оскорбительно – слушать то, что он кричал.

Девушка вздрогнула и остановилась. Потом медленно подошла к ним и спросила:

– Кто из вас двоих это сказал?

Один из франтов, не вынимая изо рта папиросу, нагло ответил:

– Я это сказал. И могу тебе, милочка, повторить, если ты сюда подошла.

Девушка, размахнувшись, с силой ударила по лицу пижона так, что он закачался и еле мог устоять на ногах.

Приятели обалдели. И побитый стал прочищать свои глаза, засыпанные пеплом и искрами от его смятой папиросы.

Девушка, вытерев свою руку носовым платком, пошла своей дорогой.

Минута обалдения прошла, и приятели с ревом бросились за уходящей девушкой, с тем чтобы ее, вероятно, избить или проучить за слишком смелый поступок.

Они догнали ее на шоссе и стали хватать за руки.

И тут неизвестно, что было бы, если б в это время по шоссе не проходил местный аптекарь А.

Он только что закрыл магазин и теперь направлялся к дому.

Увидев, что два подвыпивших парня напали на женщину, благородный аптекарь бросился к месту происшествия. И там стал разнимать их. При этом стыдил и усовещивал приятелей, говоря, что не дело двум таким здоровым коблам так низко и по-хулигански вести себя.

Оставив свою жертву, приятели стали пикироваться с аптекарем. Пикировка была с бранью и криками. И аптекарь сказал девушке, чтоб она шла домой и что он тут один разберется в происшествии.

Девушка пошла по шоссе к дому. Но в это время один из приятелей, рассердившись на заступничество аптекаря, ударил его так, что тот упал.

Девушка снова поспешила к месту схватки.

Пьяницы, увидев, что она приближается к ним, почему-то задрожали. И, оставив аптекаря на земле, быстро удалились.

Девушка подошла к аптекарю и сказала:

– Как жаль, что я ушла. При мне они бы, вероятно, не по смели вас ударить.

Аптекарь ей сказал:

– Я рад, что вы ушли, а то бы они и вас ударили.

– Сомневаюсь, – ответила девушка. – Вдвоем мы бы их скрутили и доставили бы в милицию.

Девушка помогла подняться аптекарю и проводила его до аптеки. Они открыли ее и нашли там нужные медикаменты от ушибов и телесных повреждений.

На другой день аптекарь рассказал мне о том, что с ним было.

И я попросил его познакомить меня с этой девушкой, с тем чтобы выяснить, кто она такая и не будет ли она иметь претензию, если я напишу об этом происшествии в журнал.

И когда мы с аптекарем шли к этой девушке, я думал, что вот сейчас мы увидим рослую, цветущую богатыршу, не побоявшуюся выступить против двух мужчин.

Каково же было мое удивление, когда я увидел невысокую блондинку, очень милую и скромную. От нее веяло здоровьем и силой. Но вместе с тем она была удивительно женственна и казалась даже хрупкой.

Не скрывая своего удивления, я спросил ее, кто она такая. И девушка ответила, что она инженер-теплотехник. Она в этом году окончила вуз и теперь здесь отдыхает, прежде чем приступить к работе.

Я спросил:

– Вы физкультурница?

Она, улыбнувшись, ответила:

– Немного. Как все у нас в институте.

Я сказал:

– Это здорово, что вы проучили хулигана.

Она ответила:

– Конечно, я понимаю, это нехорошо – бить человека. Но у меня не было другого выхода. Его поступок был настолько несоветский, что я не могла сдержать себя. Я его била как врага советской власти, а не как мужчину.

Я снова стал говорить девушке об ее мужестве, но она, кушая яблоко, протянула мне другое и сказала:

– Ну, что об этом говорить. Вот, кушайте.

И я стал есть яблоко, глядя на девушку. И где-то у меня в воображении окончательно таял образ интеллигента из старого мира, в очках, калошах и с зонтиком.

И, глядя на девушку, я подумал: «Как это хорошо и как замечательно, что у нас такая интеллигенция. И как хорошо, что здоровье и сила не расходятся с разумом и сознанием».

Поминки*

Не так давно скончался один милый человек.

Конечно, он был незаметный работник. Но когда он, как говорится, закончил свой земной путь, о нем многие заговорили, поскольку это был очень славный человек и чудный работник своего дела.

Его все очень расхваливали и заметили его после кончины.

Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевался. И в каком порядке он держал свой станок: он пыль с него сдувал и каждый винтик гигроскопической ваткой обтирал.

И вдобавок он всегда держался на принципиальной высоте.

Этим летом он, например, захворал. Ему худо стало на огороде. Он в выходной день пришел на свой огород и там что-то делал. Ухаживал за растениями и плодами. И вдруг ему приключилось худо. У него закружилась голова, и он упал.

Другой бы на его месте закричал: «Накапайте мне валерианки!» или: «Позовите мне профессора!» А он о своем здоровье не тревожился. И, упавши, сказал: «Ах, кажется, я на грядку упал и каротельку помял».

Тут хотели за врачом побежать, но он не разрешил отнимать от дела рабочие руки.

Но все-таки его отнесли домой, и там он под присмотром лучших врачей хворал в течение двух месяцев.

Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы. Много сослуживцев пошло его провожать на кладбище.

Очень торжественные речи произносились. Хвалили его и удивлялись, какие бывают на земле люди.

И под конец один из его близких друзей, находясь около его вдовы, сказал:

– Которые хотят почтить память своего друга и товарища, тех вдова просит зайти к ней на квартиру, где будет подан чай.

А среди провожающих был один из его сослуживцев, некто М. Конечно, этот М. особенно хорошо не знал усопшего. Но пару раз на работе его видел.

И теперь, когда вдова пригласила зайти, он взял и тоже пошел. И пошел, как говорится, от чистого сердца. У него не было там каких-нибудь побочных мыслей. И на поминки он пошел не для того, чтобы заправиться. Тем более сейчас никого едой не удивишь. А он пошел просто идейно. «Вот, подумал, такой славный человек, дай, думает, зайду, послушаю воспоминания его родственников и в тепле посижу».

И вот, значит, вместе с одной группой он и пошел.

Вот приходят все на квартиру. Стол, конечно, накрыт. Еда. Пятое-десятое.

Все разделись. И наш М. тоже снял с себя шапочку и пальто. И ходит промежду горящих родственников, прислушивается к воспоминаниям.

Вдруг к нему в столовой подходят трое.

– Тут, говорят, собравшись близкие родственники. И среди них вы будете чужой. И вдова расценивает ваше появление в ее квартире как нахальство. Наденьте на себя ваше пальто и освободите помещение от вашего присутствия.

Тому, конечно, неприятно становится от этих слов, и он начинает им объяснять, дескать, он пришел сюда не для чего-нибудь другого, а по зову своего сердца.

Один из них говорит:

– Знаем ваше сердце – вы зашли сюда пожрать, и тем самым вы оскорбили усопшего. Выскакивайте пулей из помещения, а то вы в такой момент снижаете настроение у друзей и родственников.

И с этими словами он берет его пальто и накидывает на его плечи.

А другой знакомый хватает его фуражку и двумя руками напяливает ее на голову так, что уши у того мнутя.

Нет, они, конечно, его не трогали, и никто из них на него даже не замахнулся. Так что в этом смысле все обошлось до некоторой степени культурно. Но они взяли его за руки и вывели в переднюю. А в передней родственники со стороны вдовы немного на него поднажали, и даже один из них слегка поддал его коленкой. И это было тому скорее морально тяжело, чем физически.

В общем, он, мало что соображая, выскочил на лестницу с обидой и досадой в душе.

И он три дня не находил себе покоя.

И вот вчера вечером он пришел ко мне.

Он был расстроен, и у него от обиды подбородок дрожал и из глаз слезы капали.

Он рассказал мне эту историю и спросил, что я насчет этого думаю.

И я, подумавши, сказал:

– Что касается тебя, милый друг, то ты совершил маленькую ошибку. Ты зашел туда по зову своего сердца. И в этом я тебе верю. Но вдова имела в виду только близких и знавших ее супруга хорошо. Вот если бы тебя завод пригласил на вечер его памяти и оттуда тебя бы выкурили и назвали чужим – вот это было бы удивительно. И в этих тонкостях следует всегда разбираться. Но что касается их, то они с тобой поступили грубо, нетактично и, я бы сказал, некультурно. А что один из них напялил на тебя фуражку, то он попросту свинья, и ну его к черту, дурака!

Тут сидевший у меня М. немного даже просиял. Он сказал:

– Теперь я понимаю, в каком смысле они меня назвали чужим. И все остальное меня теперь не волнует.

Тут я пожал ему руку. Подарил ему книгу. И мы расстались лучшими друзьями.

И когда он ушел, я подумал о том, что те же самые люди, которые так грубо выгнали его, наверно, весьма нежно обращаются со своими машинами. Наверно, берегут их и лелеют. И, уж во всяком случае, не вышвырнут их на лестницу, а на ящике при переноске напишут: «Не бросать!» или «Осторожно!»

Об этом, друзья, я как-то раз написал, но вот еще раз вспомнил.

Засим я подумал, что не худо бы и на человечке что-нибудь мелом выводить. Какое-нибудь там петушиное слово: «Фарфор!», «Легче!» Поскольку человек – это человек, а машина его обслуживает.

И, подумавши об этих делах, я решил для поучения записать этот фактический рассказ. И вот он перед вами.

С Новым годом^{*}

Позвольте поздравить вас с Новым годом, уважаемые граждане. Желаем вам, так сказать, всяких благ. Чувствительно благодарим вас за те пожелания, которые вы мысленно произносите по нашему адресу.

И позвольте по случаю Нового года рассказать вам одну поучительную историю.

Не без задней мысли мы приберегли эту историйку для Нового года.

Желание предостеречь уважаемых граждан от подобных происшествий в наступающем году – вот что движет нас в нашем намерении рассказать под Новый год об этом факте.

Прежний руководитель поехал в отпуск. Потом где-то что-то задержался по своим делам.

Конечно, в учреждении начались пересуды: дескать, где же это он, дескать, не перебросили ли его на другую, более низкую должность, или вообще что с ним.

И вот появляется в этом учреждении новый руководитель.

И тогда происходит общее собрание, на котором публика высказывает свои мысли, чувства и пожелания.

И один из служащих выходит на эстраду и тоже о чем-то говорит: высказывается и выражает надежды.

И в пылу своей речи он бросает упрек прежнему руководству, что вот, дескать, неважно работали, не сумели, запороли дело.

При этих своих словах оратор впивается глазами в лицо нового директора, желая прочесть, не зашился ли он, что так сказал, не навел ли тень на плетень.

Но он видит, что директор утвердительно кивает ему головой, как бы говоря: правильно, молодец, сообразил, как надо сказать, не то что там другие пороли чушь.

Увидя такое благословение начальника, ретивый оратор стал еще более углублять и развивать свою мысль.

Вот он развивает эту свою мысль и видит, что директор то и дело кивает ему головой, как бы говоря: молодец, собака, правильно

загибаешь.

И, увидя такие многозначительные знаки, наш оратор совершенно, как говорится, сомлел от гордости и понесся на крыльях своей фантазии в заоблачные дали, говоря, что таких людей, как прежний директор, надо не только в три шеи гнать, но надо сажать в тюрьму и так далее.

Тут выходят на эстраду еще два оратора и, глядя на директора, который грустно и утвердительно кивает головой, еще более прибавляют пару, говоря, что только новое руководство способно извлечь учреждение из того болота, в какое завел прежний начальник.

И тогда поднимается на эстраду сам директор и выражает свое возмущение по поводу речей трех предыдущих ораторов. Он говорит, что, напротив того, прежний директор был на большой высоте, что именно он вывел учреждение на столбовую дорогу и что в настоящее время он имеет еще более трудную и более высокую должность. И он с делом справляется с неменьшим успехом.

И тогда все с великим изумлением смотрят на директора. И все видят, что он то и дело кивает головой. И тут все начинают понимать, что у нового директора имеется нечто вроде нервного тика.

Причем если он спокоен, то он подергивает головой редко, а чем больше он нервничает, тем чаще кивает головой.

Находящийся в зале доктор этого учреждения тихо дает свои научные разъяснения соседям.

Соседи передают диагноз врача окружающим, и вскоре весь зал понимает, что произошло.

Три предыдущих оратора с тоской взирают на директора.

Один из них пытается произнести речь с места, крича, что его не так поняли.

Но директор закрывает собрание.

У подъезда*

Вчера я задержался у моих знакомых.

Немного поговорили. Потом одна спела. Потом хозяин часа три читал свои стихи. Так что довел гостей до полного обалдения.

В общем, когда взглянули на часы – был второй час ночи.

Певица осталась ночевать у подруги. А я, как говорится, побрел домой восвояси.

Спустился по лестнице вниз – дверь, к сожалению, уже закрыта. Надо звонить. Будить дворника. Неприятная процедура.

Нащупал рукой звонок. Звоню. Жду. Еще раз звоню. Нет, вижу – что-то не идет мой дворник.

А на душе довольно погано. Жалко потерянного вечера. Вдобавок все время на ум приходят хозяйские стишки. Особенно одна фраза привязалась. Прямо ударяет в голову: «Сердце бьется от радости...»

Раз, может быть, сто повторяю я эту фразу. Потом вдруг какие-то дурацкие детские стишки выплывают из памяти: «Сердце бьется, хвост трясется...»

Проходит минут десять. Сначала я подаю короткие, нежные звонки. Потом нажимаю более продолжительно. Потом минут пять стою, уткнувшись пальцем в звонок.

Начинаю легонько стучать ногой в дверь. Потом дергаю дверь и колочу в нее до того, что прохожие в испуге шарахаются.

Наконец, слышу долгожданные шаги и мелодичное позвякивание ключей. К подъезду подходит дворник в дежурной шубе.

Открывая дверь, он говорит:

– Тоже целый час колотит, – наверно, мне всю дверь расшевелил.

Я говорю:

– А если вы целый час слышите, как стучат, так какого лешего не открываете?

Он говорит:

– А я почем знал, что тут стучат? Мало ли стука идет по городу? Вы бы взяли и позвонили. Еще интеллигент, а кнопку найти не может.

– Да я, говорю, целый час звонил. Может, звонок не звонит.

– Ах, это очень возможно, – говорит дворник.

Он нажимает кнопку звонка, прислушивается.

– Так и есть, – говорит дворник, – обратно звонок оборвали. Ой, что я буду делать с моими жильцами, – я прямо не знаю. Каждый день что-нибудь особенное они мне преподносят.

Я хочу пройти на улицу, но дворник придерживает дверь ногой. Он говорит, подозрительно меня осматривая:

– А, может быть, это вы звонок оборвали. Я почему знаю.

Я говорю:

– Зачем же мне было рвать звонок, если он мне как раз нужен? Чудак-человек.

Он говорит:

– Вы мне зубы не заговаривайте, а лучше скажите – с какого номера, собственно говоря, вы идете?

– С десятого, говорю.

– Тогда, – говорит дворник, – подымитесь наверх и скажите хозяину – пуцай он вас до дверей проводит. А то я не знаю, кто вы есть. И почему вы идете. И зачем вы тут целый час ночью в подъезде околачиваетесь.

Я говорю:

– Да хозяин, наверное, уже спать лег. Чего мне его будить? Вот если бы я с узлом шел, – вот тогда бы вы могли тревожиться.

Дворник говорит:

– Мне указанья не надо делать. Я все время должен тревожиться на своем посту. А уж если бы ты с узлом шел, то я бы тебя моментально в отделение милиции доставил.

Я говорю:

– Слушай, отец, я иду с десятого номера от Михайловых. Ну какого черта ты меня морозишь?

Дворник говорит:

– А может, ты мне всех этих Михайловых сейчас убил. Или, может быть, я не знаю, что ты с ними в настоящее время сделал. И, может, желаешь поскорей уйти. Как же я тебя пропущу?

Я роюсь в кармане, достаю рубль и даю дворнику. Он берет рубль и говорит:

– Вот тем более – как я тебя пропущу. Теперь меня еще больше сомнение берет. Может быть, этим рублем ты хочешь меня «смазать»,

чтоб пройти.

Я говорю:

– Слушай, отец, свистни милицию. Я с милиционером объяснюсь.

Дворник говорит:

– Или вот обратно свисток. Давеча свищу в свисток, а вместо настоящей трели у меня один писк получается. Гляжу – кто-то уж мне горошину выбил из свистка. И получается тонкий свист, на который милиция не подходит. Уж наверно кто-нибудь это сделал, кому это интересно сделать. На одного жильца я уже имею подозрение.

Я решительным тоном говорю:

– Отец, давай убери ногу от двери, – я сейчас пройду.

Дворник слезливо говорит:

– Вдобавок, может, ты с револьвером идешь. И, может быть, хочешь меня из револьвера трахнуть. Еще полгода пройдет, и я всю нервную систему себе испорчу такими случаями.

Я говорю:

– Отойди к черту от двери. Вот мои документы, – ты не имеешь права меня задерживать.

Дворник облегченно говорит:

– Ах, у вас есть документы! Что же вы об этом раньше не говорили? Тогда идите.

Поглядев на кончик записной книжки, которую я было начал вытаскивать из кармана, дворник сказал:

– Я бы вас, товарищ, сразу пропустил. А то вижу – мало ли кто идет.

Пошатываясь, я иду домой.

Снова почему-то вспоминаются дурацкие стишки: «Сердце бьется, хвост трясется».

Потом поэзия сменяется прозой. И на ум приходит народная поговорка: «Услужливый дурак опаснее врага».

Несчастный случай*

Недавно, уважаемые товарищи, я проживал в одном доме отдыха. Дом отличный. И там все великолепно. Никаких дефектов не заметно. Так что кроме чувства благодарности в сердце отдыхающего ничего не возникает.

Тем не менее извольте прослушать небольшую забавную историйку, связанную с этим домом отдыха.

Надо сказать, что дом этот находится за городом, в лесу. И построен он совсем недавно – этой осенью.

Лет пять назад такой домишко построили бы на живую нитку. А в настоящее время архитектор расстарался и построил дом фундаментально, красиво и, мы бы даже сказали, художественно. И это очень хорошо.

Не обошлось, конечно, без колонн. Но уж раз у нас такая любовь к греческому искусству, то нехай пусть будут колонны. Тем более, что тут архитектор вывел немного колонн – всего две колонны. И вдобавок издали их можно принять за две сосны. Так что какой же может быть разговор, – стоят и кушать не просят.

Но не в этом дело.

Вот вы смотрите на этот дом, и все вам нравится, – сердце радуется и душа отдыхает. Но вот ваш взгляд скользит по окнам нижнего этажа, и вдруг вы замечаете какую-то ненормальность. Вы ожидали увидеть прекрасные современные зеркальные стекла, и вдруг вы видите оконные рамы, в которые вставлены не то двенадцать, не то шестнадцать небольших стекол.

Вы снова с недоумением смотрите на все шесть окон фасада. Да, в великолепные дубовые рамы вставлены крошечные стекла.

Вы решаете, что инженер под конец строительства немножко свихнулся и устроил такой балаган. И на этом успокаиваетесь, тем более, что многим отдыхающим, оказывается, наиболее всего понравились эти окна. Некоторым отдыхающим это напомнило какой-то теремок в лесу и еще что-то такое сказочное.

Но вот в одно прекрасное утро, когда я вышел в сад, подошел ко мне один из здешних служащих и так сказал:

– Слушайте, я могу вам рассказать историю. И тогда вам будет ясно, почему у нас такие несуразные окна. Только просьба, если будете писать, не пишите, какой это дом отдыха, а то кругом будут смеяться, и нам этого не хотелось бы.

Я говорю:

– Расскажите. Должно быть, это интересно.

И вот он рассказал нижеследующую историю.

Осенью этот дом был готов. И с октября ожидалась первая партия отдыхающих.

В сентябре лихорадочно приводились в порядок последние мелочи. Уже привинтили крючки к дверям, прибили задвижки и шпингалеты. Повесили картины и занавески.

Все было готово к приему дорогих гостей. И только остановка была за стеклами. Весь фасад, где предполагались большие стекла, был не застеклен.

А на дворе осень, сырость. Правда, окна забиты щитами, но это не выход.

Директор дома писал слезные заявления туда и сюда, чтоб поскорее прислали стекла, но все было безрезультатно.

Директор с утра пораньше бежал на склад и там просил, умолял, кричал и чертыхался. Он говорил, что дело гибнет. Еще пара недель, и произойдет катастрофа, если он не получит стекла.

Но на складе пожимали плечами и говорили, что стекла для них ожидаются, но пока еще не получены. И нечего тут кричать и чертыхаться: это делу не поможет. Кроме них еще одно строительство ждет стекол и не волнуется.

Директор в панике махнул в Москву. Но там ему сказали, что стекла посланы.

Директор вернулся назад. Снова бросился на склад. Но на складе снова спокойно ответили:

– Пока ваших стекол еще нет. А как придут – сообщим вам.

Директор устроил на складе форменную истерику. Он кричал, что его режут, что его сердце – гражданина и общественника – не выдерживает такой пытки, что всего осталось девять дней, что, наконец, все путевки проданы и что отдыхающие уже, наверно, собирают свои чемоданы, чтобы ехать сюда отдыхать. На складе снова ответили:

– Ваши крики напрасны. Раз нет стекол, то склад не может выполнить наряд. Успокойте ваши нервы.

С грустью директор вернулся домой. Прораб и рабочие, как могли, утешали его. Говорили, что еще пару дней можно обождать. Что стекла важно вставить хотя бы дня за три до приезда отдыхающих. Что за три дня и замазка засохнет, и помещение отогреется.

Но директор был безутешен.

Через два дня, к вечеру, когда осталось всего шесть дней до приезда отдыхающих, прибегает к директору прораб и так говорит:

– Подлость заведующего складом не поддается описанию. Стекла на складе есть. Четыре ящика стекол лежат у них в грязи за сараем. Эти ящики видел мой племянник, который сегодня получал олифу. Наверное, эти стекла пред назначены у них для другого строительства. А мы тут с вами локти кусаем.

Директор говорит:

– Этот заведующий складом мне всегда был противен. Неужели он, скотина, не мог дать мне эти стекла, предназначенные для кого-то там, я не знаю? Ведь я у него сегодня был, и он даже не пожелал со мной разговаривать.

Прораб говорит:

– Нам остается одно – украсть со склада эти стекла. А наши стекла, когда придут, пускай заведующий отдаст тому строительству, с которым он цацкается и для которого он бережет эти стекла. Это будет справедливо. Директор говорит:

– Это справедливо, но небезопасно. Заведующий складом прибежит сюда, увидит свои стекла и поднимет тарарам.

Прораб говорит:

– А мы возьмем эти стекла и разрежем их на более мелкие составные части. И ни один черт в мире не узнает.

Директор говорит:

– Положение безвыходное. Приходится мне согласиться. Ладно, берите стекла, режьте.

И вот ночью прораб со своим племянником и сам директор со своей женой перелезли через забор склада и вынесли оттуда два ящика стекол.

Всю ночь и утро шла лихорадочная работа. Стекольщик резал стекла. Столяр строгал новые перекладки для рам. И сам прораб

красил эти перекладинки. К полудню все было готово. И вдруг прибегает бледный заведующий складом и так говорит прорабу:

– Вчера, к вечеру, получили мы стекла для вас, а ночью кто-то спер эти стекла. Что теперь делать, я ума не приложу.

Прораб говорит:

– Ах, как жалко, что у вас украли эти стекла. Еще хорошо, что мы устроились: достали кое-какие стекла на стороне. А то бы локти кусали.

Заведующий складом подозрительно посмотрел на застекленные рамы, но, увидев, что там вставлены какие-то мелкие стекла, ушел восвояси.

Однако вскоре дело распуталось. Директор и прораб получили дисциплинарное взыскание, и вдобавок из их жалованья стали вычитать за испорченные стекла. И, видимо, месяца через два-три вставят новые стекла за счет директора и прораба.

Заведующий складом, который и до этого несчастного случая почти что не здоровался с директором, совсем перестал с ним здороваться. Но директор на это плюет с высокого дерева.

Кочерга*

Забавное происшествие случилось минувшей зимой в одном учреждении.

Надо сказать, что это учреждение занимало небольшой отдельный дом. Причем дом был старинной постройки. Обыкновенные вульгарные печи отапливали это здание.

Специальный человек – истопник – наблюдал за печами. Он меланхолично ходил со своей кочергой из этажа в этаж, шевелил дрова, разбивал головешки, закрывал трубы и так далее, все в этом духе.

При современной технике, при водяном и паровом отоплении картинка эта была, можно сказать, почти что неприличная, древняя картинка, рисующая варварский быт наших предков.

В этом году, в феврале, истопник, спускаясь по лестнице, слегка обжег кочергой одну служащую, Надю Р. Причем служащая эта была отчасти сама виновата. Она вихрем неслась по лестнице и сама наскочила на истопника. На ходу она отстранила его рукой и, по несчастной случайности, наткнулась на кочергу, которая была довольно-таки горяча, если не сказать – раскалена.

Девушка ахнула и закричала. И истопник тоже ахнул. В общем, ладонь и пальцы этой суетливой девушки были слегка обожжены.

Конечно, случай этот мелкий, пустой, недостойный попасть на страницы художественной литературы. Однако неожиданные последствия этого дела были весьма забавны. И они-то и настроили нас на этот маленький рассказ.

Директор учреждения вызвал к себе истопника и сделал ему строгое внушение. Он сказал:

– Тоже, ходишь со своей кочергой – выводишь мне из строя служащих. Надо не зевать по сторонам, а глядеть то, что видишь.

Истопник, сокрушенно вздыхая, ответил, что у него на шесть печей всего одна кочерга, с которой он и ходит то туда, то сюда. Вот если бы на каждую печку была отдельная кочерга, вот тогда бы и можно придирается. А при таких обстоятельствах он не может гарантировать неприкосновенность служащих.

Эта простая мысль – иметь кочергу на каждую печку – понравилась директору. И он, не будучи чиновником и бюрократором, тотчас стал диктовать машинистке требование на склад. Шагая по комнате, директор диктовал:

«Имея шесть печей при наличии одной кочерги, немислимо предохранить служащих от несчастных случаев. А посему в срочном порядке прошу выдать подателю сего требования пять коче...»

Но тут директор осекся. Он перестал диктовать и, почесавши затылок, сказал машинистке:

– Что за черт. Не помню, как пишется – пять коче... Три кочерги – ясно. Четыре кочерги – тоже понятно. А пять? Пять – чего? Пять кочерги...

Молоденькая машинистка, пожав плечами, сказала, что она вообще впервые слышит это слово и, уж во всяком случае, в школе ей не приходилось склонять что-либо подобное.

Директор позвал своего секретаря и, смущенно улыбаясь, рассказал ему о своем затруднении.

Секретарь тотчас стал склонять это слово. Кто, что? – кочерга... Кого, чего? – кочерги... Кому, чему? – кочерге... Но, дойдя до множественного числа, секретарь запнулся и сказал, что множественное число вертится у него в голове, но он сейчас не может его вспомнить.

Тогда опросили еще двух служащих, но и те не внесли ясности в это дело.

Секретарь сказал:

– Есть отличный выход. Напишем на склад два требования – на три кочерги и на две кочерги. Итого получим пять.

Директор нашел это неудобным. Он сказал, что посылать две одинаковые бумажки – это разводиться канцелярщину. Найдутся пройдохи, которые при случае уколют его этим. Лучше уж, если на то пошло, позвонить в Академию наук и у них запросить, как пишется пять коче...

Уже секретарь хотел звонить в Академию, но директор в последний момент не позволил ему это сделать. Еще, чего доброго, попадется какой-нибудь смешливый ученый, который напишет фельетон в газету – дескать, директор малограмотный, дескать, тревожат научное учреждение такой чепухой. Нет, уж лучше обойтись своими

средствами. Хорошо бы еще раз позвать истопника, чтоб услышать это слово из его уст. Все-таки человек всю жизнь вращается у печей. Уж кому-кому, а ему-то известно, как произнести пять коче...

Тотчас снова позвали истопника и стали его наводящими вопросами наталкивать на нужный ответ.

Истопник, предполагая, что его опять будут жучить, отвечал на все вопросы хмуро и односложно. Он бормотал: дескать, нужно пять штук, тогда, дескать, еще можно оберечься. А иначе пуцай отдают его под суд.

Потеряв терпение, директор прямолинейно спросил истопника, что ему нужно.

– Сами знаете что, – угрюмо ответил истопник.

Но тут, под давлением секретаря и директора, истопник наконец произнес искомое слово. Однако это слово в устах истопника звучало не так, как ожидалось, что-то вроде – «пять кочерыжек».

Тогда секретарь смотался в юридический отдел и оттуда привел служащего, который отличался тем, что умел составлять любые бумаги так ловко, что обходил все подводные камни.

Служащему разъяснили его задачу – составить нужное требование таким образом, чтобы слово «кочерга» не упоминалось во множественном числе и вместе с тем, чтобы склад выдал пять штук.

Немного покусав карандаш, служащий набросал черновик:

«До сего времени наше учреждение, имея шесть печей, обходилось всего лишь одной кочергой. В силу этого просьба выдать еще пять штук, для того чтобы на каждую печку имелась бы одна самостоятельная кочерга. Итого выдать – пять штук».

Уже эту бумажку хотели послать на склад, но тут к директору явилась машинистка и сказала, что она сейчас звонила своей мамаше, старой машинистке с тридцатилетним стажем. И та ее заверила, что нужно писать: пять кочерег. Или пять кочерг.

Секретарь сказал:

– Я так и думал. Только на меня нашло затмение.

Тотчас бумажка была составлена и послана на склад.

Самое смешное из всей этой истории это то, что вскоре бумажка была возвращена назад с резолюцией заведующего складом: «Отказать за неимением на складе кочережек».

Уже наступила весна. Потом будет лето. До зимы далеко. Об отоплении думать пока что не приходится. Весной хорошо думать о грамотности, хотя бы в связи с весенними испытаниями в средней школе. Что же касается данного слова, то слово действительно каверзное, доступное Академии наук и машинистке с тридцатилетним стажем.

В общем, надо поскорей переходить на паровое отопление.

Сапоги*

Один муж велел своей жене купить ему ботинки. Сам он не мог ходить по магазинам за неимением свободного времени. Он был предельно загружен работой и вдобавок что-то изобретал к своему станку. Какую-то штуко-винку. И у него не было возможности драгоценные свои часы тратить на такое мизерное занятие, как покупка сапог, шлянье по магазинам, стояние у кассы, вынимание бумажника и так далее.

Вот поэтому он и предложил своей мадам купить то, что ему было нужно.

И, уходя на работу, он сказал ей:

– Я не франт. Фасон мне безразлично какой. Только прошу учесть, что я ношу сорок первый размер. Уже сапоги номером больше вызывают у меня на ногах пузыри. Это последнее обстоятельство, несомненно, неблагоприятно отразится на показателях моей работы. Так что просьба – исполнить то, что я прошу.

Жена этого человека взяла деньги и пошла покупать. Она обошла некоторое количество магазинов, но безрезультатно: нужного номера нигде не было. Кое-где были недомерки или уж что-нибудь исключительно большое, рассчитанное на распухшую ногу. Сорок первого же размера ей не удалось найти, хотя она на этот предмет затратила не менее четырех часов.

Наконец в одном магазине, протискавшись через толпу, она увидела огромные ботинки – сорок пятый номер.

Она не хотела их покупать, поскольку размер был много больше, чем ей нужно. Но тут один из посетителей стал эти ботинки дергать у нее из рук. И она, находясь в коммерческом зуде, сказала, что берет эти сапоги, просьба не вырывать то, что взято. И, не отдавая себе отчета, уплатила в кассу деньги. И сама не своя вышла из магазина с этими ботинками.

И вот идет она по улице, смотрит на свою покупку и весьма сильно горюет. Думает: «Дернула меня нелегкая купить такую ненужную обувь, достанется мне теперь от мужа!»

И, остановившись против одного дома, она развернула эти чудовищные сапоги и с грустью стала на них глядеть.

Вдруг из ворот дома вышел один мужчина.

Он вышел из ворот, воззрился на эти сапоги и спрашивает, не продаются ли эти баркасы.

– Да, продаются, – ответила обрадованная женщина.

Нет, конечно, она не хотела наживать и, тем более, спекулировать. Но неожиданный вопрос застал ее врасплох. И она, сама не понимая, как это произошло, накинула десятку против магазинной цены. Может, она подумала: «Столько хлопот, столько потраченного времени!» И, конечно, прикинула десять рублей.

Мужчина сказал, что цена его устраивает, он только жалеет, что сапоги для него велики. Но он просит разрешения показать сапоги родственнику, который живет тут же и мечтает приобрести себе что-нибудь из обуви.

И, схватив эти сапоги, мужчина нырнул в ворота.

Подождав мужчину минут пять, женщина стала беспокоиться. Но когда прошло еще пять минут, женщина подняла тревогу, крича, что ее ограбили, обворовали, унесли сапоги, что она не знает, что теперь ей делать, как явиться домой и что сказать мужу.

Тут собралась толпа. Раздались сочувственные возгласы. Кто-то произнес речь, говоря, что в наши дни постыдно видеть что-либо подобное, что это есть исключение из общего правила нашей честной повседневной жизни.

Другой стал оратору возражать, говоря, что человеческие свойства неизменны: как было воровство, так и есть. И вот, когда нашлось что-нибудь приличное украсть, вот и великолепно украли, не посчитавшись со временем.

Тут кто-то под воротами позвонил в звонок. И на звонок вышел дворник.

Один из публики крикнул:

– Хорошенький у тебя дом: кто-то из твоих квартирантов сапоги свистнул! Слабо воспитываете жильцов вместе со своим управдомом.

Дворник говорит пострадавшей женщине:

– Приблизительно опишите мне приметы этого жильца. Тогда я могу что-нибудь сказать насчет его отыскания. Я их всех знаю, поскольку седьмой год воспитываю.

Испускавшая стоны женщина сказала дворнику, что особых примет она не заметила, только она помнит, что он черный и без кепки. И голос у него скрипучий, как после выпивки. Все остальное ускользнуло от ее внимания, поскольку ее голова не тем была занята.

Тогда дворник сказал, что случай затруднительный, так как в их доме всего два блондина и пять рыжих. Все остальные – черные, и почти все выпивают. Так что из их числа находить вора он не берется.

Вдруг через толпу протискивается один неизвестный гражданин. Он весьма взволнован. И он так говорит женщине:

– Не надо слез. Успокойтесь. В ваше положение мы входим. Все вам сочувствуем. Клеймим позором недостойного человека, оказавшегося вором. Вот, возьмите от меня некоторую сумму денег. Это я вам даю от чистого сердца, как товарищ, увидевший товарища в беде.

И с этими словами неизвестный протягивает женщине купюру в тридцать рублей.

Женщина не хочет брать, но толпа велит ей это сделать.

Под аплодисменты неизвестный товарищ скрывается в толпе.

Тотчас еще кто-то раскошелливается и сует деньги женщине в руку.

И растерявшаяся женщина стоит, не понимая, какие мысли ей подвести под все это.

Тогда удовлетворенная толпа расходится. И дворник тоже уходит. И женщина медленно шествует по улице, с недоумением поглядывая на полученные деньги.

Вдруг ее догоняет человек с сапогами в руках. И женщина видит, что это тот самый человек, который взял на примерку ее сапоги.

Этот человек, запыхавшись, так ей говорит:

– Фу, как вы меня напугали, уважаемая! Выхожу из ворот, вдруг вижу: вас нету. Уж я хотел в милицию нести ваши сапоги, чтоб невольно не оказаться вором. Зачем же вы ушли? Конечно, я немножко долго не выходил, но на это была причина: все жильцы с нашей квартиры примеряли ваши баркасы, но никому они не подошли. Вот примите назад ваши сапожищи. Сочувствую, что вы приобрели такой нечеловеческий размер.

Женщина начала было лепетать, что она получила деньги от неизвестных и теперь ей неловко принимать сапоги. Но наш

покупатель, не став слушать ее несвязных речей, отбыл в другом направлении.

Некоторое время постояв на улице и подумав, женщина направилась в магазин, где купила эти баркасы, и там просила вернуть ей деньги за сапоги, которые ей не годятся.

В магазине не стали с ней спорить. Выдали ей деньги. Взяли назад сапоги. И тотчас стали их кому-то продавать. А женщина с двойной суммой вернулась домой и дома рассказала мужу, как все было.

Муж сначала на нее рассердился, но потом рассмеялся и пришел в хорошее настроение. Он сказал, что это случай удивительный. И что это следовало бы напечатать в газетах красным шрифтом. А поскольку у них столько денег скопилось на сапоги, то он, не будучи франтом, согласен, чтобы ему купили лучшую модельную обувь. И это будет ему воспоминанием об этом факте.

Жена обещала это сделать, говоря, что добросовестные работники вроде ее мужа заслуживают ходить в изящной обуви. И если таковая найдется, то она так и сделает.

Хорошая характеристика^{*}

Один молодой человек приятной наружности, некто Ф., решил в этом году немножко встряхнуться. Он по собственному желанию ушел со службы, где работал в качестве счетовода. Взял дорожный мешок, пихнул туда смену белья и всякую мелкую чертовщину, сел в поезд и поехал, куда глядели его глаза.

Он приехал в город Б., нашел там временное пристанище и в великолепном настроении стал там жить.

Пару недель он вообще решил отдыхать, наслаждаясь жизнью. А потом некоторое время собирался поработать. И к осени намерен был вернуться в свои родные пенаты.

Однако знакомство с одной молодой особой ударило его по карману. Лодка, кино и постоянное питье лимонаду расшатали его бюджет.

Он кое-что ликвидировал из своих вещичек и вскоре убедился, что пришло время приняться за работу, чтобы продолжать то, что начато.

Он заскочил в первое попавшееся учреждение. И там обрадовались, что он счетовод, но вместе с тем удивились, что он приехал наниматься из другого города.

Директор сказал:

– Все-таки как-то странно. Жили в одном городе, потом вдруг приехали в другой. И почему-то зашли именно к нам. Непонятно.

Наш путешественник стал объяснять психологические мотивы своего приезда. Но это объяснение заставило директора еще более насторожиться.

Бухгалтер этого учреждения, некто Л—ов, сказал директору:

– Иван Петрович, в облегчение людям введено правило брать от ворот. А мы устраиваем волокиту и перестраховку. Взгляните на документы приезжего. У него все в порядке. И только нет у него личной характеристики, каковую мы можем затребовать с места службы. Нам же до крайности нужны служащие: у нас некому проверить месячный отчет по пивным. Лично я пасую, если так будет продолжаться.

Директор сказал:

– Действительно, нам служащие нужны до зарезу. Один счетовод в отпуску, другой, свинья, отравился рыбой, третий – футболист – целый день кикает, готовясь к соревнованию. Тем не менее без личной характеристики я новенького не возьму.

Молодой человек сказал:

– В таком случае дело разрешается просто: вы берете меня на работу и тем временем запрашиваете мою характеристику. Вот как вам надо сделать.

Криво усмехаясь, директор сказал:

– А вдруг характеристика вовсе не придет. Или вдруг она придет такая, что, как говорится, унеси ты мое горе. Мы же вас решительно не знаем. А может быть, вы сбежали от алиментов. Или, может быть, вы вовсе не счетовод, а бог знает, кто вы такой. Все это ляжет темным пятном на наше учреждение, репутацией которого мы привыкли дорожить больше, чем вами и подобными вам. Вдобавок вы не в том союзе состоите. Дуйте в свой союз и там разводите туры на колесах.

Через пару дней молодой человек снова явился в это учреждение и сказал:

– Хорошо. Я подожду. Затребуйте мою характеристику. Но если она придет не скоро, то имейте в виду – я вылечу в трубу.

В конце второй шестидневки, узнав, что характеристики еще нет, молодой путешественник решил уехать в родные свои места.

Эта простая мысль обрадовала его и освежила. В самом деле. Черта лысого он тут будет сидеть.

Он поскакал на рынок, чтоб продать свои приличные суконные брюки и на вырученные деньги приобрести билет.

Его штаны понравились одному гражданину. И тот согласился их купить и вдобавок дать свои обыкновенные парусиновые брюки.

Но покупатель не захотел осматривать покупку на владельце. Он пожелал проверить товар на свет: нет ли дыр и какова потертость.

Недолго думая, наш путешественник влез в пустой ларек, стоявший на краю рынка, и через минуту выкинул на прилавок свои брюки с тем, чтобы покупатель убедился в качестве товара.

Осмотрев брюки, покупатель рассердился. Он сказал, что за это решето он не даст и рубля.

И от озорства, а отчасти от гнева, что не оправдались его надежды, покупатель швырнул брюки на крышу ларька, в котором наш

злосчастный путешественник сидел в одной голубенькой майке.

Полчаса и больше просидел Ф. в ларьке, не зная, что ему предпринять. Потом он стал скликать прохожих, прося, чтоб они ему подсобили.

Два подростка стали орудовать палкой. Но ларек был высокий. И снять брюки оказалось не так уж просто.

Пугаясь, что подростки свистнут его брюки, Ф., озираясь по сторонам, вылез из ларька и стал руководить операцией.

Между тем собралась толпа. Кто-то припер лестницу, и под радостные крики собравшихся брюки, наконец, были сняты и торжественно вручены владельцу.

И в тот счастливый момент, когда поданы были брюки, к толпе подошел бухгалтер Л—ов, который имел обыкновение прогуливаться по рынку в обеденный перерыв.

Узнав молодого человека, бухгалтер крикнул:

– Слушайте, только что пришла ваша характеристика, а вы тут на рынке околачиваетесь!

Узнав от бухгалтера, в чем дело, толпа заплодировала путешественнику.

Дрожащими руками напялив брюки, Ф. вместе с бухгалтером поспешили в управление.

Директор, сияя, сказал:

– Характеристика больше чем хорошая. Наше учреждение можно поздравить с ценным приобретением. Приступайте.

Ф. хотел было в счет аванса взять некоторую сумму, чтоб продержаться до жалованья, но оказалось, что это нельзя, так как он тут еще не работал.

Тогда сердобольный бухгалтер дал ему две двадчатки из своих, сказав: «Можете отдать через месяц».

Когда деньги очутились в руках путешественника, он подумал:

«А, собственно говоря, зачем я буду сидеть и томиться в этом городе? Лучше я сейчас куплю билет и уеду. А бухгалтеру верну долг по почте».

Эта остроумная мысль пришла ему по вкусу. Он побрел на вокзал и в тот же день уехал на почтовом поезде.

Хорошая же характеристика так и осталась в учреждении.

Испытание*

Жила в нашем доме одна семья: муж, жена и сынок, парнишка лет двенадцати.

Муж работал на производстве. Жена заботилась о хозяйстве. А ребенок посещал школу.

И все шло хорошо и чудесно.

Выходной день – вылазка за город с ребенком впереди. Вечером – культпоход в кино или к зубному врачу. Регулярное посещение бани. И так далее.

Дружная, тихая семья, без претензии на что-нибудь особенное.

В один прекрасный день муж поднимается по лестнице, чтоб проследовать в свою квартиру после трудового дня. И вдруг видит: идет по той же лестнице молоденькая особа. Очень миленькая и красивенькая. Довольно нарядная. С цветком и бонбоньеркой на груди.

Увидев ее, наш муж немножко даже задрожал, поскольку она уж ему очень понравилась.

А она кокетливо улыбнулась и вспорхнула этажом выше.

И вот проходит, может быть, месяц. И наш муж снова встречает свою гражданку на той же самой лестнице.

Происходят взгляды и улыбки. И завязывается первый разговор, из которого выясняется, что молодая особа живет здесь со своей мамой. Ей девятнадцать лет. У нее, как говорится, своя дорога – учеба в школе кройки и шитья.

Да, конечно, она своей судьбой довольна. Но не очень, поскольку все еще впереди, а в настоящий момент ничего особенного.

И вот проходит еще месяц, и наш муж начинает ее усердно посещать. Он заходит к ней в гости. Беседует на разные темы с ней и с ее мамой. И делается там как бы своим человеком.

Он, короче говоря, влюбляется в нее до потери сознания. И, будучи решительным человеком, приходит к мысли о необходимости полной перемены жизни.

И вот – разговор со своей женой, слезы и стенанье. И, наконец, наш муж перебирается этажом выше.

Он поступает до некоторой степени благородно: все оставляет своей семье. И только лишь берет с собой чемодан с бельем и носильными вещами.

Он обещает выплачивать им почти что треть жалованья, но это не уменьшает страдания жены. И там происходят обмороки, рыдания и визг сына. Печальная картина развала и крушения семьи.

Но жребий брошен. Мосты позади сожжены. И наш влюбленный муж, как говорится, вкушает счастье со своей особой.

Но он недолго вкушает счастье. Он – младший командир запаса. Его мобилизуют в Красную Армию и направляют на Карельский перешеек.

И он уезжает, нежно простившись со своей плачущей Ритой. Он пишет ей с фронта короткие письма, в которых описывает суровую боевую жизнь, жестокие бои и адские морозы. Его письма полны решимости и отваги. Это не мямля и не слюнтяй пишет с фронта. Это пишет отважный младший командир запаса, для которого долг выше личного счастья.

Но вот письма приходят все реже и реже и, наконец, совсем прекращаются. И Рита не понимает, что это значит. Уже март, конец войны. А писем нет.

И вот однажды приходит письмецо. И Рита, прочитав его, лишается чувств.

Она падает в обморок. И ее мать опрыскивает ее водой, чтоб она пришла в себя. И, придя в себя, она зачитывает мамаше письмецо, в котором говорится: «Милая Рита, я получил ранение. Я потерял ногу. Я теперь инвалид и калека. Отпиши подробно, согласна ли взять меня или мне лучше находиться на государственном обеспечении».

Целый день мама с дочкой обсуждают положение. И, наконец, ему пишется ответ, полный жалости и участия, но вместе с тем говорится, что не так-то просто его взять. Кто же за ним будет ходить? Не может же она, молодая женщина, едва вступившая в свет, посвятить ему свою жизнь. Надо это дело хорошенько обдумать. Тем более, государство теперь обязано последить.

Но вот проходит некоторое время, и его первая жена, Анна Степановна, тоже получает такое же письмо. «Да, – пишет он, – милая Аня, теперь я калека. Ответь, возьмешь ли ты меня такого».

Как бомба разрывается в квартире по получении сего письма.

Но в тот же день бывшая жена ему пишет:

«Милый друг, Иван Николаевич, горько плачу о твоём ранении. Видно, уж суждено нам жить с тобой вместе. Зачем ты спрашиваешь – возьму ли я тебя к себе? Отпиши немедленно, куда за тобой приехать. Я буду работать. А там наш Петюшка подрастет, и все будет в лучшем виде».

Но вот проходит несколько дней. И вот – что это? К воротам подъезжает машина. И из нее выходит Иван Николаевич. Он цел и невредим. Ноги у него на месте. И на груди у него сверкает новенький орден.

Все жильцы, находящиеся в этот момент во дворе, раскрывают свои рты от высшего изумления.

Управдом подбегает к нему и говорит:

– Как понять это, Иван Николаевич? Судя по письму, мы думали, что вы в другом виде.

Приехавший берет управдома под руку и говорит ему:

– Любезный друг! Конечно, я поступил, видимо, неправильно, жестоко и так далее. Но суровая жизнь заставила меня задуматься. Я подумал: ничего, если меня убьют, но, если я потеряю руки или ноги, что будет со мной? Я живо представил себе эту картину и в тот момент решил сделать то, что я сделал. И в этом не раскаиваюсь, потому что теперь знаю, с кем мне надо жить, ибо брак – это не только развлечение.

Управдом говорит:

– Конечно, вы немножко перегнули в своем испытании. Это, как говорится, запрещенный прием. Но раз сделано, так сделано. От души поздравляем вас с орденом Красного Знамени.

Тут наш муж поднимается в свой этаж, к первой своей жене, Анне Степановне. И что там происходит в первые пять минут, остается неизвестным.

Известно только, что сын Петюшка по собственной инициативе бежит в верхний этаж и вскоре оттуда приносит папин чемодан с бельем и с носильными вещами.

В тот же день Иван Николаевич объясняется с Ритой. Он просит у нее прощения и целует ей руку, говоря, что он вернулся другим человеком и что к прошлому нет возврата.

Они расстаются скорее дружески, чем враждебно. Конечно, молодая женщина досадует на него. Но досада ее умеренна, ибо за время отсутствия мужа ей понравился один человек.

На улице^{*}

Еще недавно улицы у нас поливались из кишки. Стоял себе дворник, держал кишку и поливал. Ну, что это такое?

А кишка привинчивалась прямо к тумбе. Ну, некрасиво. Неестественно. Не соответствовало духу времени. Научная мысль, конечно, не могла примириться с таким процессом поливания улиц.

И вот появились машины. Такой бак на колесах, и от него идут всякие трубочки, откуда брызжет вода.

Машина проехала – и улица великолепно полита: ровно, экономно и даже, пожалуй, научно, поскольку мужчина, сидящий рядом с шофером, регулирует воду. То пустит длинные струйки, то, наоборот, короткие. Смотря по надобности.

Вот такая машина – это уже современность во всем ее блеске. Это уже техника на уровне культурного ума. Это уже культура, незнакомая прошлому миру.

Взять, например, Египет. Несмотря на свой высокий идейный уровень, египтяне, будь они трижды неладны, не знали ничего подобного. А уж, кажется, южная страна. Адская жарница. Невероятная пыль благодаря тому, что пустыни близко. Тем не менее они дальше деревянного ведра, вроде шайки, не пошли. И с тем, как говорится, и закончили свою историческую миссию.

А живи они, скажем, у нас, в наше время, так, небось, тоже пользовались бы плодами цивилизованной жизни. Вот уж, как говорится, не угадаешь, где найдешь, где потеряешь.

А у нас к таким машинам уже привыкли. И люди даже не останавливаются, когда идет поливка.

Конечно, в другой раз остановятся, чтобы чертыхнуться, когда машина их обольет.

Но нельзя же требовать невозможного. Уж нельзя настолько научно поливать улицу, чтоб вовсе никого не облить.

Конечно, если там нарочно обольют, так сказать, для потехи, – ну, тогда другое дело.

Например, вчера иду по улице и вижу: едет эта поливочная машина.

Сама голубая. Небесного цвета. Брызги сверкают на солнце. Ну, восхитительное зрелище!

Иду по тротуару и люблюсь.

А впереди меня идет какой-то человечек. Машина же катит нам навстречу и поливает.

А улица второстепенная, пустынная. Больше и нет никого. Так что машина поливает все: и дорогу и тротуар.

Я, конечно, прижался к ограде, чтоб меня не слишком залило. Поскольку, думаю, мужчина, сидящий с шофером, вряд ли учтет немногочисленных прохожих. Вряд ли он уважит ходьбу двух отдельных людей. Не может того быть, чтоб он, думаю, убавил струйки. Это было бы уж слишком грандиозно – видеть такое уважение в столь малом житейском масштабе.

Итак, я прижался к ограде, а идущий впереди меня, полагая, что струйки сократятся, пошел напролом. Ну, и, конечно, был облит и, так сказать, охлажден в своем оптимизме.

Он поднял крик. Из кабинки шофера высунулся регулировщик. Он от души хохотал, смотря на мокрую фигуру прохожего.

Машина без остановки поехала дальше. Но оскорбленный прохожий побежал за ней. Он побежал за ней, крича и размахивая руками, как бы призывая небо в свидетели.

Вдруг машина остановилась у светофора. Это была вынужденная остановка, и наш регулировщик волей-неволей встретился с противником лицом к лицу.

Что уж тут описывать их словесную баталию! В воздухе висела такого рода брань, которая не подлежит оглашению в печати.

Прохожие шарахались в стороны... Впрочем, сие замечание – художественное преувеличение. Прохожие, увы, никуда не шарахались. Прохожие спокойно слушали площадную брань. Еще бы, привычная музыка для всех, кто ходит по улице пешком.

Говорят, что в XVII веке задумали у нас с этим бороться. Специальные стражники с дубинками в руках шлялись по базарам и нещадно лупцевали каждого, кто загнет сверх нормы.

Но из этого ничего не вышло. Побитых было столько, что царь велел прекратить побоище.

Но одно дело – XVII век, а другое дело – сейчас. Уж, кажется, можно было бы образумиться. Ну, да не в этом дело.

То есть как это не в этом дело? Именно пришло время начать настоящую борьбу. А то, ей-богу, уши вянут.

В общем, простите, что сбились с основной темы. Очень уж наболевший вопрос.

Так вот, облитый прохожий лаетя с сидящими в кабинке. И он лаетя минуты три, поскольку машина не может двинуться дальше: идет какой-то обоз, и светофор красный.

На крик подходит случайный милиционер.

Узнав, что случилось, и осмотрев облитого, он говорит:

– То есть никаких следов облития я не замечаю. Штаны и рубаха на вас сухие. Об чем вы загораетесь?

Облитый хлоп себя по штанам и рубахе, – действительно, сухой, как курица.

Конечно, жара, солнце, ветерок обдувает. За три минуты высохнуть можно.

Увидев, что объективных признаков больше нету, облитый перестает ругаться и, смущенно улыбаясь, закуривает. Причем спичку ему культурно подает регулировщик, который устал отражать словесные атаки и теперь хочет мира.

Один из публики, с книгой под мышкой, говорит:

– Подумаешь, облили! Делов на копейку. Вода – продукт химически чистый, и она не оставляет следов на хлопчатобумажных тканях. Вот если бинокль облить или гравюру, – тогда иное дело. А я бы даже хотел, чтобы меня облили, а томне идти жарко, сопрел.

Регулировщик говорит:

– Вот тронемся, и я вас, милый человек, оболую с превеликим удовольствием. Мне и самому это всякий раз забавно видеть.

Тут светофор дает зеленый свет, великолепная машина трогается. Народ молча расходится.

Я иду дальше и по дороге там и сям слышу брань, которая произносится скорее добродушно и как бы даже с удовольствием, чем со зла.

Научная аномалия*

Вчера я решил немножко помыться. Не то чтобы я давно не мылся, но все-таки месяц с небольшим прошло с тех пор, как я в последний раз купался на взморье.

А тут такое великолепие: наконец-то починили ванну в нашей квартире!

Не то чтобы ванна у нас была сломана или она протекала, нет, она была исправна, но черти жильцы имели обыкновение стирать в ней. Лили воду, мочили пол, так что он у нас вообще никогда не просыхал. И благодаря этому балки подгнили и наша ванна со всеми потрохами едва не провалилась в нижний этаж.

Еще спасибо, там жил инженер, который сразу заметил грозную опасность и успел на свой комод подставить какую-то балку, на которой и удержалась вся эта механика.

Но вот благодаря старанию квартуполномоченного, у которого друг детства служит в жилотделе, нашу ванну наконец починили: всего спустя год после того, как она подгнила.

В общем, вчера я решил помыться в этой ванне.

Я отлично ее вытопил остатками ящика из-под дров и приступил к процедуре.

Конечно, некоторые жильцы моются не особенно культурно. Некоторые лезут в ванну сразу с ногами и головой. И в одной и той же воде моют все что ни попало.

Лично я так не поступаю. Я сначала налил в тазик воды и вымыл в нем ноги и голову, а засим уж стал напускать воду в ванну, чтоб то же самое проделать со своим корпусом.

Но едва я открыл кран, как увидел, что вода течет ненормально, тонкой струйкой.

Я развинтил кран до отказа и тут убедился, что вода вообще больше не течет.

Я надел трусики и выскочил на лестницу, чтоб спросить у соседей, как у них с водой: общее ли это явление или только наша ванна не подает воду.

Оказалось, что у соседей тоже перестала вода течь.

Но в момент разговора с соседями наша входная дверь захлопнулась на французский замок, благодаря сквозняку.

И я в своих трусиках остался на лестнице. Голова мокрая. Мыльная пена на затылке и на ушах. Ноги тоже в мыльной пене. Усы висят книзу. Кошмар!

Я стал трезвонить, чтоб мне открыли дверь, но вдруг вспомнил, что в квартире никого нет, все ушли, и только осталась одна маленькая девочка, которая при всем желании не могла открыть мне двери по причине того, что она еще не умела ходить.

Тогда я стал просить соседей, чтоб они меня приютили на время. Но соседи грубо мне в этом отказали, ссылаясь на то, что у них гости и я могу их перемарать мыльной пеной.

Их нечуткость меня рассердила, и я побежал вниз, в домовую контору, чтобы выяснить у нашего управдома, что случилось с водой.

Управдом сказал:

– Теперь я вижу, что мы зря вам починили ванну. Когда у вас не было ванны, все было тихо. А теперь, когда у вас ванна, вы в своих трусиках врываетесь в контору, шумите и кричите, как будто это я закрыл воду. Воду закрыл водопроводчик для того, чтобы выяснить, отчего второй год вода не поднимается в шестой этаж. Я говорю:

– Почтеннейший! Как было бы хорошо, если б хотя за полчаса вы предупредили жильцов о закрытии. Конечно, это мелочи жизни, но в этом акте предупреждения мы увидели бы уважение к людям, которые садятся в ванну.

Усмехнувшись, управдом говорит:

– Еще чего захотели! Для этой цели надо иметь особый персонал.

Я говорю:

– Могли бы записку под воротами вывесить. Вот это было бы культурное обслуживание жильцов на базе взаимного понимания.

Управдом говорит:

– Конечно, записку можно было бы вывесить, но тогда бы эту записку прочли все жильцы без разбору. А среди них, как вам известно, имеются неаккуратные плательщики, лодыри и прочий недоброкачественный элемент. А я не намерен их культурно обслуживать.

В момент нашего разговора я пронзительно вскрикнул, вспомнив, что ванна моя топится, в то время как в колонке нет воды. Возможно,

что колонка уже распаялась...

Вместе с управдомом мы кинулись в подвал, где орудовал водопроводчик. Мы упросили его временно дать воду, чтоб спасти ванну от гибели.

Тот нехотя согласился. И мы втроем поднялись в наш четвертый этаж.

Но дверь была закрыта, и мы не могли попасть в квартиру.

Тут я вторично пронзительно вскрикнул. Вода ведь пущена по всему дому, а у меня в ванне кран развинчен до отказа. Небось вода хлынула за края ванны, и наша квартира вскоре будет затоплена.

Мы уже хотели ломать двери, но в этот момент на лестнице показался наш квартирант – профессор кислых щей Барбарисов.

Он открыл двери, и мы с трепетом вошли в ванную комнату.

Но там оказалось все в порядке: в топке чуть тлел огонек, а из крана едва капала вода.

Управдом развел руками, а водопроводчик задумчиво сказал:

– Лично мне понятно, почему у вас едва капает вода: все нижние жильцы раскрыли краны, и сейчас, после перерыва, слишком велико потребление воды. Это и спасло вашу квартиру от наводнения.

Управдом сказал:

– Может быть, и в шестой этаж вода у нас не поступает по той же самой причине?

Водопроводчик согласился с этим мнением. Он сказал:

– И очень просто, ибо ниже шестого этажа слишком много жильцов, которые то пьют, то льют воду, то вообще забывают крантики закрыть. Ясно, что для верхних не всегда хватает.

Профессор кислых щей Барбарисов заключил нашу беседу научной сентенцией. Он сказал:

– Весь мир возник из воды. Вода присутствует почти что в каждой вещи. В грибах, в ягодах, в человеке и даже в книгах. И только ее почему-то бывает мало в питьевых ларьках, в буфетах и иной раз в домах. И это есть научная аномалия.

Неожиданно из крана хлынула вода и тем самым опрокинула научные домыслы профессора.

В общем, через час с четвертью я благополучно домыл свой корпус.

Ночное происшествие*

Давеча иду ночью по улице. Возвращаюсь от знакомых.
Улица пустынная. Душно. Где-то гремит гром.
Иду по улице. Кепочку снял. Ночные зефиры обвевают мою голову.

Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а я люблю ночью пошляться по улицам. Очень как-то свободно ходить. Можно размахивать руками. Никто тебя не толкнет. Как-то можно беззаботно идти.

В общем, иду по улице и вдруг слышу какой-то стон. Стон не стон, а какой-то приглушенный крик или голос.

Смотрю по сторонам – нет никого.

Прислушиваюсь – снова какой-то стон раздается.

И вдруг все равно как из-под земли слышу слова: «Родимый, родимый!..»

Что за чепуха в решетке.

Смотрю на окна. «Может, думаю, разыгралась какая-нибудь домашняя сценка? Мало ли! Может, выпивший муж напал на жену, или, наоборот, та его приканчивает?..»

Смотрю все этажи – нет, ничего не видно.

Вдруг слышу: кто-то по стеклу пальцами тренькает.

Гляжу: магазин. И между двух дверей этого магазина сидит на венском стуле престарелый мужчина. Он, видать, сторож. Караулит магазин.

Подхожу ближе. Спрашиваю:

– Что тебе, батя?

Сторож глухим голосом говорит:

– Родимый, сколько часов?

– Четыре, говорю.

– Ох, говорит, еще два часа сидеть... Не нацедишь ли, говорит, мне водички? Отверни крантик у подвала и нацеди в кружечку. А то испить охота. Душно!

Тут он через разбитое верхнее стекло подает мне кружку. И я исполняю его просьбу. Потом спрашиваю:

– А ты что, больной, не можешь сам нацедить?

Сторож говорит:

– Да я бы и рад нацедить. Немножко бы прошел, промялся. Да выйти отсель не могу: я же закрыт со стороны улицы.

– Кто же тебя закрыл? – спрашиваю. – Ты же сторож. Зачем же тебя закрывать?

Сторож говорит:

– Не знаю. Меня всегда закрывают. Пугаются, что отойду от магазина и где-нибудь прикорну, а вор тем временем магазин обчистит. А если я сижу между дверей, то хоть я и засну, вор меня не минует. Он наткнется на меня, а я крик подыму. У нас такое правило: всю ночь сидеть между дверей.

Я говорю:

– Дурацкое правило. Обидно же сидеть за закрытой дверью.

Сторож говорит:

– Я обиды не строю. И мне самому вполне удобно, что меня от воров закрывают. Я их как огня боюсь. А когда я от них закрыт, у меня и боязни нету. Тогда я спокоен.

– В таком случае, говорю, ты, папаша, походил бы по магазину, размял бы свои ноги. А то, как чучело, сидишь на стуле всю ночь. Противно глядеть.

Он говорит:

– Что ты, родимый! Разве я могу в магазин войти? Я бы и рад туда войти, да та дверь в магазин на два замка закрыта, чтоб я туда не вошел.

– Значит, говорю, ты, папаша, сидишь и караулишь между двух закрытых дверей?

Сторож говорит:

– Именно так и есть... А что ты ко мне пристаешь, я не понимаю. Налил мне водички и иди себе с богом. Только мне спать мешаешь. Трещишь как сорока.

Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена.

Я побрел дальше. И не без любопытства поглядывал теперь на двери других магазинов. Однако ночных сторожей, подобных этому, я не увидел.

Домой я пришел поздно. Долго ворочался в постели. Не мог заснуть. Все время думал: нельзя ли изобрести какой-нибудь

электрический прибор, чтоб он затрещал, если кто-нибудь сунется в магазин? А то пихать между двух закрытых дверей живого человека как-то досадно и огорчительно. Все-таки человек – это венец создания. И совать его в щель на роль капкана как-то странно.

Потом я подумал, что, вероятно, такие электрические приборы уже изобретены. Скажем, наступишь ногой на порог – и вдруг гром и треск раздаются. Но, вероятно, это еще не освоено, а может, и дорого стоит, или еще что-нибудь – какие-нибудь технические сложности, раз нанимают для этого живую силу.

Потом мои мысли спутались, и я заснул. И увидел сон, будто ко мне приходит этот ночной сторож и ударяет меня кружкой по плечу. И при этом говорит: «Ну что ты к сторожам пристаешь! Живем тихо, мирно. Караулим. А ты лезешь со своей амбицией. Портишь нашу карьеру».

Потом этот сон сменился другим, каким-то легкомысленным, с танцами и пением.

И утром я проснулся в довольно хорошем настроении.

Все важно в этом мире*

Этим летом я жил на даче и каждый день ездил в город. И ничего, не особенно переутомился.

Конечно, я не любитель в дачных поездах ездить. Не скажу – грязно. Но неудобства все-таки имеются. Рядом кто-нибудь луком дышит. Или свой чемодан на колени ставит. Или вообще не влезть в вагон по причине переполнения.

Но вот отрадное явление. Поезда почти что перестали опаздывать. Приходят аккуратно. И даже в другой раз раньше времени.

Так что с этой стороны я теперь всегда надеюсь на поезд: он меня не подводил, и я из-за него не опаздывал. Через это я сохранил в своем сердце пламенные чувства ко всем железнодорожникам.

Но вот на кассы я не надеюсь.

Давеча пришел на вокзал заблаговременно. Занял свою очередь и стою, не волнуюсь. Думаю: «Кассирша вполне успеет продать пассажирам билеты».

Но проходит некоторое время, и мы видим, что касса еще закрыта.

Тут некоторые стали постукивать в окно. Стали покрикивать:

– Откройте кассу! Начинайте продавать билеты!

Открывается окошечко, и кассирша говорит:

– Ах, сегодня сколько много вас!

И начинает работу.

Работает хорошо, четко.

Но тут кто-то ей подает купюру в пятьдесят целковых. Происходит некоторая заминка, но потом опять все идет гладко.

И вот снова кто-то сует в окошечко крупную купюру.

И такое, представьте себе, стечение обстоятельств: четыре пассажира подают ей крупные деньги.

На четвертом пассажире кассирша высовывается из окошечка и кричит:

– Чтоб этого больше не было! Что вы сегодня, опухли, что ли? Все время подаете мне крупные деньги. Через это медленно идет торговля, и я теперь не даю гарантии, что всех вас отпущу до прихода поезда.

Во время этой реплики раздается гудок. И вдали показывается дымок паровоза.

Оставшиеся у кассы начинают проявлять признаки нетерпения. Они нажимают на кассу так, что дом трещит и барьер шатается.

В свою очередь кассирша проявляет чудеса быстроты и ловкости. Ее компостерная машинка стучит, как пулемет.

Но поезд уже на станции. Уже толпа людей кидается к вагонам. Уже начальник поезда машет своей фуражкой. И обер свистит в свисток.

Некоторые из оставшихся плюют на билеты и, как говорится, без оных вскакивают в вагоны.

Но человек восемь, и в том числе я, грешный, остаются на вокзале.

Скандал. Крики. Вопли.

Подбегает начальник станции. Ему говорят:

– Из-за вашей кассы мы опоздали. Что вы на это скажете?

Начальник говорит:

– Касса начала работать своевременно: за десять минут до прихода поезда. Мы не виноваты, что вы затрудняете кассира разменом крупных денег.

Один из оставшихся говорит:

– В таком случае открывайте свою кассу за полчаса, если не справляетесь.

Кассирша с визгом говорит:

– Мама дорогая! А когда же я буду ведомости составлять? И так я сколько время трачу на продажу дурацких билетов!

Один из оставшихся, немолодой мужчина в плюшевой толстовке, всплескивает руками.

Воспользовавшись тем, что еще много времени до прихода другого поезда, он произносит речь. Он говорит:

– Слушайте, вы, начальник станции! Поезда у вас приходят аккуратно. Но в зале ожидания у вас грязно и нет воды. Мужская уборная закрыта на ремонт. А касса у вас под открытым небом, и пассажиров заливает дождь. Что касается самой кассы, то за это лето я шестой раз наблюдаю, как пассажиры остаются за флагом. Конечно, с вашей точки зрения, это, вероятно, мелочи: уборная, вода, касса, крупные купюры и т. д. Но позвольте вам сказать: все надо учитывать, все надо иметь в виду. Нет никаких мелочей! Все важно в этом мире.

Начальник станции говорит:

– Каждый гаврик мне будет мораль читать!

Мужчина в плюшевой толстовке говорит:

– Позвольте досказать свою мысль. Возьмите для примера военное дело. Там у них все согласовано. Во всем полное взаимодействие всех частей. Каждая мелочь совпадает, и каждая часть одновременно работает, как колеса одной машины. Самолеты бомбят. Танки наступают. Пехота движется. Машины подвозят горючее. Кухни варят обед. Кассы продают билеты. Врачи перевязывают. Техники чинят. И так далее... И вот с кого вам надо брать пример.

Начальник станции говорит:

– Подымите с полу свой чемодан и подходите к кассе. А то сейчас придет поезд, и вы снова останетесь у меня, на что я совершенно не согласен.

Касса открылась. Вдали загудел поезд. И оставшиеся пассажиры поехали.

Не знаю, как они, но я на работу не запоздал, потому что я имею хорошую привычку выходить с запасом времени.

В этом смысле у меня нет полной согласованности со всеми остальными колесьями транспорта, и благодаря этому я выигрываю. Чего и вам желаю.

На всякий час ума не напасешься*

Давеча еду в автобусе.

Довольно тесно. Но стоять можно: с ног не валят. Рядом со мной стоит престарелый гражданин с портфелем. А рядом с ним престарелая дама с чемоданчиком.

Они стоят безропотно. Особенно независимо стоит престарелый гражданин. Что касается дамы, то она, видать, устала стоять, и по временам она с тоской взирает на сидящих, ожидая, не уступят ли ей местечка. Тем более, что качка изрядная, и ее престарелые ноги не справляются с неожиданностями пути.

Но пассажиры не реагируют на ее взоры. И только один из них, обратившись к ней, говорит:

– Через три остановки я, мамаша, сойду, и тогда сядете на мое место – просьба обождать. Я бы и сейчас вам уступил, но войдите в мое положение: у меня пузыри на ногах – стоять трудно.

«Мамаша» с благодарностью кивает головой, но при этом замечает, что и ей через три остановки тоже надо сходить.

– Как хотите, – говорит пассажир, – не смею вас задерживать.

Вдруг на остановке в автобус входит еще новая партия пассажиров. И среди них небольшой парнишечка лет двенадцати.

Он едет самостоятельно, один. Смело входит в автобус. Сразу протискивается вперед. И начинает с интересом следить за действиями шофера.

Пассажир, у которого пузыри на ногах, неожиданно встает со своего места и, вежливо поклонившись ребенку, говорит:

– Садитесь, молодой товарищ.

Мальчугану, видать, не особенно хочется сидеть. Ему интересней наблюдать, как шофер вертит кругом. Однако, послушный голосу взрослого, он садится на его место.

Престарелая дама говорит:

– Лучше бы вы мне уступили, чем мальчугану, который может пятьсот километров стоя проехать и ему от этого хуже не будет.

Пассажир, уступивший место, говорит:

– Ничего не поделаешь, мамаша! Детей надо уважать и к ним надо почтительно относиться. Они нам смена.

Престарелый пассажир с портфелем говорит:

– Об этом никто не спорит. Детей надо уважать. Но и портить их не надо.

Который с пузырями говорит:

– А чем же я их порчу? Что вы на меня навалились?

Престарелый пассажир говорит:

– Детей надо так воспитывать, чтоб они место старым людям уступали. Не надо из них оранжерейные цветочки делать.

Еще одна женщина говорит:

– Между прочим, я так своих детей и воспитываю. Мои дети и дверь откроют, если звонок звонит. И тарелку принесут взрослому, если это ему надо.

Еще кто-то произносит:

– Сам на пузырях стоит, а здоровому парнишке место уступил. А парнишка и местом не интересуется: эвон сидит, как на шиле, вертится и подскакивает. Ясно, это не надо было делать. Крошечному ребенку следует место уступить. А такому, когда и давки-то нет, – это перегиб. Который с пузырями говорит:

– А пожалуй, я действительно допустил перегиб. Не сообразил, что данный ребенок – крупный и вроде подростка. Но линия у меня на уважение детей принципиально правильная. И она не расходится с общей тенденцией. С этой позиции вы меня не собьете.

Пассажир с портфелем говорит:

– Позиция правильная и с общей тенденцией не расходится, но в данном случае разошлась.

С пузырями говорит:

– Убедили. Тоже ведь на всякий час ума не напасешься. Лучше бы я мамаше место уступил. А еще бы лучше сам остался сидеть. А то стою на пузырях и испытываю муки.

Тут мальчуган встает и говорит:

– Что вы мне велите сидеть? Я не хочу сидеть. Я хочу рядом с шофером стоять.

Тут пассажиры начинают смеяться. И говорят тому, у кого пузыри:

– Видите, какая допущена накладка. Мальчик принял вашу глупую любезность за приказание. И поэтому он сел. Теперь, будьте любезны,

не садитесь, а пусть на это место сядет престарелая гражданка с чемоданчиком.

Та садится на это место. И пассажир с пузырями, расстроившись от всех этих дел, сходит с автобуса на своих полусогнутых. Причем сходит на одну остановку раньше, чем это ему было надо. И при этом бормочет: «На всякий час ума не напасешься».

Коммерческая операция*

Недавно мы с женой задумали приобрести дубовую вешалку в переднюю.

В комиссионном магазине продавалась хорошенькая стоячая вешалка с зеркалом.

И для этой цели нам с женой срочно понадобились деньги. И мы решили где-нибудь перехватить некоторую сумму до первого апреля. Но поскольку нам не удалось это сделать, то мы пришли к решению – продать один мой лишней выходной костюм.

Не скажу, что этот костюм был новенький или, как говорится, с иголки. Некоторое количество дырок и пятен имелось, но уж не настолько, чтоб его нельзя было назвать костюмом.

Слов нет, брюки были нехороши. Не хватало пуговиц. И позади от пояса был отрезан кусок материи на починку нижнего отворота, случайно оторванного в автобусе. И вдобавок не хватало одного хлястика, тоже оторванного, как говорится, «с переляку», во время крымского землетрясения в 1927 году.

А пиджак был еще ничего себе. И даже, может быть, сам Форд не погнушался бы носить его во время затемнения.

А что брюки и пиджак давали между собой такую разницу, то это оттого, что пиджак я носил раз в году, а брюки трепал ежедневно и даже по несколько раз в день.

Первоначально мы с женой имели намерение заложить наш костюм в ломбарде. Но нам не хотелось длинной канители, и поэтому мы упростили коммерческую операцию: отнесли товар на скупочный пункт.

Заведующий пунктом, осмотрев наш костюм, не проявил ни радости, ни горя. Осмотрев, он отбросил его от себя и при этом буркнул: «Семьдесят!»

А мы с женой мечтали получить сто и поэтому сказали заведующему:

– Огляните лучше и дайте ту божескую цену, какую заслуживает наш товар.

Осмотрев еще раз, заведующий сказал:

– Нет, я не ошибся. Более семидесяти ваша вещь не потянет. Дырки. Пятна. Хлястика нет. И штаны, как решето.

Эта сумма нас с женой не устраивала. И поэтому, взяв костюм, мы отправились домой. И двое суток приводили этот костюм в христианский вид.

Мы пришили хлястик и пуговицы. Заштопали дырки. Вывели пятна. И отутюжили костюм. И, полюбовавшись на него, снова отнесли на скупочный пункт.

Однако заведующий, осмотрев костюм, сказал: «Пятьдесят».

Откровенно вам сказать, мы были ошеломлены и растеряны. Мы сказали:

– Еще позавчера вы давали семьдесят. А ведь тогда были дырки, пятна, и хлястика не имелось. А сейчас, когда костюм с иголки, вы даете пятьдесят. Как же так, уважаемый?

– Не знаю, – сказал заведующий, – не помню, чтоб я давал семьдесят. Более пятидесяти ваша вещь не тянет. Говорю вам это как специалист, шесть лет проработавший в этом.

Мы с женой хотели было тут же оторвать от брюк пуговицы и хлястик для того, чтобы вызвать прежнюю цену. Но заведующий сказал:

– Боже сохрани вас это делать! В противном случае более десяти рублей ваша вещь не потянет.

И тогда мы с женой, рассердившись, пошли в другой скупочный пункт. Но там оценили нашу вещь еще того меньше, в тридцать рублей.

Мы вернулись в первый магазин для того, чтоб получить то, что давали. Однако заведующий, не узнав нас, сказал:

– Не скажу – сто, но рублей девяносто ваш костюм тянет. Но только – увы! – на сегодня мы уже расторговались, и в кассе больше нет ни сантимата.

Мы с женой вернулись домой и решили вешалку не покупать.

Но вскоре к нам пришел один наш знакомый и, узнав, что продается костюм, купил его за сто десять рублей в рассрочку. Двадцать шесть рублей он нам дал, а остальное обещал после праздников и уж, во всяком случае, не поздней весны.

И мы решили ждать, поскольку вешалка нам уж не так нужна, не до зарезу.

СЫНОК И ПАСЫНОК^{*}

Одна немолодая особа приехала из Вятки в Ленинград. Дело в том, что дочь этой особы проживала в Ленинграде.

У этой дочери родился сын. И вот теперь наша новоиспеченная бабушка прибыла в Ленинград, чтоб увидеть своего внука и чтоб пошить ему какой-нибудь гардероб, соответствующий его возрасту. И с этой целью она привезла с собой ручную швейную машину.

Кроме машины, старуха везла еще корзинку со всякой ерундой и пакет с продуктами питания.

Родственники старухи, провожавшие ее в Вятке, поставили в вагон эти ее вещи. Так что старуха не ощущала пока что тяжести своего багажа.

Но когда поезд остановился в Ленинграде и наша престарелая женщина, нагруженная багажом, вышла на платформу, она увидела, какая это тяжелая ноша.

Она сгоряча прошла шагов двадцать и подумала, что ей капут. Дыхание у нее перехватило, сердце в груди заколотилось, в боку закололо.

Она положила свою ношу на платформу. И присела на корзинку. Сидит и еле дышит.

Вдруг идет носильщик.

Старуха подозвала его к себе и говорит:

– Сынок, моя дочь не могла меня встретить, поскольку она прикована к постели по случаю рождения ребенка. Муж моей дочери, слесарь производства, вероятно не смог в дневное время покинуть свой станок. Одним словом, меня никто не встретил, и я теперь нахожусь в крайнем затруднении. Помогите, сынок, дотащить мои вещи до трамвая. Но только я тебе откровенно скажу – я не имею денег. Что касается оплаты за твой полезный труд, то я могу тебе предоставить на выбор – кусок пирога с капустой или вареную куриную ногу.

И с этими словами наша старуха развязывает пакет, чтобы показать носильщику его плату.

Носильщик, который мечтал получить деньги и уже мысленно положил, может быть, трешку в свой карман, с неудовольствием выслушал речь старухи.

Он сказал:

– При чем тут, мама, пирог и куриная нога. Существует такса за пронос багажа. А которые не могут платить, те пуцай сами вещи несут, если они такие сильные. Ваша куриная нога меня не устраивает. Я не могу оплачивать квартплату с помощью этой ноги. Надо что-нибудь понимать, прежде чем делать людям такое несерьезное предложение. На прошлой неделе один пассажир дал мне вместо двух рублей платяную щетку. Ну скажите – на что мне платяная щетка! Я не имею привычки чистить костюм. Еще хорошо, что вы, в отличие от этого пассажира, высказались прежде, чем я отнес ваши вещи. Хорош был бы я, если б за свой труд и потраченное время получил бы куриную ногу. Я представляю, какая неожиданность была бы для меня. Думаю, что я отвел бы вас в отделение милиции... Покажите, впрочем, эту вареную ногу. Просто интересно посмотреть, что это за нога, которую я мог бы получить.

Издали посмотрев на куриную ногу, носильщик удалился, укоризненно покачивая головой.

Старуха снова взяла свою поклажу и, тяжело дыша, направилась к выходу. Она плохо шла. Шаркала ногами. Косыночка ее сбилась с головы. И волосы разболтались. И она не предвидела конца своему путешествию.

Вдруг к старухе подходит какой-то неизвестный гражданин. Очень чисто одетый. В перчатках. Он стоял у газетного киоска и что-то покупал. Но увидев старуху с багажом, он подошел к ней и сказал:

– Ну-те, гражданка, дайте я вам понесу. Я вижу – вас затрудняет эта тяжесть.

У старухи мелькнула мысль: не вор ли это. Но гражданин в перчатках так деликатно принял ее вещи и так добродушно улыбнулся, что мысль эта сразу же отпала.

Растерянная и даже ошеломленная этим предложением, старуха не нашлась, что сказать. Она, как тень, последовала за незнакомцем. И на улице молча показала рукой, на какую трамвайную остановку идти.

Незнакомец поставил ее багаж на площадку трамвая. Помог войти в вагон. И, сняв шляпу, пожелал ей счастливо доехать. Да еще при этом

предупредил пассажиров, чтобы они помогли старухе сойти с трамвая, когда ей потребуется.

Ошеломленная старуха даже и тут не нашлась, что сказать. Она не произнесла даже «мерси» или «благодарю». Она молча смотрела на незнакомца, не зная еще, какие ей мысли подвести под все это дело.

Но вот трамвай пошел. И незнакомый гражданин исчез в толпе.

И вот старуха приехала домой. Увидела внука, и с дочкой своей обнялась и поцеловалась.

С первых же слов она рассказала ей историю, какая произошла с ней на вокзале.

И дочка была поражена не меньше, чем ее мама.

Эта дочка написала мне письмо. Вот что она пишет в этом письме:

«Не можете ли вы, уважаемый писатель, через посредство вашего рассказа поблагодарить этого гражданина. Моя мама растерялась и ничего ему не сказала. А теперь она только об этом и говорит, и при этом плачет. Ей досадно, что она не поблагодарила хорошего человека за его душевное, сердечное отношение... А если вы напишете рассказ, то, может быть, он прочтет этот рассказ и ему станет приятно, что его вспомнили в хороших выражениях. Если вы возьметесь написать этот рассказ, то передайте, пожалуйста, ему привет от меня и от мамы. Как-нибудь вы вставьте эту фразу так, чтобы она не повредила вашему рассказу...»

Нет, такие фразы абсолютно не вредят рассказам. И я с охотой и удовольствием исполняю просьбу двух женщин.

Сердечно рад быть посредником в хороших делах.

Я написал этот фельетон и теперь надеюсь, что его прочтет наш славный незнакомец и увидит, что ему шлют привет и благодарность.

Этот фельетон я написал под Новый год. На Новый год мы обычно делаем пожелания друг другу. Так я пожелаю гражданам в новом году поступать так, как поступил незнакомец.

Я поздравляю его с Новым годом. И мой первый бокал с шампанским я поднимаю за него и за тех людей, которые во всех делах поступают так же, как он.

А затем я уже буду чокаяться с остальными людьми, более равнодушными к чужой беде.

Святая ночь^{*}

Однажды на майские праздники меня пригласил в гости один колхоз. Там мне хотели показать свои достижения и свой новый, перестроенный быт.

И вот я поехал в назначенный день. Но случилось досадное происшествие – я по ошибке проехал нужную мне станцию. И только через час сошел на каком-то совершенно мелком полустанке.

Откровенно сказать – я даже немного растерялся. Кругом поля. Жилья не видать. А уже надвигался вечер.

Я хотел было заночевать на полустанке, но дежурный посоветовал мне дойти до ближайшего хутора и там достать лошадь.

Я так и сделал.

И вот вскоре вхожу в избу. Прошу хозяина дать мне лошадь. Хозяин хутора принял меня радушно, но просьбу о лошади отклонил.

– Что вы, что вы, – сказал он, – пойдите помойтесь холодной водой. Моя лошадь целый день трудилась на поле, и сегодня я вам никак не могу ее предоставить.

Я не стал больше говорить о лошади и попросился переночевать.

– Эта вторая ваша просьба, – сказал хозяин, – тоже меня затрудняет. Вы отдаете себе отчет – куда я вас положу?

Действительно, изба была полна народу. За столом сидели три женщины, старик и пятеро ребятишек.

Стол был убран празднично и даже торжественно. На столе стояла жареная свинина и всякая разнообразная еда.

Весьма дряхлая старуха, сидящая за столом, сказала хозяину:

– В такую ночь, Федя, нельзя никого прогонять.

Хозяин сказал:

– Это вы, бабушка, правильно заметили.

И, вопросительно посмотрев на старуху, добавил:

– Тогда мы этого пришедшего гостя положим в сени. Так? Пуцай он там ляжет на Петькину оттоманку.

Обратившись затем ко мне, хозяин добавил:

– Уважаемый, садитесь пока с нами за стол. Я вам сейчас жареной картошки дам. А после мы вас устроим.

Я спросил:

– А скажите, какая нынче ночь, что вы вдруг разрешили мне остаться и вдобавок так празднично кушаете?

Старуха сказала:

– Нынче пасхальная святая ночь.

Этот мой вопрос страшно рассердил хозяина. Всплеснув руками, он сказал:

– Я сам не горазд верующий, но чтобы забывать, какая нынче ночь происходит, – это уж, знаете, из ряда вон выходящее... Этим вопросом вы меня заставляете раскаиваться, что я вас допустил на ночлег.

Я говорю:

– Не сердитесь на меня, я действительно забыл, что нынче Пасха. В календаре это не отмечено, а я человек нерелигиозный. Лет, я думаю, двадцать в церкви не был. И эту дату прямо из памяти выпустил. Так что вы, папа, зря нервничаете. Вы этим себе только пасхальное настроение снижаете.

Хозяин, вздохнувши, сказал:

– Врачи установили, что у меня нервная система расшатана.

Я говорю, садясь за стол:

– Вот вы сердитесь, что человек пасхальный день забыл, а сами что делаете? Не подождавши ночи, сидите за столом и разговляетесь.

Хозяин сконфуженно заметил:

– Нынче мы решили пораньше разговеться. Мы церковных правил слепо не придерживаемся.

Покушавши, мы пошли спать.

Меня положили на ситцевую мягкую кушетку, стоящую в теплых сенях. Рядом, на неуклюжих козлах, лег хозяин.

Почувствовав благодарность за оказанное гостеприимство, я сказал:

– Хозяин, может, вы хотите на кушетку лечь? А я тогда давайте на ваши неудобные козлы лягу.

– Ну нет, – живо возразил хозяин. – Я на эту оттоманку не лягу. В ней дюже блох много. И я тревожно сплю, когда они меня кусают. На этой оттоманке единственно спит мой старший сынок Петя... Но он у меня почему-то нечувствителен к укусам.

Хозяин долго не ложился спать. Он сидел на своих козлах и задумчиво глядел на маленькую керосиновую лампочку.

Я же, опасаясь нападения ночной кавалерии, лег на свою кушетку не сразу. Я сидел на табуретке и курил.

Хозяин неожиданно сказал:

– Вот, например, колхозы... Там теперь люди многим довольны. Новые дома у них теперь понастроены, чистота вокруг. И блох там, говорят, исключительно мало. Так что я сам вскоре хочу туда записаться, чтоб немного повысить свою культуру. Только вот не знаю, как насчет религиозности? Как вы думаете – не помешает ли это записаться? Хотя я и не горазд религиозный.

Я говорю:

– Конечно, не помешает. Государство не запрещает иметь свою веру.

– Тем более, – сказал хозяин, – я не только не горазд религиозный, я прямо, откровенно вам скажу, совершенно, то есть как есть, неверующий. Но пасхальную неделю я почему-то признаю и уважаю. Я в пасхальную неделю ко всем явлениям делаюсь какой-то чересчур нежный, и мое сердце требует справедливости.

Я говорю:

– Что касается справедливости, папа, то, например, праздник Первого мая – это более справедливый праздник, потому что это праздник трудящихся. И, празднуя его, вы тем самым можете удовлетворить свои поиски справедливости. И вашу нежность вы можете как раз приурочить к этому празднику, поскольку вы сами трудящийся.

– Я пятьдесят лет трудящийся, – сказал хозяин. – Я почти что с самой колыбели есть трудящийся. И праздник Первого мая я согласен очень сильно уважать. Но пасхальную ночь я тоже очень сильно уважаю. Пасхальная ночь, если хотите знать, меня прямо перевертывает, поскольку я тогда чувствую жалость к людям и ко всему земному. Это святая ночь, и она меня прямо на полгода очищает.

Разговаривая с хозяином, я, забывшись, прилег на свое ложе и сразу же понял, отчего хозяин избегал этой оттоманки. С первой же минуты блохи начали жалить меня удивительно свирепо.

Я поймал одну представительницу прыгающего мира, которая беззастенчиво села на мою руку.

Хозяин, перейдя вдруг от тихого, созерцательного настроения к гневу, сердито сказал:

– Никакое животное, никакое насекомое я не позволю вам сегодня убивать. Имейте это в виду.

Я от неожиданности выпустил свою пленницу.

– В моем доме, – сказал хозяин дрожащим от волнения голосом, – я сегодня никому ничего не разрешаю убивать. С завтрашнего дня можете убивать, а сегодня оставьте это делать.

Я начал было доказывать хозяину невыгодность такой идеалистической философии, но он стал на меня кричать. И тогда я, покрывшись пальто, отвернулся к стене.

Но заснуть от укусов решительно не мог.

Хозяин тоже не спал. Он кряхтел, курил и вертелся на своих козлах как сумасшедший.

Наконец он встал со своего ложа и босой, в розовых подштанниках, пошел вдруг к выходу. Он открыл дверь на улицу и, сняв с себя рубаху, стал ее энергично трясти и колотить.

– Папа, – сказал я, – вы что же делаете?

– А что? – ответил он сердито.

– На дворе же, говорю, морозно. И там ваши питомцы непременно погибнут от голода, холода и других лишений. Где же ваша нежность и христианская кротость?

Хозяин сконфуженно улыбнулся. Он сказал:

– Дюже заели, ну их совсем в болото. Прямо от них не можно было заснуть. В крайнем случае и вы, если хотите, тоже можете начать их убивать...

Поговорив с хозяином о том о сем, мы наконец заснули.

А утром мой милый хозяин доставил меня в колхоз. И сам со своей нежной душой пошел в гости к одному из колхозников.

Пчелы и люди^{*}

В один колхоз приехал в гости красноармеец. И в подарок своим родственникам он привез баночку цветочного меда.

И до того этот мед всем понравился, что колхозники решили устроить у себя пчеловодство.

А кругом никто пчеловодством не занимался. И колхозникам надо было устраивать все заново – ульи делать и пчел из лесу переводить на новые квартиры.

Увидев, что это дело такое длинное, колхозники приуныли.

– Это, говорят, долгая канитель! Пока то да се – и лето пройдет. И мы не увидим меда до следующего года. А нам надо сейчас.

А среди колхозников находился один прекрасный человек, некто Иван Панфилович, немолодой мужчина лет семидесяти двух. Он в молодые годы занимался пчеловодством.

Вот он и говорит:

– Для того чтобы в этом году чай пить с медом, надо поехать куда-нибудь туда, где есть пчеловодство, и там у них надо купить то, о чем мы мечтаем.

Колхозники говорят:

– Наш колхоз – миллионер. Перед затратами он не постоит. Давайте купим пасеку на полном ходу! Чтобы пчелы уже в ульях сидели. А то если из леса пчел переведем, они, может быть, окажутся неважные. Может быть, они начнут какой-нибудь жуткий мед изготавливать, какой-нибудь липовый. А нам надо цветочный.

И вот дали Ивану Панфиловичу деньги и послали его в город Тамбов.

Приезжает он в Тамбов. Там ему говорят:

– Вы правильно сделали, что приехали к нам. У нас три деревни переселились на Дальний Восток. Осталось лишнее пчеловодство. Это пчеловодство мы вам можем отдать чуть не даром. Только как вы этих пчел повезете – вот это для нас вопрос. Товар, можно сказать, рассыпной, крылатый. Чуть что – разлетится в разные стороны. И мы страшимся, что к месту назначения вы привезете одни только пчелиные домики да личинки.

Панфи́лыч говорит:

– Как-нибудь я их перевезу. Я знаю пчел. Я всю жизнь имел с ними общение.

И вот Панфи́лыч на двух подводах привез на станцию шестнадцать ульев.

На станции он схлопотал открытую платформу. Поставил на эту платформу свои ульи и покрыл их брезентом.

И вот вскоре товарный поезд тронулся. И наша платформа покати́лась.

Панфи́лыч торжественно стоял на платформе и беседовал с пчелами...

– Ничего, ребятки, – говорил он им, – доедем! Маленько потерпите в темноте, а там я вас снова к цветам пу́щу. И вы уж там, я так думаю, свое возьмете. Главное, не тревожьтесь, что я вас в темноте везу. Это я вас нарочно брезентом закрыл, чтоб вы сдуру не вылетели на ходу поезда. В противном случае обратно на поезд уже не вскочите.

И вот поезд едет день. И другой день он едет.

На третий день Панфи́лыч стал немного волноваться. Поезд идет медленно. На каждой станции останавливается. Подолгу стоит. И непонятно, когда он доедет к месту назначения.

На станции «Поля» Панфи́лыч сошел со своей платформы и обратился к начальнику станции. Он спросил:

– Скажите, уважаемый, долго ли будем стоять на вашей станции?

Начальник станции отвечает:

– Право, не знаю, может быть, и до вечера постоим.

Панфи́лыч говорит:

– Если до вечера, то я открою брезент и выпущу своих пчелок на ваши поля. А то они в пути истомились. Третий день под брезентом сидят. Проголодались. Не пьют, не кушают и личинок не кормят. Начальник говорит:

– Поступайте как хотите! Какое мне дело до ваших крылатых пассажиров! У меня и без того дел хватает. А тут я буду о ваших личинках тревожиться. Еще что за глупости!

Панфи́лыч вернулся к своей платформе и снял брезент.

А погода была великолепная. Небо голубое. Июльское солнышко блестит. Кругом поля. Цветы растут. Каштановая роща зацветает.

Вот Панфилыч снял брезент с платформы. И тотчас целая армия пчел поднялась к небесам.

Пчелы покружились, осмотрелись и направились в поля и леса.

Пассажиры обступили платформу. И Панфилыч, стоя на платформе, произнес им лекцию о пользе пчел.

Но во время лекции на станцию вышел начальник и стал давать сигналы машинисту, чтоб тот тронулся в путь.

Панфилыч прямо ахнул, когда увидел эти сигналы. С тревогой он говорит начальнику станции:

– Уважаемый, не отправляйте поезд! У меня все пчелы в разгоне.

Начальник станции говорит:

– А вы им свистните, чтоб они скорей обратно сядились! Более трех минут я не могу поезд задерживать.

Панфилыч говорит:

– Умоляю, задержите поезд до заката солнца! На закате солнца пчелы вернутся на свои места. В крайнем случае отцепите мою платформу! Я без пчел не могу ехать. Тут у меня одна тысяча осталась, а пятнадцать тысяч в полях. Войдите в положение! Не отнеситесь равнодушно к такой беде!

Начальник станции говорит:

– У нас не пчелиный курорт, а железная дорога. Подумаешь, пчелы улетели! А на следующем поезде скажут: мухи улетели. Или блохи, скажут, выскочили из мягкого вагона. Так что ж, я должен ради этого поезда задерживать? Не смешите меня!

И тут начальник станции снова дает сигнал машинисту.

И вот поезд трогается.

Панфилыч, бледный как полотно, стоит на своей платформе. Руками разводит. Смотрит по сторонам. И дрожит от огорчения.

А поезд идет.

Ну, некоторое количество пчел успело все-таки вскочить на ходу. А большая часть осталась в полях и роще.

И вот поезд скрылся из виду.

Начальник вернулся на станцию. И приступил к работе.

Пишет он что-то в ведомости. И пьет чай с лимоном.

И вдруг он слышит, что на станции происходит какой-то шум.

Начальник открывает окно, чтоб посмотреть, что случилось. И видит, что среди ожидающих пассажиров происходит суматоха,

беготня и суетня.

Начальник спрашивает:

– Что произошло?

Ему отвечают:

– Тут пчелы укусили трех пассажиров. И теперь бросаются на остальных. Их такое множество, что небо почернело.

И тут начальник видит, что целая туча пчел носится вокруг его станции.

Естественно, они ищут свою платформу. А платформы нет. Она уехала. Вот они и бросаются на людей и куда попало.

Только начальник хотел отойти от окна, чтоб выйти на станцию, как вдруг в окно влетело множество разъяренных пчел.

Начальник схватил полотенце и стал им махать, чтобы выгнать пчел из комнаты.

Но, видимо, это его и погубило.

Две пчелы укусили его в шею. Третья – в ухо. Четвертая ужалила его в лоб.

Заматавшись в полотенце, начальник лег на диван и стал испускать жалобные стоны.

Вскоре прибегает его помощник и говорит:

– Кроме вас, пчелы укусили в щеку дежурного телеграфиста. И он теперь отказывается работать.

Начальник станции, лежа на диване, говорит:

– Ай, что же делать?

Тут прибегает еще один служащий и говорит начальнику:

– Билетная кассирша, то есть ваша жена, Клавдия Ивановна, сию минуту укушена в нос. Наружность ее теперь окончательно испортилась.

Начальник станции застонал сильнее и сказал:

– Надо скорей вернуть платформу с этим сумасшедшим пчеловодом.

Начальник соскочил с дивана и стал звонить по телефону. И со следующей станции ему ответили:

– Ладно. Платформу сейчас отцепим. Но только у нас нет паровоза доставить ее вам.

Начальник станции кричит:

– Паровоз мы пришлем. Отцепляйте платформу поскорей. Уже мою супругу пчелы укусили. Моя станция «Поля» опустела. Все пассажиры спрятались в сарай. Только одни пчелы носятся по воздуху. И я отказываюсь выходить на улицу, пускай происходят крушения!

И вот вскоре платформа была доставлена. Все с облегчением вздохнули, когда увидели платформу, на которой стоял Панфилыч.

Панфилыч приказал поставить платформу на то самое место, где она стояла. И пчелы, увидев эту платформу, моментально подлетели к ней.

А пчел было так много и они так поспешно стали занимать свои места, что среди них произошла давка. И такой у них гул поднялся и такое жужжание, что собака завyla и голуби к небу поднялись.

Панфилыч, стоя на платформе, приговаривал:

– Спокойно, ребятки, не торопитесь! Время есть. Занимайте свои места согласно своим плацкартам!

Через десять минут все стало тихо.

Убедившись, что все в порядке, Панфилыч сошел со своей платформы.

И люди, находившиеся на станции, зааплодировали ему. И Панфилыч, как артист, стал раскланиваться с ними. И при этом сказал:

– Опустите ваши воротники! Откройте лица! И перестаньте дрожать за свою судьбу – укусов более не произойдет.

И, сказав это, Панфилыч направился к начальнику станции.

Начальник, замотанный полотенцем, продолжал лежать на диване. Он охал и стонал. Но он еще больше застонал, когда Панфилыч вошел в комнату.

Панфилыч сказал:

– Я очень сожалею, уважаемый, что мои пчелы вас укусили. Но в этом вы сами виноваты. Нельзя столь равнодушно относиться к делам, независимо от того, большие они или маленькие. Пчелы этого не выносят. Они без всяких разговоров кусают за это людей.

Начальник застонал еще больше, а Панфилыч продолжал:

– Пчелы абсолютно не переносят бюрократизма и равнодушия к их судьбе. Вы же с ними поступили так, как вероятно, поступаете с людьми, – и вот вам расплата.

Панфилыч посмотрел в окно и добавил:

– Закат солнца произошел. Мои спутницы заняли свои места. Честь имею кланяться! Мы поехали.

Начальник станции слабо кивнул головой – дескать, уезжайте поскорей! И тихо прошептал:

– Всех ли пчел-то захватили? Смотрите, не оставьте чего-нибудь у нас!

Панфилич говорит:

– Если две-три пчелы у вас и останутся, то это вам пойдет на пользу. Своим жужжанием они вам будут напоминать о последнем событии.

С этими словами Панфилич вышел из помещения.

На другой день к вечеру наш славный Панфилич прибыл со своим живым товаром к месту назначения.

Колхозники встретили его с музыкой.

Чингис-хан с самолетом*

В XII столетии Чингис-хан прошел, как смерч, по земле. Когда он брал города – он не оставлял камня на камне. Историки пишут, что груды мусора оставались там, где были цветущие города и поселения.

Мужчин поголовно истребляли. Женщин насиловали и уводили в плен, а детям разбивали головы о камни.

И когда я в юности читал эти строчки, мне делалось скучно и совестно, что это так было в истории людей.

Но я с облегчением вздыхал. Думал – это же далекое прошлое. Заря человеческой жизни. Грубость нравов. Отсутствие культуры и цивилизации. Все это, я думал, прошло безвозвратно и больше никогда не повторится.

Черта с два. Снова мусор от разрушенных городов, снова груды убитых детей, снова непомерная жестокость и лютая ненависть – фашистская армия повторяет то, что было восемь веков назад.

Вот великолепный самолет распластал свои крылья в поле. Изумительный самолет – детище современной техники – готов в далекий путь. Рядом с самолетом стоит летчик. На рукаве его куртки – сатанинская свастика.

Летчик покуривает. Улыбается. Шутит.

В руках у него цветок – подарок незнакомой девушки.

Может быть этот летчик, я извиняюсь, летит в научную экспедицию?

Может быть он держит курс в Арктику – изучить магнитные отклонения?

Черта с два! Под самолетом подвешены бомбы. Человек летит сеять смерть и разрушение.

Но, может быть, – это патриот своего отечества, может быть враги напали на его страну и теперь надо защищать свою родину?

Черта с два! Он летит по приказу своего начальника – завоевывать чужие земли.

Но, может быть, на душе у него нехорошо, может быть его ум и сознание протестуют?

В его стране не велено думать. И, тем более, не велено думать солдату. «Сознание, – сказал фюрер, – приносит людям неисчислимые беды». Стало быть, не надо думать, а надо без всяких мыслей исполнять то, что приказано.

Но если все-таки солдат задумался? Если, ворочаясь на койке, он подумал с содроганием, зачем и для чего он бросил сегодня тридцать бомб на крыши цветущего города, на головы жителей, которые ни в чем не повинны, – повинны только в том, что не хотят увидеть врага на своей земле.

Ну что ж, если солдат так подумал – к его утешению имеется «научная» фашистская литература, которая разъяснит сомнения.

Бомбы? Воздушные бомбардировки городов? О, это же весьма полезно. Это приносит облегчение людям.

«Коричневая книга» приводит статью, помещенную в научном (биологическом) фашистском журнале.

Одно заглавие этой статьи уже многое говорит. Статья называется «О пользе воздушных бомбардировок».

Только преступник или тупица мог написать такую статью. Там вот что сказано:

«Взрывы тяжелых снарядов, весом с тонну и больше, помимо смерти, которую они сеют, вызывают случаи помешательства. Люди, нервная система которых недостаточно сильна, не смогут вынести такого удара. Таким образом, воздушные бомбардировки нам помогут обнаружить неврастеников и устранить их из социальной жизни».

Эту мракобесовскую статью тяжело и отвратительно читать.

Собственно говоря, неизвестно, на какую дубовую голову она рассчитана. Но она явно рассчитана на то, чтоб человек утешился, если в его голове шевельнется живая мысль.

Воздушные бомбардировки? Ничего! Это полезно. Слабые и старые люди не нужны. Их – к черту из социальной жизни. Что касается детей, то и «дети пусть лучше погибнут от бомбы, чем от скарлатины».

Вот дьявольская философия, которая могла возникнуть лишь в больной и дырявой голове.

Бегемоты и слоны, в таком случае, наилучшие жители – они сравнительно легко выдерживают бомбардировку.

В каком-то диком племени когда-то, говорят, существовал обычай – «устранять» из социальной жизни слабых стариков.

Но как узнать – слабый ли старик? Возраст ничего не говорит. Другой старик и в сто лет еще бодрится.

И вот вожди дикого племени придумали способ узнать слабых.

Подопытному старику велят влезть на дерево. И потом это дерево что есть силы раскачивают. Если старик усидит – его счастье. Значит, он еще может жить. А нет, так извиняемся за опыт.

Так и тут. Чингис-хан с самолетом изволит «переустроить» социальную жизнь. Он пока что слабых и нервных стряхивает с дерева жизни.

Однако ум и справедливость восторжествуют. И философия мракобесов исчезнет, как страшный сон.

Поражение врага, у которого такая философия, неизбежно.

Скандал в благородном семействе*

Не знаем, насколько верно, но говорят, что Гитлер поссорился с Муссолини.

Не то чтобы они окончательно поссорились, но говорят, что между ними пробежала черная кошка.

Причем ссора у них произошла на идеологической почве. Приходит Геббельс к Гитлеру и в присутствии Риббентропа говорит ему: «Ну и ну!»

И с этими словами кладет на стол старую газету. Гитлер говорит в присутствии Риббентропа:

– Что произошло? Не волнуйте меня.

Геббельс говорит:

– Как вам известно, я не любитель что-либо читать. Но вчера сижу в ванне и от нечего делать просматриваю старую итальянскую газету. И вдруг вижу... Что такое!.. Высказывание Бенито Муссолини о Германии... И там такие слова, что я не решаюсь вам вслух прочитать... Вот прочтите это место, и вы увидите, как вам начистил зубы ваш любезный друг Муссолини.

Гитлер говорит:

– Я сам гляжу против чтения и образования. Но раз дело доходит до зубочистки, то я потружусь – прочитаю это от меченное вами место.

И с этими словами Гитлер берет газету и в присутствии Риббентропа вслух читает высказывание Муссолини:

«Как смеют немцы (пишет Муссолини) претендовать на мировое господство! Как смеют они ссылаться на свою древнюю культуру! Они ходили еще в шкурах в то время, как у нас в Риме были Цицерон и Публий Марон Вергилий...»^[1]

Прочитав это высказывание, Гитлер зашатался и говорит Риббентропу:

– Давай пошлем ноту Муссолини, который осмелился так сказать...

Пройдоха Риббентроп говорит:

– Давайте лучше вызовем Муссолини к телефону. И вы в короткий срок отведете свою душу.

И вот соединяют Гитлера с Бенито Муссолини. И Гитлер говорит: «Ну, говорит, Бенья, не ожидал я от тебя такой гадости...»

И объясняет ему, в чем дело.

Муссолини с дрожью в голосе говорит:

– Извиняюсь, ошибся... Единственное, говорит, мое оправдание, что это мое легкомысленное высказывание было семь лет назад.

Гитлер говорит:

– Мне безразлично, когда это было. Но раз ты, собака, имел такое мнение, значит, и сейчас имеешь. И только со мной двурушничаете. Благодарите небо, что я сейчас занят, иначе от вашего Рима осталось бы одно воспоминанье.

Тут Гитлер вешает трубку и говорит всем присутствующим:

– Ну, погодите, господа, когда-нибудь я ему всыплю! Я ему покажу, кто в шкурах ходил, а у кого был этот, как его... ци... ци... ну, этот, как его... цитрон...

Геббельс говорит:

– Цицерон... Оратор... А то у них в Риме был еще другой – Нерон. Так он и вовсе Рим спалил...

Гитлер говорит:

– Вот и я ему спалю Рим. Вот и будет знать, кто в шкурах ходил...

Пройдоха Риббентроп говорит:

– Умоляю: не выносите сор из избы. Иначе нам будет труба... А вам, господин Геббельс, довольно стыдно подначивать.

Ничего на это Геббельс не сказал, только подло улыбнулся и вышел.

И Гитлер тоже ничего не сказал, только потребовал карту Европы и стал глядеть, где Рим находится.

Но тут вскоре прилетает на бомбардировщике запыхавшийся Муссолини. Плачет. Рвет на себе волосы. И просит прощенья.

Тут между двух пресловутых атаманов происходят ссора, шум и крики.

Но потом Муссолини все-таки вымолил себе прощенье, сказав, что он отмежевывается от своих слов.

На этом друзья разошлись, затаив друг к другу злобу и раздражение.

Своя рука – владыка*

Генерал. Хайль, Гитлер... Имею честь доложить – принесли военную сводку... Разрешите отправить ее в печать?

Гитлер. Э, нет... погоди... Теперь я сам решил проверять эти сводки... А то печатают всякий вздор... Какие-то наши потери – печатают... Какие потери? Победоносная армия... прошла сквозь всю Европу... и вдруг – крупные потери на Восточном фронте... Чепуха... Вздор... Дай-ка сюда эту сводку...

Генерал. Извольте...

Гитлер (*читает*). Что, что такое?.. Сколько?.. За один день мы потеряли двести тридцать танков... Ай, это много, господа... Такую цифру я не могу опубликовать...

Генерал. А вы первую двоечку скиньте, вот оно и будет в меру – тридцать танков. Так сказать – нормально...

Гитлер. И то правда. (*Поправляет.*) Значит, мы потеряли тридцать танков... А не много ли мы потеряли, генерал? Все-таки тридцать танков за один день – это порядочная потеря. А?

Генерал. А вы правый нолик откиньте, вот оно и будет в самый раз... Три танка...

Гитлер. Ты находишь... Пожалуй, я тогда действительно нолик сокращу... В математике он все равно ничего из себя не представляет. Ноль... Так что его вполне позволительно отбросить. (*Исправляет.*) Итого мы потеряли три танка... Вот теперь бери сводку... Пусть печатают... Погоди, погоди... Ну, куда бежишь... Государственное дело, а он бежит... Слушай, может это лучше, это не мы потеряли три танка, а они?

Генерал. Гениальная мысль, фюрер... Как всегда у вас... Действительно, пусть лучше это они потеряли... Что нам с противником церемониться...

Гитлер. Конечно, зачем нам с ним цацкаться... (*Исправляет.*)

Генерал. Ну просто гениально получилось, фюрер... Противник потерял три танка...

Гитлер. Вот теперь бери сводку. Пусть печатают... Погоди, погоди... А не мало ли они потеряли – только три танка?.. Такие

крупные бои были, а они только три танка...

Генерал. Да, это они мало потеряли, фюрер... Не прибавить ли нам один нолик справа?

Гитлер. И то правда. Прибавим нолик... Итого противник потерял тридцать танков... Вот оно теперь как будто и ничего себе получилось.

Генерал. Конечно, если б они еще больше потеряли – это бы вдохновило армию...

Гитлер. Да, об армии мы должны позаботиться... Прибавим впереди единичку. *(Исправляет.)* Значит, противник потерял сто тридцать танков... Вот теперь прекрасно...

Генерал. Фюрер... Тогда уж лучше оставить первоначальную цифру – двойку... Зачем же нам исказить действительность...

Гитлер. Да, уж действительность нехорошо исказить... Исправим... Итого противник потерял двести тридцать танков... И это за один день... Чувствительные потери мы нанесли противнику... Вот теперь бери сводку. Пусть они поскорей печатают...

Генерал. И правильная цифра сохранилась, и авторитет не подорван.

Гитлер. Отныне я сам буду проверять военные сводки.

Генерал. Конечно... Свой глаз – алмаз, а чужой – стеклышко.

Фашисты учатся*

Начался учебный год. Дети пошли в школу.

В Германии тоже дети пошли в школу.

Но лучше бы они в школу не ходили: из этого ничего путного не получится. То есть что-то получится, но не то, что надо. Уж очень там преподавание особенное.

Например, открываем немецкий учебник арифметики. Это задачник Келлера и Графа. Перелистываем. Рассчитываем найти привычную задачку. Что-нибудь такое: «В бассейн вливается 30 ведер в час...»

Оказывается, ничего подобного. Там таких задач не имеется. Там вот какие задачи:

«Бомбовоз может взять на борт одну разрывную бомбу весом в 350 кг, три по 100 кг, четыре газовых бомбы по 150 кг и 200 зажигательных снарядов по 1 килограмму. Спрашивается: сколько можно прибавить зажигательных бомб по 0,5 кг, если грузоподъемность будет повышена на 50 процентов?»

Может быть, эта задачка случайно затесалась в учебник? Может быть, другие задачи рассчитаны на детскую психику?

Ничего подобного. Весь задачник набит таким же военным материалом. Например:

«Самолет летит со скоростью 240 км в час к точке, находящейся от места вылета на расстоянии 210 км, чтобы сбросить там бомбы. Через сколько времени возвратится самолет, если на сбрасывание бомб ему потребуется 7,5 минуты?»

Вообще говоря, самолет может и не возвратиться, если наши зенитки встретят его подобающим образом. Но детям об этом, конечно, не сообщается. Это, так сказать, выходит из области арифметики. Это уж – нечто вроде алгебры.

А кстати, интересно знать, как там у них дело обстоит с алгеброй? Точно так же, как и с арифметикой. Вот задача по алгебре из учебника Отто Цолль:

«Сколько человек может поместиться в газоубежище длиной в 5 метров, шириной в 4 метра и высотой в 2,25 метра, рассчитывая, что пребывание там продлится 3 часа и что на одного человека требуется 1 кубометр воздуха в час?»

Может быть, химия у них выдержана в более спокойных тонах? Наоборот. В учебнике химии, как говорится, берут быка за рога. Автор учебника Вальтер Кинтоф проповедует:

«Химическая война должна выполнять двоякую задачу: причинить значительный ущерб противнику и морально дезорганизовать гражданское население, то есть ослабить его сопротивляемость».

Перейдем в таком случае к истории. Посмотрим, чему история учит немецких детей.

В учебнике истории Герберта Гебеля сказано:

«Французов уже вряд ли можно считать народом, принадлежащим к белой расе, ибо около шестой части населения Франции состоит из негров».

Если французы – негры, то интересно узнать, что сказано про славян.

В этом же учебнике Гебеля вот что сказано про славян:

«Славяне первоначально принадлежали к северной расе, но уже в древнейшие времена настолько перемешались с монгольскими полчищами, что от их северной крови почти ничего не осталось. Это обстоятельство привело к тому, что славяне в области культуры не создали ничего значительного».

Не будем спорить с ненормальными людьми.

И на прощанье возьмем какой-нибудь тихий, нейтральный предмет. Например, рисование.

Неужели и этот детский предмет приспособлен под нужды фашистского государства?

Именно так.

В журнале «Искусство и юношество» напечатана статья Штюлера. В статье сказано:

«Воздушный налет, стрельба из зенитных орудий. Взрывы, горящие дома, прыжки с парашютом, работа пожарных команд и санитарных дружин, – все это составляет мир переживаний десятилетних детей и должно найти отображение в их рисунках».

Ну, что ж. Все ясно. И вопросов, как говорится, больше не имеем.

Неожиданное признание*

Перед нами финский пленный. Он небольшого роста, худой, обдерганный. По временам он выгребает из кармана сухой горох и жует его.

На вопросы пленный отвечает с готовностью и даже с усердием. И при этом сконфуженно улыбается.

Выясняется, что он маляр по профессии. И к военной карьере не готовился. У него грыжа и еще что-то. Тем не менее вот уже второй раз его берут на войну к его крайнему изумлению.

В первую войну с русскими ему повезло. Благодаря господу богу он попал на фронт за три дня до окончания войны. Если б так шло всякий раз, тогда воевать еще можно было бы. Но в эту войну его взяли с первых дней, и он почти что два месяца не вылезает из окопов. И он пришел к мысли перейти к русским.

Конечно, это было нелегко сделать: за ним следили, и в разведку его посылали с надежными людьми.

Но сегодня ночью, выйдя в разведку, он спрятался в камнях и на рассвете сдался в плен.

Комиссар спросил пленного:

– А что, много в вашей роте солдат, которые хотели бы поступить так же, как вы?

Пленный ответил:

– Да, их много у нас. Четыре солдата мне сами сказали, что они хотели бы сдаться. А некоторые боятся говорить, но непременно это сделают.

– Чем же вы объясняете это явление?

Тяжело вздохнув, пленный ответил:

– Некоторым надоело воевать. Другие не знают, за что воюют. А лично я был недоволен, что стрельба идет круглые сутки.

Комиссар сказал:

– В первую войну тоже стреляли круглые сутки...

Сконфуженно улыбнувшись, пленный ответил:

– Нам тогда сказали, что русские мучат и убивают пленных. Но потом мы выяснили, что это не так.

– Как же вы выяснили? – спросил комиссар.

Пленный сказал:

– Некоторые наши солдаты находились у вас в плену. Так они остались очень довольны. И питание, говорят, было хорошее и отношение самое дружеское. У нас в роте тоже был один из пленных. Так он говорил: даже читали ему вслух. Это больше всего его удивило, что ему вслух читали. И он опять решил перейти к вам. И он в прошлую пятницу перешел к вам. Может, помните, такой пузатый, с усами?

– Ах, верно, кажется, такой был, – сказал комиссар.

– Был, был. Я же знаю, – сказал пленный. – Я же с ним перед этим разговаривал. И я тогда еще подумал: дурак я буду, если тоже не перейду. Человек я в возрасте. Болезненный. Питание мне надо усиленное. И пусть мне вслух читают – я тоже не против этого.

Признание было неожиданное. И все находящиеся в комнате комиссара засмеялись.

Пленный встрепенулся. Он не понял, почему засмеялись. И с тревогой в голосе спросил:

– Может быть, это неправда?

Комиссар сказал:

– Нет, вам не соврали. У нас отношение к людям самое наилучшее.

Глаза пленного засияли. И он сказал: – Значит, выходит, я не ошибся. Ведите меня. Пришел конвойный, и пленный вежливо поклонившись, вышел из помещения.

Опасный поворот*

Конечно, мухи приносят огромный вред человечеству.

Мухи мешают спать, мешают работать, портят продукты питания и распространяют заразные болезни.

Столь грозная опасность со стороны мух должна, казалось бы, подтолкнуть науку на борьбу с этим злом. Тем не менее научная мысль почему-то не пошла дальше липкой бумаги и мушиной отравы.

Нет, нельзя сказать, что научная мысль совсем уж дремлет в этой области. Не далее как в прошлом месяце в Госсанинспекции возникла дельная мысль в связи с мухами. Возникла хорошая и правильная мысль – уничтожить мух, которые остались еще в живых и сейчас летают в теплых помещениях. Это давало надежду, что летом совсем не будет мух или их будет мало.

Полученное это указание нашло отклик в сердцах сотрудников санинспекции.

Госсанинспектор Октябрьского района в своем обращении к директору Октябьторгина так и пишет:

«Предлагается вам принять все меры для полного уничтожения мух до последней любыми разрешенными средствами, вплоть до механического уничтожения отдельных летающих экземпляров мух... Учитывая, что единичные оставшиеся живыми мухи летом могут явиться источником размножения многомиллионного потомства, необходимо отнестись с полной серьезностью к выполнению настоящего задания. Срок для выполнения настоящего требования установлен до 25 января 41 года».

Распоряжение правильное. Ничего против не скажешь. Стиль немного комичный, но он не затемняет дельную и толковую мысль – уничтожить мух в кратчайший десятидневный срок.

Но одно дело – мысль, а другое дело – осуществление этой мысли. Обычно находится человек, который начинает поворачивать любую хорошую мысль на свой прискорбный лад.

Так и тут. Начали расшифровывать постановление. Сразу почему-то решили штрафовать за каждую муху. Пришли к мысли, что надо брать по рублю за каждый «отдельно летающий экземпляр». Возникли

прения, в процессе которых выяснилось, что эта цена за муху – мелкая, снижающая масштабы начатой кампании против мух.

Решили штрафовать по десять рублей за штуку.

Человек прыгает с трамвая – и то платит пять рублей, рискуя потерять за эти деньги свою, можно сказать, драгоценную жизнь. А тут за какую-то паскудную муху в два раза дороже. Неестественно. Обидно.

Тем не менее решили удержаться на этом высоком уровне.

И вот наступило роковое число, после которого мухи должны были прекратить свое жалкое существование.

Началось энергичное обследование кухонь и столовых.

Санинспектора с хлопущками в руках обходили вверенные им учреждения и щелкали зазевавшихся мух.

Начали штрафовать даже с превышением против установленной таксы. Например, директора столовой № 42, у которого нашли пару мух, оштрафовали почему-то на двадцать пять рублей.

Под штраф попало еще несколько директоров. Некоторые из них уплатили солидные суммы. Остальные директора отделались испугом.

Кому-то вдруг пришла светлая мысль – не только штрафовать, но и поощрять людей. Тот же самый санинспектор Октябрьского района предложил директору столовой № 6 организовать ловлю мух, платя любителям по десять копеек за муху.

Не знаю, нашлись ли любители ловить мух по такой цене. Но если нашлись, то они, вероятно, затаили в душе досаду на санинспектора за слишком низкие расценки. И действительно. Сам берет по десять целковых, а как платить – так гривенник.

В общем, мы пишем наш фельетон в разгар мушиных событий и поэтому не знаем еще, до чего дошла в этом деле человеческая мысль. Нет, мы не думаем, что штрафы прекратились и что мухи снова торжествуют. Скорей всего, нашлись еще какие-нибудь подступы и заходы во фланг и в тыл к мухам.

По-моему, эти санинспектора все-таки могут довертеть до того, что мухи возьмут и действительно прекратят свое существование. Начиная с потопа, мухи жили, и ничего особенного с ними не происходило.

Но не тут-то было. По десять рублей за мушиную голову – это что-нибудь да значит. Это – или мух не будет, или директора окончательно разорятся.

В самом деле – надо снизить расценки на мух. Нельзя по десять рублей брать за штуку. Это уже абсурд получается. Тем более абсурд, что мухи крайне живучи и увертливы. За тысячи лет они прошли огонь, воду и медные трубы. Они нет-нет да и подведут человека под штраф благодаря своему стойкому существованию.

Более того – надежды на то, что мухи летом не возникнут или возникнут в малом количестве, если истребить летающих зимних мух, эти надежды, увы, неосновательны. Это есть мечты.

Я не считаю себя специалистом по мухам, но я краем уха слышал, что зимние мухи, лениво летающие в теплых помещениях, не таят в себе единственной опасности в смысле продолжения мушиного рода.

«Многომиллионное потомство» возникает не только от них, но и от тех молодых мушек, которые зимой находятся в состоянии личинок или, кажется, куколок.

В этом смысле природа более остроумна, чем можно предполагать. Природа предусмотрела все возможные происки санинспекции на этом мушином фронте.

Увы, летом все-таки мухи будут! Мушиный род еще не угаснет, даже если санинспекция доконает-таки этих полудохлых зимних одров.

Конечно, может, мы не научно подходим к данному вопросу. Может, в этом деле существуют еще какие-нибудь тонкости. Но эти тонкости надлежит знать санинспектору в первую очередь, а уж нам – во вторую.

Что касается зимних мух, то истреблять их, конечно, можно и должно. Мысль светлая и дельная, что и говорить.

Истреблять их нужно, как сказано в отношении, «любыми разрешенными средствами, вплоть до механического уничтожения».

Но средство, на которое пошла районная санинспекция, – это уже не разрешенное средство, хотя и «механическое».

Короче говоря, нельзя брать по десять рублей за муху. Это уже опасный поворот в мыслях санинспектора.

Рогулька*

Утром над нашим пароходом стали кружиться самолеты противника.

Первые шесть бомб упали в воду. Седьмая бомба попала в корму. И наш пароход загорелся.

И тогда все пассажиры стали кидаться в воду.

Не помню, на что я рассчитывал, когда бросился за борт, не умея плавать. Но я тоже бросился в воду. И сразу погрузился на дно.

Не знаю, какие там бывают у вас химические или физические законы, но только при полном неумении плавать я выплыл наружу.

Выплыл наружу и сразу же ухватился рукой за какую-то рогульку, которая торчала из-под воды.

Держусь за эту рогульку и уже не выпускаю ее из рук. Благословляю небо, что остался в живых и что в море понатыканы такие рогульки для указания мели и так далее.

Вот держусь за эту рогульку и вдруг вижу – кто-то еще подплывает ко мне. Вижу – какой-то штатский вроде меня. Прилично одетый – в пиджаке песочного цвета и в длинных брюках.

Я показал ему на рогульку. И он тоже ухватился за нее.

И вот мы держимся за эту рогульку. И молчим. Потому что говорить не о чем.

Впрочем, я его спросил – где он служит, но он ничего не ответил. Он только выплюнул воду изо рта и пожал плечами. И тогда я понял всю нетактичность моего вопроса, заданного в воде.

И хотя меня интересовало знать – с учреждением ли он плыл на пароходе, как я, или один, – тем не менее я не спросил его об этом.

Но вот держимся мы за эту рогульку и молчим. Час молчим. Три часа ничего не говорим. Наконец мой собеседник произносит:

– Катер идет...

Действительно, видим: идет спасательный катер и подбирает людей, которые еще держатся на воде.

Стали мы с моим собеседником кричать, махать руками, чтоб с катера нас заметили. Но нас почему-то не замечают. И не подплывают к нам.

Тогда я скинул с себя пиджак и рубашку и стал махать этой рубашкой: дескать, вот мы тут, сюда, будьте любезны, подъезжайте.

Но катер не подъезжает.

Из последних сил я машу рубашкой: дескать, войдите в положение, погибаем, спасите наши души.

Наконец с катера кто-то высовывается и кричит нам в рупор:

– Эй вы, трамтарарам, за что, обалдели, держитесь – за мину!

Мой собеседник как услышал эти слова, так сразу шарахнулся в сторону. И, гляжу, поплыл к катеру...

Инстинктивно я тоже выпустил из рук рогульку. Но как только выпустил, так сразу же с головкой погрузился в воду.

Снова ухватился за рогульку и уже не выпускаю ее из рук.

С катера в рупор кричат:

– Эй ты, трамтарарам, не трогай мину!

– Братцы, кричу, без мины я как без рук! Потону же сразу! Войдите в положение! Плывите сюда, будьте так великодушны!

В рупор кричат:

– Не можем подплыть, дура-голова, – подорвемся на mine. Плыви сюда. Или мы уйдем сию минуту.

Думаю: «Хорошенькое дело – плыть при полном неумении плавать». И сам держусь за рогульку так, что даже при желании меня не оторвать.

Кричу:

– Братцы, моряки! Уважаемые флотские товарищи! Придумайте что-нибудь для спасения ценной человеческой жизни!

Тут кто-то из команды кидает мне канат. При этом в рупор и без рупора кричат:

– Не вертись, чтоб ты сдох, взорвется мина!

Думаю: «Сами нервируют криками. Лучше бы, думаю, я не знал, что это мина, я бы вел себя ровней. А тут, конечно, дергаюсь – боюсь. И мины боюсь, и без мины еще того больше боюсь».

Наконец ухватился за канат. Осторожно обвязал себя за пояс.

Кричу:

– Тяните, ну вас к черту... Орут, орут, прямо надоело...

Стали они меня тянуть. Вижу, канат не помогает. Вижу – вместе с канатом, вопреки своему желанию, опускаюсь на дно.

Уже ручками достаю морское дно. Вдруг чувствую – тянут кверху, поднимают.

Вытянули на поверхность. Ругают – сил нет. Уже без рупора кричат:

– С одного тебя такая длинная канитель, чтоб ты сдох... Хватаешься за мину во время войны... Вдобавок не можешь плыть... Лучше бы ты взорвался на этой мине – обезвредил бы ее и себя...

Конечно, молчу. Ничего им не отвечаю. Поскольку – что можно ответить людям, которые меня спасли. Тем более сам чувствую свою недоразвитость в вопросах войны, непонимание техники, неумение отличить простую рогульку от бог знает чего.

Вытащили они меня на борт. Лежу. Обступили.

Вижу – и собеседник мой тут. И тоже меня отчитывает, бранится – зачем, дескать, я указал ему схватиться за мину. Дескать, это морское хулиганство с моей стороны. Дескать, за это надо посылать на подводные работы от трех до пяти лет. Собеседнику я тоже ничего не ответил, поскольку у меня испортилось настроение, когда я вдруг обнаружил, что нет со мной рубашки. Пиджак тут, при мне, а рубашки нету.

Хотел попросить капитана – сделать круг на ихнем катере, чтоб осмотреться, где моя рубашка, нет ли ее на воде. Но, увидев суровое лицо капитана, не решился его об этом просить.

Скорей всего рубашку я на мине оставил. Если это так, то, конечно, пропала моя рубашка.

После спасения я дал себе торжественное обещание изучить военное дело. Иначе нельзя. Отставать от других в этих вопросах не полагается.

Нашел, что искал^{*}

У Дарьи Васильевны была дочка Валя. Интересная девушка. Она была очень хороша собой. Цветущая, здоровая. Настоящая русская красавица.

Когда немцы подходили к их городу, многие жители бежали.

Дарья Васильевна тоже хотела покинуть город. Уже она собрала в узелок некоторые свои вещички, чтобы с ними уйти. Но в последний момент у нее опустились руки. И она, эта недалекая женщина, не понимающая, что такое родина, сказала своей дочке:

– Нет, никуда не пойдём. Жаль оставить домик, мебель, кастрюли. Пуццай будет, что будет. Может быть, не все немцы такие чудовища, как их описывают. Может, они нас помилуют – не убьют и не пошлют на каторгу. А то я затрудняюсь пешком идти. У меня, в довершение всего, астма. Я буду в пути задыхаться. Лучше останемся здесь.

Валя, тревожась за свою мать, не стала настаивать. И они остались.

И вот гитлеровцы вошли в город. Ну, и конечно, было то, что бывает: убийства, грабежи, насилия и так далее.

Дарья Васильевна закрылась в своем домике.

И сказала своей дочке:

– Кажется, напрасно мы остались.

На четвертый день раздался стук в дверь.

Вошли четыре немца, из которых один был обер-лейтенант. Гитлеровцы осмотрели помещение. Но, к счастью, оно не понравилось им, и они направились к выходу.

Но когда они уходили, обер-лейтенант увидел Валю.

Он увидел Валю и задержался у двери, настолько девушка ему понравилась.

И Дарья Васильевна задрожала от страха, думая, что немец сейчас схватит девушку и уведет ее с собой.

И Валя подумала то же самое.

Каково же было их удивление, когда обер-лейтенант мило улыбнулся Вале, приложив руку к своему сердцу.

И Валя потупила свои очи и, нахмурившись, отвернулась. Обер-лейтенант сказал:

– Ах, как вы обидели меня тем, что отвернулись. Мадмазель, мы, немцы, далеко не чудовища. Мы способны иметь самые нежные чувства, самые тонкие переживания и самые пылкие намерения.

И услышав эти слова, Дарья Васильевна оживилась и хотела сервировать чай, чтоб угостить немца. Но он, снова поклонившись, ушел.

Каково было их удивление, когда вечером обер-лейтенант вновь посетил их. В руках у него был букетик. И этот букетик он преподнес Вале.

Дарья Васильевна шепнула своей дочке:

– Ты понравилась этому немцу. Смотри, не хмурься, не отворачивайся, не груби. Этим ты спасешь себя от неволи и каторги.

И тогда Дарья Васильевна поставила чайник на плиту и дрожащими руками накрыла стол, чтобы достойным образом угостить немца.

С этих пор обер-лейтенант ежедневно посещал Валю.

Наконец однажды он сказал Дарье Васильевне:

– Фрау Дарья Васильевна, в вашем доме я нашел то, что искал. И от этого я безмерно счастлив. Я полюбил вашу дочь. И нет, я не оставлю ее здесь, в России. Иначе я буду страшиться за ее судьбу. В качестве моей невесты я направлю ее в Германию, в город Дармштадт, где ей будет исключительно хорошо в лоне моей семьи. Я направлю ее к моим родителям с личным письмом. А по окончании войны и вы, фрау Дарья Васильевна, можете свободно приехать к нам погостить в качестве ее любимой мамы.

Дарья Васильевна, потерявшая от всех этих дел ум и разум, не нашлась что ответить. Она только всплакнула от неожиданности и стала собирать наилучшие вещи в приданое для Валечки.

В январе сего года, как известно, доблестная Красная армия снова прорвала немецкий фронт. И немцы оставили город Н., в котором обер-лейтенант нашел свое счастье, нашел то, что искал.

Под нажимом наших войск гитлеровцы так поспешно отступили, что герр обер-лейтенант не успел попрощаться со своей невестой.

Все прошло, как сон. И в руках невесты осталось только лишь письмо, с которым она предполагала ехать в Дармштадт. Беседуя с одним знакомым командиром, девушка поведала ему эту свою

историю. Причем всплакнула, говоря, что она вовсе не полюбила этого немца, но он просто подкупил ее своим хорошим отношением.

Тогда командир попросил девушку показать то письмо, которое у нее осталось.

Зная отлично немецкий язык, командир прочитал это письмо.

Обер-лейтенант писал своим родным, что вместе с этим письмом он посылает им здоровую русскую девку, именно такую, как они хотели иметь для домашних услуг. И что в скором времени он надеется прислать им еще двух-трех девок для полевых работ.

В конце письма нежный сын сделал приписку: «Держите ее покрепче в руках, не щадите: тут этого добра достаточно».

Услышав этот перевод, фрау Дарья Васильевна затряслась от гнева и так воскликнула:

– Ах, злодей. Ах, он сукин сын. Я думала, что это особенный фриц, исключительный. А он даже хуже других. Ну нет, господа, я больше не намерена о них думать, что это люди...

Валя всплакнула от обиды, но потом, вытерев свои глаза, разорвала письмо и так сказала:

– Боже, как я была глупа и наивна. Но теперь я окончательно все поняла.

Берегитесь!*

Нечуткий человек наш управдом. У нас была мечта превратить наш дворик в парк. Но управдом отклонил наш проект. Он сказал:

– После войны делайте с моим двором что хотите. Хоть пересыпьте его в карманы. А сейчас я вам не позволю лопатой его копать. Тут не окопы. Тут дом. Значение которого ноль в масштабе современной войны.

Нет, конечно, парк бы у нас не получился. Но садик бы вышел. С грядками, с клумбами, с киоском для продажи в дальнейшем воды.

И это было бы благоустройством, о котором сейчас говорят.

Этот управдом, скажу кстати, – не только нечуткий человек. Он грубый. Людей не любит. И вдобавок пессимист. Он не позволил Дарье Федоровой из 7-го номера вынести свою кровать во двор, чтоб ошпарить ее там кипятком.

Он сказал:

– Если вынести эту кровать во двор, то все, что в кровати, разбежится по другим квартирам. Нет уж, пусть она дрыхнет на неошпаренной кровати.

Этими словами он довел бедную жилищу до дурноты. Она еле поднялась в свой этаж. Где и слегла, невзирая на свою кровать.

Со мной же этот управдом вообще избегает разговаривать. Стоит мне прийти в контору, как он убегает.

Дошло до того, что в прошлую пятницу, когда я вошел в помещение конторы, он выпрыгнул из окна, чтоб не беседовать по вопросам дома.

Все жильцы, и я в том числе, сожалели, что контора у нас находится не в седьмом этаже, а в первом. В силу чего наш управдом до сего времени здравствует и продолжает свой земной путь.

На другой день я все же захватил бюрократа в конторе. Он беседовал по телефону. И по этой причине он не смог сразу уйти, когда я вошел.

Я вошел, имея в руках письменный перечень претензий квартирантов. Тут были претензии и насчет хлама во дворе, и насчет

сломанных перил, и насчет грязи на лестницах, и даже насчет водопровода. Понимаете: в другой раз откроешь кран – и вдруг вместо воды из него почему-то дым идет. Едкий такой дым, угар. Как он попадает в трубы – неясно. Жильцы просили меня выяснить, откуда этот дым. Зачем он? Для чего?

Когда я подошел к управдому со своей бумагой, тот нарочно упал на стул и застонал, говоря:

– Отвяжитесь. Мне не до этого. У меня есть дела поважней, чем ваш паршивый дом.

Тогда, черт возьми, я тоже упал на другой стул. Но стонать не стал. Я просто закрыл глаза, как бы потеряв сознание.

Лежу и думаю: посмотрим, кто кого перекроет.

Увидев, что я упал, управдом заволновался. Он вскочил со стула. Подбежал ко мне. Начал суетиться. Стал хватать меня за пульс. И, увидев, что я не прихожу в сознание, приложил свое ухо к моей груди, чтоб узнать, дышу ли я или уже загнулся.

Но сквозь пальто он не услышал мое сердцебиение. И от этого еще больше заволновался. Стал нервно бегать по конторе. Увидев его такую чувствительность, нервность и гуманное поведение, я уже хотел вскочить на ноги, чтоб обнять и расцеловать человека, проявившего некоторую чуткость к временно ослабшему жильцу. Но тут управдом, схватив телефонную трубку, стал куда-то названивать.

Я думал, что он вызывает неотложную помощь. И от этого почувствовал еще больший прилив нежности к нему. Но он вдруг сказал в трубку:

– Сеня! Хлопчи скорей бумаги, ордер. По-моему, в на шем доме освободилась комната. Тут один мой квартирант, кажется, загнулся.

Услышав эти слова, я вскочил на ноги.

– Н-ну нет! – сказал я. – Ошибаетесь, уважаемый! Отныне я только начинаю жить. Только начинаю вести борьбу против таких людей, как вы. Берегитесь!

Телефонная трубка выпала из рук управдома.

Закрыв глаза, он упал в кресло.

Но я не стал суетиться. Я спокойно поднялся в свой этаж, чтоб в письменном виде заклеить поступки этого человека.

И вот эта статья перед вами.

Итак, берегитесь таких людей, уважаемые. Одергивайте их. Привет и лучшие пожелания. Кланяйтесь вашей мамаше.

Фокин-Мокин*

Давеча я зашел в одну артель. К коммерческому директору. Надо было схлопотать одно дельце для нашего учреждения. Один заказ.

Все наши сотрудники бесцельно ходили к этому неуловимому директору. И вот наконец послали меня.

Заведующий мне сказал:

– Человек вы нервный, солидный. Сходите. Может, вам повезет поймать его.

Вообще-то я не любитель ходить по учреждениям. Какого-то такого морального удовлетворения не испытываешь, как, например, от посещения кино. Но раз такое дело – пришлось пойти.

Прихожу в эту артель. Спрашиваю, где этот Фокин – коммерческий директор. Уборщица отвечает:

– Фокина нет.

Я говорю:

– Подожду вашего Фокина. Проведите меня в его кабинет.

Сначала уборщица не хотела даже указывать, где его кабинет.

А надо сказать, я человек крайне нервный. Немножко понервничаю – у меня уже голос дрожит, и руки дрожат, и сам весь дрожу.

Недавно на врачебной комиссии доктор велел мне положить ногу на ногу, и по коленке он ударил молоточком, чтоб посмотреть, какой я нервный. Так нога у меня так подскочила, что разбежался весь медицинский персонал. И врач сказал: «Нет, я больше не буду вас испытывать, а то вы мне тут весь персонал изувечите».

Так вот, увидев, что я такой нервный, уборщица провела меня в кабинет к этому Фокину. И я там сел за его стол.

И решил не сходить с места, пока не появится сам директор.

И вот скрутил папиросочку и сижу за этим столом. Мечтаю, чтоб кто-нибудь дал мне огонька закурить.

Открывается дверь. И в кабинет заглядывает какой-то посетитель. Вежливо кланяется мне и улыбается.

Увидев его такую любезность, я говорю:

– Нет ли спичечки закурить? Посетитель говорит:

– Для вас не только спичку – все не пожалею отдать.

И с этими словами он вынимает из кармана зажигалочку. Чиркает. И дает мне прикурить.

Невольно я люблюсь этой зажигалочкой. А посетитель говорит:

– Прямо буду счастлив, если примете от меня эту зажигалочку!

Я говорю:

– Ну что вы! Постороннему, чужому человеку вы вдруг будете дарить такую хорошенькую зажигалочку! Я прямо не осмелюсь взять.

Тот говорит:

– Составьте мое счастье. Возьмите! Слов нет – я вас увидел впервые, но сразу почувствовал к вам глубокую симпатию.

Обижать мне его не хотелось. Я взял зажигалочку. И крепко пожал руку добродушному посетителю. Уходя из кабинета, он сказал:

– Кстати, товарищ Фокин, я завтра к вам зайду по одному дельцу.

Я говорю:

– Слушайте, никакой я не Фокин. Я сам Фокина жду.

Не скрою от вас, посетитель зашатался и с бранью стал вынимать зажигалку из моего кармана.

Нет, я бы отдал ему сразу то, что получил. Но меня задела его нетактичность.

Как это можно совать руки в чужие карманы? И вдобавок хватать за плечи!

В момент нашей борьбы открывается дверь, и в кабинет входит еще один незнакомец.

Увидев, что меня трясут за плечи, незнакомец, вместо того чтоб подать мне помощь, сам кидается ко мне и тоже начинает трясти.

– Я, кричит, давно до тебя добирался, Фокин-Мокин!

Не скрою от вас, я поднял крик.

Прибежала уборщица. Она сказала:

– Прекратите возню. Сейчас товарищ Фокин приедет.

Тут мы сели на диван. И стали ждать Фокина.

Мы три часа его ждали. Но он не приехал. Вежливо попрощавшись, мы разошлись. Хорошенькую зажигалку мне все же пришлось отдать симпатичному владельцу.

Горькие размышления*

В город Горький прибыл один уважаемый товарищ М. Он прибыл с фронта. Его командировали в Горький по делам службы.

Туда же прибыла и знакомая этого человека. Его невеста Катя.

Они любили друг друга, эти люди. Два года не видались.

И вот теперь, воспользовавшись случаем, встретились в городе Горьком, приехав туда из разных географических точек нашей обширной страны.

Нет сомнения, это была великолепная, радостная, трогательная встреча. Это было счастье.

Шапку сними, уважаемый читатель, если ты читаешь эти строчки в головном уборе.

В тот же день молодые поспешили в загс. Они давно мечтали записаться, давно хотели оформить свою любовь. И вот настал этот торжественный день – молодые люди на пороге загса. Сейчас они подойдут к столу, положат свои документы и, взявшись за руки, будут взирать на несложный канцелярский процесс, отныне соединяющий их вместе.

Нет, наверно, после войны этот процесс будет обставлен более торжественно. С цветами. С музыкой. На столе загса, может быть, будут стоять коробки с конфетами или там с мармеладом. И, скажем, каждый желающий может подойти и что-нибудь там скушать. Ну, не каждый, конечно, желающий. Но жениху-то уж определено это будет полагаться. И, конечно, невесте. Но та вряд ли воспользуется этим, поскольку мысли у нее будут в небесах.

Из-за стола поднимется почтенного вида человек, похожий на профессора. Произнеся краткую, но прочувствованную речь о счастье на земле, профессор регистрирует пришедших под звуки симфонического оркестра.

Наверно, так и будет. И, наверно, жених будет стоять в отутюженных брюках. И у невесты, наверно, будет в руках веер вместо «авоськи».

Нет, сейчас, конечно, не до этого. Война. Все помыслы наши в ином. И нет ни у кого огорчения, что все происходит проще, чем хотелось бы...

Короче говоря, наши молодые люди явились в загс. Сурового вида женщина, осмотрев документы жениха и невесты, сказала:

– Ничего не получится. Еще невесту я зарегистрировать могу. Но что касается жениха, то вот с женихом у меня что-то ничего не получается.

Дрожащим голосом жених попросил растолковать ему значение этих слов.

Регистрирующая браки сказала:

– Сами взгляните, какое у вас командировочное удостоверение. Оно маленькое. И мне там некуда штамп поставить. А без штампа какой же брак? Нет, я отказываюсь регистрировать вас.

Жених хотел встать на колени, чтоб упросить регистраторшу, но, увидев ее суровое, непреклонное лицо, не сделал этого.

В полном смятении жених и невеста вышли из загса.

Жених, наверно, снова на фронте. Катя уехала в Новосибирск.

С печалью во взоре мы описываем это маленькое происшествие.

Ну еще понятно, когда война, когда танки разъединяют любящие сердца. Но чтобы, черт возьми, куцая бумага разъединяла, – это уж, как говорится, сверхдосадно.

Конечно, понимаем: штамп надо поставить. Но если его некуда поставить, то можно поставить на обороте. Или в крайнем случае выдать жениху особое приложение, справку: дескать, так и так, жених, извиняюсь, зарегистрирован, но у него подгуляло удостоверение и мы ему, страдальцу, выдаем отдельную бумажку, чтоб не нарушать его индивидуального счастья.

Нет, в дальнейшем, наверно, так и будет. Наверно, будут делать некоторые поблажки женихам.

А пока, как говорится, бракосочетание не состоялось.

Шапку надень, читатель, если ты снял свой головной убор, сдуру полагая, что ты присутствуешь свидетелем счастья двух любящих сердец.

А ну вас, ей-богу! Какую чепуху разводите в столь несложном деле.

Наступает зима^{*}

Прошлую зиму я провел в городе Н. Чудесный маленький город. Тишина. Стрельбы нет. Затемнения нет. Водопровод отсутствует.

В этом городе я буквально отдохнул душой и телом. Правда, знакомые при встрече со мной ахают.

– Что это, говорят, с вами? Такое впечатление, будто по вас тяжелый танк прошел.

– Не знаю. Чувствую себя довольно прилично. Вероятно, зима меня немного сломила.

Зимой у нас в Н. не было топлива. Нет, нельзя сказать, что вовсе не было топлива. Наоборот, топлива было много. Но оно лежало за городом.

По подсчету научных сил, там имелось топлива минимум на сорок лет.

Это может радовать население, что имеются такие запасы. Все-таки не так холодно на душе, когда знаешь, что столько припасли.

Был бы транспорт – и, как говорится, дело было бы в шляпе. При наличии транспорта, я так думаю, это топливо непременно стали бы вывозить. И тогда что-нибудь и перепало бы населению.

В декабре жильцы нашего дома сходили в горсовет. Обратились к председателю. Сказали ему: дескать, топливо за городом, лежит себе, мокнет; разрешите, дескать, на саночках вывезти малую толику для своих низменных потребностей.

Председатель на нас рассердился. Он сказал:

– Или вы очумели, или я не знаю, что с вами! Где это видано – расхватывать топливо неорганизованным порядком?! В настоящее время мы печатаем ордера на получение дров. Через неделю мы вам выдадим эти ордера. И по ним вы получаете дрова, когда мы их подвезем.

Один из жильцов, малодушно вздохнув, сказал:

– А если не подвезете?

Председатель сказал:

– Если не подвезем, тогда имейте мужество с достоинством нести невзгоды во время войны.

В конце декабря население города стало сносить заборы. Стало заборами топить печки.

Председатель горсовета прямо ахнул, когда увидел такую картину.

И он отдал распоряжение – разобрать все заборы, сложить их в кучу на пустыре с тем, чтоб весной снова опоясать сады заборами.

Две недели разбирали заборы. Сложили их в кучу на пустыре. И поставили охрану.

Однако население не растерялось. Перестроив свои ряды, население стало топить печки деревьями.

Чудные деревья исчезали с бульваров и с улиц, спиленные по ночам неизвестной преступной рукой.

Председатель горсовета прямо схватился руками за голову, увидев гибель панорамы чудесного города.

Он сказал:

– С этим злом будем бороться со всей энергией.

Усилили охрану. И патрули стали ходить по городу.

В первую же ночь задержано было на месте преступления сто шестьдесят граждан.

Среди них оказался городской судья, спиливший дерево перед зданием суда.

На суде судья сказал:

– У меня годовалый ребенок. Он топливо себе требует. Без этого разве я стал бы пилить это дерево?

Тогда еще больше усилили охрану. И пилка деревьев почти прекратилась.

Однако население и тут не растерялось. Стали разбирать лестницы, сараи, общественные уборные и так далее.

Боже мой! Что было бы, если б зима продолжалась бы год подряд?!

Но тут ударила весна. И председатель горсовета вздохнул свободно.

На вечере у одних знакомых я встретил этого председателя. Все поднимали бокалы за его здоровье.

Скромно улыбаясь, он произнес ответную речь. Он сказал:

– Зима была чертовски трудная, но мы с честью вышли из положения. Поработали неплохо.

Чокнувшись с председателем, я сказал:

– Поработали вы действительно немало. Интересно знать: что было бы, если б всю эту работу, всю энергию и волю, все рабочие руки: всех сторожей и судей, наборщиков и председателей – направить на одно дело – на перевозку топлива?

Пожав плечами, председатель отвернулся от меня, ничего не сказав. Наступает новая зима.

Нет, я не хотел бы вернуться в этот маленький чудесный город Н., где председателем горсовета Н. Н.

Добро пожаловать*

Два года назад наш славный, цветущий городок Т. попал в руки немцев.

И вот теперь наши доблестные войска вновь вошли в этот городок. Они выкурили немцев. Выбили их из этого города. И, так сказать, вернули его в родную семью советских городов.

Из газет мы знаем, что там произошло за эти два года и как там хозяйничали немцы.

Но один фактик, не отмеченный печатью, я предложу вниманию читателей.

А жила в этом городе некая гражданка Анна Ивановна Л.

Это была немолодая дама. Престарелая. Сердитая. Этакая, понимаете ли, раздраженная. Недовольная всем, что есть. Неприятная особа, затаившая в своем сердце злобу ко всем и ко всему.

Картины современной жизни ее не удовлетворяли. Ей грезилось прошлое. И ей было о чем вспомнить. Она была из богатой семьи. Имела поместья. Каждый год ездила за границу. Бывала в Париже, в Венеции.

Она весело и праздно прожила свою жизнь. И конечно, естественно, наши суровые дни, дни трудовой доблести, не могли создать ей соответствующего настроения. Все кругом ей казалось чем-то будничным, грубым, неинтересным.

И она мечтала дожить до тех дней, когда что-то изменится и она вновь увидит галантных мужчин и услышит изящную французскую речь.

В ее душе теплилась надежда, что прошлое вернется и она снова, как говорится, увидит небо в цветах и алмазах.

И вот, когда немцы подошли к стенам ее города, она поняла, что ее надежды сбываются.

Она надела свое лучшее, муаровое платье, взяла в руку веер и два дня ходила по квартире, бормоча французские слова.

В последний момент она передумала. Она сняла муаровое платье. И вместо него надела захудалую юбку с кофточкой. И на ноги напялила валенки.

Ей показалось более приличным предстать перед немцами в таком затрапезном виде, чтобы те поняли всю ее боль и всю горечь ее жизни.

В захудалом своем костюме она продолжала ходить по квартире, ожидая визита немцев.

И вот отгремели выстрелы, и к ней, наконец, пришли два офицера в сопровождении двух солдат.

Солдаты остались у дверей, а офицеры вошли в комнату. Анна Ивановна залепетала сначала по-французски, потом по-немецки, дескать, ах, она так счастлива, столько лет ждала, и вот, наконец, битте-дритте, исполнились ее мечты.

Нет, немцы не стали с ней говорить по-французски. И не ответили по-немецки. Осмотрев квартиру, они сказали ей почему-то по-русски:

– Эй, матка, очистишь квартиру завтра к двенадцати часам.

Думая, что она ослышалась, Анна Ивановна переспросила их. И они снова ей ответили то, что сказали. И пошли к выходу.

У Анны Ивановны мелькнула догадка. Быть может, тряпье, надетое на нее, ввело немцев в заблуждение. Быть может, будничный советский вид заставил подумать немцев, что она просто работница, пролетарка. И вот почему они так сурово с ней обошлись. И так грубо приказали ей убраться из квартиры, в которой она жила тридцать лет.

Показывая рукой на свою залатанную юбку и на свои валенки, она сказала по-немецки:

– Вот до чего довел меня советский режим. И вот в каком я виде, который ввел вас, господа офицеры, в заблуждение. Я вовсе не то, что вам показалось. Я культурная, образованная женщина, воспитанная в лучших традициях Европы. Я окончила институт и говорю на трех языках...

Увидев на ее ногах валенки, один из офицеров сказал:

– Кстати, мадам, снимите валенки. Наступают холода, и наша армия нуждается в теплых вещах.

Ужасаясь, Анна Ивановна сказала:

– Как? Сейчас снять валенки? При вас?

– Снимите сейчас, – сказал офицер. – Да только пошевеливайтесь. Иначе я прикажу сделать это солдату.

Дрожащими руками Анна Ивановна сняла свои валенки. И теперь стояла перед офицерами в грубых шерстяных носках, оставшихся от ее мужа.

Увидев шерстяные носки, второй офицер сказал:

– И носки, матка,ними.

И тогда Анна Ивановна сняла носки.

Босая и дрожащая, она стояла перед немцами. Она лепетала:

– Двадцать лет... Ожидала... Надеялась... Боже мой... Что же получилось?.. Может быть, это только сон?

И тогда один из офицеров засмеялся и выстрелил в потолок из своего пистолета. Потом сказал:

– Учитывая ваши заслуги перед нами, я не выстрелил в вас. Но я выстрелил в потолок, чтобы убедить вас, что это далеко не сон.

И тут офицеры ушли, снова повторив свое приказание – очистить квартиру.

Нет, я не знаю, как жила эта презренная дама при немцах. Но когда Красная армия вошла в город, Анна Ивановна своей вороватой походкой вышла на улицу с цветами в руках.

Она подала свои цветы танкистам и сказала, задыхаясь от волнения:

– Милые мои... Уважаемые... Добро пожаловать.

Однажды ночью*

Э то истинное происшествие случилось, к сожалению, в Москве. Два сотрудника эвакупункта были посланы за душевнобольным гражданином Корчагиным.

Они приехали в машине скорой помощи. Причем приехали ночью, даже под утро.

На лестнице было темно. И они по ошибке позвонили не в ту квартиру, какая им была нужна.

Дверь открыл некто гражданин П.

Конечно, вид у него был неавантажный. Ну естественно, человека подняли ночью с постели. Он был полуодет. Должно быть, в кальсонах, босиком. Волосы, вероятно, были взлохмачены.

Так или иначе, сотрудники, увидев гражданина П., сосчитали, что это и есть именно тот, за которым они приехали.

А тот, конечно, спросонок недоволен поздним визитом. Переминается с ноги на ногу, потому что дует. Говорит:

– Никакого Корчагина тут нет. Что вы шляетесь по ночам! Будите людей. Сдираете их с постели.

Услышав эти речи, сотрудники окончательно убедились в том, что это душевнобольной.

Настроенные соответствующим образом, они ринулись к нему и стали хватать его за руки и за что попало.

Произошла короткая неравная борьба, в ходе которой несчастному крутили руки, пытаясь умерить его сопротивление.

П. поднял крик, полагая, что на него напали бандиты.

Этот крик не смутил верных работников психиатрии. Они схватили П. за горло и сжали так, что пронзительные крики вскоре прекратились.

П. стал хрипеть, мысленно прощаясь с жизнью.

Торжествуя победу, сотрудники повалили П. на пол и стали выволакивать его на лестницу.

Несчастный упирался, пытаясь с помощью рук и ног задержаться в дверях. Но это еще в большей степени вдохновило сотрудников на операцию по изъятию душевнобольного.

Между тем крики и вопли взбудоражили соседей.

Прибежали жильцы и увидели сцену, которая не оставляла никаких сомнений в том, что это бандитский налет. Жильцы стали отбивать П. у сотрудников. И те под давлением превосходящих сил противника оставили свою жертву.

Мы не знаем, как долго длилась эта борьба и что при этом думали сотрудники, у которых отбивали их «пациента». Надо полагать, что они защищали его. Но потом сдались на милость победителя.

В общем, дело понемножку стало разъясняться. И теперь все стояли вокруг пострадавшего, у которого прекратился дар речи и от волнения, и главным образом оттого, что сотрудники повредили ему горло. Жильцы сказали сотрудникам:

– В конце концов это возмутительно! Мы квалифицируем ваш поступок как бандитизм.

Сотрудники сконфуженно разводили руками и не смогли что-либо ответить в свое оправдание.

Теперь жильцы, очевидцы этого дела, прислали нам письмо с просьбой привлечь к ответственности сотрудников эвакупункта – фельдшера и надзирателя.

Мы считаем это требование вполне законным, ибо в этом деле мы видим не только недоразумение.

Как выяснили врачи, у пострадавшего П. повреждены голосовые связки и обнаружено кровоизлияние в слизистой оболочке горла.

Стало быть, сотрудники душили П. по всем правилам науки и с полным знанием дела. А это показывает, что сотрудники не раз и не два прибегали к подобному методу.

Нечто старинное и даже традиционное мы видим в этом отношении к душевнобольному. Пора окончательно расстаться с этой дикой традицией. И за это следует покарать.

Гражданину П. шлем привет и пожелание скорейшего выздоровления.

Более чем грустно*

17 дней

Старший лейтенант Р. приехал в город Куйбышев. Он приехал из Ташкента, где находился в госпитале. Он был ранен.

И вот теперь он, инвалид Отечественной войны, вернулся домой!

Он вышел на вокзал с надеждой, что сейчас к нему бросятся его родные, друзья и произойдет та волнующая встреча, которую он с таким нетерпением ждал.

Нет, на вокзале никого не было. Его никто не встретил. Неужели же его позабыли, отвернулись от него за эти два года войны?

С горькими мыслями лейтенант побрел к своему дому. Он с трудом дошел, опираясь на костыль.

Что ж оказалось? Оказалось, что родные понятия не имели об его приезде. Они не получили телеграмму, посланную лейтенантом из Ташкента.

Эта телеграмма пришла спустя семь дней. Итого семнадцать дней она перла из Ташкента в Куйбышев!

На черта же нам нужны такие телеграммы!

10 месяцев

Гвардии лейтенант Т. получил письмецо из дома, от своей жены.

Конечно, он очень обрадовался. Стал читать. Потом видит: что-то неладное в письме. Жена пишет о каком-то младенце, который только что родился... В чем дело? Ведь его сыночку пошел второй год. О каком же новом младенце идет речь?

Протер глаза лейтенант, стал опять читать. Потом видит: письмецо-то ведь послано в ноябре 1942 года. А нынче, слава богу, сентябрь 1943 года. Стало быть, письмецо шло десять месяцев. Почти год.

И вот теперь гвардии лейтенант нам пишет: «Да за эти десять месяцев мой сынок говорить научился. За эти десять месяцев я побывал на обороне Сталинграда, участвовал в зимнем наступлении

Красной Армии. За эти десять месяцев мы прошли сотни километров, тесня противника... А тут одно письмо они мотали почти год...»

Еще хорошо, что письмо только год мотали. Могли бы его три года мотать.

Проверили

Иные посылают письма в редакции газет. Иные жалуются нам.

А майор Р. бахнул жалобу прямо в Наркомат связи. Он послал письмо наркому: дескать, телеграмма из Куйбышева в Москву шла восемнадцать дней и по этой причине он, майор Р., не встретил свою жену на вокзале и вообще произошла чепуха. Обратите, дескать, внимание на такое безобразие.

Начальник секретариата прислал ответ. Исключительно вежливый, любезный ответ. Дескать, дано указание... проверили... накажем... не сомневайтесь.

Казалось бы, все в порядке. Благодарим за сообщение. Спасибо за внимание.

Ан нет. Взглянул майор на конверт и убедился, что это любезное письмецо шло ровно четырнадцать дней.

Четырнадцать дней тащилось письмо с улицы Горького до улицы Чайковского!

А в Наркомате будут проверять медлительное шествие телеграммы из Куйбышева! Будут хлопотать, тревожиться, наказывать. Переписку заведут. Почту загрузят. Ну зачем это? И так все ясно.

Бред

Всем известно, что иной раз приходят повторные телеграммы.

Тот же текст, тот же номер. А телеграмму несут вторично.

Я не знаю, почему это бывает.

Может быть, телеграфистка из уважения к тексту передает его дважды. А может быть, она не туда кладет отработанную бумажку и потом снова за нее хватается.

В общем, я не знаю, как там это у них происходит с технической стороны.

Во всяком случае, это – явление нередкое. И оно вряд ли ведет к разгрузке телеграфных проводов.

Но вот перед нами три одинаковые телеграммы. Все три они, как близнецы. И номер у них одинаковый. И текст. И число. Прямо как-то даже трогательно видеть их вместе.

Они посланы из Алма-Аты в Москву, на адрес «Мясохладпромстроя».

Ну, к двойным телеграммам мы как-то уже привыкли.

Но три раза повторять одну и ту же телеграмму – это уж, как говорится, слишком. Это уж ни к чему.

Нет, три раза повторять не надо.

Лучше три разных телеграммы посылайте, чем одну и ту же. Это уж, извините, бред.

Обоюдное понимание*

Немцы выпустили в свет небольшой словарик. Они назвали его «Словарь для обоюдного понимания без знания русского языка».

Просматриваем весьма потрепанный экземпляр первого издания этого словаря.

На каждой странице рисуночки. Под ними – немецкие и русские подписи. И русское произношение для обоюдного понимания.

Нет сомнения – это весьма ценное издание для немецкого солдата.

Например, захочет солдат покушать. Сейчас посмотрит в словарик, облюбует себе блюдо и закажет: «Принесите мне сосиски с капустой».

Вот ему сию минуту и принесут на подносе. Вместе с гранатой или пулей из нагана.

Должно быть, приятные надежды мелькали в голове у издателя, когда он составлял этот словарь для обоюдного понимания.

Конечно, словарь больше всего заинтересован вопросами еды. Тут насчет этого целые страницы заполнены мыслями – «в рассуждении чего бы покушать».

Страницы так и озаглавлены – «Утренний завтрак», «Обед», «На кухне», «У мясника», «У пекаря».

Одним словом – любители пожрать, если уж говорить об обоюдном понимании без знания немецкого языка.

Насчет еды вопросы в словаре поставлены на редкость энергично, мужественно: «Принесите мне завтрак побыстрей», «Дайте мне два, три сваренных яйца! Пять сваренных яиц!» Сначала, как видите, поскромничал – запросил три сваренных яйца, потом спохватился и решил сразу пять штук умять.

В общем, аппетит присутствует на каждой странице словаря. Причем аппетит самый изысканный. Вы не найдете в словаре фраз: «Принесите кофе» или «Дайте мне чаю». Это слишком мелко для немецкого вкуса. В словаре сказано: «Принесите мне кофе со сливками!», «Дайте мне крепкого чаю с лимоном».

Что касается пирожных, то из пирожных в словаре указан только лишь один любимый сорт: «Принесите мне пирожное со сбитыми

сливками».

Читаешь этот словарь и прямо удивляешься нахальству. Прямо поражаешься, чего они желают. Они, видите ли, желают какие-то «пончики с полусладким вареньем» и какие-то «рогалики с маком».

Впрочем, насчет мяса они тоже не дураки – хотели бы попробовать «вестфальской ветчины» и что-нибудь из колбас.

Только насчет мороженого они почему-то ослабли. Насчет мороженого у них сказано почему-то умеренно: «Дайте мне немного мороженого».

Должно быть, простудиться боятся. Иначе не понять, почему вдруг такая ограниченность.

Остальные вопросы в словаре несколько бледнеют в сравнении с вопросами об еде.

Впрочем, некоторые вопросы поставлены тоже не без лихости. Например: «Отоприте этот шкаф».

Пониже добавлено: «Покажите добровольно все ваше имущество».

Так и написано латинским шрифтом для обоюдного понимания: «dobrowolino».

Нет, в словаре не сказано: «Отдайте добровольно все ваше имущество». Это уж, так сказать, само собой разумеется.

В общем, прочитаешь этот словарик для обоюдного понимания, и действительно сразу понимаешь, какие желания и намерения обуревали представителя «высшей расы».

Между прочим, в словаре ничего не сказано о сдаче в плен, о партизанах и о «драпе» на запад.

А следовало бы, черт возьми, добавить несколько фраз, хотя бы таких: «Караул», «Сдаюсь добровольно», «Где тут у вас плен?»

Издатели, вероятно, не хотели этими вопросами портить настроение гитлеровских солдат.

Ну что ж, Красная Армия берет это на себя.

Солдатские рассказы^{*}

1. Катюша

Иногда у нас в траншеях играл патефон. И вся рота слушала музыку благодаря усилителю. И даже немцам кое-что доносилось из наших мелодий.

Мы особенно любили песню «Выходила на берег Катюша».

И немцам нравилась эта пластинка. Они всякий раз аплодировали. И даже иной раз подпевали своими сиплыми голосами.

И вот однажды слышим голос по немецкому репродуктору:

– Эй, русс, поставьте «Катюшу». Давно не ставили, скучаем...

Услышав это, мы стали смеяться. Принесли патефон. И поставили «Катюшу».

Мы три раза ставили эту пластинку. Но немцам все было мало. Они хлопали в ладоши и кричали: «Еще».

Мы поставили в четвертый раз. Но тут приходит один из наших бойцов и говорит:

– А ведь вы, ребята, не дело делаете. Вы этим создаете благодушное настроение у себя. И веселите этих мерзавцев, которые сжигают наши села и города, убивают и мучают наших братьев, жен и детей.

И тогда мы поняли нашу оплошность. Сняли к черту эту пластинку. И больше ее не ставили.

А через несколько дней прибыла на фронт наша уважаемая пушка под названием тоже «Катюша». И уж она заставила немцев позабыть все другие мотивы.

2. Могила немецкого солдата

Наша славная артиллерия была по немцам без перерыва. Три дня была так, что у них земля горела.

На рассвете 4 сентября мы пошли в атаку. Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь на шесть километров.

Между прочим всех удивило одно обстоятельство. Ни раненых, ни убитых мы здесь не нашли. Только за деревней красовалась одна

могилка. Свеженькая, аккуратненькая могилка. Березовый крест. На кресте немецкая каска. И под ней надпись: «Ганс Федр – 1 сентября 1942 г.».

Стали мы над артиллеристами подшучивать. Дескать, слабо стреляли, уважаемые. Мазали. Только лишь одного фрица на небеса отправили.

Артиллеристы говорят:

– Мы и сами поражаемся – почему у немцев нет потерь.

Между прочим командир той батареи, которая была по этим местам, лично обошел весь район, но кроме одной этой могилки он ничего не нашел.

И тогда он подошел к этой могиле, задумался и вдруг говорит:

– Беру на себя ответственность. Приказываю разрыть эту могилу, чтоб посмотреть, что там такое.

Разрыли эту могилу. Видим – под одним этим крестом навалено множество немецких трупов. Командир батареи говорит:

– Оказывается, и в этих своих божественных делах немцы занимаются враньем. Они создают видимость отсутствия потерь. Так и запишем.

3. Чучело

Захватили мы в плен группу немецких солдат. Глядим – что такое – один среди них исключительно похож на Гитлера.

Такие же у него усики. Прическа на лоб спустилась. И такое же бессмысленное выражение лица.

Бойцы говорят:

– Черт возьми, может, самого Гитлера словили. Вот будет исторический номер.

Повели пленных в штаб. Видим, и «Гитлер» идет своей мелкой походкой, не сопротивляется.

Командир полка тоже удивился, что перед ним стоит такой экземпляр. Спрашивает его:

– Кто вы такой? Что за птица?

Тот говорит:

– Да нет, я не Гитлер. Я ефрейтор шестого гренадерского полка.

Командир полка говорит:

– А что, вы нарочно так загримировались, или это ваша природная наружность?

Похожий на Гитлера говорит:

– Нет, сама природа не дает такого сходства. Я два года добивался этого. И добился того, что господа офицеры вздрагивали при виде меня. И сам начальник дивизии попятился и хотел побежать, когда меня встретил. Но ему разъяснили, что это я и зачем мне это нужно. Он сначала категорически запретил мне это сходство, но потом разрешил и только не велел мне на глаза показываться.

Командир полка спрашивает пленного ефрейтора:

– А зачем вам понадобилось играть под Гитлера? Какая вам от этого польза?

Пленный говорит:

– Польза огромная. Все солдаты боялись меня, как огня. Они страшились, когда я появлялся перед ними в своем историческом облике. И в силу этого они беспрекословно выполняли все мои приказания. Помимо того и господа офицеры считались со мной, мягко беседовали и награждали.

– И что же, в каждом полку у вас имеется такое же чучело? – спрашивает командир.

Похожий на Гитлера говорит:

– О, если бы в каждом полку имелось бы такое лицо – германская армия окончательно была бы неуязвима, как стал неуязвим наш полк, когда я добился такого сходства.

Командир говорит пленному:

– Где же к черту неуязвим ваш полк. Что вы чушь мелете. Ваш полк вдребезги разбит, и вы в плену с вашим сходством.

Похожий на Гитлера хотел еще о чем-то поговорить, но командир крикнул:

– Уведите от меня это историческое чучело. Оно мне на нервы действует.

Мы увели похожего на Гитлера во двор. А там стояли другие пленные. Они стояли кучкой и о чем-то между собой беседовали.

Похожий на Гитлера закричал на них и велел им построиться. Но они не послушались его и засмеялись. А один из пленных подошел к ефрейтору, хлопнул его по затылку и сказал:

– Капут тебе, Гитлер.

Похожий на Гитлера хотел рассердиться и даже сделал свирепое лицо. Но потом махнул рукой, стал у забора и принялся жевать хлеб, который он достал из своего кармана.

4. Узкое место

Стоим у моста и вдруг видим – два красноармейца идут. Окликнули их. Спросили, что полагается. Они ответили. И мы отпустили их.

Но старший сержант Анисимов снова окликнул этих красноармейцев. И велел им показать документы.

Осмотрел их документы. Все оказалось в порядке. Отпустил их.

Отпустил и сам смотрит им вслед. Мы спрашиваем его:

– В чем дело, товарищ Анисимов? Что заставляет вас проявлять такую высокую бдительность в отношении этих двух бойцов?

Анисимов говорит:

– Понимаете, какая запятая. Ведь с пятнадцатого числа вся наша армия имеет зимнее обмундирование, а эти, глядите, идут, как цуцики, в летних шинелках и в сапогах.

Один из бойцов говорит:

– Товарищ Анисимов, а может, это действительно немецкая агентура, закинутая в наш тыл?

Анисимов говорит:

– В точности не могу вам ответить на этот вопрос, но знаю, что теплые вещи – это самое узкое место у немцев.

И вот старший сержант Анисимов смотрит на этих двух удаляющихся красноармейцев и сам нервно барабанит пальцами по своему ремню. Потом говорит нам:

– Конечно, для своих агентов немцы достали бы пару наших полушубков. Дело не в этом. А дело в том, что именно в этом вопросе они могли иметь недоглядку. И это позволяет мне сделать соответствующие выводы.

И сказав так, сержант Анисимов крикнул двум красноармейцам, которые удалились уже на двести шагов:

– Остановись! Стой!

И вдруг мы видим, что эти два, кому крикнули, – побежали.

И тогда мы одного ранили, а другого поймали. И все оказалось так, как подумал Анисимов.

В приказе по нашей части Анисимов получил благодарность за проявленную бдительность и смекалку.

5. Плохая земля

Ночью пошли в разведку. Я впереди, два бойца сзади.

Ночь светлая. Луна сияет. И тихо. Стрельбы нет. Вдруг, видим, впереди нас что-то мелькнуло. Видим – фигура. Немец.

Легли за кусточком. Ждем. Видим, немец остановился. Стоит. Задумчиво смотрит вокруг себя. Потом снова идет, заложив руки за спину.

Удивились. Думаем: «Если идешь в плен сдаваться, так иди побыстрей, без рук за спиной».

Велю бойцам его взять. Взяли. Видим, не хочет сдаваться. Борется. И даже оказывает отчаянное сопротивление, то есть кусается.

Пришлось, я извиняюсь, немного его ранить, чтоб он вел себя скромней, проще, не так агрессивно. Успокоился. Пошел культурней.

Приводим его в штаб. В штабе спрашивают: «Куда шел, зачем, какие имел задания?» Молчит.

Обыскали. Нашли документы. И среди них имелась; одна бумага от высшего немецкого командования, дескать, такой-то фельдфебель, награжденный железным крестом, является владельцем двух десятин земли. И видим, в бумаге указаны приблизительно те места, где расположены наши и немецкие траншеи и где поле, по которому шел этот немец. Конечно, в штабе хохот поднялся, смех. Командир полка говорит:

– Что ж вы такие неудобные земли выбираете для своих владений?

Молчит. Не хочет отвечать. Командир полка спрашивает:

– Значит вы просто шли и своим хозяйским оком осматривали ваше имение?

Не отвечает. После попросил папироску, закурил. Говорит:

– У нас многие, которые отличились, получили дарственные земли среди восточных пространств.

В штабе снова хохот поднялся. Смех. Шутки. Спрашивают немца:

– Когда же вы сподобились получить это дарственное поместье?

– Еще, говорит, в сентябре 1941 года.

Командир полка говорит:

– Время-то как быстро летит... Прошло два года, а вы еще и поместье свое не приняли.

Под общий смех и веселье спрашивают немца:

– Ну, хоть понравилось ли оно вам?

Немец говорит:

– Нет, не понравилось. Плохая земля. И деревня разбита.

Командир полка говорит:

– Так вы бы поглядели землю, прежде чем ее брать. Еще в помещики лезете. А не предусмотрели такую мелочь. Взяли kota в мешке.

Немец сердито говорит:

– Да как же я мог ее глядеть, если вы там были.

Командир полка говорит:

– Так вы бы на парашюте спустились. Разве можно так беспечно свои коммерческие дела совершать. Вот и оболванили вас. Не то подсунули.

Тут немец понял, что над ним подшучивают. Замолчал. Командир полка говорит:

– Нахальство гитлеровцев не поддается описанию. Советские земли они раздавали своей немчуре с надеждой, что они все завоюют... А ну-ка быстренько отведите скороспелого помещика в штаб дивизии. Тут его историческая миссия закончена.

Мы дали помещику вторую папироску. Он нервно закурил. И мы его увели.

6. Искушение

Позвал меня командир полка. Угостил папиросочкой. Говорит мне:

– Разведчик ты неплохой. И сегодня я возлагаю на тебя превеликую надежду. Подползи ночью к немецкому дзоту и выясни, что это такое – какова длина этого укрепления и есть ли там противотанковое орудие. Только делай разведку в полной тишине, чтоб немцы не узнали, что мы обнаружили их замаскированный дзот.

К рассвету я подполз под самые немецкие укрепления. Нарисовал на бумажке строение этого дзота. И уже имею намерение вернуться назад.

Уже ползу назад и вдруг слышу немецкие голоса. И легкий смех. И слышу, смех идет как раз из этого дзота.

Этот смех меня прямо рассердил. В такой момент, думаю, они смех допускают, беспечность.

Подполз к этому дзоту. Заглянул в амбразуру. Вижу – четыре немца в карты играют.

Еще чего, думаю. Я тут ползу, затрудняюсь, а они в карты играют.

Хотел я кинуть в них гранату, но сдержался. Не стал кидать, поскольку велено соблюдать полную тишину.

Слежу за ихней игрой, соблюдая тишину. Во что же, думаю, они играют. Не в «козла» ли? Нет, вижу, не в «козла».

Опять захотелось бросить в них гранату. Но снова удержал себя. Не допустил шума.

Вдруг, смотрю, еще один немец к столу подходит. То четыре сидело, то вдруг пятый идет.

Беру гранату и опять не бросаю ее.

Смотрю, у пятого в руках бутылка и три стаканчика.

Пожалуйста, думаю, наливайте, пейте... И значит опять не бросаю ее, гранату.

Выпили они по стаканчику и сидят, что болваны.

Мне-то, думаю, что – сидите. Может быть, как-нибудь сами собой передохнете без моего участия.

Вот они сидят, а один из них стал зевать.

Ага, думаю, зевает. Спать хочет. Переутомился.

И чувствую, братцы мои, что этот зевок переполнил чашу моего терпения. Я взял три гранаты вместе и кинул их.

Тут все сразу к черту вверх полетело. И стол. И стаканчики. И немцы с картами.

И тогда со всех своих траншей немцы открыли безумный огонь.

Ползу назад и себя ругаю, зачем такой шум устроил.

Приполз к своим. Командир полка сердитый, скучный. Говорит мне:

– Мне требовалась спокойная, тихая операция. А ты, гляди, какую трескотню произвел.

– Извиняюсь, говорю, товарищ подполковник. Не сдержался. Не переборол искушения.

Командир полка говорит:

– Главное, немцы теперь будут бдительны, и это усложнит нашу наступательную операцию.

– Глубоко, говорю, извиняюсь, товарищ подполковник. Задача была не по силам.

Командир полка говорит:

– Хотел представить тебя к награде, но теперь вместо награды отдам выговор в приказе. В другой раз в точности выполняй приказания начальника. И борись с искушениями, когда это требуется.

7. Стреляйте в меня

Вечером привезли ужин. И вместе с ужином привезли какой-то длинный сверток. Какую-то парусину.

Которые привезли – смеются. Утром, говорят, увидите светопредставление. А пока просьба не трогать свертка – тем интересней вам будет увидеть, что это такое.

Ночью врыли столбы перед самым бруствером. И натянули парусину между столбами.

Видим – нарисован Гитлер в свою натуральную величину. И под Гитлером подпись крупными немецкими буквами: «Стреляйте в меня».

Конечно, среди нас хохот поднялся, смех. Всем интересно узнать, как завтра утром поступят немцы. Положение у них создавалось щекотливое. С одной стороны, надо стрелять, чтоб убрать этот комический портрет. А с другой стороны – как же стрелять в такую свою высокую особу. За это там у них по головке не погладят. И даже могут расстрелять за такую политически неверную стрельбу.

Вот дождалось утра. Солнце осветило этот их уважаемый портрет. Слышим, в немецких траншеях шум поднялся, беготня, возгласы.

Видим – некоторые немцы в бинокли глядят. Другие прямо на свой бруствер вскакивают. Машут руками. Кричат.

Пустили мы в них несколько мин. Затихли. И не стреляют. Боятся угодить в своего фюрера.

Наконец днем они повели наступление. Вылезли из своих траншей и пошли в атаку с заданием убрать этот портрет.

Мы подпустили их ближе и открыли убийственный огонь. А они лезут и лезут, даже удивительно глядеть.

Наш командир батальона говорит:

– Они лезут потому, что не смеют послушаться. А если послушаются, то пулеметный огонь эсэсовцев поправит у них настроение.

Два часа шло наступление. После немцы видят – несподручно лезть. Отошли.

Целый день красовался этот портрет. А потом, махнув на свои убеждения, гитлеровцы открыли по нем оружейный огонь и тем самым дословно выполнили надпись под портретом.

8. Учительница

Стоим в своих окопах. Наблюдаем за передним краем обороны противника.

Вдруг старший лейтенант говорит:

– Ах, мерзавцы, ну что они делают.

Спрашиваем:

– А в чем дело, товарищ старший лейтенант? Почему вы так восклицаете?

Старший лейтенант говорит:

– Поглядите в бинокль, что происходит. У меня руки дрожат от негодования.

Смотрим в бинокль. Видим – два фрица с автоматами гонят каких-то женщин. И гонят прямо к передним позициям.

И вдруг видим – это наши советские женщины, крестьянки. Скромно одетые, в платочках. И только одна среди них, видим, в шляпке. Может быть, это учительница или пианистка, попавшая в лапы к этим мерзавцам. Один из бойцов говорит:

– Удивляться не приходится. Сколько раз они уже прибегали к таким методам. И вот сегодня опять мы это наблюдаем.

Смотрим в бинокль. Видим – отряд остановился. И женщины разбирают лопаты. Начинают копать окопы.

Тут же среди работающих ходят два фрица с автоматами. И понукают работающих.

Старший лейтенант говорит:

– Они знают, что мы не будем стрелять в своих, да еще в женщин. И вот пользуются этим. Ведут оборонную работу среди бела дня.

Один из бойцов говорит:

– Товарищ старший лейтенант, у меня прямо руки чешутся. Разрешите выстрелить хотя бы вот в того фрица с автоматом.

Старший лейтенант говорит:

– Снайпер ты неплохой, но уж очень цель далекая – тысяча пятьсот шагов. И я боюсь, как бы ты своей пулей не задел женщин.

Кто-то из бойцов говорит снайперу:

– Как назло, около этого фрица работает учительница. Ну, если ты ее заденешь, я прямо не знаю, что с тобой сделаю.

Старший лейтенант говорит:

– Конечно, жаль эту учительницу, но стрелять придется. Подобьем одного фрица, потом другого. И тогда женщины разбегутся. Вот как нам надо поступить.

Снайпер нацелился. Раздался выстрел. И вдруг мы к своему прискорбию видим – учительница упала. Упала бедная учительница, и шляпка скатилась с ее головы.

Вдруг старший лейтенант, который глядел в бинокль, воскликнул:

– Боже мой! Так ведь это же не учительница. Глядите – это фриц. Вот и прическа ежиком. И усики на его лице.

Тут мы стали глядеть в бинокль. Действительно, видим, сплошь немцы. Самые настоящие фрицы, но только в юбках и в платках.

Тогда мы вызвали минометный огонь. И две мины упали прямо в толпу. И тут толпа побежала.

Видим – бегут фрицы, теряя юбки и платки.

И видим – притче всех бежит пресловутая учительница, раненная в руку. Она падает, подымается и снова бежит, путаясь в своей юбке.

Наконец она сбрасывает с себя то, что ей мешает. И в суконных штанах и в высоких сапогах бежит дальше. И увидев все это, мы подняли такой частый и ураганный огонь, что даже сами удивились.

Мы задали им перцу – и за их нахальство, и за обман, и за то, что они в другой раз и в самом деле гонят перед собой мирных жителей, когда идут в атаку.

9. Сеанс для немцев

Позади наших траншей натянули огромный экран. И объявили – будут показывать немцам кино.

Некоторые из нас выразили сомнение, дескать, немцы сорвут сеанс – откроют огонь и погубят нашу установку.

Которые натягивали экран, говорят:

– А вы взгляните – какой это экран. Это марля. Пускай немцы в нее стреляют – с ней ничего не произойдет, и катастрофы не будет.

Когда еще больше стемнело, начали сеанс.

Сначала показали кинохронику. Немцы вели себя прилично – не стреляли.

А когда начали вертеть комическую «Как фриц корову украл» – немцы стали стрелять.

Только смотрим – действительно, ничего не случается. Пульки проскакивают сквозь марлю, и сеанс продолжается.

Тогда немцы стали стрелять зажигательными пулями. Но и эти пули, видим, никакого вреда не приносят. Ну, кое-где вспыхнет экран и сразу гаснет. Марля.

Но когда стали вертеть карикатуры на их руководителей, тогда гитлеровцы открыли оружейный огонь.

Однако сеанс продолжался. И у всех у нас возникло одно желание – довертеть ленту до конца, не дать немцам сорвать сеанс, чтоб не предоставить им морального перевеса.

И под грохот орудий это было выполнено с превышением, поскольку после ленты показали еще комическую обезьяну, похожую на Геббельса.

10. Уважили

Повели немцы наступление против нас. Шли они не особенно энергично. Припадали к земле. И мы сразу поняли, что они ведут всего лишь разведку.

В общем, они стали откатываться назад. Откатились. И на поле боя остались только убитые, некоторые раненые и те невредимые, которым уж очень не хотелось подниматься с земли под нашим губительным огнем.

И вот стоим у бойниц и наблюдаем за полем боя.

Вдруг видим, из одной воронки выскочил немецкий солдат. Он выскочил всего лишь на секунду. Помахал нам рукой. Показал для чего-то на свою ногу. И снова скрылся в воронке.

Сначала мы даже не поняли, что этому немцу нужно. Но вдруг видим, из воронки торчит его нога. Торчит его нога и немного покачивается, как бы говорит нам – давайте, стреляйте сюда.

Среди нас смех поднялся. Поскольку уж очень откровенное желание у немца.

И вот торчит его нога из воронки, а мы смеемся и вместе с тем соображаем, как нам поступить – уважить ли его просьбу или оставить ее без последствий. С одной стороны, как-то неохота выполнить его просьбу, оказать такую любезность этому арапу, пожелавшему выйти из войны. А с другой стороны, как будто полезно для дела – все-таки еще один гитлеровец будет сброшен со счетов. Да и финансовый урон нанесем фашистской лавочке, поскольку повезут этого пройдоху в тыл, начнут лечить, кормить, тратить на него горючее.

В общем, приходим к мысли – уважить его желание.

Наш снайпер Иван Андреевич Фролов – старший сержант, награжденный орденом Отечественной войны второй степени, говорит нам:

– Попробую, братки, покрепче его зацепить.

И с этими словами он стреляет.

Видим, пуля угодила сверхчувствительно. Нога аж кверху подскочила. И стон раздался.

И после долго никакого шевеления в воронке нельзя было заметить.

Уж не загнулся ли немчик, думаем. Нет, видим, не загнулся. Высовывается он из воронки и нам кулаком грозит. Выражает этим свое неудовольствие, что мы его чувствительно ранили.

Послали мы ему еще несколько добавочных пуль, но он молниеносно скрылся в воронке.

Когда стемнело, двое из нас подошли к воронке, чтоб посмотреть, там ли немец или уполз.

Оказывается, уполз. И никакой благодарственной записки нам не оставил.

11. В гостях у немцев

По немецкой земле мы не шли, а прямо летели, как на крыльях. И хотя фашисты оказывали яростное сопротивление, но мы сбивали их и двигались все глубже и глубже.

И однажды прямо с марша зашли в одну немецкую деревню. Слов нет, чистенько у них, аккуратно. Дома хотя однообразные, но приятные. И садики около них.

Видим, на отлете стоит домик, выкрашенный голубенькой краской. Причем двери открыты. Окна распахнуты. И на одном окне лежит

газета и очки. И в садике велосипед стоит.

Из любопытства решили заглянуть в этот домик, решили, так сказать, побывать в гостях у немцев.

Наш сержант крикнул:

– Не входить в сад. И в домик не входить. И велосипед не трогать. Я имею подозрение, что там все минировано. Надо знать немцев.

Среди нас были опытные люди. Они произвели проверку. Мин не оказалось. И даже велосипед был свободен от мин.

Заглянули в комнату. Там стоит накрытый стол. На столе миска с супом. На тарелках закуски. И графинчик с красным вином.

И все так аппетитно выглядит, так заманчиво, что прямо нет сил отказаться за стол сесть.

Сержант кричит:

– Пищу не трогать. Все, вероятно, отравлено ядом. Смотрите, как эти подлецы нарочно все выставили, чтоб прельстить наших бойцов.

Один из нас бросил кошке кусок колбасы. Та съела и хоть бы что. Еще просит.

Мимо дома проезжал наш санитарный отряд. Докторша осмотрела пищу и тоже нашла, что отравы нет.

Мы все удивились. Говорим:

– Чем же объяснить такую гуманность со стороны немцев?

Докторша говорит:

– Из этих мест немцы так поспешно удирали, что им было не до отравы.

Наш сержант говорит:

– Этим и только этим можно объяснить, почему в еде нет яда и почему в саду не понатыканы мины. Надо знать немцев.

И действительно, в другой деревне были отравлены даже колодцы.

Дополнения к «Солдатским рассказам»^{*}

Федот, да не тот

Летом этого года немцы заняли город С. Многие жители ушли. А некоторые из нас остались.

Сначала мы собирались у товарища Ф., а потом перенесли место явки в лес.

Комендант этого города – немецкий майор, некто Пельц, – с первых же дней войны проявил себя как отъявленный злодей: многих жителей он расстрелял, иных повесил, а многих порол и сажал в тюрьму.

И тогда мы вынесли ему приговор – убрать его с нашего пути.

Стали за ним следить. И вот однажды он вечером шел по улице, мы толкнули его в подъезд и там ликвидировали.

Взяли у него бумаги. По бумагам видим – не тот: не майор, а полковник, и не Пельц, а еще как-то по-ихнему.

Один из нас, некто Алексей, лично видел коменданта. Он говорит:
– Странно. Очень похож: белобрысый, светлые глаза.

Только против майора этот как будто полней и брюхастей.

Стали мы снова караулить майора. Видим, идет по переулку.

Спрашиваем Алексея:

– Этот? Алексей говорит:

– На этот раз не ошиблись: майор.

Мы закололи майора кинжалом. А на другой день узнаем из приказа, что снова подкололи не того: подкололи сельскохозяйственного офицера, обер-лейтенанта по фамилии Нагель.

Алексей говорит:

– Я не физиономист. Пусть вам кто-нибудь другой указывает. Они мне все на одну морду.

Хотели мы лично увидеть коменданта. Пытались войти в комендатуру, но нам не удалось.

Тогда достали фотокарточку майора. Его портрет. Стали ходить с портретом.

Короче говоря: убрали еще одного. Но и тот был не тот. Четвертого спрашиваем:

– Вы фон Пельц?

Тот говорит:

– Фон Пельц умер в больнице от брюшного тифа вскоре после вступления в должность коменданта.

– Тогда, – говорим, – понятно, почему мы ошибались.

Слабая психика

Спешно отступая, немцы эвакуировали один госпиталь. В госпитале имелось отделение психических больных.

Этих своих психических немцы погрузили в автобус и направили в тыл.

Ночью автобус остановился в деревне Н., чтобы утром следовать дальше.

Психических заперли в сарай. И сарай закрыли на замок.

Однако в темноте и в спешке немцы недосмотрели, в какой сарай они заперли свой груз. Сарай был недостроен: в нем отсутствовала четвертая стена.

Быть может, психические и не удивились этому обстоятельству. Это было, так сказать, на уровне их большой фантазии.

В общем, ночью все психические разбежались.

Встав на рассвете, чтобы следовать дальше, немцы обнаружили пустой сарай.

Началась ловля психических.

Поймав двух или трех больных, немцы, торопясь и паникуя, проследовали дальше.

Остальные психические стали попадаться частям нашей Красной Армии.

Звереныш

Идет наша санитарка по полю. Слышит, стон раздается. Наклоняется к кустам. Видит: немчик лежит. Лет девятнадцать ему, не больше.

Ранен в ногу и в руку. Стонет.

Санитарка наклонилась к нему. Разрезала костюм. Накладывает повязки.

Тот кивает головой: дескать, благодарю.

Санитарка спрашивает:

– Как звать-то тебя? Имя?

Молчит.

С грехом пополам санитарка спрашивает по-немецки.

– Вас, – говорит, – немен зи?

– Роберт, – говорит. Санитарка говорит:

– Эх, Роберт, Роберт! Небошь, – говорит, – понимаешь, как вас одурачили – пустили против России драться. Вот и лежишь теперь в кустах с разбитой ногой. Еще скажи спасибо, что я твой стон услышала. А то бы тебя тут вороны склевали.

И вот накладывает она повязки. Заматывает марлю. И вдруг чувствует: что-то кольнуло ее в спину.

Оглядывается – нет никого.

Вдруг видит: немчик держит в левой руке кинжал и вновь замахивается. Значит, один раз не удалось. И вот снова собирается кольнуть. А рука левая. Сам слабый.

Санитарка говорит:

– Ты что же, мерзавец, делаешь?

Молчит. Только губы стиснул.

Портрет^{*}

Лагерь был обнесен колючей проволокой. И к этой проволоке нельзя было подходить. Часовые стреляли.

Четыреста человек томились в этом лагере.

Условия жизни были самые ужасные.

Люди лежали прямо на земле и в дождь и в непогоду.

Кормили жутко. Какая-то бурда один раз в день. Кусок сырого хлеба.

Люди медленно умирали. И тогда они стали подходить к проволоке, чтобы их часовые убили.

Сначала часовые стреляли и убили несколько людей. Потом стрелять перестали. Отгоняли от проволоки плетью и палками.

И вот однажды приходит в лагерь немецкий офицер. Подтянутый. Душистый. Чистенький. С камышовой тросточкой в руках.

Построили людей. И офицер им так сказал:

– Господа, судя по регистрации, среди вас имеются художники. Господа художники, выйдите вперед. Мне надо с вами поговорить.

А в лагере действительно была группа студентов Академии художеств.

Их было одиннадцать человек. Они работали на поле. И попали в окружение.

И вот выходят одиннадцать человек. Все молодые, третьекурсники.

Офицер говорит им:

– Кто из вас, господа, берется выполнить ответственную задачу – написать портрет нашего генерала? Этот портрет мы повесим в штабе по случаю пятидесятилетия со дня рождения нашего высокочтимого начальника.

В ответ было полное молчание. Пожав плечами, офицер сказал:

– Вы меня удивляете, господа. Я же не требую от вас чего-нибудь колоссального. Я требую от вас профессионального умения запечатлеть образ нашего генерала на полотне. Ну!

Один из студентов сказал:

– Среди нас нет портретистов. Мы рисуем вазы, сады, тюльпаны. Изредка домашних животных – кур, петухов, собак. Но портрет, и тем

более генерала, нет, это нам не по силам.

Нахмурившись, офицер сказал:

– Вздор, господа. В ваших словах я слышу нежелание, протест. Поверьте, я бы мог приказать, заставить вас. Но я не сделаю этого, ибо нам нужен прекрасный портрет, произведение искусства. Говорят, искусство не любит принуждения. Поэтому я хочу услышать доброе согласие художника, творца. Которому, кстати скажу, будет выдано повышенное питание, плюс денежное вознаграждение, плюс стакан водки в неделю.

Неожиданно из рядов художников вышел Сережа К. Это был молодой студент. Высокий. Бледный. Из всех студентов он наиболее тяжело переносил заключение.

Он вышел вперед, еле передвигая ноги от голода. Он сказал:

– Господин офицер, я берусь написать этот портрет.

Все его товарищи с изумлением на него посмотрели.

И кто-то тихо сказал ему:

– Подлец, где же твоя ненависть к фашистам, о которой ты так много нам говорил?

Сережа тихо ему ответил:

– Я голоден. И, вероятно, скоро умру. И этим я не принесу никому никакой пользы. Так лучше я соглашусь на их требование. И в дальнейшем увижу, что можно будет сделать.

Офицер похвалил Сережу за благоразумие и увел с собой.

Вечером Сережа вернулся в лагерь. Он вернулся сытый, довольный. В руках у него была белая булка. Он хотел поделить эту булку между своими товарищами. Но они не стали кушать эту булку. Они отказались. Они сказали:

– Лучше голод, чем жрать твою булку, которую ты получил благодаря твоему холуйству перед генералом.

На другой день Сережу снова увели в штаб. И снова вечером он вернулся в лагерь.

На этот раз он вернулся сияющий, сытый, немного даже подвыпивший.

И тогда один из студентов, подойдя к Сереже, сказал:

– Нам мерзко на тебя глядеть. Ты морально разложился. Ты продажная шкура. Не протягивай нам больше своей руки – мы ее не будем пожимать.

И на эти слова Сережа ничего не ответил. Он только закрыл свое лицо руками. И отвернулся.

Теперь каждый день Сережу уводили в штаб. Он там писал портрет генерала. И генерал был так доволен его работой, что велел перевести Сережу из лагеря в избу. И приказал выдавать ему из еды все, что он пожелает. Этим он хотел улучшить качество портрета.

В короткое время Сережа отъелся. Поздоровел, окреп. И это пошло на пользу его дарованию. Он теперь с огромной силой писал портрет генерала. И все немцы изумлялись его таланту. И даже однажды, собравшись около его портрета, они аплодировали художнику, говоря, что на портрете генерал буквально как живой.

На последнем сеансе, когда оставалось дорисовать какие-то незначительные детали, Сережа убил генерала.

Он убил его, когда тот, позирова, сидел, развалившись в кресле.

Он убил его осколком бомбы, который лежал на письменном столе – в знак чудесного спасения генерала от смертельной опасности.

После этого Сережа незаметно вышел из штаба. Его никто не задержал. Его тут все знали.

Сережа скрылся в лесу и вскоре примкнул к партизанскому отряду.

Он и до сих пор среди партизан. И говорят, что своими смелыми операциями он буквально наводит ужас на немцев.

Уцелел^{*}

Перед нами пленный немецкий солдат Петер Иергенс. Это человек небольшого роста, рыжеватый, обросший щетиной. Глаза у него бегают, как у пойманной крысы.

Этот неприятный субъект находится в каком-то постоянном движении – он вертится на стуле, вздрагивает, судорожно сжимает свои руки. И поминутно вытягивает свою шею, прислушиваясь к малейшему шуму.

– Вероятно, вы по тотальной мобилизации? – спрашиваем мы немца.

– О, нет, – говорит он. – Я есть доброволец.

Почти подскочив на стуле, немец живо добавляет:

– Но только не думайте, что я пошел добровольцем из желания воевать. Тем более с русскими. Война – это занятие не для меня.

– Отчего же?

Потупив глаза, немец говорит:

– Я есть нездоровый человек, психически больной.

Мы охотно верим этому немцу. Но он говорит:

– Я вижу, вы не доверяете моим словам. А я есть на самом деле душевнобольной. Я пять лет находился в психиатрической лечебнице. В Кельне.

– И вас взяли в армию?

– Я пошел добровольно.

– Зачем же вы сменили больничную койку на окопы?

Снова потупив свои очи, немец говорит:

– Хотелось сохранить свою жизнь. Остаться в живых.

– Но ведь в больнице легче остаться в живых, чем на фронте?

– О нет, не скажите, – говорит немец. – Ведь у нас... душевнобольные... подлежат...

Оглядевшись по сторонам, немец тихо говорит:

– Когда я находился в клинике, к нам приехал уполномоченный из Берлина. Нас, всех больных, построили в саду. И тогда уполномоченный нам сказал: «Кто из вас желает пойти на фронт – выступите вперед на два шага». Тут выступил вперед только один

больной, который думал, что речь идет о добавочной порции к обеду. Уполномоченный похвалил его. А остальным сказал: «Я не буду вам много говорить, поскольку у вас, так сказать, „сквозняк на чердаке“, но одну основную мысль вы должны понять. Вы есть лишний, ненужный балласт, отягчающий государство. Не цепляйтесь за свою жизнь. Идите сражаться за величие Германии».

– Что же ему ответили больные?

– Они закричали: «Хайль, Гитлер», но не выразили желания идти на фронт. Однако нам вскоре стало известно, что нас будут уничтожать, как людей, требующих за собой ухода, питания, медицинских пособий и больничного персонала, столь нужного в дни войны.

– Что значит уничтожать?

– Ну, усыплять подкожным впрыскиванием морфия.

Мы недоверчиво взглянули на пленного немца. Тот сказал:

– Нет, вы не смотрите, что я душевнобольной. В данном случае я рассуждаю совершенно здраво и отдаю себе полный отчет в словах. У нас уничтожают душевнобольных, которых нельзя вылечить. Но тогда мы, больные, еще не знали об этом. А когда узнали – стали уходить из клиники.

– И тогда вы пошли в армию?

– О, нет. Я год пробыл дома. Но потом стало известно, что душевнобольных регистрируют по всем домам, увозят их, и они не возвращаются. И тогда я, посоветовавшись со своими родными, пошел в штаб и сказал им о своем желании воевать.

– Что же вам ответили в штабе?

– Они похвалили меня за благоразумие и сказали: «Душевнобольные неплохо воюют. И даже они иной раз способны на то, на что нормального не уговорить».

Молитвенно сложив свои руки, немец тихо сказал:

– На фронте мои надежды оправдались. Я попал в плен. И благодаря этому окончательно уцелел.

В подвале*

Вот какую историю рассказала мне А. Фролова – жительница деревни Малая Макеевка.

Сижу, говорит, в избе. Одна-одинешенька. Сынок в Красной армии. Дочка в Москве. В Педагогическом институте.

Она не вернулась домой, поскольку фронт приближался к нашей деревне.

И вот, говорит, сижу у оконца. И страшусь на улицу взглянуть. Кругом пальба. Выстрелы. И на небе полыхает зарево.

Вдруг слышу – стучат в сених. Думаю: «Пришли, проклятые». Открываю дверь. Нет, вижу, это не немцы. Стоит передо мной какой-то наш молоденький командир. Весь он в крови. Опирается на палку. Торопливо говорит мне: «Уже немцы входят в ваше село. Скройте меня, мамаша. Я дюже ранен. Не в состоянии дальше идти».

Я забежала по избе, засуетилась. А он говорит: «Схороните меня в подвале».

И тогда я схватилась за железное кольцо на полу, подняла половицы и помогла ему спуститься вниз. И подала ему ведро воды и чистую простыню, чтоб он перевязался.

И только я успела это сделать, вбегают немецкие солдаты. Я говорю им: «Живу одна-одинешенька. Нет у меня никого и ничего. И оружия не имею».

Они немного пошуровали в моих вещах, взяли отрез мануфактуры и ушли.

На рассвете я спустилась в подвал узнать о самочувствии моего больного. Вижу, он страдает. Жар во всем теле. Но бодрится. Говорит мне: «Вот залечу свои раны, выйду на волю и пробьюсь к своим».

Он два месяца лежал и был шутливо настроен. Но однажды он сказал мне: «Представьте себе, какая неприятность, – не могу на свою ногу опереться – испытываю адскую боль. Сдается мне, что кости у меня неправильно срослись. И если это так, то придется мне, мамаша, лежать в вашем подземном госпитале до прихода наших».

Я говорю: «Сынок, а вдруг да наши не скоро придут или вовсе не придут. Ведь, гляди, какую немцы агитацию и пропаганду развели –

будто им весь мир принадлежит и в том числе Россия».

Он говорит: «Ну, это они, собаки, перехватили через край. Наши непременно вернутся. И такой вопрос не стоит в моей голове. Но вот если наши не в скором времени вернутся, допустим через полгода, вот тогда, мамаша, придется терпеливо ждать».

Но он не полгода и не год пробыл в моем подземелье. Он пробыл с лишком два года. И даже нелегко себе представить, как он там пробыл. Он терпел невозможные лишения. Он холодал и голодал. И солнца два года не видел. И не видел людей, кроме меня. Только лишь мыши к нему забегали. Да еще однажды заглянул немецкий солдат. Но он там ничего не увидел в этом полумраке и поспешил удалиться.

Но жалоб мой Василий не имел. Он только всякий раз говорил: «Ну, теперь недолго ждать, скоро придут...»

В начале третьего года я с плачем спустилась в подвал и сказала Василию: «Пришла беда, сынок. Уже всю молодежь немцы перехватили и отвезли в свою Германию. Теперь они хватают каждого, сажают на машину и увозят». И Василий обрадовался, когда это услышал, и так мне сказал: «Это хороший признак, мамаша. Значит они не чувствуют себя как дома. И значит не за горами тот день, когда придут наши».

Я говорю: «Но ведь ты как муха помрешь тут в подвале, если меня не будет».

Он говорит: «А вы подкиньте мне сюда немного продовольствия. Что касается воды, то воды у меня вдоволь».

Я принесла ему мешок гороху. Немного соли. И немного сухарей. И попрощалась с ним. И он на прощанье мне сказал: «Мама, вы не поезжайте к немцам на каторгу. Вы лучше уйдите в лес и примкните к партизанам».

И я так и сделала. Ночью я миновала немецкие посты и ушла в лес. И там среди партизан я пробыла полгода вплоть до прихода Красной армии. И в тот же день, когда пришли наши бойцы, я поспешила в свое село.

И вот я увидела мой дом. Он стоял нетронутый. И только дверь была раскрыта настежь.

И я не помнила себя, как вбежала по ступенькам. И крикнула: «Вася, здесь ли ты?» И в ответ я услышала голос: «Здесь, мама. Зачем

вы так кричите. Ведь они услышат». И тогда я еще громче закричала: «Или ты не знаешь, что случилось? Ведь их же нету. Наши здесь».

И я бросилась в подвал. Схватила его на руки. А он был совсем белый, как бумага. И легонький, как перышко.

И я вынесла его наверх. Поставила на ноги. Но он упал. И потерял сознание. И тогда я вынесла его на улицу. И положила на матрац.

И вдруг я вижу, идут наши войска. Я подбегаю к командиру и прошу его дать полкового врача. И тот осмотрел моего Василия и приказал везти его в госпиталь. И при этом он так сказал своему командиру: «С точки зрения медицины – это удивительно, как он выжил. Наверно он не терял надежды, и это было причиной его выздоровления».

И командир так ему ответил: «Я, говорит, тоже заметил, что те, которые не имеют надежды и ни во что не верят, – погибают как мухи от самых малых ран. А те, у которых сердце наполнено любовью и надеждой, выживают. И они бывают счастливы как в общественной, так и в личной жизни».

По следам войны*

Вдоль дороги – спиленные телеграфные столбы. По сторонам – сожженные деревни. Здесь немцы все подвергли уничтожению и пожару.

Ничего не осталось. Печально стоят деревья, опаленные огнем. Торчат невысокие деревенские трубы.

Грустно видеть помятый медный самовар на дороге. Тряпичную куклу. Черепки глиняной посуды. Когда война пройдет по немецкой земле – это будет только справедливостью, необходимой, чтоб отбить у немцев охоту зариться на чужие земли, на чужое добро.

В лощине, там, где еще не стаял апрельский снег, мы видим труп немецкого солдата. Быть может, это лежит один из тех «помещиков», которых заготовляла гитлеровская Германия для «восточных пространств».

Быть может, шагая по русской земле, солдат этот облюбовал уже себе именице, чтоб пожить тут в качестве господина.

«Ложилось дураку – по три дырки на боку».

Но вот в одном километре от дороги мы видим уцелевшую деревеньку. За исключением нескольких разрушенных домов, здесь, кажется, все в порядке. Мы видим жителей, неторопливо совершающих свои дела. Ребят, молчаливо сидящих на бревнах. Лошадь в немецкой упряжке – узкий хомут, без дуги.

Беседуем с престарелым жителем этой деревушки. Старик сидит на крыльчке. Весеннее солнце золотит его удивительно спокойное лицо.

Мы что-то говорим о счастье, какое выпало его деревне – война пощадила ее.

Чуть усмехнувшись, старик говорит:

– Что касается счастья, то оно целиком от нас зависело. Деревню свою мы своевременно разобрали и только теперь сложили. Вот она и уцелела.

– Что значит разобрали?

– Сняли крыши. Вынули рамы. Разобрали срубы. А немцам несподручно жечь, что лежит на земле. Вот деревня и сохранилась.

Теперь мы видим, что несколько домов, которые мы приняли за дома, развороченные снарядами, – попросту разобраны. И весьма аккуратно – мелом занумерованы бревна.

Спрашиваем старика:

– А сами что ж, куда девались? В лес ушли?

– Сами ушли в лес.

– Как же немцы смотрели на ваше отсутствие?

– А что они могли сделать. Мы в лесу. А они в лес не любили заходить. Стеснялись партизан. Да и болота им мешали.

Усмехнувшись, старик добавляет:

– Они леса до смешного боялись. Около леса пошумят, постреляют. А зайти туда не берутся.

– И значит, вы более двух лет провели в лесу?

Старик утвердительно кивает головой. Потом, снова усмехнувшись, говорит:

– Сначала немцы прислали нам старосту. Тот явился в лес. Немецкий подголосок. Орет. Дескать, зачем вы в лес ушли, господа. Возвращайтесь. Объявлены крупные льготы. И в дальнейшем каждому крестьянину гарантирован новый пиджак плюс крахмальная манишка.

Засмеявшись, старик продолжает:

– Вскоре опять явился этот староста. Но уже не кричит. Просит. «Тогда, говорит, хоть дома обратно сложите, уважаемые. Велели немцы, чтоб деревня выглядела так, как ей быть полагается. А что я один могу сделать! Не могу же я один все дома сложить. Вот опять через вас буду иметь не приятности».

Мы ему говорим: «Да хотя бы тебя немцы на столбе повесили – нас это не касается. И даже мы не знаем, откуда ты явилась, такая птица».

Вскоре немцы стали по лесу бить снарядами. Целый день они били. Но толку не добились.

– А трудно было в лесу?

– Понарыли землянок. Сложили печки. Дров вдоволь. Хлеб есть. Скот и птица с нами. Но, конечно, лишения терпели. Соли, например, не было.

Показав рукой на проходящую женщину, старик сказал:

– Вот идет наша школьная учительница, товарищ Колесникова. И она с нами была. И даже она занятий с детьми не прерывала. Вела занятия.

Старик знакомит нас с учительницей. Учительница молодая. Одета по-деревенски.

– Она у нас молодец, – с гордостью говорит старик. – И ребятам уроки преподавала. И людей лечила от болезней.

Учительница смущенно улыбается.

– Помимо того, – говорит старик, – она у нас в партизанском движении участвовала.

Смутившись еще больше, учительница говорит:

– Раза два ходила с партизанами.

– Где же два раза, – возражает старик. – Сколько раз ходила против германских бандитов. И в плечо ранена. Будете об этом писать, запишите ее фамилию – Колесникова.

Учительница с досадой машет рукой.

– Зачем? Все это позади. Слов нет, было трудно. Но надежды мы не теряли. Рассчитывали на Красную Армию.

Закрыв глаза, старик улыбается. Мы прощаемся с ним и с милой учительницей.

Снова едем. И снова перед нами необозримые поля, сожженные деревни, поваленные телеграфные столбы.

Нет, не эти просторы нашей родины привели немцев к тому, что с ними случилось на наших полях. Не ошибка в пространствах, а ошибка в характере, в качествах русского человека привела немцев к поражению. Это была стратегическая ошибка, ибо в немецких планах завоевания России лежал неправильный, искаженный образ советского человека. Не учтено было немало – воля, выдержка, самоотверженность, выносливость, любовь к родине и давняя неприязнь к чужеземному, к немецкому.

Перед войной Гитлер, бахвалясь, сказал: «Я благодарю судьбу за то, что она лишила меня научного образования. Я чувствую себя хорошо».

Нашел чем похвалиться – своей серостью. В Германии были люди весьма образованные и некоторые из них в силу научного знания людей, населяющих землю, предостерегали немцев от борьбы с русскими. Гитлер, бахвалясь своей необразованностью, избрал иной путь с финалом, весьма знакомым его предшественникам по завоеваниям.

И тут не за что было благодарить свою судьбу.

О маленьких для больших*

Захожу в магазин купить игрушку для ребенка. Продавец ставит на прилавок какое-то плоское чудовище, отдаленно напоминающее коня.

– Это лошадка, – говорит продавец, неуверенно пододвигая ко мне кусок раскрашенной фанеры, вынутой, вероятно, из окна по случаю окончания ремонта в доме.

– И что же, покупают у вас таких лошадей? – спрашиваю я, не без удивления поглядывая на обломок фанеры.

– Как говорится, плачут, но покупают, – отвечает продавец.

Рассматриваю коня. Действительно, есть от чего всплакнуть. Выпилен конь на редкость плохо. Морда у него в зазубринах. Хвост похож на полено, вынутое из огня. Две ноги вместо четырех искупаются их непомерной толщиной. И весь конь такой, как будто он нарисован шестилетним мальчиком.

– Конечно, не рысак, – говорит продавец, несколько конфузясь за своего коня, – но зато на подставке, и колесики имеются, что тоже отчасти может обрадовать ребенка.

Пробую вертеть эти колесики – не вертятся. Пробую держать коня просто в руке. Но тут замечаю, что руки мои покрываются зеленой краской.

– Нет, я вижу, что конь вам не нравится, – говорит продавец. – Возьмите в таком случае акробата. Вертится. И на двенадцать рублей дешевле лошади.

Знакомая, веселая игра. Две палочки. Веревочка. На ней гимнаст. Нажимаю палочки. Гимнаст поднимается вверх и перекидывается через голову. Нажимаю еще раз – и гимнаст запутывается в веревочках. Пробую распутать. И тут чувствую, что-то острое впивается в мой палец.

– Это вас струна уколола, не обращайтесь внимания, – говорит продавец.

Рассматриваю акробата. Руки и ноги его скреплены кусочками балалаечных струн. Четыре острых обрывка угрожающе торчат из утлого тела акробата.

Интересуюсь – кто выпустил в продажу такую игрушку. Продавец говорит:

– Фабричной марки нет на акробате. Однако многие наши игрушки выпускает артель «Музпром». Судя по музыкальным струнам, вероятно, и это – их продукция.

Замечание не лишено логики. Улики существенны. Акробат, как говорится, пойман с поличным.

Продавец ставит на прилавок весь наличный ассортимент. Матерчатые мячи, набитые опилками. Ватные фигурки, усыпанные блестками. Крошечные деревянные грузовички, от которых колесики тотчас отлетают, как перепуганные воробьи.

– Конечно, игрушки невеселые, – говорит продавец, – но все-таки надо сказать спасибо организациям и кустарям, которые заботятся о наших детях.

– Слово «спасибо», – говорю я продавцу, – происходит от двух слов: «спаси бог». Если принять это во внимание, то я согласен, шутки ради, сказать спасибо. Спасибо от такой продукции.

Извинившись за беспокойство, я хочу уйти. Продавец удерживает меня, говорит:

– Могу предложить вашему вниманию нечто особенное, пролежавшее у нас на витрине три года. Популярная игра «Дьяболо».

Перед ним большая деревянная катушка и две палки с веревкой. Катушка подбрасывается вверх и ловится на веревку. Прикидываю на руку эту катушку, чтоб сообразить, каков ее вес. Граммов, пожалуй, триста-четыреста. Говорю продавцу:

– Ведь это же может убить ребенка.

– Новорожденного действительно может убить, – говорит продавец, – но если у вас малыш более солидный и достаточно упитанный, то он отделается только лишь ушибом и синяками.

Подбрасываю вверх эту катушку. Покупатели шарахаются в сторону. Продавец прячется за прилавок.

– Что вы делаете в общественном месте! – кричит он.

Поздно. Катушка, подброшенная вверх, падает, как маленькая фугасная бомба. Удар приходится по моему плечу, защищенному пальто. Все-таки больно.

Еще раз извинившись за беспокойство, я выхожу из магазина. На улице я замечаю, что не только мои руки, но и пальто вымазаны в

краске. Из одного пальца сочится кровь. В другом пальце я чувствую занозу. Ушибленное плечо побаливает.

На ум приходят какие-то старинные строчки: «О, дети, дети, как опасны ваши лета...»

Хороший день^{*}

Примите, дорогой читатель, мое поздравление с наступающим Новым годом.

Пусть в этом году исполнятся ваши лучшие желания. Не сомневаюсь, что они направлены на разгром врага, на разгром фашистских захватчиков.

Пусть новый год будет годом расчета за их подлые, варварские преступления.

Что касается личных дел, то и в личных делах, читатель, я пожелаю вам всего, так сказать, наилучшего.

Не знаю, как вы, читатель, но лично я не запрашиваю у судьбы слишком многого. Я привык желать то, что в пределах возможного.

Среди дней наступающего нового года я бы хотел иметь один такой день, который живо мне рисуется в моем воображении.

Будто я иду по улице. В руках у меня чемодан. Допустим, я только что приехал. И вот иду с вокзала. Навстречу спешат прохожие.

На остановке сажусь в трамвай.

С милой улыбкой кондукторша помогает мне войти в вагон. Она поддерживает меня под локоть, чтоб я со своим чемоданом не поскользнулся на ступеньках.

Один из пассажиров, устанавливая мой чемодан в углу площадки, говорит:

– Вот теперь, папаша, поезжайте хоть на край света.

Кто-то из сидящих в вагоне машет мне рукой, кричит:

– Пройдите в вагон, дорогой папаша. Тут найдется для вас местечко. Потеснимся...

Обращаюсь к пассажирам, стоящим на площадке:

– Не откажите в любезности поглядеть за моим багажом.

Пассажиры говорят:

– Сосчитаем своей прямой обязанностью. Идите со спокойной душой. Не споткнитесь в дверях на своих полусогнутых.

Вхожу в вагон. Подросток лет четырнадцати встает со своего «детского места» и приятным баском говорит мне:

– Чем теснить остальных уважаемых пассажиров, садитесь лучше на мое место.

– Чудесный ребенок! – восклицаю я, растроганный. – А как же ты будешь затруднять свои неокрепшие детские ножки?

Кто-то из пассажиров говорит:

– Ноги этого подростка способны простоять сто км и больше. Садитесь, уважаемый, без лишней философии по вопросам детского возраста.

Подросток говорит:

– К тому же мне надоело сидеть. И помимо того, я сейчас схожу.

И вот я сажусь на его место. И в чудесном настроении еду и еду. И где-то гремит музыка...

Это немного, уважаемый читатель. Не правда ли?

Даже не надо мне места в трамвае. Любезный голос пассажиров мне приятней, чем многая другая музыка на свете.

С наступающим Новым годом, читатель.

Два письма*

Звонок. Открываю дверь. Передо мною мальчуган лет семи. Он в отцовской шапке, валенках. На одном валенке подвязан конек. Это сынок моей соседки – Вася.

Протянув мне помятый листок бумаги, Вася говорит:

– Мама просила вас перепечатать на вашей пишущей машинке. Только срочно. Это папе письмо на фронт.

Просматриваю листок. С трудом можно разобрать написанное. Еще удивительно, что и так сумела написать эта бедная женщина. Неделю назад ее сбила грузовая машина. Оказался перелом бедра, руки плохо повинуются ей.

Я говорю мальчугану:

– Ты не жди. Я перепечатаю и сам отнесу.

С благодарностью улыбнувшись, Вася исчезает, гремя своим коньком.

Сажусь за пишущую машинку. Первые строчки письма меня ошеломляют. Я рассчитывал увидеть описание уличного происшествия, а тут вижу совсем не то. Невольно начинаю читать вслух: «Родной мой. Если бы ты знал, как мы были счастливы, когда получили твое письмо. Я прочитала его детям, и мне на минуту показалось, что ты сидишь рядом с нами. Меня только огорчило, что ты тревожишься о нас. Не тревожься. У нас все идет хорошо, по-прежнему... Мы все здоровы и веселы. Таточка стала совсем большая. Все просит, чтобы я рассказывала ей о тебе. Васютка тоже вырос, целые дни он скользит по двору на своем коньке...» Далее идут фразы о родственниках, о работе. Засим приписка:

«Свое письмецо я отдала перепечатать на машинке для того, чтобы тебе легче было читать в твоей полутемной землянке...»

Перепечатав письмо, я иду к соседке.

Тусклая лампочка освещает небольшую комнату. На койке лежит худенькая молодая женщина. Рядом с ней девчурка лет четырех. Это Таточка. Она спит беспокойно, мечется. Вот уже третий день она больна гриппом.

У печурки сидит Васютка со своим коньком на валенке. Парнишка с аппетитом хлебает суп из котелка.

Молодая женщина говорит мне:

– Вы извините, что мы потревожили вас, но я не рискнула послать ему письмо, написанное моей слабой от болезни рукой. Он стал бы беспокоиться, что со мной, почему я так плохо пишу.

Смущенно улыбаясь, женщина продолжает:

– Ведь если бы ему об этом написать, он бы там с ума сошел от волнения. Приехать не может... Значит, помочь не в силах...

Оторвавшись от своего дела, Вася говорит:

– И стал бы плохо, неметко стрелять в фашистов.

Мать с улыбкой глядит на своего сына.

– Вы правильно поступили, – бормочу я и с волнением смотрю на маленькую, худенькую женщину.

Теперь выслушайте вторую историю письма, посланного на фронт.

В Ветлуге проживает молодая женщина. У нее маленький ребенок. Муж ее на фронте.

И вот однажды муж получает письмо из Ветлуги. В письме говорится, что жена неверна ему.

Мы не знаем, кому и с какой целью понадобилось написать такое письмецо. Но оно было написано, послано и, так сказать, возымело свое действие. Возмущенный и взволнованный муж написал своей жене, что она «разбила его счастье» и поэтому между ними все кончено, он не считает ее своей женой и просит не беспокоить его письмами.

Встревоженная и огорченная жена пишет письмо за письмом, но ответа не получает.

Пролило немало слез. И наконец молодая женщина решает обратиться к общественности за помощью. Перед нами ее письмо, посланное в редакцию газеты. Вот что в нем говорится:

«...Это неправда, то, что написали моему мужу. Это клевета, ложь. Ведь я люблю его и ни о ком другом не думаю. Я даже не хожу в кино. Я только воспитываю сына и жду встречи с мужем... Дорогой редактор, напишите статью о моей любви к моему мужу! Передайте ее по радио. Пусть он услышит, как я его люблю.

Я не обижаюсь на него, что он мог так подумать обо мне. Я твердо надеюсь на встречу. И свято храню нашу любовь. Так напишите же

ему, что я все та же жена Танюша, которая, что бы ни случилось с ним на фронте, примет его с радостью и любовью.

Передайте ему, чтобы он поскорее присылал мне прежние письма, с любовью и заботой...»

Нет, такое письмо не могла бы написать женщина, которая провинилась, – это искреннее и чистое письмо.

Снова говорим – мы не знаем, какой черной душе понадобилось послать на фронт грязную клевету. Ведь эта клевета оказалась хуже вражеского снаряда. Она произвела два взрыва – в тылу и на фронте. Она разбила семью. Она заставила плакать, заставила страдать, волноваться. Быть может, многие дни опечаленный муж находился в унынии и поэтому, как отлично сказал Вася, «плохо, неметко стрелял в фашистов».

И в свете первого письма – письмо, посланное на фронт каким-то подленьким человечком, кажется еще более мерзким, еще более отвратительным.

Не дело, что муж, ослепленный клеветой, рвет со своей семьей отношения. Против клеветы следует обороняться – разумом, логикой и той искренностью, какую мы видим в письме бедной Танюши.

Внимание – люди!*

Примерно за год до войны произошло нижеследующее происшествие. На одной из ленинградских улиц машина сбила прохожего. Он упал и остался лежать возле панели. Машина ушла.

Некоторое время спустя прохожие, увидев лежащего, решили, что он пьян. Была суббота. Вечер. И такие легкие мысли могли, допустим, возникнуть.

Позвали милиционера. И тот отправил «пьяного» в вытрезвитель. Может быть, даже потер ему уши, чтобы привести в должный вид.

И только под утро выяснилась вся картина.

Ошибка, недоразумение. Но весьма досадная ошибка. Весьма досадное недоразумение. Ибо за этой ошибкой – невнимательное, небрежное, бездушное отношение к человеку.

Такой пример указывает, что в каждом отдельном случае надлежит подходить к человеку с особым вниманием. И надлежит поступать не по шаблону (валяется, значит – пьян), а всякий раз индивидуально.

Приведу еще один случай, опубликованный в свое время в калужской газете.

Колхозница Р. получила из больницы извещение о смерти своего мужа. Администрация больницы просила ее приехать за умершим.

Р. приехала в больницу. Но там ей показалось, что умерший не похож на ее мужа. Свои сомнения она высказала администрации. Но старшая медицинская сестра сказала: «Науке вполне известны такие факты, когда человек после своей смерти слишком меняется и делается непохожим на себя. Бывает даже, что он становится меньше ростом, что вы наглядно и видите на данном примере».

Поплакав, Р. положила в сани тело мужа и вернулась в свое село. Однако дома ее сомнения усилились.

Р. вернулась в больницу. Во время объяснения со старшей сестрой Р. увидела в окне своего мужа. Он, живехонький, сидел на койке и глядел во двор.

В общем, дело разъяснилось. Оказалось недоразумение. Умер сосед по койке, а в канцелярии случайно отметили факт смерти не в

том листке.

Мы снова видим ошибку, недоразумение, оплошность. Причем ошибку в таком деле, в каком не должно быть ошибок. Это же не шутка, не пустяк – отметить, что человек умер, в то время, когда он жив. Этот пример показывает, что надо семь раз проверить, прежде чем начертать ответственные слова, относящиеся к человеку.

Следует сказать, что по сие время иной раз встречается такая небрежность, невнимательность, легкость в мыслях в тех делах, в которых требуется сугубая точность.

Общий отдел Красногвардейского исполкома в Ленинграде сообщает бойцу в ответ на его запрос о судьбе семьи: «Ваша жена и сестра умерли в 1942 году». Оказалось, что сестра жива. Она была эвакуирована из Ленинграда.

Красноармеец Иванов просил сообщить ему, где находится его мать. Отдел отвечает: «Мать умерла, а вещи все раскрадены».

Иванов не запрашивал о вещах. Тем не менее отвечающий счел своей обязанностью помянуть и такую деликатную деталь, отметив при этом, что вещи не пропали, а именно раскрадены. Быть может, он хотел внести успокоение, хотел, чтобы Иванов перестал тревожиться о вещах, поскольку их уже нет.

Дальнейшее показало, что мать Иванова жива и вещи целы.

Можно себе представить, какую печаль испытал товарищ Иванов, получив первое извещение!

Ответы следует тщательно проверять. И писать их следует культурной, грамотной рукой. Не годится, например, что военный служащий Скворцов получил такой ответ на свой запрос о семье: «По указанному адресу дом сломан».

Ошибочные, небрежные, неточные, легкомысленные ответы говорят прежде всего о непродуманном, невнимательном отношении к человеку.

И такого рода примеры тем более досадны, что рядом с ними мы все чаще и чаще видим примеры внимания, заботы, предупредительности, которая волнует и глубоко радует.

Перед нами письма, адресованные ленинградской городской милиции. Они написаны в знак благодарности за бережное и трогательное отношение к детям.

Надо сказать, что ленинградская милиция сделала в этом отношении немалое дело. В тяжелый период 1941-43 годов милиция подбирала на улицах ребят, кормила их, заботилась о них. Более трех тысяч детей возвращено родителям.

При милиции был организован специальный детский адресный стол, на учете которого состоят тридцать две тысячи ребят.

Со всех концов Союза идут письма в адрес этого стола. Один из бойцов пишет:

«От всей души приношу благодарность за проявление внимания... Если бы вы знали, как это помогает бить фашистов».

Нет сомнения, чуткое отношение к людям вливает в них силу, энергию, радость. И они в свою очередь становятся внимательны и проявляют заботу и бережное отношение к окружающим.

Фотокарточка*

В этом году мне понадобилась фотокарточка для пропуска. Не знаю, как в других городах, а у нас на периферии за-сняться на карточку не является простым, обыкновенным делом.

У нас имеется одна художественная фотография. Но она помимо отдельных граждан снимает еще группы и мероприятия. И, может быть, поэтому слишком долго приходится ждать получения своих заказов.

Так что, являясь скорее отдельным лицом, чем группой или мероприятием, я побеспокоился заранее и заснял за два месяца до срока.

Когда мне подали мои фотокарточки, я удивился, как непохоже я вышел. Передо мной был престарелый субъект совершенно неинтересной наружности.

Я сказал той, которая подала мне карточки:

– Зачем же вы так людей снимаете? Смотрите, какие полосы и морщины проходят сквозь все лицо.

Та говорит:

– Обыкновенно снято. Только надо учесть, что у нас ретушер на бюллетене. Некому замазывать дефекты вашей не фотогеничной наружности.

Фотограф, находясь за портьерой, говорит:

– А чем он там еще, нахал, недоволен?

Я говорю:

– Неважно сняли, уважаемый. Изуродовали. Разве ж я такой?

Фотограф говорит:

– Я опереточных артистов снимаю, и то они настолько не обижаются. А тут нашелся один такой – морщин ему много... Объектив берет слишком резко, рельефно... Не знаете техники, а тоже суетесь быть критиком.

Я говорю:

– На что ж мне рельеф на моем лице – войдите в положение. Мне бы, говорю, просто сняться, как я есть. Чтоб было на что глядеть.

Фотограф говорит:

– Ах, ему еще глядеть нужно. Его же сняли, и он еще на это глядеть хочет. Капризничает в такое время. Дефекты видит... Нет, я жалею, что я вас так прилично снял. В другой раз я вас так сниму, что вы со стоном на карточки взглянете.

Нет, я не стал с ним спорить. Неважно, думаю, какая карточка на пропуске. И так все видят, какой я есть.

И с этими мыслями являюсь в отделение. Сержант милиции стал лепить карточку на мой пропуск. После говорит:

– По-моему, на карточке это не вы.

– Где же, говорю, не я. Уверяю вас, это я. Спросите фотографа. Он подтвердит.

Сержант говорит:

– Всякий раз фотографа спрашивать, это что и будет. Нет, я хочу на карточке видеть данное лицо, без вызова фотографа. А тут я наблюдаю совсем не то. Какой-то больной сыпным тифом. Даже щек нет. Пойдите переснимитесь.

– Товарищ, говорю, начальник, войдите в положение...

– Нет, нет, говорит, и слышать ничего не хочу. Переснимитесь.

Бегу в фотографию. Говорю фотографу:

– Видите, как слабо снимаете. Не наклеивают вашу продукцию.

Фотограф говорит:

– Продукция самая нормальная. Но, конечно, надо учесть, что для вас мы не засветили полную иллюминацию. Снимали при одной лампочке. И через это тени упали на ваше лицо, затемнили его. Однако не настолько они его затемнили, чтоб ничего не видеть. Эвон как уши у вас прилично вышли.

– Ну хорошо, говорю, уши. А щеки, говорю, где? Уж щеки-то, говорю, должны быть как принадлежность человеческого лица.

Фотограф говорит:

– Не знаю. Ваших щек мы не трогали. У нас свои есть.

– Тогда, говорю, где же они, мои щеки? Я, говорю, две недели провел в доме отдыха. Четыре кило веса прибавил. А вы тут одной своей съемкой черт знает что со мной сделали.

Фотограф говорит:

– Да что, я себе взял ваши щеки, что ли? Кажется, вам ясно говорят – затемнение упало на них. И через это они не получились.

Я говорю:

– А как же тогда без щек?

– А, говорит, как хотите. Переснимать не буду. Всех переснимать – это я премии лишусь и плана не выполню. А мне план дороже вашей нефотогеничной наружности.

Посетители говорят мне:

– Не нервируйте фотографа. А то он еще хуже будет людей снимать.

Один из посетителей говорит мне:

– Уважаемый, бегите на рынок. Там фотограф «Пушкой» снимает.

Бегу на рынок. Нахожу фотографа. Тот говорит:

– Нет, я снимаю только со своей бумагой. Без бумаги лучше не являйтесь ко мне, все равно снимать не буду. А с бумагой сниму. И если у вас есть перина – тоже сниму. Ко мне тетя из Барнаула приехала – ей спать не на чем.

Я было хотел уйти, но тут слышу, какой-то продавец меня к себе кличет. Говорит:

– Давай подходи к моему магазину. Имею готовую продукцию.

Смотрю, у него на газете разложены всякие разные готовые фотографии. Их штук триста. Продавец говорит:

– Выбирай себе любую и делай с ней что хочешь. Хоть на лоб себе наклеивай. Погоди, я тебе сам подберу. Тебе как – по размеру или по сходству?

– По сходству, говорю. Только, говорю, выбирай такую, чтоб щеки были.

Тот говорит:

– Можно и со щеками. Но только они будут дороже на пять рублей. На, прими вот эту фотокарточку. Лучше ее не найти. И щеки есть, и нельзя сказать, чтоб сходство начисто отсутствовало.

Я заплатил тридцать рублей за две фотокарточки и пошел в отделение.

Сержант милиции стал лепить мою карточку. После говорит:

– Так ведь это ж баба.

– Где же, говорю, баба. Мужчина в пиджаке. Сержант говорит:

– Где же, к черту, мужчина, если у него на груди брошка.

Через эту брошку я и замечаю, что это баба.

Поглядел я на фотокарточку – вижу, действительно женщина. Маркизетовая кофточка под пиджаком. На груди брошка с пейзажем. А

прическа мужская. И щеки мои.

Сержант говорит:

– Явитесь сюда с настоящими карточками. Но если вы еще раз предъявите мне женскую или детскую фотокарточку, то вряд ли отсюда выйдете, поскольку у меня мелькают подозрения, что вы хотите скрыться под чужой наружностью.

Целую неделю я провел как в тумане. Хлопотал, где бы сняться. На восьмой день, беседуя с фотографом, я почувствовал себя худо. И тогда они вынесли меня в сад и положили на траву, чтоб там меня овеял свежий воздух. Придя в себя, я пошел в отделение. Положил на стол свои первые фотокарточки без щек и сказал сержанту:

– Вот все, что я имею, товарищ начальник. И больше ничего не предвидится.

Сержант поглядел на карточки, потом на меня и говорит:

– Вот теперь ничего себе получилось. Похожи.

Я хотел сказать, что я и не переснимался вовсе. После взглянул на себя в зеркало – действительно, вижу, есть теперь некоторое сходство. Получилось.

Сержант говорит:

– И хотя на карточке вы немного более облезлый, чем на самом деле, но, говорит, я так думаю, что через год вы сравняетесь.

Я говорю:

– Я раньше сравниюсь, поскольку мне нужно еще сниматься для проездного документа, для членского билета и для посылки фотокарточек моим родственникам.

Тут сержант наклеил мою фотокарточку и горячо поздравил меня с получением пропуска.

Затемнение в Ново-Анненском*

О загсах у нас писали немало. Пожалуй, нет фельетониста, который не пробовал своих сил на загсовскую тему. На эту тему и с моего грешного пера сошло в свое время не менее шести фельетонов.

Понятно. Естественно. Всем желательно, чтобы немаловажные акты гражданского состояния (и в особенности бракосочетание) проходили по-человечески, хорошо. И чтобы в помещении было чистенько. И чтобы к жениху отнеслись культурно. И чтобы невеста осталась довольна происходящим.

А поскольку иной раз оно не случается, то вот и понятна та горечь, которая возникала, когда речь заходила о загсах.

Надо сказать, однако, что фельетонисты в особенности почему-то налегали на будничную обстановку в загсах, на унылый канцелярский стиль и на отсутствие торжественности при записи браков.

Конечно, некоторая торжественность тут желательна, но придумывать что-нибудь такое исключительное, по-моему, не приходится. По-моему, лишнее, если при регистрации будет греметь духовой оркестр или если невесте будут преподносить коробку конфет. Кушать конфеты и слушать музыку можно, вообще говоря, и потом.

В общем, немало горьких слов было произнесено по адресу загсов. И слова эти, как теперь выясняется, находили живейший отклик в душе тов. Ильина, инструктора рай-бюро загса Ново-Анненского района (Сталинградская область).

Ему тоже казалось, что записи совершаются слишком уж буднично, заурядно и ничего не оставляют в сердцах жениха и невесты.

И вот пришла ему простая, в сущности, мысль, – устраивать торжественные митинги перед записью. Такая простая, как мычание, мысль взволновала инструктора. Ему вдруг показалось, что именно этого и не хватает при регистрации браков.

Сам он, конечно, не посмел на свой страх и риск вводить такое начинание. Он сходил в райисполком и там тщательно проконсультировался.

В райисполкоме уважительно отнеслись к идее инструктора. Зам. предисполкома тов. Чернышев несколько даже развил идею, уточнив ее в некоторых деталях. Он сказал: такой торжественности не будет, если митинги устраивать вдвоем в полутемном загсе. Нет, уж лучше жениха и невесту подводить прямо к зданию райисполкома, и тогда в ненастную погоду я буду сам произносить речь из окна, а когда сухо, я буду влезать на грузовик с тем, чтобы, стоя, произнести то, что нужно.

Воодушевленный горячей поддержкой, инструктор Ильин вернулся в свой загс и стал хлопотать, чтобы поскорее что-нибудь было.

Нет, мы, конечно, не знаем, какие мысли посещали инструктора в те дни, решающие судьбу загса. Но можно допустить, что ему уже мерещилась какая-нибудь медаль, отлитая в честь его изобретения, какая-нибудь хотя бы цинковая медаль со скромной, но выразительной надписью: «За усердие не по разуму». В общем, скоро состоялась первая и, так сказать, показательная свадьба.

По центральной улице поселка с грохотом промчалось несколько подвод и автомобилей, разукрашенных ленточками и цветами.

У здания райисполкома свадебный поезд остановился.

На крыльцо вышел тов. Чернышев. (Заметьте – дождя не было.) Он влез на грузовик и произнес краткую речь, в которой, между прочим, сказал:

– Торжественный митинг по случаю бракосочетания гражданина Н. и гражданки НН. считаю открытым.

Грянул духовой оркестр. И тут один за другим стали выступать ораторы, произнося соответствующие речи.

Нет, мы не знаем, как чувствовали себя жених и невеста. И не знаем, участвовал ли жених в словопрениях. Или он стыдливо сидел в грузовике, утешая свою невесту тем, что вся «эта музыка», вероятно, скоро кончится. Нет у нас сведений также и о мальчишках. Надо полагать, что они тоже поналезли в грузовик и своим поведением внесли в торжество свою долю шума и грохота.

Известно только, что сам председатель райисполкома на улицу не вышел. Стоя у открытого окна, он со снисходительной улыбкой взирал на происходящее, аплодируя по временам тому или иному оратору.

Наконец, утомленного жениха и не менее утомленную невесту повезли в загс.

Было бы крайне обидно инструктору, если бы торжественная часть произошла только у здания райисполкома. Поэтому, привезя жениха и невесту в загс, инструктор открыл тут второй торжественный митинг, что ему вполне удалось, так как при записи присутствовали представители различных организаций.

Сам инструктор взял слово только лишь в самом конце. Он произнес прочувствованную речь, которую заключил словами:

– Именем закона объявляю брак вступившим в силу.

Засим все вышли на улицу. И тут состоялся уже, так сказать, летучий митинг, на который подоспел и сам тов. Чернышев. Причем, заключая торжество, он сказал:

– От своего имени, а также имени местной советской власти приветствую новообрученных. Пожелаем же им счастливой жизни.

Тут снова грянул духовой оркестр и новообрученных повезли куда-то, я не знаю, еще.

Нет, все это, пожалуй, даже трогательно, и во всем этом есть сердечное желание сделать все получше, покрасивее. Но получилось все, к сожалению, наоборот.

Мы не против того, чтобы браки совершались торжественно. Но такое торжество, какое предложил инструктор, это уж, знаете ли, слишком. Это уж ни к чему...

Золотая корова^{*}

Весьма сожалею, что наш маленький фельетон приходится озаглавить столь скромно и невыразительно: «Золотая корова». Более яркие заглавия, как, например, «Золотой осел» и «Золотой теленок», были уже использованы нашими предшественниками.

А впрочем, и такое заглавие годится, тем паче, что речь пойдет главным образом о коровах и только лишь частично о телятах.

Жизнь коров, как известно, страхуют. И владелец коровы получает от Госстраха премию, если корова его погибнет преждевременно. Я не знаю, какова премия, которую выплачивали в Киргизии. Во всяком случае, начальник джалалабадской конторы Киргизстраха тов. Мартыщенко не был доволен ее размерами. Говорят, он сетовал на то, что на премию нельзя купить корову по рыночной цене.

Тов. Мартыщенко самовольно определил новый размер премии – в двадцать тысяч. И в районах стали заново страховать коров, мотивируя их высокую цену особой молочной продуктивностью и племенными качествами. Узнав об этом новаторстве, Киргизстрах сделал тов. Мартыщенко выговор. Вмешались и другие организации, кои указали: не делать сего впредь.

Неизвестно, как на тов. Мартыщенко подействовали указания. Известно только, что семена, брошенные его щедрой рукой, дали изумительные всходы. Встрепенулись любители легкой наживы. Едва только человек застрахует свою корову, а она уже, как говорится, дышит на ладан и вскоре околевает, к великой радости своего владельца.

В Базар-Курганском районе, выполняя установки своего начальника, страховой инспектор довел премию чуть ли не до тридцати тысяч. Сумма эта оказалась роковой для многих коров. У Искандарова Мамыкая корова, как означено в акте, «отравилась неизвестным ядом». На поверку же вышло, что корова жива, а погиб во цвете лет ее невинный теленок. За одного теленка Искандаров и собирался получить свои двадцать-тридцать тысяч.

Некто Рахимов Хаджимат почему-то решил, что Госстрах выплачивает буквально за каждую зарезанную корову. И с этими

мыслями Рахимов в один прекрасный день прирезал свою буренку. Мясо он продал на базаре, а шкуру приложил к заявлению о выплате ему означенной суммы. И заявление вручил райстрахинспектору!

В общем, за короткое время областная контора Госстраха выплатила страховых премий за коров свыше четверти миллиона рублей.

Еще хорошо, что тов. Мартыщенко работает только в областном масштабе. А если бы он действовал в масштабе всей Киргизии? Каково пришлось бы киргизским коровам?

Опасное лекарство^{*}

Интересно отметить, что водка появилась сравнительно недавно – шестьсот лет назад. Причем она появилась в качестве лекарства.

Врачи прописывали ее слабым больным для поднятия душевной бодрости, а также с профилактической целью – против чумы и холеры.

Причем прописывали ее помалу, как это и полагается в медицине, – по столовой ложке два раза в день.

Но вскоре больные сами увидели, что это такое. И в короткое время опрокинули, как говорится, все медицинские нормы. Уже столовые ложки их стали не удовлетворять. Уже родственники и врачи стали замечать, что больные тянут лекарство прямо из пузырька, прямо из горлышка. Причем шумят и требуют закуски.

И это был опасный поворот в истории человеческой жизни, когда больные обнаружили вдруг такое исключительное внимание к своему лекарству.

Главное, с другими лекарствами этого не случалось. На-шатырно-анисовые капли как были каплями, так ими и остались. Больные к ним не пристрастились. А с этим лекарством произошло что-то особенное. И даже в дальнейшем случилась просто неразбериха. Уже это лекарство стали пить почему-то здоровые. А больных снова посадили на диету, сказав, что это лекарство им бесполезно.

И теперь водка как лекарственное понятие совершенно исчезла из человеческой памяти. Единственным напоминанием остается восклицание: «Будьте здоровы», – что произносят здоровые люди теперь перед тем, как выпить.

Впрочем, справедливость требует отметить, что и в настоящее время находятся слабые люди, которые не прочь отнестись к водке как к медицинскому пособию – «для храбрости», «для поднятия душевной бодрости». Однако положительные результаты от такого лечения слишком сомнительны. И особенно сомнительны в области театрального искусства.

Артист, находясь «под мухой», как правило, играет ненатурально, переигрывает, суетится, кричит.

Короче говоря, вот какое печальное происшествие случилось в одном морском клубе.

Сейчас, как известно, проходит смотр художественной самодеятельности. И вот одно учреждение подготовило отличную программу. У них был свой оркестр, хор. Прекрасный баянист. Поэты.

В зале собралось много народа. В гости пришли рабочие и работницы судоремонтных мастерских. В первых рядах сидело начальство. В общем – большой торжественный вечер. И вот один из участников самодеятельности, некто Т., перед поднятием занавеса почувствовал душевное волнение. Решил «для храбрости» выпить. Достал водки. Выпил.

Тут подошел его номер – «Ритмический танец». Заиграла музыка. Отличный танцор, он на этот раз ничего не мог показать из своих творческих достижений. С первых же тактов полностью разошелся со своим партнером. И, кое-как дотанцевав, удалился под смех публики.

За кулисами он стал готовиться к новому номеру. Выпил уже «для поднятия творческого настроения».

Вышел на сцену танцевать «Яблочко». И тут снова разошелся со своим партнером. На этот раз уже с тремя.

В мрачном настроении артист удалился за кулисы. Решил еще выпить. Уже «с горя». Тут подошел третий его номер – белорусский танец «Лявониха».

На беду в этом танце участвовало восемь человек. Наш герой сразу же запутался среди них. Стал соваться не к тем партнерам, внес замешательство в их ряды, стал хвататься за декорации. Его не без труда увели со сцены.

А предстояло еще играть в скетче. Прибегают устроители и видят, что играть он не может – на голову надевает брюки, а на ноги тельняшку. Но при этом хорохорится. «Сейчас, говорит, переоденусь и сыграю в лучшем виде».

Но тут, к счастью, оказалось, что его партнер по скетчу тоже «не в себе». И поэтому скетч сняли с программы.

Вот теперь и рассудите, полезно ли для театрального искусства прибегать к такого рода «лекарствам».

Нет, выпивка перед поднятием занавеса просто возмутительна. А если еще учесть, что происходил смотр художественной

самодеятельности, то выпивать, хотя бы и для храбрости, – это просто свинство.

Происшествие на Олимпе*

Начинающий писатель М. написал рассказ под названием «Качает».

Сюжет рассказа не бог весть какой. Служащие столовой везут на пароходе инвентарь своего предприятия, которое эвакуируется. Пароход подрывается на mine и тонет. Однако удается спасти все, вплоть до последней вилки.

Этот свой рассказ М. отдал на рассмотрение в литературную консультацию при Н-ской районной газете.

Рассказ понравился в консультации. Начинаящего автора поздравили с успехом и три часа с ним беседовали, поправляя рассказ, с тем, чтобы он достиг, так сказать, своего художественного потолка.

Беседуя с автором, редактор консультации сказал ему:

– Рассказ ваш проникнут оптимизмом и глубокой верой в людей, и поэтому вдвойне досадно, что пароход ваш тонет. Должно быть, хороший пароход, вероятно, не маленький, а он так непростительно у вас тонет. Получается как-то не любовно к предметам и людям.

Потупив очи, писатель сказал:

– Пароход-то у меня совсем небольшой...

– А хоть бы и небольшой, – сказал редактор, – а все-таки это пароход. На него и деньги затрачены, и труд... Нехорошо получается... Может, у вас, чего доброго, и жертвы есть?

– Нет, жертв у меня нет, – сказал писатель. – У меня все спаслись... Если хотите, я могу даже это подчеркнуть.

– Нет, подчеркивать не надо, – сказал редактор. – Именно тогда-то читатель и скажет: «А, подчеркнул, значит, есть жертвы»... Нет, не следует, чтоб пароход тонул...

Начинаящий писатель смущенно сказал:

– Но ведь это же только рассказ... Это же не по-настоящему гибнет пароход...

– Что значит «не по-настоящему»? – сказал редактор. – На что же такое произведение, которое не отражает подлинной жизни? Нет, вы пишите так, чтобы жизнь отражалась, как в капле воды. И учтите, что читатель переживает, видя, что водный транспорт теряет, так сказать,

одну свою единицу... Нет, уж лучше вы парохода вообще не трогайте. Замените его чем-нибудь...

– Так чем же его заменить? – с беспокойством сказал писатель. – Может быть, баркой?

– Нет, баркой тоже нехорошо, – сказал редактор. – Барки сейчас очень и очень нужны Госречпароходству... Замените чем-нибудь таким, я бы сказал, небольшим...

– Может, буксир взять? – спросил писатель.

Редактор отрицательно покачал головой.

– Буксир – это тот же пароход, – сказал он. – Буксир я вам не советую брать.

Писатель возвел свои очи к потолку, стараясь припомнить самые малые плавающие единицы.

– Катер, может быть, взять, – пробормотал он. – Уж катер-то – это совсем небольшое, едва, так сказать, плавает...

Редактор потер свою переносицу и, обратившись к сотруднице консультации, сказал ей:

– Как ты думаешь, Катя, если он катер себе возьмет?

Пожав плечами, Катя сказала:

– Нет, катер не следует брать. Катер обычно людей спасает, и гибель катера может вызвать плохую реакцию у читателя... Пусть он лодку себе возьмет.

– А в самом деле, – сказал редактор, – возьмите себе обыкновенную лодку и дуйте на ней.

Слегка побледнев от обиды, писатель сказал:

– На что же мне обыкновенная лодка? У меня же народу много. Около тридцати человек. Как я их всех повезу?..

Не глядя на писателя, Катя сказала:

– То есть прямо беда с этими начинающими писателями. Они не соображают, что количество людей зависит от них.

Редактор сказал:

– А верно. Вы же художник и, так сказать, творец. Вы же этим распоряжаетесь. Возьмите себе поменьше народу. Столько, чтобы им в лодку сесть.

– Ну хорошо, допустим, я возьму меньше народу, – неуверенно сказал писатель, – а как же я имущество повезу?

Ведь они же у меня весь инвентарь с собой везут... Одних столов у них штук двадцать.

– Да столов-то вам за каким чертом столько! – раздражаясь, сказал редактор.

– Так ведь они же у меня все оборудование везут, – чуть не плача, пробормотал писатель. – Ведь если взять не все, то не будет такой острой проблемы. Будет самый обыкновенный рассказ.

Катя сказала:

– Да вы возьмите себе большую рыбацкую лодку. И как-нибудь там сложите все ваше имущество.

Редактор сказал:

– Конечно. Вы же художник. И, значит, как-нибудь там и уложите.

– А столы?

– Что столы?.. Ах да... Столы еще у вас... – сказал редактор. – Ну а столы... столы пускай... по воде плывут...

– В крайнем случае, – сказала Катя, – вы свяжите их веревкой, и пусть они рядом с лодкой плывут. Пусть кто-нибудь на корме сидит и держит эту веревку.

– Конечно, – сказал редактор. – Пусть они, так сказать, рядом с лодкой... Ведь, надеюсь, у вас деревянные столы... Не каменные, черт бы их драл...

– Ну деревянные, – сказал писатель с дрожью в голосе. – А рояль куда же я дену... Ведь они же еще у меня рояль везут...

– А рояль-то за каким чертом вы с собой берете! – воскликнул редактор, потеряв наконец терпение.

Снова побледнев от обиды, писатель сказал:

– Рояль у меня самое ударное место, поймите... Ведь ради него я и за рассказ взялся...

Катя не без едкости сказала, обращаясь в пространство:

– Да пусть он поступает, как хочет. Наше дело подтолкнуть его творческую мысль... Пусть он хоть на рояле верхом плывет. Все равно ему до Чехова далеко.

Редактор встал и, заканчивая аудиенцию, сказал:

– В общем, поправьте рассказ так, как мы вам посоветовали. И зайдите через недельку. Посмотрим, что у вас получилось.

Через неделю начинающий писатель М. принес свой исправленный рассказ. Редактор сказал:

– Получилось плохо. Нехудожественно. И главное, не правдиво. За каким-то чертом рояль в лодке везут...

Катя сказала:

– Как-то не веришь в ваши столы и в этот ваш рояль...

Взяв рассказ, писатель уходит.

И вот прошло несколько месяцев после этого происшествия.

На днях я получил по почте два варианта рассказа «Качает» и длинное письмо начинающего писателя М.

В своем письме М. пишет:

«Я убедительно прошу вас сличить эти два варианта моего рассказа. И вы увидите, как может плохой и неопытный редактор испортить хорошее произведение. Вот где, по-моему, беда нашей литературы. И вот где, быть может, причина отставания нашей литературы от других высоких производств...»

Не без интереса я стал сличать два варианта.

Действительно, второй вариант из рук вон плох. Какая-то жалкая пародия, а не рассказ.

Читаю первый вариант, не тронутый грубой рукой редактора. С удивлением вижу, что и этот вариант никуда не годится. Слабенький, убогий рассказец, который надо было тотчас вернуть автору.

Печальное, я бы сказал, происшествие на нашем литературном Олимпе.

Комментарии

Список условных сокращений

В осп. – Вспоминая Михаила Зощенко / Сост. и подг. текста Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1990.

ИП – Зощенко Мих. Избранные повести. Л., Гослитиздат, 1936.

Избр. 1939 – Зощенко Мих. Избранное. Л., ГИХЛ, 1939.

Избр. 1946 – Зощенко Мих. Избранные произведения. 1923–1945. Л., ГИХЛ, 1946.

Лицо и маска – Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., Олимп – ППП, 1994.

Летопись – Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский // Лицо и маска. С. 340–365.

Личная жизнь – Зощенко Мих. Личная жизнь. Л., ОГИЗ ГИХЛ, 1934.

Мат 1 – Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб, Наука, 1997.

Мат 2 – Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб, Наука, 2001.

Мат 3 – Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб, Наука, 2002.

Рассказы 1935–1937 – Зощенко Мих. 1935–1937. Рассказы, повести, фельетоны, театр, критика. Л., Гослитиздат, 1937.

Рассказы 1937–1938 – Зощенко Мих. Рассказы. 1937–1938. Л., Советский писатель, 1938.

Рассказы 1940–1945 – Зощенко Мих. Фельетоны. Рассказы. Повести. 1940–1945. Л., Лениздат, 1946.

Рассказы 1959 – Зощенко Мих. Рассказы и повести. 1923–1956. Л., Советский писатель, 1959.

СС 6 – Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 6 т. Л.-М., Прибой – Гослитиздат, 1929–1932.

СС 3 – Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подг. текста, прим. Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1986–1987.

УГ – Зощенко Мих. Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии / Изд. подг. М. З. Долинским. М., Книжная палата, 1991.

В четвертом томе публикуются рассказы и фельетоны 1932–1946 гг. Он непосредственно продолжает линию малой прозы Зощенко, собранной в первых двух томах собрания сочинений. Однако объем этой прозы и ее место в творчестве писателя существенно изменяются. В двадцатые годы большие жанровые формы («Сентиментальные повести») воспринимались на фоне Зощенко-рассказчика. В тридцатые – первой половине сороковых годов малые жанры занимают более скромное место. Зощенко, занятый работой над «Возвращенной молодостью», историческими повестями и «Ключами счастья» («Перед восходом солнца»), либо создает из них новое структурное образование («Голубая книга»), либо чисто механически объединяет их в сборники.

Как и в первые тома, в данный том тоже включены несколько рассказов, позднее, в новых редакциях, вошедшие в «Голубую книгу». Из известных, зафиксированных библиографами, произведений за пределами данного тома осталось около десятка малозначительных журнальных и газетных публикаций.

С луны свалился^{*}

Впервые – Вечерняя Москва. 1932. 11 ноября. Заглавие: Юмористический рассказ.

Печ. по: Личная жизнь. С. 52–56.

Под заглавием «История с переодеванием» вошел в «Голубую книгу» (раздел «Неудачи») сокращенным более чем в два раза и существенно отредактированным (см. т. 5).

Испытание героев^{*}

30 дней. 1933, № 1.

Печ. по: Личная жизнь. С. 22–28.

Авторская датировка: 1932.

Я имел командную должность – инструктор по кролиководству и куроводству. – Автобиографическая деталь: в декабре 1918 – январе 1919 гг. Зощенко работал на этой должности в Смоленской губернии.

III Интернационал (Коммунистический Интернационал, Коминтерн) – международное объединение коммунистических партий, центр которого находился в СССР; существовало в 1919–1943 гг.

Стек – хлыст, применяемый при верховой езде.

Врачевание и психика^{*}

Огонек. 1933. № 2.

Публиковался также под заглавием «Врачевание психики».

Печ. по: Личная жизнь. С. 38–43.

Зеленая банда – условное название нерегулярных отрядов, которые в эпоху гражданской войны укрывались в лесах и воевали как с красными, так и с белыми войсками.

Дела и люди^{*}

Крокодил. 1933. № 5. Подпись: Михал Михалыч.

Печ. по: УГ. С. 433–434.

Кража^{*}

Крокодил. 1933. № 7.

Печ. по: Личная жизнь.

По мотивам рассказа написана одноактная комедия «Неудачный день» (1933). Включен в «Голубую книгу» (раздел «Коварство») под заглавием «Интересная кража в кооперативе» со значительно измененными вступлением и концовкой (см. т. 5).

Западня^{*}

Крокодил. 1933. № 8.

Печ. по: Личная жизнь. С. 12–15.

Аттила (?-453) – вождь гуннов с 434 г., совершил несколько опустошительных походов в Восточную Римскую империю.

Грустные глаза^{*}

Крокодил. 1933. № 13.

Печ. по: Личная жизнь. С. 48–51.

Авторская датировка: 1932.

От ямщика... И муз – сокращенная цитата из XV строфы поэмы А. С. Пушкина «Домик в Коломне» (1830). Запись «лесенкой» пародирует

Маяковского или кого-то из его подражателей: четыре неполных стиха превращены в тринадцать строк.

Какие у меня были профессии^{*}

Литературный Ленинград. 1933. 3 июля.

Публиковался также под заглавием «Удивительная профессия» (Избр. 1939).

Печ. по: Личная жизнь. С. 29–37.

Кролики^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Личная жизнь (сдано в набор 12 ноября 1933 г.). С. 127–129.

Понимать надо^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Личная жизнь. С. 129–131.

Так что, – говорит, – тут даже можно усмотреть в действиях вышеуказанного квартиранта некоторое вредительство на фронте пятилетки. – Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР осуществлялся в 1929–1932 гг.; это позволяет датировать рассказ началом 1930-х гг.

Учком – ученический комитет.

ФЗС – фабрично-заводская семилетка, общеобразовательная школа, существовавшая в СССР в 1926–1934 гг.

Варташевский^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Личная жизнь. С. 146–147.

Острогожск – город в Воронежской области (губернии).

Анна на шее^{*}

Крокодил. 1934. № 7.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 247–252.

Заглавие повторяет название рассказа А. П. Чехова (1895).

В письме редактору «Крокодила» М. З. Мануильскому (февраль 1934 года) есть автокомментарий к рассказу, связанный с задержкой

публикации: «Новелла моя „Анна на шее“ – скажу без пристрастия – первоклассная новелла, и почему она откладывается, мне непонятно. Идея там двойная: 1) милиционер полюбил девушку, потому что спас ее и 2) если бы давали медали за спасение, то любовь, быть может, и не состоялась» (Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 213).

Республиканский мост – официальное название Дворцового моста после Октябрьской революции; отменено в 1944 году.

Анна на шее – одна из наград Российской империи, орден Святой Анны второй степени, который носился на узкой ленте на шее.

Владимир с бантом – орден Святого Владимира четвертой степени, один из низших российских орденов.

Счастливый случай^{*}

Крокодил. 1934. № 10. Заглавие: Копайте дальше. Подпись: Михал Михалыч.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 372–373.

Главное-то – фабрика новая. Всего пущена к десятой годовщине. – Вероятно, имеется в виду десятилетие Октябрьской революции (1927).

Артисты приехали^{*}

Известия. 1934. 5 июля.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 373–375.

Неприятная история^{*}

Известия. 1934. 12 июля. Заглавие: Неприятная история, или не все золото, что блестит.

Существует одноименный рассказ 1927 г., позднее включенный в «Голубую книгу» под заглавием «Интересный случай в гостях» (См. т. 2 и т. 5).

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 375–378.

ГОРФО – городской финансовый отдел.

Усердие не по разуму^{*}

Известия. 1935. 9 апреля.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 171–143.

Авторская датировка: 1937.

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – видный государственный деятель, с 1922 г. председатель Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР, имел прозвище «Всесоюзного старосты» и репутацию защитника простых людей.

Об уважении к людям^{*}

Известия. 1935. 30 мая.

Публиковался также под заглавием «Уважение к людям».

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 381–384.

Порицание Крыму^{*}

Крокодил. 1935. № 17/18.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 388–390.

Мисхор – дачный поселок на южном берегу Крыма в 13 км от Ялты.

Парголово – железнодорожная станция и поселок на Выборгском направлении в 16 км от Ленинграда (Петербурга), дачная местность.

Пьяный человек^{*}

Известия. 1935. 16 июля.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 384–387.

Ударник – понятие, возникшее в 1930-е гг.: хороший, передовой работник социалистического производства.

Орден Красной Звезды – сравнительно свежая награда в СССР, учрежден 6 апреля 1930 г., вручался, главным образом, за военные заслуги.

На дне^{*}

Крокодил. 1935. № 26/27.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 252–255.

Заглавие повторяет название пьесы М. Горького (1903).

...*верхнюю рубашечку «зефир»* – рубашка из светлой шерстяной или хлопчатобумажной ткани с орнаментом в виде мелких клеток; считалась дорогой и престижной.

Водяная феерия^{*}

Крокодил. 1935. № 28/29.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 68–72.

Авторская датировка: 1935–1937.

Херувимы – вторая после серафимов ступень ангелов в небесной иерархии; изображались шестикрылыми и с множеством глаз.

Наше гостеприимство^{*}

Крокодил. 1935. № 30/31.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 390–393.

Единоличник – неологизм 1930-х гг.: крестьянин, не вступивший в колхоз и ведущий индивидуальное хозяйство.

Поездка в город Топцы^{*}

Крокодил. 1935. № 32.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 258–260.

Сказка жизни^{*}

Крокодил. 1935. № 35/36. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 393–396. *Пеперменты* – мятные лепешки.

Плохая жена^{*}

Вечерняя Москва. 1935. 30 декабря.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 261–264.

Займ (заем) – взятие государством денег у населения, постепенно возвращаемых в форме ежегодных розыгрышей облигаций.

Стенограмма речи, произнесенной на собрании нашего жакта от 28 января жильцом из квартиры № 7^{*}

Крокодил. 1936. № 5. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: УГ. С. 436–438.

Опубликовано в тематическом номере «Советская военная крокодилская энциклопедия в самом сокращенном виде» (раздел «Тыл»). Рассказ сопровождается кратким предисловием: «Учитывая выдающуюся роль тыла в условиях современной войны, редакция „Крокодила“ обратилась к признанному авторитету в этой области, популярному тылологу, заслуженному деятелю М. М.

Коноплянникову-Зуеву с просьбой прислать статью о тыле. Маститый деятель, загруженный сверх всякой меры текущей работой, не смог, к сожалению, принять непосредственного участия в составлении нашей энциклопедии, но любезно предоставил в наше распоряжение из своих архивов стенографически записанную речь, которую мы, слегка обработав, и предлагаем вниманию читателей».

Жакт – жилищное акционерное товарищество.

Лига Наций – международная организация, существовавшая между двумя мировыми войнами (1919–1939), целью которой было поддержание мира и сотрудничества между народами; СССР стал членом Лиги Наций в сентябре 1934 г.

ТБЦ – туберкулез.

Фрейд Зигмунд (1856–1939) – австрийский психолог и психиатр, основоположник психоанализа, метода анализа и лечения, к которому Зоценко проявлял пристальный интерес.

Архимед (ок. 287–212 до н. э.) – древнегреческий ученый; согласно легенде, был убит во время ученых занятий при взятии Сиракуз римским солдатом, которого он встретил словами: «Не трогай моих чертежей». Во время 2-й Пунической войны А. организовал инженерную оборону Сиракуз от римских войск.

Горе от ума^{*}

Известия. 1936. 14 февраля.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 396–399.

Заглавие повторяет название комедии А. С. Грибоедова (1824).

Почетный гражданин – привилегированное звание в императорской России, с 1832 г. дававшееся выходцам из духовенства и мещанства; ликвидировано в 1917 г.

Небрежность и легкомыслие^{*}

Правда. 1936. 9 июля.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 399–402.

Чубаровщина – хулиганство, бандитизм. 21 августа 1926 г. в Ленинграде в районе Чубарова переулка на Лиговке несколько молодых людей совершили групповое изнасилование. После судебного процесса понятия «чубаровец», «чубаровщина» стали

нарицательными. Зощенко использует их уже в повести «Сирень цветет» (1930). См. также следующий фельетон.

Много шума из ничего^{*}

Известия. 1936. 9 июля.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 402–405.

Заглавие повторяет название комедии У. Шекспира (1598).

Истинное происшествие^{*}

Крокодил. 1936. № 24. Заглавие: Небольшое поучение.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 405–407.

Не пуцу^{*}

Крокодил. 1936. № 25. Заглавие: Другая картина.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 55–59.

Авторская датировка: 1936–1937.

Есть такая картина... Она называется «Не пуцу». – Речь идет о картине известного художника-передвижника Владимира Евгеньевича Маковского (1846–1920).

Дача Петра Свинцова^{*}

Крокодил. 1936. № 26.

Печ. по: УГ. С. 438–440.

Публиковалось также под заглавием «Большой сюрприз». *Зимогор* – «тот, кто остается зимовать вне Петербурга: в Шувалове, в Лесном, в Удельной, в Царском» (Вл. Даль).

Науку – на борьбу с шумом!^{*}

Крокодил. 1936. № 27. Подпись: Засл. деят. М. М. Конопляников-Зуев.

Печ. по: УГ. С. 440–443.

Позднее публиковался под заглавием «Еще о борьбе с шумом» (Зощенко Мих. 1935–1937. Л., 1937). Этот текст был существенно сокращен, однако в нем появился другой финал (см. далее).

Уэлс Герберт Джордж (1866–1946) – английский писатель, прославившийся, прежде всего, фантастическими романами.

И тут, конечно, начались шум и крики, которые еще более досаждают душу и ослабляют кровь. – В книжном варианте далее следует:

Вообще, в первую голову надо что-нибудь насчет радио придумать, а потом уже с новыми силами приняться за трамвай. Тем более что на поверку оказалось – выпущенный бесшумный трамвай довольно-таки порядочно шумит, как там его ни называй. Может быть, регулятор какой-нибудь придумать для радиоточек?

Ничего не скажу, радио – великое открытие, но уж очень оно, как бы сказать, в печенку въелось.

(ССЗ. Т. 2. С. 413)

Прощай, карьера^{*}

Вечерняя Москва. 1936. 29 сентября.

Печ. по: ССЗ. Т. 2. С. 407–411.

ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей; основано в 1925 г. с целью налаживания отношений СССР с другими странами.

История болезни^{*}

Крокодил. 1936. № 28.

Публиковался также под заглавием «История моей болезни».

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 149–153.

Лекпом – помощник лекаря.

В трамвае^{*}

Крокодил. 1936. № 29.

Публиковался также под заглавием «Облака».

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 29–32.

Авторская датировка (очевидно, неточная): 1937.

Троицкий мост – мост через Неву от Марсова поля на Петроградскую сторону, в советскую эпоху именовался мостом Равенства и Кировским (с 1934 года).

Нева со своим державным течением. – Реминисценция из поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833): «Невы державное течение,

Береговой ее гранит».

Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца... – цитата из стихотворения Пушкина «Утопленник» (1828).

Творчество и действительность^{*}

Крокодил. 1936. № 31. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: УГ. С. 443–444.

«*Грачи прилетели*» – название известной пейзажной картины Алексея Кондратьевича Саврасова (1830–1897), написанной в 1871 г.

Нетактично поступили^{*}

Крокодил. 1936. № 32.

Печ. по: УГ. С. 444–446.

Стрикулист (стрекулист) – ловкач, проныра, мелкий плут.

Спи скорей^{*}

Крокодил. 1936. № 32.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 274–277.

Опасные связи^{*}

Крокодил. 1936. № 36. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 281–284.

Заглавие повторяет название романа французского писателя Шодерло де Лакло (1782)

Значок ГТО – значок «Готов к труду и обороне», вручавшийся за сдачу спортивных норм.

Огни большого города^{*}

Известия. 1936. 7 ноября.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 52–55.

Авторская датировка: 1936–1937.

Заглавие повторяет название кинофильма Ч. С. Чаплина (1931).

В пушкинские дни^{*}

Крокодил. 1937. № 3 (Первая речь о Пушкине); № 5 (Вторая речь о Пушкине). Подпись: Заслуженный деятель М. М. Коноплянников-Зуев. Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 144–149.

Фельетон связан с широко отмечавшимся в начале 1937 года столетием со дня гибели А. С. Пушкина. Этой дате Зощенко также посвятил «Шестую повесть Белкина» (см. т. 5).

Лично мне нравятся его лирические стихи из «Евгения Онегина»: «Что ты, Ленский, не танцуешь» и из «Пиковой дамы» «Я хотел бы быть сучочком». – На самом деле цитируются арии из опер П. И. Чайковского. Либретто «Евгения Онегина» (1877) создано самим композитором и К. С. Шиловским. Ария Томского «Если б милые девицы...» в «Пиковой даме» (1890) написана на стихи Державина.

Столетняя дата. А там, глядишь, вскоре ударят и другие славные юбилеи – Тургенев, Лермонтов, Толстой, Майков и так далее... – На самом деле славные юбилеи И. С. Тургенева (1818–1883), М. Ю. Лермонтова (1814–1841), Л. Н. Толстого (1828–1910) и, вероятно, А. Н. Майкова (1821–1897) были уже отпразднованы и ближайших не предвиделось.

Скажи мне, ветка Палестины... – цитата из стихотворения Лермонтова «Ветка Палестины» (1837), написанного, по одной из мемуарных версий, во время следствия по делу о посвященном памяти Пушкина стихотворении «Смерть Поэта».

Вот бегают дворовый мальчик... – цитата из «Евгения Онегина» (глава 5, строфа II).

Откуда шум, неистовые клики?.. – неточная цитата из юношеского стихотворения Пушкина «Торжество Вакха» (1818).

Николай Палкин – распространенное недоброжелательное прозвище императора Николая I (1796–1855).

На улице^{*}

(«Давеча я шел по улице...») Крокодил. 1937. № 5.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 130–131.

Волынцы, семеновцы – служащие элитных полков императорской России.

Комсостав – командный состав.

Жалоба^{*}

Крокодил. 1937. № 6. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянни-ков-Зуев.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 284–286.

Размагниченный интеллигент – выражение, придуманное публицистом Николаем Александровичем Рубакиным (1862–1946) в одноименном очерке (1900) и подхваченное М. Горьким («О размагниченном интеллигенте», 1901): человек, потерявший «настроение», смысл жизни, нравственные ориентиры.

Двадцать лет спустя^{*}

Звезда. 1937. № 3.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 78–89.

Заглавие повторяет название романа А. Дюма-отца (1845), второй части трилогии о приключениях мушкетеров.

Тишина^{*}

Звезда. 1937. № 4.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 43–51.

Это была подлинная картина – «*Вся в прошлом*». – Героиня сопоставляется с персонажем картины художника-передвижника Василия Максимовича Максимова (1844–1911) «*Все в прошлом*» (1899).

В первые годы нэпа... – новая экономическая политика, нэп была объявлена в 1921 году, по решению 10 съезда партии и завершилась в середине 1930-х гг.

Матрос Деревенько – «дядька» больного гемофилией царевича Алексея, постоянно его сопровождавший.

Знаменитое землетрясение в Ялте... – разрушительное крымское землетрясение 11 сентября 1927 года, изображенное в рассказе Зощенко «Землетрясение» (1929; см. т. 2).

Парусиновый портфель^{*}

Крокодил. 1937. № 10.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 59–64.

На основе рассказа написана одноименная комедия в трех действиях (1939).

О бытовой основе рассказа вспоминала В. В. Зощенко (зима 1935–1936 гг.): «Кстати, забавная подробность. Борис (близкий знакомый В. В. Зощенко – И.С.) обычно приходил ко мне вечером, очевидно, прямо со службы, и свой портфель обычно оставлял в передней на подзеркальнике... Михаил как-то обратил на это внимание и смеялся – врет, очевидно, жене, что задерживается на службе, на сверхурочной работе или на заседаниях. И вот, из этой ситуации он „оттолкнулся“ в своем рассказе „Парусиновый портфель“, как у него часто бывало – берет какой-нибудь реальный факт – и к нему досочиняет... обычный метод его работы» (Мат 3. С. 24–25).

Арап – здесь: ловкач, пройдоха.

Веселая игра^{*}

Красная газета. 1937. 1 мая.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 305–308.

Дома и люди^{*}

Крокодил. 1937. № 15.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 119–121.

Пожар^{*}

Крокодил. 1937. № 16. Заглавие: Загадочное преступление.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 5–8.

Публиковался также под заглавием «Уголовное дело».

Ранее публиковался еще один фельетон «Пожар» (1928, см. т. 2), позднее появился рассказ «Пожар» (Нева. 1956. № 6).

Я вижу, что мне тут все-таки хотят пристегнуть 58-ю статью. – Речь идет о статье уголовного кодекса РСФСР «Контрреволюционные преступления», которая служила основным орудием политических репрессий.

Вынужденная посадка^{*}

Крокодил. 1937. № 17.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 9–12.

На Парнасе^{*}

Крокодил. 1937. № 18. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянни-ков-Зуев.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 159–161.

Сердца трех^{*}

Крокодил. 1937. № 24.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 15–20.

Заглавие повторяет название романа Д. Лондона (1920).

Федот, да не тот^{*}

Ленинградская правда. 1937. 2 августа.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 121–124.

Позднее был опубликован еще один текст под тем же заглавием (Крокодил. 1943. № 3), включенный в цикл «Никогда не забудете» (см. т. 7).

«Красная газета» – издавалась в Петрограде – Ленинграде в 1918–1936 гг.

Браки заключаются в небесах^{*}

Правда. 1937. 7 ноября.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 12–15.

Первую публикацию, отличающуюся от книжного варианта, см.: УГ. С. 454–456.

Встреча^{*}

Крокодил. 1937. № 31.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 26–29.

Под таким же названием публиковался другой рассказ (1928, см. т. 2).

Долг чести^{*}

Крокодил. 1937. № 32.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 124–127.

Шумел камыш^{*}

Крокодил. 1937. № 35/36.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 3–5.

Шумел камыш, деревья гнулись... Помята девичья краса... – Цитата из популярного с начала XX века жестокого романа; авторы неизвестны.

Благие порывы^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 131–134.

Авторская датировка: 1937.

Суждены нам благие порывы... – Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1863).

Каменное сердце^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 156–158.

Авторская датировка: 1937.

Сказка^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 153–155.

Авторская датировка: 1937.

Наркомзем – народный комиссариат земледелия. *Главзолото* – главный комитет золото-платиновой и серебряной промышленности.

Физика^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1935–1937. С. 271–273.

Новые времена^{*}

Звезда. 1938. № 1.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 37–42.

Вскоре под таким же заглавием было напечатано еще два фельетона (см. далее).

Заглавие рассказа повторяет название известного кинофильма Ч. Чаплина (1935).

Он был на редкость длинновязый, похожий в своем облике на одного киноактера из компании, может, знаете, Пат и Паташон. – Имеется в виду популярная комическая пара из фильмов датского

режиссера Л. Лауритцена в исполнении актеров Х. Мадсена и К. Шенстрема. В двадцатые годы Паташона изображал на эстраде Н. К. Черкасов.

...старинный цыганский романс, полный высшего значения: «Не уходи, побудь со мною». – Популярный городской романс «Не уходи, не покидай» (1900), слова М. П. Пойгина, музыка Н. Зубова, входил в репертуар В. Паниной.

Похвала транспорту^{*}

Крокодил. 1938. № 2.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 23–26.

Живые люди^{*}

Крокодил. 1938. № 11.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 324–326.

Людоед^{*}

Крокодил. 1938. № 12.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 326–329.

Бедный дядя^{*}

Крокодил. 1938. № 13.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 428–431.

Роза-Мария^{*}

Крокодил. 1938. № 14.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 329–332.

Валя^{*}

Крокодил. 1938. № 16.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 332–335.

Король золота^{*}

Огонек. 1938. № 10.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 72–78.

У него руки дрожали и взор пылал, когда он, как скупой рыцарь, перебирал и пересчитывал свои монеты. – Реминисценция из маленькой трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» (1830).

В огороде бузина, а в Киеве – дядя^{*}

Крокодил. 1938. № 17. Тематический номер «Экскурсия в Киев».
Печ. по: УГ. С. 471–473.

Поучительная история^{*}

Крокодил. 1938. № 18. Заглавие: Новые времена.
Печ. по: СС З. Т. 2. С. 443–145.

Последняя неприятность^{*}

Крокодил. 1938. № 19.
Печ. по: СС З. Т. 2. С. 335–338.

Приглашение в Ленинград^{*}

Крокодил. 1938. № 20.
Печ. по: УГ. С. 473–475.
Публикация сопровождалась послесловием «От редакции»:

«В яркой, хотя и довольно замысловатой форме заслуженный деятель М. М. Коноплянников-Зуев ставит вопрос о приморских красотах Ленинграда, а заодно – и о недостатках планировки и коммунальных устройств этого города. Однако, как мог заметить наш зоркий и бдительный читатель, в статье М. М. Коноплянникова-Зуева имеется ряд противоречий. Для того, чтобы дать читателю более широкие сведения по интересующему вопросу, редакция „Крокодила“ почти в полном составе выехала в Ленинград и свои впечатления изложит в следующем специальном номере „Путешествие „Крокодила“ в Ленинград“».

Этот номер так и не появился.

На улице^{*}

Крокодил. 1938. № 21.

Печ. по: УГ. С. 475–477.

Под тем же заглавием существует еще два фельетона (см. выше и ниже).

Гарун аль Рашид (Харун ар-Рашид, 766–809) – халиф, легенды о доброте и богатстве которого отразились в сказках «Тысячи и одной ночи»; прозвище *аль Рашид* означает «справедливый».

Была без радости любовь^{*}

Крокодил. 1938. № 22.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 433–437.

Была без радости любовь, Разлука будет без печали. – Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Договор» (1841). *Рабочком* – рабочий комитет.

О вывесках^{*}

Крокодил. 1938. № 23. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 437–439.

Клинический случай^{*}

Крокодил. 1938. № 26.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 439–442.

Новые времена^{*}

Крокодил. 1938. № 28/29.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 443–445.

Существует одноименный рассказ (см. выше).

Поминки^{*}

Крокодил. 1938. № 35.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 338–341.

С Новым годом^{*}

Крокодил. 1938. № 36. Заглавие: Новогоднее пожелание.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 445–447.

У подъезда^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: УГ. С. 478–480. Авторская датировка: 1938.

Публиковался также под заглавием «У парадного подъезда».

Услужливый дурак опаснее врага. – Цитата из басни И. А. Крылова «Пустынник и медведь» (1808).

Несчастный случай^{*}

Крокодил. 1939. № 6.

Печ. по: УГ. С. 480–483.

Под тем же заглавием в 1926 и 1927 гг. печатались еще два рассказа, первый позднее переименован в «Рачис» (см. т. 2).

Кочерга^{*}

Крокодил. 1939. № 16. Заглавие: Происшествие.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 341–344.

Сапоги^{*}

Крокодил. 1939. № 17.

Печ. по: УГ. С. 483–485.

Хорошая характеристика^{*}

Крокодил. 1939. № 24.

Печ. по: УГ. С. 486–488.

Испытание^{*}

Крокодил. 1940. № 13.

Печ. по: УГ. С. 488–490.

Его мобилизуют в Красную Армию и направляют на Карельский перешеек. – Намек на советско-финляндскую войну (ноябрь 1939 – март 1940 гг.).

На улице^{*}

Крокодил. 1940. № 14.

Печ. по: УГ. С. 491–493.

Существует два одноименных текста (см. выше).

Научная аномалия^{*}

Крокодил. 1940. № 16. Подпись: Заслуж. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 447–450.

Ночное происшествие^{*}

Крокодил. 1940. № 17. Подпись: Заслуж. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 450–452.

Все важно в этом мире^{*}

Крокодил. 1940. № 18. Подпись: Заслуж. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 452–454.

На всякий час ума не напасешься^{*}

Крокодил. 1940. № 22.

Печ. по: УГ. С. 493–495.

Коммерческая операция^{*}

Крокодил. 1940. № 23. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: УГ. С. 495–496.

Форд Генри (1863–1947) – американский промышленник, миллионер, имя которого в СССР стало нарицательным обозначением капиталиста.

Сынок и пасынок^{*}

Крокодил. 1941. № 1.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 151–157.

Авторская датировка: 1940.

Святая ночь^{*}

Журнальная публикация не установлена. Избр. 1946.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 165–169.

Авторская датировка: 1941.

Пчелы и люди^{*}

Звезда. 1941. № 1.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 169–175.

Авторская датировка: Март 1941.

Чингис-хан с самолетом^{*}

Крокодил. 1941. № 5.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 55–57.

Чингис-хан (ок. 1155–1227) – основатель и великий хан Монгольской империи, завоевавший многие государства и территории Средней и Юго-Восточной Азии.

Скандал в благородном семействе^{*}

Крокодил. 1941. № 25.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 57–59.

Гитлер (настоящая фамилия Шикльгрубер) *Адольф* (1889–1945) – глава немецкого фашистского государства, инициатор второй мировой войны и нападения на СССР, июнь 1941, покончил с собой в Берлине после вступления туда советских войск.

Муссолини Бенито (1883–1945) – фашистский диктатор Италии в 1922–1943 гг., союзник Гитлера, казнен итальянскими партизанами.

Геббельс Йозеф Пауль (1897–1945) – министр народного просвещения и пропаганды в фашистском правительстве, ближайший соратник Гитлера, как и он, покончил жизнь самоубийством.

Риббентрон Иоахим (1893–1946) – министр иностранных дел в фашистском правительстве, казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

Цицерон Марк Туллий (106 до н. э. – 43 до н. э.) – древнеримский политический деятель, оратор, писатель.

Нерон (37–68) – римский император с 54 г., известный своей жестокостью и развратностью, покончил жизнь самоубийством.

Своя рука – владыка^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 60–61.

Авторская датировка: 1941.

Фашисты учатся^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 61–63.

Авторская датировка: 1941.

Неожиданное признание^{*}

Крокодил. 1941. № 27. С. 4.

Печ. по первой публикации.

Фельетон не переиздавался.

Опасный поворот^{*}

Журнальная публикация не установлена. Избр. 1946.

Печ. по: УГ. С. 547–549.

Авторская датировка: 1941.

Заглавие повторяет название драмы английского писателя Д. Б. Пристли (1932, русский перевод – 1939).

Октябрьторгин – октябрьская торговая инспекция.

Рогулька^{*}

Крокодил. 1943. № 16.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 185–188.

Нашел, что искал^{*}

Крокодил. 1943. № 20.

Печ. по: Избр. 1946. С. 160–163.

Берегитесь!^{*}

Крокодил. 1943. № 21. Подпись: Заслуженный деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 457–459.

Фокин-Мокин^{*}

Крокодил. 1943. № 22/23.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 352–354.

Горькие размышления^{*}

Крокодил. 1943. № 30/31.

Печ. по: УГ. С. 549–551.

Наступает зима^{*}

Крокодил. 1943. № 32.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 459–461.

Добро пожаловать^{*}

Крокодил. 1943. № 34/35.

Печ. по: Избр. 1946. С. 166–169.

Однажды ночью^{*}

Крокодил. 1943. № 36.

Печ. по: СС З. Т. 2. С. 401–403.

Более чем грустно^{*}

Крокодил. 1943. № 37.

Печ. по: УГ. С. 551–553.

Обоюдное понимание^{*}

Советская авиация. 1943. 8 декабря.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 63–65.

Солдатские рассказы^{*}

Рассказы 1940–1945. С. 102–116.

Одновременно: Избр. 1946. С. 142–157.

Печ. по этому изданию.

Отдельные тексты цикла первоначально публиковались в журналах:

Крокодил. 1943. № 3 – Плохая земля.

Смена. 1943. № 5 – Могила немецкого солдата.

Огонек. 1943. № 10/11 – Стреляйте в меня; Сеанс для немцев.

Крокодил. 1943. № 24 – Катюша; Чучело.

В сборнике Рассказы 1959 (С. 175–185) цикл был сокращен на три рассказа, заголовки убраны и датировка под каждым текстом заменена общей: 1941–1943.

Дополнения к «Солдатским рассказам»^{*}

Федот, да не тот

Крокодил. 1943. № 3. С. 3. Под общим заглавием «Рассказы о войне» вслед за рассказом «Плохая земля», включенным в цикл «Солдатские рассказы».

Примечание к первому тексту: Рассказал старший сержант Н. Лучинский.

Примечание ко второму тексту: Рассказал партизан тов. В.

Печ. по первой публикации.

Позднее на ту же фабулу и с тем же заглавием Зощенко написал фактически иной рассказ, вошедший в цикл «Никогда не забудете» (см. т. 7).

Слабая психика Звереныш

Крокодил. 1943. № 24. С. 3. Под №№ 1 и 3 вместе с вошедшими в «Солдатские рассказы» миниатюрами «Катюша» (№ 1) и «Чучело» (№ 3).

Общий заголовок: Факты.

Печ. по первой публикации.

Портрет^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Избр. 1946. С. 157–160.

Авторская датировка: 1943.

Уцелел^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 74–75.

Авторская датировка: 1944.

В подвале^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Избр. 1946. С. 163–166.

Авторская датировка: 1944.

По следам войны^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: Рассказы 1940–1946. С. 76–78.

Авторская датировка: 1944.

О маленьких для больших^{*}

Журнальная публикация не установлена. Рассказы 1940–1945.

Печ. по: УГ. С. 553–554.

Авторская датировка: 1944.

Хороший день^{*}

Смена. 1944. 31 декабря.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 463–464.

Печатался также под заглавием «Один день».

Два письма^{*}

Известия. 1945. № 5. 6 января.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 188–191.

Авторская датировка: 1944.

Внимание – люди!^{*}

Известия. 1945. № 67. 21 марта.

Печ. по: УГ. С. 556–558.

Фотокарточка^{*}

Ленинград. 1945. № 3.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 354–357.

Затемнение в Ново-Анненском^{*}

Известия. 1945. № 197. 22 августа. Рубрика: Маленький фельетон.

Печ. по: УГ. С. 558–560.

Публиковалось также под заглавием «Затемнение в Энске».

Золотая корова^{*}

Известия. 1945. № 225. 23 сентября. Рубрика: Маленький фельетон.

Печ. по: УГ. С. 560–561.

Фельетон вызвал официальную реакцию. В № 259 помещена информация «По следам наших выступлений»: «В „Известиях“ от 23 сентября напечатан фельетон М. Зоценко „Золотая корова“. Главным управлением государственного страхования ССР дано распоряжение управлению Госстраха Киргизской ССР снять с работы начальника Джалал-Абадского областного управления Госстраха тов. Мартыщенко и предать его суду. Одновременно предложено проверить правильность договоров о добровольном страховании животных и правильность выплаты страхового возмещения».

«*Золотой осел*» – роман древнеримского писателя Апулея (ок. 125. – ок. 180), другое заглавие – «Метаморфозы».

«*Золотой теленок*» (1931) – известный роман И. Ильфа и Е. Петрова.

Опасное лекарство^{*}

Журнальная публикация не установлена.

Печ. по: УГ. С. 561–563.

Авторская датировка: 1945.

Происшествие на Олимпе^{*}

Ленинград. 1946. № 3/4.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 464–467.

Примечания

1

Эти подлинные слова Муссолини относятся к 1934 году.

[n 1](#)

FB2 document info

Document ID: 51a2b989-8767-42a4-89cc-454d97055a99

Document version: 2,1

Document creation date: 15 May 2011

Created using: FictionBook Editor Release 2.6 software

Document authors :

- fb2design

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.44.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.44.0 написанного Lord KiRon.

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>